ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2019 № 59

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – главный редактор

И.А. Айзикова (Томск, Россия) зам. главного редактора

Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам. главного редактора

Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь

П.П. Каминский (Томск, Россия) – зам. отв. секретаря

К.В. Анисимов (Красноярск, Россия) **Е.В. Иванцова** (Томск, Россия)

В.С. Киселев (Томск, Россия)

Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)

В.А. Суханов (Томск, Россия)

Editorial Board of the Tomsk State University Journal of Philology

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) -

Editor-in-Chief

I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) -

Deputy Editor-in-Chief

Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) -

Deputy Editor-in-Chief

D.A. Katunin (Tomsk, Russia) -

Executive Editor

P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) -

Deputy Executive Editor

K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)

Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)

V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)

T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)

V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

Редакционный совет журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)

Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)

Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)

М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)

3.И. Резанова (Томск, Россия)

И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)

А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)

С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)

Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

Editorial Council of the Tomsk State University Journal of Philology

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)

E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)

Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)

N.D. Golev (Kemerovo, Russia)

E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)

M.N. Lipovetsky (Boulder, US)

Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)

I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)

A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)

S.L. Franks (Bloomington, US)

T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Аверина А.В. Дейктичность эпистемических маркеров в немецком языке
Боднарук Е.В. Модальные глаголы: между модальностью, эвиденциальностью
и темпоральностью (на материале современного немецкого языка)
Вендина Т.И. Субстратный подход к диалектному слову (о смысловой коллизии концепта «Воля»)
Ларионова М.В., Сливчикова Ю.В. Современная Испания: новая политическая реальность – новый политический дискурс
Молодыченко Е.Н. «Свои» и «чужие» в политическом дискурсе: инструментальная функция «чужого» в американской президентской риторике
Уразаева Н.Р., Морозов Е.А. Моделирование структуры концепта <i>Licht</i> в немецкой картине мира
Цзинь Т. Русская приставка <i>о-/об</i> - как реализация трех моделей движения
Чернюх Б.В. Между началом и концом: об интратерминальности в латинском языке
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Калашникова А.Л. Душа и море: функционирование лирической ситуации в поэзии Ф.И. Тютчева 1850–1860-х гг.
Куликова Е.Ю., Лабко В.А. Стратегии передачи прецедентных феноменов
и реалий религиозного дискурса: на примере переводов романа-хроники
Н.С. Лескова «Соборяне» на английский и французский языки
Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая
Поплавская И.А., Новицкая И.В. Образ Венеции в английской живописи
и литературе: на материале книги «Legends of Venice» из библиотеки Строгановых
Прохорова Т.Г. «Новая сентиментальность» в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор»
Суханова С.Ю., Цыпилёва П.А. Рецепция наследия Григория Сковороды в поэзии
С. Стратановского
Юрина Н.Г. Трансформация традиций средневековой мистерии в «Белой Лилии» В.С. Соловьёва
ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
Наумов Н.И. Из воспоминаний детства (по поводу кончины Φ .М. Достоевского) (публикация Е.Г. Новиковой)
РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ
Ковалева Т.И. Рецензия на книгу: Демченков С.А. «Последний из великих пророков (библейская профетическая традиция в «Житии» протопопа Аввакума)»
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

LINGUISTICS

Averina A.V. Deicticity of Epistemic Markers in German	5
Bodnaruk E.V. Modal Verbs: Between Modality, Evidentiality and Temporality	
(On the Material of Modern German)	19
Vendina T.I. A Substratum Approach to the Dialect Word (On the Semantic Collision	
of the Concept "Volya")	35
Larionova M.V., Slivchikova Yu.V. Modern Spain: New Political Reality –	
New Political Discourse	53
Molodychenko E.N. "Us" vs "Them" in Political Discourse: The Instrumental Function	
of the "Evil Other" in American Presidential Rhetoric	67
Urazayeva N.R., Morozov E.A. Structural Modeling of the Concept <i>Licht</i> in the German View of the World	87
Tszin T. The Russian Prefix <i>O-/Ob-</i> as an Implementation of Three Motion Models	110
Cherniukh B.V. Between the Beginning and the End: On Intraterminality in Latin	
	141
LITERATURE STUDIES	
Kalashnikova A.L. The Soul and the Sea: The Functioning of a Lyrical Situation in Fyodor Tyutchev's Poetry of the 1850s–1860s	155
Kulikova E.Yu., Labko V.A. Strategies of Rendering Cultural References and Realia	133
of Religious Discourse: A Case Study of the Translations of <i>The Cathedral Clergy</i>	
by Nikolay Leskov into English and French	169
Novikova E.G. Fyodor Dostoevsky and Siberian Regionalism. Article One	185
Poplavskaya I.A., Novitskaya I.V. The Image of Venice in the British Paintings	
and Literature: A Case Study of the Book <i>Legends of Venice</i> in the Stroganovs' Library	198
Prokhorova T.G. "New Sentimentality" in the Novels <i>Pismovnik</i> by Mikhail Shishkin	
and The Aviator by Eugene Vodolazkin	216
Sukhanova S.Yu., Tsypilyova P.A. Reception of Gregory Skovoroda's Heritage	
in Sergey Stratanovsky's Poetry	233
Yurina N.G. Transformation of the Traditions of the Medieval Mystery Play in Vladimir Solovyov's <i>The White Lily</i>	243
FROM LITERARY HERITAGE	
Novikova E.G. Naumov N.I. From Childhood Memories (On the Death of Fyodor Dostoevsky)	260
REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY	
Kovaleva T.I. Book Review: Demchenkov, S.A. (2018) Posledniy iz Velikikh Prorokov	
(Bibleyskaya Profeticheskaya Traditsiya v "Zhitii" Protopopa Avvakuma) [The Last	
of the Great Prophets (Biblical Prophetic Tradition in <i>The Life of the Archpriest Avvakum</i> ,	
by Himself]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ	262
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	268

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.11-112

DOI: 10.17223/19986645/59/1

А.В. Аверина

ДЕЙКТИЧНОСТЬ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Проводится анализ эпистемических маркеров немецкого языка с позиции их приближенности к говорящему. Показано, что как дейктики они могут быть близкими, медиальными и удаленными. Близкие могут использоваться в речевом и отчасти гипотаксическом режиме, т. е. в иллокутивно самостоятельных придаточных, и отражают установку говорящего; медиальные способны выступать во всех трех режимах с определенными ограничениями, отражая установку говорящего либо третьего лица, в то время как удаленные дейктики используются без ограничений во всех видах придаточных и в любом повествовательном режиме.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, дейктичность, частицы, модальные слова, придаточные предложения, иллокутивная самостоятельность.

Дейксис – это указание на компоненты акта коммуникации, т.е. на время, место и его участников. Принято различать пространственный, временной и персональный дейксис, в зарубежной германистике выделяется еще модальный и объектный дейксис [1]. В одной из работ отечественного исследователя Ю.Д. Апресяна особо подчеркивается свойство эгоцентричности, присущее дейктической лексике [2. С. 274], поскольку именно говорящий выступает в роли организующего центра коммуникации. Эгоцентричность дейктических слов разнопланова: выделяют первичные и вторичные эгоцентрики [3], в иной терминологии – первичный и вторичный дейксис [2]. В интерпретации Ю.Д. Апресяна первичный дейксис – это дейксис диалога, или ситуации общения. Вторичный дейксис характерен для пересказа, а дейктические слова используются для выражения чужого сознания [Там же]. По наблюдениям Е.В. Падучевой, существуют речевой (диалогический) и нарративный режимы интерпретации эгоцентрических элементов. В речевом режиме роль говорящего выполняет реальный говорящий. В нарративном режиме говорящего замещает либо один из персонажей, либо повествователь [3. С. 265]. Первичные эгоцентрики не могут использоваться в гипотаксическом контексте и в нарративном режиме, в то время как вторичные эгоцентрики возможны в гипотаксисе и в нарративе. Е.В. Падучева выделяет еще и третий режим интерпретации эгоцентриков - синтаксический режим: эгоцентрический элемент входит в состав предложения, подчиненного глаголу речи, восприятия, мнения, а на место

говорящего встает синтаксический субъект подчиняющего предложения [3. С. 266]. Синтаксический режим – это своего рода тест, позволяющий дифференцировать дейктические элементы: первичные дейктики, или, в терминологии зарубежных исследователей, феномены главного предложения (см. main clause phenomena [4], Matrixsatzphänomene [5, 6]) не могут использоваться в гипотаксисе, т.е. обладают свойством синтаксической неподчинимости [5–7].

Как показывает анализ отечественных и зарубежных исследований по данной проблематике [5–10], синтаксический, или гипотаксический, режим неоднороден: можно выделить придаточные предложения, допускающие включение первичных дейктиков (иллокутивно самостоятельные придаточные), и придаточные предложения, в структуре которых они находиться не могут (иллокутивно несамостоятельные придаточные предложения, подробнее см.: [7, 9]). Так, например, фактивные предикаты типа leugnen, bedauern, bereuen в главном предложении не допускают включения ряда дейктических элементов в придаточное, в то время как глаголы говорения делают это возможным [6–8]. Помимо этого, сами по себе дейктики тоже неоднородны: среди них есть те, которые могут встречаться в некоторых типах придаточных и в нарративном режиме, можно говорить о дейктиках, не встречающихся ни в нарративном, ни в гипотаксическом режиме, а есть такие, которые способны выступать только в речевом режиме и в иллокутивно самостоятельных придаточных.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать эпистемические маркеры в немецком языке с позиции их приближенности к говорящему и, соответственно, оценить их способность употребляться в различных повествовательных режимах:

- 1) в речевом (диалогическом) и отчасти в гипотаксическом (в иллокутивно самостоятельных придаточных) для передачи установки говорящего;
- 2) в речевом, нарративном и гипотаксическом с определенными ограничениями (т.е. в иллокутивно самостоятельных придаточных) для передачи установки не только говорящего, но и третьих лиц;
- 3) во всех трех режимах без ограничений в любом типе придаточных и в любом повествовательном режиме.

В этой связи мы будем оперировать терминами, предложенными Ю.Д. Апресяном [2]: ближние и дальние дейктики, образующие оппозицию («я – не я»). В настоящей работе под ближними дейктиками применительно к маркерам эпистемической модальности понимаются те, которые могут иметь место в речевом режиме и в некоторых типах иллокутивно самостоятельных придаточных для передачи установки говорящего; дальние дейктики могут использоваться в различных режимах без ограниче-

¹ Понятие фактивность предложили П. Кипарский и К. Кипарский [11]. К фактивным предикатам относятся предикаты, отражающие истинность пропозиции (например, bedauern, überzeugt sein, zustimmen), в то время как нефактивные предикаты этим свойством не обладают (например, sagen, sprechen, berichten).

ний; срединную позицию занимают медиальные дейктики (термин см. [2]), под которыми мы понимаем единицы, способные передавать установку не только говорящего, но и третьих лиц и имеющие ограничения в гипотаксическом режиме.

Прежде чем структурировать эпистемические маркеры с позиции их приближенности к говорящему, зададимся вопросом, можно ли считать эпистемическую модальность дейктичной и почему. Это позволит нам понять, о каком виде дейксиса мы можем говорить применительно к эпистемическим маркерам.

В качестве иллюстративного материала в работе использовался веб-корпус DECOW16A и газетный корпус DWDS. Для демонстрации ряда явлений, требующих более широкого контекста, приводились примеры из немецкоязычной художественной литературы, а именно из новелл С. Цвейга (Amokläufer и Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau), на примере которых можно проследить использование эпистемических элементов в повествовании от 1-го лица, когда мы видим события через сознание персонажей, а также из романа П. Зюскинда (Das Parfum), для которого характерно повествование от 3-го лица (аукториальный повествователь). Поскольку анализ подчинимости / неподчинимости отдельных модальных маркеров, а именно частиц [7, 12], модальных слов [13], модальных глаголов [14], нами проводился ранее и уже существуют работы, в которых поднимается вопрос о неподчинимости фокуса истинности (Verumfokus) [15, 16], в данной статье предпринимается попытка обобщенного анализа использования эпистемических маркеров в придаточных в сопоставлении с возможностью их употребления в нарративном и речевом повествовательном режимах. Решению данной задачи способствовало обращение к корпусу DECOW16A. Он содержит 777 685 885 предложений, отобранных из немецкоязычных сайтов (включает в себя 17 116 160 документов), включающих как сообщения в форумах, так и различного рода онлайнсообщения. Выявление режимов интерпретации выводилось из контекстуальокружения анализируемых единиц. Корпус DWDS содержит 13 000 000 000 примеров из текстов немецких газет и журналов (Berliner Zeitung, Tagesspiegel, die Zeit), разговорной речи. Всего было отобрано и проанализировано около 100 примеров, в статье нашли отражение лишь некоторые из них. Определенные сложности мы испытывали при анализе фокуса истинности (Verumfokus), поскольку корпуса не имеют интонационной маркировки. В этом случае использовались примеры, приведенные в работах немецких авторов, а также примеры, составленные нами по аналогии, которые согласовывались с носителями языка

Остановимся сначала на вопросе о соотношении эпистемической модальности и дейктичности. Взаимосвязь эпистемичности и дейктичности трактуется в лингвистике неоднозначно. Так, например, Е.В. Падучева называет дейктическими элементами такие единицы, которые выражают иденти-

_

¹ Автор выражает благодарность Буркхарду Диттерле за замечания при обсуждении примеров.

фикацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации. К дейктическим элементам она не относит наклонение, модальность, показатели иллокутивной функции (утвердительность – вопросительность и пр.), так как считает, что речь идет об эгоцентрических, но не о дейктических элементах [3. С. 245]. Дейктические элементы идентифицируют объекты, время, пространство [Там же. С. 246]. Несколько иной позиции придерживается Н.А. Сребрянская, анализируя проекции дейксиса в художественном тексте. Рассматривая нарративный дейксис как категорию текста, она отмечает, что дейксис коррелирует с такими языковыми категориями, как субъективность, темпоральность, локативность, аспектуальность, модальность, определенность / неопределенность [17. С. 209]. Совершенно иную позицию и интерпретацию дейксиса мы находим в работах зарубежных лингвистов.

Например, по мнению Г. Дивальд, степень вероятности уже сама по себе выступает в роли того объекта, на который указывает Origo (Origo - см. К. Бюлер [18]) [1. S. 249], т.е. эпистемическая модальность уже изначально дейктична. Г. Дивальд опирается при этом на следующие постулаты, позволяющие говорить о дейктичности элементов: (1) взаимосвязь дейксиса с контекстом; (2) Origo как исходная точка в системе указательного поля и (3) некая направленность языкового выражения («attention-directing function») [Ibid. S. 14–17]. В роли объекта, на который указывает Origo (Deixisobjekt) выступают элементы контекста [Ibid. S. 34]. В более поздней работе Г. Дивальд пишет, что дейксис – необходимый семиотический процесс, позволяющий соединить определенное положение дел и говорящего. Без этого не может быть осмысленного высказывания. Связь с Origo является важным инструментом процесса, называемого в лингвистике «common ground», т.е. «общее знание» [19. S. 78]. Определенная логика прослеживается в объяснении взаимосвязи дейксиса и эпистемической модальности в работах В. Абрахама [5] и Э. Лайсс [20]. Эпистемическая модальность трактуется в этих работах как дейктичная категория, а элементы, которые ее выражают, могут относиться как к грамматическому, так и к лексическому уровню языка. Так, В. Абрахам отмечает, что существенным свойством модальных частиц является их многоплановая дейктичность: (1) говорящий оценивает информированность собеседника, (2) дает ему об этом знать и (3) провоцирует его к реакции на высказанное [5. S. 140]. Эти свойства мы можем проследить на следующем примере:

- (1) Haider ist **ja** betrunken gewesen (пример В. Абрахама, см. [Ibidem]), где частица *ja* показывает, что говорящий и собеседник уже владеют этой информацией. Говорящий сигнализирует, что собеседник должен разделить его точку зрения, поскольку именно она является истинной.
- Э. Лайсс связывает дейктичность с грамматикализацией модальных элементов: модальные частицы как многоплановые дейктики являются грамматическими элементами, в то время как модальные слова как одноплановые дейктики лексические элементы [20].

Эпистемическая модальность дейктична по ряду причин. Во-первых, выражая предположение, говорящий уже указывает на определенную степень веро-

ятности, которая входит в указательное поле. Во-вторых, в ряде случаев помимо оценки вероятности эпистемические маркеры содержат имплицитное указание на говорящего как на источник сообщаемой информации (кодируется прямая засвидетельствованность, входящая в сферу эвиденциальных значений, поскольку отражается умозаключение, базирующееся на опыте или знании говорящего); в случае с частицами и с фокусом истинности говорящий указывает еще и на собеседника, обращаясь к нему, поскольку пытается скорректировать его позицию, обозначив ее как неверную (см. также [5]). В-третьих, эпистемические маркеры в большей или меньшей степени служат для актуализации речевой ситуации, а ситуативность — неотъемлемое свойство дейктических элементов. Таким образом, можно предположить, что маркеры эпистемической модальности относятся к сфере модального и в некоторых случаях персонального дейксиса (когда мы говорим о многоплановой дейктичности).

К эпистемическим маркерам мы относим такие единицы, как модальные слова, модальные частицы, дискурсивные частицы, фокус истинности (Verumfokus), модальные глаголы во вторичном значении. По нашим наблюдениям, многоплановость дейктичности и употребляемость в различных повествовательных режимах тесно взаимосвязаны, т.е. повествовательные режимы выступают в роли теста, позволяющего определить степень приближенности к говорящему. Покажем эту взаимосвязь.

Для начала рассмотрим использование модального глагола *müssen* во вторичном (эпистемическом) значении в речевом режиме и в придаточных предложениях:

- (2a) "Das **muss** ein Irrtum **sein**", sagten die beiden Kollegen, "wir warten mit Ihnen, bis der Herr Professor heraus kommt und Sie ihn gleich fragen können" [21].
 - (2b) Die beiden Kollegen sagten, dass das ein Irrtum sein muss.
 - (2c*) Die beiden Kollegen bedauerten, dass das ein Irrtum sein muss.

В примере (2a) модальный глагол *тизsen* передает семантику предположения. Это речевой режим, допускающий использование модальных глаголов во вторичном значении. В следующем высказывании (2b) модальный глагол выступает в эпистемическом значении и допустим в придаточном, поскольку оно является иллокутивно самостоятельным и его можно интерпретировать как речевое действие: информация, имеющая место в главном предложении, может быть опущена без ущерба для понимания смысла придаточного предложения. Придаточное предложение может принять на себя иллокутивный маркер — модальный глагол во вторичном значении. В предложении (2c) эпистемическое употребление *тизsen* невозможно из-за фактивного предиката, влияющего на иллокутивную самостоятельность придаточного: иллокутивная сила сосредоточена в левой части предложения. Тот факт, что модальные глаголы в эпистемическом значении не могут иметь места в придаточном, рассматривался ранее в работе В. Абрахама [21].

Аналогичную ситуацию можно проследить на примере глагола *mögen*, в частности при его использовании в рекомендациях по применению персонального компьютера, написанных от 1-го лица:

(3) Dies **mag** ein Nachteil **sein** für einen einfachen Datenaustausch zwischen den unterschiedlichen Welten [22].

Употребление модального глагола *mögen* во вторичном значении в иллокутивно самостоятельном придаточном допустимо (см. (4а), в иллокутивно несамостоятельных предложениях это вряд ли возможно (см. (4b), сравним:

- (4a) Ich fragte dann einen der Verkäufer, der zwischen 18 und 20 Jahre alt gewesen sein mag, ob er selbst auch Pokemon spiele [Ibidem].
- (4b*) Er leugnet, dass der Verkäufer zwischen 18 und 20 Jahre alt **gewesen** sein mag.

Возможно также использование модальных глаголов *müssen* и *mögen* во вторичном значении в нарративном режиме, когда предположение выражает либо повествователь, либо один из персонажей. Более того, автор может передать посредством этих глаголов предположение, выраженное одним из третьих лиц, сравним:

- (5) Sie **musste** irgend etwas davon **fühlen**, denn sie spannte ihre Augenbrauen hoch, wie wenn man jemand Lästigen wegweisen will... [23] предположение выражено говорящим, в роли которого выступает один из персонажей;
- (6) [...] das reizte mich schon einigermaßen, und als dann noch die deutsche Dame diese Lektion mit dem lehrhaften Senf bestrich, es gäbe einerseits wirkliche Frauen und anderseits "Dirnennaturen", deren ihrer Ansicht nach Frau Henriette eine gewesen sein musste, da riss mir die Geduld vollends, ich wurde meinerseits aggressiv [24] предположение выражено одним из персонажей, в роли которого выступает дама (die deutsche Dame).
- (7) Um das herauszufinden, bedarf es, wie gesagt, bloß einer leidlich feinen Nase, und es **mag** durchaus **sein**, dass Gott dir eine leidlich feine Nase gegeben hat, wie vielen, vielen anderen Menschen auch namentlich in deinem Alter [25] предположение выражено говорящим, в роли которого выступает один из персонажей.

Как видно из приведенных высказываний, модальные глаголы $m\ddot{u}ssen$ и $m\ddot{o}gen$ во вторичном значении могут быть использованы в речевом, в нарративном повествовательном режиме и в иллокутивно самостоятельных придаточных.

Модальные частицы как многоплановые дейктики проявляют схожую избирательность при употреблении в гипотаксисе: в иллокутивно самостоятельных придаточных они возможны (8a), в то время как их использование в иллокутивно несамостоятельных придаточных недопустимо (8b), сравним:

- (8a) Plötzlich fiel ihr wieder ein, dass sie ja gar nicht allein war [22].
- (8b) Sie bedauerte, dass sie (*ja) gar nicht allein war.
- (9) Sie wohnen in Zelten und wandern stets dorthin, wo es (*ja) Futter und ausreichend Trinkwasser für ihre Herden gibt [24].

Модальные частицы могут быть использованы в нарративном режиме. Эти слова могут передавать не только позицию говорящего, но и позицию третьего лица, как это можно было увидеть на примере (8a), сравним также (10) и (11):

- (10) Der Hinweis, dass **ja** nicht der behinderte Nicolas, sondern seine Eltern es waren, die behaupten, seine Existenz sei schlimmer als der Tod, ist eine rhetorische Floskel, genauso die Anmerkung, dass er selbst **ja** nicht um eine todbringende Spritze gebeten habe [26].
- (11) Mit seiner Mithilfe ist kaum zu rechnen, deswegen beugen sich kluge Herrenausstatter von vornherein dem Prinzip, dass **ja doch** die Frau die Kaufentscheidung trifft [Ibidem].

В высказывании (10) модальная частица *ја*, использованная в определительных придаточных предложениях, отражает позицию субъекта матричного предложения. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в следующем высказывании (11): сочетание модальных частиц *ја* и *doch* отражает установку 3-го лица, в роли которого выступает существительное *Herrenausstatter* (сеть специализированных магазинов товаров для мужчин). Типичным случаем передачи установки третьего лица может быть предложение (8а) с включением частицы в придаточное определительное. По всей видимости, именно это свойство и позволяет рассматривать частицы как медиальные дейктики.

К дальним дейктикам можно отнести модальные слова — по сути, для них вполне приемлем и нарративный режим и гипотаксический, они могут иметь место в любом типе придаточных, даже если те являются иллокутивно несамостоятельными:

- (12) ich schreibe Ihnen als Mitarbeiter des YUNA Service Teams und bedauere sehr, dass Sie offensichtlich ein Problem mit Ihrer YUNA Card hatten [22].
- (13) Wir schreiben hastig, machen Fehler und benutzen bunte Bilder dort, wo vielleicht Worte besser gewesen wären [Ibidem].
- (14) Sie ließe Ihren Namen da, wo er wahrscheinlich früh oder spät noch einmal zu lesen sein wird, anschlagen, und setzte darunter: dieser ist von der Steuer frei [Ibidem].
- (15) So sollte es auch heute sein, und Grenouilles Mutter, die noch eine junge Frau war, gerade Mitte zwanzig, die noch ganz hübsch aussah und noch fast alle Zähne im Munde hatte und auf dem Kopf noch etwas Haar und außer der Gicht und der Syphilis und einer leichten Schwindsucht keine ernsthafte Krankheit; die noch hoffte, lange zu leben, vielleicht fünf oder zehn Jahre lang, und vielleicht sogar einmal zu heiraten und wirkliche Kinder zu bekommen als ehrenwerte Frau eines verwitweten Handwerkers oder so [25].

На примере приведенных высказываний можно проследить возможность использования модальных слов в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях, а также в нарративном повествовательном режиме. Так, объектное придаточное предложение (12) с фактивным предикатом в главной части является иллокутивно несамостоятельным, однако включение модального слова offensichtlich возможно. В последующих иллокутивно несамостоятельных придаточных объектных допустимо включение модальных слов vielleicht и wahrscheinlich. В высказывании (15) многократное использование модального слова vielleicht в аукториальном повествовании позволяет передать надежду одного из третьих лиц – матери Гренуя – на возможно благопристойный образ жизни в будущем.

К ближним дейктикам можно отнести фокус истинности (в немецкой терминологии – Verumfokus, см. [27–30]). Фокус истинности находит свое выражение, как правило, в диалоге. Суть его заключается в том, что говорящий выражает свое несогласие с позицией собеседника посредством (1) интонирования финитной формы глагола, (2) использования ударной частицы *DOCH* либо (3) интонирования подчинительного союза, при этом обязательным условием кодировки фокуса истинности является наличие отрицания в предыдущем высказывании собеседника, сравним:

(16a) A: Max hat nicht geraucht.

B: Max **HAT** geraucht.

(16b) A: Max hat nicht geraucht.

B: Ich glaube, **DASS** er geraucht hat.

(Ich glaube, dass er geraucht HAT)¹.

(16c) A: Max hat nicht geraucht.

B: **DOCH**!

Фокус истинности не может иметь места в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях. Так, в следующем предложении его кодировка не представляется возможной, поскольку предикат матричного предложения фактивен:

(16d*) Man leugnet, dass er geraucht HAT.

Фокус истинности находит свое выражение в диалогической ситуации как реакция на высказывание собеседника. Если он и имеет место в монологе, то только тогда, когда реальный говорящий выражает свою оценку достоверности происходящего, т. е. в речевом режиме. Так, в работе Й. Майбауера есть один пример, позволяющий увидеть такую возможность. Единственная специфика данного высказывания — фокус истинности передается посредством ударной частицы *DOCH*:

(17) (Alles ist steinig und sandig. Die Bäume und Büsche am Ufer stehen dürr und gesanglos).

Und **DOCH** fließt unter unseren Füßen Wasser [31. S. 114].

Использование ударной частицы в монологическом высказывании позволяет создать контраст между наличием факта и теми условиями, в которых он гипотетически реализоваться не может. В любом случае, использование фокуса истинности в нарративном повествовательном режиме от лица повествователя вряд ли допустимо. Возможность использования фокуса истинности в иллокутивно самостоятельных придаточных предложениях можно объяснить исключительно тем, что эти предложения принадлежат реальному говорящему и адресованы конкретному собеседнику, а если и передается позиция 3-го лица, то таким образом, что говорящий полностью разделяет это мнение, точнее говоря, выражая свою позицию, ссылается на чье-либо высказывание, например:

(18) Spr. 1: Karl hat nicht geraucht.

 $^{^1}$ Данные примеры (16а), (16b), (16c) составлены по аналогии с примерами, приведенными в работе Т. Хёле [27, 28] и Х. Лонштайна [30].

Spr. 2: Aber Berta sagt, dass Karl geraucht HAT.

Это позволяет нам отнести Verumfokus к ближним дейктикам.

К ближним дейктикам в немецком языке мы относим дискурсивные частицы. Эти слова обладают следующими свойствами: 1) они могут занимать инициальную позицию; 2) способны выступать в роли самостоятельного предложения; 3) могут создавать контраст между позицией говорящего и собеседника либо между предыдущим фрагментом и последующим; 4) не создают логических отношений между предложениями; 5) могут быть ударными [32. С. 6]. Дискурсивные частицы используются по большей части в диалоге, когда говорящий либо выражает свое несогласие с позицией собеседника, либо подчеркивает значимость собственной точки зрения, как мы это могли увидеть на примере (16c). Контраст между двумя различными позициями может передавать не только ударная частица DOCH, но и ударная частица JA, сравним:

(19) A: Fritz hat nicht geheiratet.

B: Fritz hat JA geheiratet (пример Й. Майбауера [31. S. 147]).

Ударная частица JA довольно часто используется в побудительных высказываниях, придавая высказыванию угрожающий оттенок, сравним:

(20) Er schläft wie ein Ratz. Ich glaube, der Anschlag wird gelingen. Gib mir jetzt das Pechpflaster her!» «Aber mach JA leise!» [22].

Ударная частица JA может использоваться в иллокутивно самостоятельных придаточных: так, она вполне допустима в придаточных цели (см. также [12]):

(21) Die Türen sind fest verschlossen, damit JA kein Fremder und erst recht kein Feind hereinkommt [22].

В иллокутивно несамостоятельных придаточных ударные частицы $J\!A$ и DOCH аграмматичны:

(22) Sie bedauert es sehr, dass es (*JA, *DOCH) dadurch zu dieser kurzfristigen Absage gekommen ist [Ibidem].

К дискурсивным частицам относятся не только ударные, но в ряде случаев и безударные частицы. Так, частица JA, занимающая позицию в предпредполье , допустима в монологическом высказывании только в том случае, если оно принадлежит реальному говорящему (23), (24а). Если передается речь третьего лица, то она аграмматична (24b). В зависимых предложениях частица JA встречается преимущественно в псевдопридаточных с союзом WEIL, в объектных это вряд ли возможно (24b), сравним:

(23) **Ja** es gibt ja die Briefe, wo er sagt, du kommst morgen und ich schaffe jetzt das Heim, du gibst es auf [26].

(24a) Die Sonne gebiert das Licht, sie hat dem Licht alles übergeben, **ja** sie ist das Licht, das die Menschen erleuchtet [Ibidem].

¹ Пред-предполье (в немецкой терминологии Vor-Vorfeld) – это позиция перед подлежащим (группой подлежащего) или второстепенным членом предложения, стоящим перед изменяемой формой предиката, который в немецком языке всегда занимает вторую позицию.

- (24b*) Er sagt, **ja** dass sie das Licht ist.
- (25) M: Ich brauch ja auch nicht so lange.
- G: Ja weil du einfach so alles in den Koffer schmeißt [22].

На основе анализа фактического материала мы можем предположить, что дискурсивную частицу JA можно отнести скорее к ближним дейктикам.

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что с позиции дейктичности маркеры эпистемической модальности разноплановы. Они выступают как ближние, медиальные и дальние дейктики. В обобщенном виде их употребляемость в различных типах контекстов представлена в таблице.

Маркеры	Иллокутивно самостоятельные придаточные	Иллокутивно несамостоя- тельные придаточные	Речевой (диа- логический) режим	Нарративный режим
Фокус истинности (Verumfokus)	+	_	+	_
Дискурсивные частицы	+	-	+	-
Модальные частицы	+	-	+	+
Модальные глаго- лы во вторичном (эпистемическом) употреблении	+	_	+	+
Модальные слова	+	+	+	+

Эпистемические маркеры в различных типах контекстов

На основе анализа использования эпистемических маркеров в различных типах контекстов их можно распределить по следующим группам:

- ближние дейктики: фокус истинности и дискурсивные частицы, способные отражать позицию говорящего;
- медиальные дейктики: модальные частицы, а также модальные глаголы во вторичном (эпистемическом) употреблении их свойство состоит в том, что они могут использоваться в нарративном режиме и передавать установку третьих лиц;
- дальние дейктики: модальные слова с эпистемической и эвиденциальной семантикой. Они могут использоваться как в речевом, так и в повествовательном режимах и синтаксически подчинимы.

Предложенная классификация позволяет объяснить особенности употребления эпистемических маркеров на уровне не только предложения, но и текста. Соответственно, можно говорить о перспективах создания типологии текстов на этой основе. Помимо этого, мы можем найти здесь подтверждение того, что модальные частицы и модальные глаголы во вторичном значении относятся к грамматическим элементам, в то время как модальные слова можно рассматривать как лексические единицы, использующиеся для кодировки эпистемической и эвиденциальной семантики.

Литература

- 1. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Berlin: de Gruyter, 2010. 446 s.
- 2. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды : в 2 т. М., 1995. С. 629–650.
- 3. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 479 с.
- 4. *Haegeman L.* Deriving the truncation account // Main Clause Phenomena. New Horizons. John Benjamins Publishing Company, 2012. P. 113–133.
- 5. *Abraham W*. Über Unhintergehbarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. S. 125–147.
- 6. *Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin: Akademieverlag, 2011. 220 s.
- 7. Averina A. Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2015. 240 s.
- 8. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 s.
- Аверина А.В. Типы придаточных предложений в немецком языке по критерию иллокутивной самостоятельности // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики: материалы научных чтений памяти проф. Л.В. Шишковой. СПб., 2017. С. 35–41.
- 10. Кобозева И.М. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью // 3rd European Conference on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-3). (Linguistische Arbeitsberichte 75). Leipzig, 2000. S. 67–79.
- 11. Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Syntax und generative Grammatik. Frankfurt-am-Main: Athenaion, 1974. Bd. 1. P. 257–304.
- 12. *Аверина А.В.* Ударные частицы ЈА и DOCH в придаточных предложениях немецкого языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 5–17. DOI: 10.17223/19986645/52/1
- 13. *Аверина А.В.* Природа синтаксической неподчинимости // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 140–150.
- 14. *Аверина А.В.* Модальные глаголы немецкого языка как феномен главного предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. С. 270–273.
- Abraham W. Modal particles and Verum focus. New corollaries // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 171–202.
- 16. *Аверина А.В.* Отрицание и модальность в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 1. С. 57–67.
- 17. Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте. Воронеж : ВГПУ, 2005. 255 с.
- 18. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
- 19. *Diewald G.* Modus und Modalverben Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität // Funktionen der Modalität. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013. S. 77–110.
- 20. *Leiss E.* Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // Modalität und Evidentialität [Fokus 37]. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149–169.
- 21. Abraham W. Modalität und Modalverben. Wohin führt uns die Syntax wieweit brauchen wir die Pragmatik? // Diathese, Modalität, Deutsch als Fremdsprache. Tübingen, 2004. S. 3–14.

- 22. DECOW 16 A. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 15.11.2017).
- Zweig S. Der Amokläufer // Erzählungen. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1989.
- 24. Zweig S. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau // Erzählungen. Frankfurtam-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. S. 70–144.
- Süskind P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zürich: Diogeness Verlag ag, 1994. 319 s.
- 26. DWDS. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 18.10.2017).
- 27. Höhle T.N. Verum-Fokus // Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1988. S. 1–7.
- 28. Höhle T.N. Über Verum-Fokus im Deutschen // Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. S. 112–141.
- 29. Аверина А.В. Феномен Verum в немецком языке как глубинный модальный компонент высказывания и его русские соответствия // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2015. № 2 (26). С. 36–46.
- 30. Lohnstein H. Verumfokus-Satzmodus-Wahrheit // Linguistische Berichte. Sonderheft 18. Helmut Buske Verlag, 2012. URL: https://www.researchgate.net/publication/266531010 Verumfokus Satzmodus Wahrheit (дата обращения: 25.08.2016).
- 31. *Meibauer J.* Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Niemeyer Verlag: Tübingen, 1994. 252 s.
- 32. *Аверина А.В.* К проблеме разграничения модальных и дискурсивных частиц в немецком языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 4–7.

Deicticity of Epistemic Markers in German

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 5–18. DOI: 10.17223/19986645/59/1

Anna V. Averina, Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Anna.averina@list.ru

Keywords: epistemic modality, deicticity, particles, modal words, dependent clauses, illocutive independence.

The article considers the category of epistemicity as a deictic one and analyses German epistemic markers in terms of their closeness to the speaker, i.e. from deicticity. The deictic features of epistemic modality are determined by three factors. First of all, the speaker emphasizes a certain degree of probability which belongs to the deictic field. Secondly, in some cases, epistemic markers include an implicit pointing at the speaker who is a source of information (direct evidentiality because speakers make a conclusion based on their own experience or knowledge). Thirdly, epistemic markers facilitate the actualization of a speech situation because situativity is an essential feature of deictic elements. These three factors allow concluding that markers of epistemic modality belong to the sphere of modal deicticity and in some cases to personal deicticity as well (in cases of multiplane deixis).

Speech and narrative modes can be considered to be an indicator to show the degree of closeness to the speaker.

According to E.V. Paducheva, in the speech mode, the speaker's role is fulfilled by the actual speaker. Dependent clauses are not heterogeneous: we can differentiate between illocutive dependent clauses (close and medial deictic elements cannot be used in such kind of clauses) and illocutive independent clauses (close and medial deictic elements can be used in such kind of clauses). For example, such factive predicates as *leugnen*, *bedauern*, *bereuen* in the matrix clause do not allow the usage of deictic elements in the dependent clause whereas verbs of speaking make it possible. According to E.V. Paducheva, in the narrative mode, the role of the speaker is fulfilled by one of the characters or by the narrator. Consequently, to determine the degree of the closeness of epistemic markers to the speaker, they are analysed in three modes:

- (1) in the speech (dialogue) mode and in their usage in illocutive independent clauses to encode the attitude of the speaker;
- (2) in the speech and narrative modes and in their usage in illocutive independent clauses to encode the attitude of the speaker or of one of the characters;
- (3) in all the three modes without any restriction in any dependent clause and in any mode.

The analysis of the examples indicates that epistemic markers can be divided into three groups:

- close deictics: Verumfocus and discourse particles which express the speaker's attitude;
- medial deictics: modal particles and modal verbs in the second (epistemic) meaning their feature is that they can express the position not only of the speaker but also of a third person;
- remote deictics: modal words with epistemic and evidential semantics. They can be used in any mode as well as in dependent clauses without any restrictions.

References

- 1. Diewald, G. (2010) Deixis und Textsorten im Deutschen. Berlin: de Gruyter.
- 2. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: In 2 vols]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 629–650.
- 3. Paducheva, E.V. (2010) Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa [Semantic research: Semantics of time and type in Russian. The semantics of narrative]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 4. Haegeman, L. (2012) Deriving the truncation account. In: Lobke, A., Haegeman, L. & Nye, R. (eds) *Main Clause Phenomena. New Horizons*. John Benjamins Publishing Company.
- 5. Abraham, W. (2011) Über Unhintergehbarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. In: Diewald, G. & Smirnova, E. (eds) *Modalität und Evidentialität*. Trier: Focus.
- 6. Coniglio, M. (2011) Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin: Akademieverlag.
- 7. Averina, A. (2015) Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- 8. Thurmair, M. (1989) *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer Verlag.
- 9. Averina, A.V. (2017) Tipy pridatochnykh predlozheniy v nemetskom yazyke po kriteriyu illokutivnoy samostoyatel'nosti [Types of subordinate clauses in the German language according to the criterion of illocutive independence]. In: Kopchuk, L.B. (ed.) *Grammatika v nauchno-issledovatel'skom kontekste sovremennoy lingvistiki: materialy nauchnykh chteniy pamyati prof. L.V. Shishkovoy: sb. statey* [Grammar in the research context of modern linguistics: materials of scientific readings in memory of Prof. L.V. Shishkova: Articles]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.
- 10. Kobozeva, I.M. (2000) [The problem of identification and syntactic representation of complex sentences of the Russian language with an illocutionally independent part]. *3rd European Conference on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-3)*. (Linguistische Arbeitsberichte 75). Leipzig: [s.n.]. pp. 67–79. (In Russian).
- 11. Kiparsky, P. & Kiparsky, C. (1974) Fact. In: Kiefer, F. & Perlmutter, D.M. (eds) *Syntax und generative Grammatik*. Bd. 1. Frankfurt am Main: Athenaion.
- 12. Averina, A.V. (2018) Stressed particles in the German dependent clause (exemplified by particles JA and DOCH). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 52. pp. 5–17. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/52/1

- 13. Averina, A.V. (2016) Priroda sintaksicheskoy nepodchinimosti [The nature of syntactic non-subordination]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Bulletin of the Moscow Region State University*. 3. pp. 140–150.
- 14. Averina, A.V. (2018) Modal verbs of German as a phenomenon of the main clause. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 2. pp. 270–273. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-2-2.13
- 15. Abraham, W. (2017) Modal particles and Verum focus. New corollaries. In: Fedriani, C. & Sansó, A. (eds) *Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles*. Amsterdam: John Benjamins.
- 16. Averina, A.V. (2018) Modality and Negation in the German Language. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Bulletin of the Moscow Region State University*. 1. pp. 57–67. (In Russian).
- 17. Srebryanskaya, N.A. (2005) *Deyksis i ego proektsii v khudozhestvennom tekste* [Deixis and its projections in the literary text]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
 - 18. Buhler, K. (2000) *Teoriya yazyka* [Theory of language]. Moscow: Progress.
- 19. Diewald, G. (2013) Modus und Modalverben Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität. In: Abraham, W. & Leiss, E. (Hrsg.) *Funktionen der Modalität.* Berlin; Boston: De Gruyter.
- 20. Leiss, E. (2011) Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. In: Diewald, G. & Smirnova, E. (Hrsg.) *Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag.
- 21. Abraham, W. (2004) Modalität und Modalverben. Wohin führt uns die Syntax wieweit brauchen wir die Pragmatik? In: Lindemann, B. & Letnes, O. (Hrsg.) *Diathese, Modalität, Deutsch als Fremdsprache*. Tübingen: Stauffenburg. pp. 3–14.
- 22. DECOW 16 A. [Online] Available from: www.webcorpora.org. (Accessed: 15.11.2017).
- 23. Zweig, S. (1989) *Der Amokläufer. Erzählungen*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- 24. Zweig, S. (2011) Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau. In: *Erzählungen*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. pp. 70–144.
- 25. Süskind, P. (1994) Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders. Zürich: Diogeness Verlag.
 - 26. DWDS. [Online] Available from: https://www.dwds.de/. (Accessed: 18.10.2017).
- 27. Höhle, T.N. (1988) Verum-Fokus. *Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte*. Lund: Univ. pp. 1–7.
- 28. Höhle, T.N. (1992) Über Verum-Fokus im Deutschen. In: *Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4.* Opladen: Westdeutscher Verlag. pp. 112–141
- 29. Averina, A.V. (2015) The Verum phenomenon as an implicit modal component of the utterance and its Russian equivalents. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya "Sovremennye lingvisticheskie i metodikodidakticheskie issledovaniya"*. 2 (26). pp. 36–46. (In Russian).
- 30. Lohnstein, H. (2012) Verumfokus-Satzmodus-Wahrheit. *Linguistische Berichte. Sonderheft.* 18. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/266531010 Verumfokus Satzmodus Wahrheit. (Accessed: 25.08.2016).
- 31. Meibauer, J. (1994) Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen: Niemeyer Verlag.
- 32. Averina, A.V. (2017) K probleme razgranicheniya modal'nykh i diskursivnykh chastits v nemetskom yazyke [On the distinction between modal and discursive particles in German]. Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal Eurasian Humanitarian Journal. 2. pp. 4–7.

УДК [81`36+81`37+81`42] = 112.2 DOI: 10.17223/19986645/59/2

Е.В. Боднарук

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ: МЕЖДУ МОДАЛЬНОСТЬЮ, ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬЮ И ТЕМПОРАЛЬНОСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Рассматриваются состав и семантика модальных глаголов, их полифункциональность, особенности взаимодействия и взаимосвязи реализуемых ими значений, принадлежащих разным категориям — модальности, эвиденциальности и темпоральности. Модальные значения определяют характер влияния на эвиденциальные и темпоральные характеристики: эвиденциальная семантика коррелирует с эпистемическим, темпоральная семантика проективности связана прежде всего с неэпистемическим употреблением модальных глаголов.

Ключевые слова: модальные глаголы, неэпистемическая и эпистемическая модальность, эвиденциальность, проективность, волитивность, будущее время, немецкий язык.

В немецком языке модальные глаголы (МГ) играют важную роль в общей структуре категории модальности. Известно, что семантический объем модальности может варьироваться в зависимости от того, как толкуется данная категория — узко или широко. Но как при широком понимании модальности как категории, выражающей отношение «говорящего к содержанию высказывания и... содержания высказывания к действительности...» [1. С. 237], так и при узком ее толковании, предполагающем охват лишь части модальных значений (например, [2. С. 98; 3. С. 142]), модальные глаголы остаются неотъемлемым конституентом категории модальности.

Цель настоящей статьи — систематизация и характеристика основных областей употребления конструкций с модальными глаголами, анализ вза-имодействия их базовых модальных характеристик с эвиденциальными и темпоральными значениями. Эмпирическая часть работы посвящена анализу темпоральных характеристик конструкций с модальными глаголами, и в частности их способности служить конституентами категории футуральности. Основными методами, используемыми в статье, являются описательный метод, метод контекстуального анализа, а также количественный метод.

Представляя особый, закрытый лексико-грамматический класс, модальные глаголы характеризуются чрезвычайной полифункциональностью. Модальные глаголы немецкого языка настолько многофункциональны, что один из исследователей модальности — Γ . Фриц — не без основания заметил: «Перед нами горстка глаголов и целый космос коммуникативных функций» [4. S. 2].

Обычно к классу модальных относят глаголы sollen, wollen, müssen, können, dürfen и mögen. В последнее время некоторыми исследователями этот список пересматривается в сторону как увеличения, так и уменьшения числа модальных глаголов.

Как самостоятельный модальный глагол может рассматриваться, к примеру, möchten. Традиционно считается, что речь в этом случае идет о форме конъюнктива II глагола mögen. Однако возможность использования инфинитива möchten (*Von möchten kann nicht die Rede sein. Müssen!*), способность присоединять придаточное предложение (*Der Chef möchte, dass Sie zu ihm kommen!*) и собственная семантика, отличающие möchten от глагола mögen, способствуют признанию рядом исследователей möchten особым глаголом (напр., [5. S. 103; 6. S. 287; 7. S. 33]). Впрочем, при таком подходе возникает вопрос о формообразовании глагола möchten и об идентификации форм типа möchte в плане их принадлежности к категории времени и наклонения.

К модальным глаголам некоторые ученые относят также (nicht) brauchen [6, 7], lassen [8] и werden ([6, 9] и др.), с чем едва ли можно согласиться. Скорее следует говорить о функциональной синонимии данных средств.

Далее обратимся к анализу особенностей семантики модальных глаголов. Начнем с характеристики собственно модальных значений.

І. Эпистемическая и неэпистемическая модальность модальных глаголов.

Несмотря на то, что каждый модальный глагол в немецком языке реализует целый комплекс частных модальных значений, принято при систематизации этих значений исходить из двух основных типов употребления или видов модальности. В этой связи модальность модальных глаголов обычно представляется как бинарная оппозиция значений. Сами значения или виды модальности обозначаются по-разному: объективная и субъективная [10. S. 117]; неинференциальная и инференциальная [11. S. 34–35]; неэпистемическая и эпистемическая [12. S. 220]; модифицирующая и модализирующая [9. S. 230–232]; лексическая и грамматическая [13. S. 54]; креативная и дескриптивная модальность [14. S. 130] и т.п.

Приведем критерии, способствующие идентификации вида модальности немецких модальных глаголов (табл. 1). Для обозначения основных видов модальности будем пользоваться терминами неэпистемическая и эпистемическая модальность / неэпистемическое и эпистемическое употребление модальных глаголов.

Среди лингвистов нет единства мнений относительно значений, соответствующих **неэпистемическому употреблению**. Одни исследователи пишут про три основных типа значений: *возможности*, *долженствования* и *желания* [15. С. 19], другие ограничиваются двумя первыми [13. S. 55; 16. S. 37]. Значение желания может, к примеру, рассматриваться как подтип необходимости [13. S. 55] или вовсе игнорироваться [16].

Отсутствие значения *желание* среди неэпистемических значений может объясняться тем, что данное значение является непроизводным, лежащим

в основе производных значений *возможности* и *необходимости*. Так, А. Вежбицкая определяет понятия «может» и «должен» через понятие «желание». В ее концепции «может» определяется как «сделает, если захочет», «должен» – как «сделает, даже если не захочет» [17. S. 154–155].

Таблица 1 Критерии идентификации неэпистемического и эпистемического употребления модальных глаголов

Неэпистемическое употребление	Эпистемическое употребление		
Ганатинаски парвиния	Генетически вторично, развивается после		
Генетически первично	и на базе неэпистемического		
Раньше усваивается детьми	Позже усваивается в онтогенезе		
Обычно предполагает одушевленное под-	Может сочетаться с одушевленным и		
лежащее	неодушевленным подлежащим		
МГ употребляются главным образом в	МГ могут употребляться в сочетании с		
сочетании с инфинитивом I	инфинитивом I и II		
МГ имеют ограничения в сочетаемости с	ME vorum coverant on a mademannian ma		
инфинитивом (преобладают глаголы, обо-	МГ могут сочетаться с инфинитивом любой семантики		
значающие человеческие действия)	оои семантики		
Возможно употребление МГ без зависимо-	ME vorum vironnoñ agri og mora no o posicio		
го инфинитива (Hans muss ins Feld. Eng-	МГ могут употребляться только в сочета-		
lisch wird von allen gekonnt)	нии с инфинитивом		
МГ могут быть использованы в любой	ME MODILE GEOGET TO HE TO B CONTROL HEROCOLOG		
форме времени и наклонения (индикатива,	МГ могут стоять только в формах презеги претерита (индикатива и конъюнктива		
конъюнктива и – реже – императива)	и претерита (индикатива и коньюнктива)		
$M\Gamma$ могут стоять в форме инфинитива (Er	МГ, как правило, не могут быть употреб-		
muss das wollen)	лены в форме инфинитива		
МГ могут быть субстантивированы (Wol-	МГ		
len allein nützt nichts)	невозможна субстантивация МГ		
МГ могут быть употреблены перформа-	МЕ на морие быть напользораны порфор		
тивно Ich muss Ihnen mitteilen, dass Îhr Ge-	МГ не могут быть использованы перфор-		
halt um 20% gekürzt wird)	мативно		

Следует признать, что глаголы со значением желания отличаются от глаголов со значением возможности и необходимости по ряду признаков. В отличие от необходимости и возможности, желание может быть приписано как субъекту ситуации (X хочет P), так и говорящему (я хочу, чтобы P). Это обусловливает возможность присоединения к глаголу со значением желания не только инфинитива, но и придаточного предложения. Б. Ханзен считает в связи с этим, что глаголы со значением желания, и в частности в немецком языке глагол wollen, следует исключить из системы модальных глаголов на основании их меньшей степени грамматизации, чем у других модальных глаголов [18. С. 81]. Исключение глагола wollen, а также möchten из системы модальных глаголов отмечается еще в ряде работ немецких исследователей (напр., [6. S. 301]).

Считаем целесообразным отнести к неэпистемическим значениям модальных глаголов три базовых значения: возможности, необходимости и желания — с дальнейшим подразделением данных трех значений на две подгруппы в зависимости от того, совпадает ли источник модальности с подлежащим или нет (т.е. является он внутренним или внешним) (табл. 2).

Источник модальности	Необходимость	Возможность	Желание
Внутренний	müssen	können	wollen möchten
Внешний	sollen	dürfen	wollen,

Таблица 2 Систематизация модальных значений модальных глаголов

В табл. 2 представлены основные значения модальных глаголов. Известно, что глаголы müssen и können имеют наиболее широкий спектр значений и могут быть использованы также как синонимы глаголов sollen и dürfen. Глаголы wollen и mögen (в форме möchten) следует рассматривать как неполные синонимы, отличающиеся друг от друга степенью категоричности выражаемого желания.

Необходимо различать употребление wollen и möchten с внутренним источником модальности (*Ich will (möchte) kommen*) и употребление с внешним источником модальности (*Ich will (möchte), dass du kommst*). На первый взгляд может показаться, что и в последнем случае речь должна идти о внутреннем источнике модальности, поскольку подлежащее главного предложения формально является субъектом желания. Вместе с тем в предложении *Ich will (möchte), dass du kommst* выражается побуждение к действию (= *Du sollst kommen*). Полного тождества между предложениями *Ich will (möchte), dass du kommst* и *Du sollst kommen* нет, поскольку в первом случае имеет место явное указание на источник модальности, во втором же случае источник является внешним, но не называется.

Принимая во внимание семантику всех модальных глаголов, необходимо признать, что значение *волитивности* лежит в основе неэпистемической модальности в целом. Ведь оно является каузатором любого действия. Как необходимость, так и возможность реализуются лишь в случае наличия у субъекта действия волеизъявления.

Объяснение семантики модальных глаголов через значение волитивности предполагает различение двух логических субъектов высказывания: субъекта желания (носителя желания) и субъекта желаемого действия. Так, в предложении *Ich will (möchte) kommen* подлежащее является субъектом желания, в то время как в предложении *Ich will (möchte), dass du kommst* имеется и субъект желания (ich), и субъект желаемого действия (du). В предложении с глаголом sollen: *Du sollst kommen* представлен лишь субъект желаемого действия (du), а с глаголом dürfen: *Du darfst gehen* — субъект желания (du). В случае с глаголом müssen речь, видимо, должна идти о необходимости вопреки нежеланию. Так, предложение типа *Ich muss gehen* следует истолковать как «Я не хочу, но вынужден идти». В случае же с глаголом können может возникнуть сложность с выявлением

субъекта желания. Так, предложение *Ich kann zu dir kommen* может быть истолковано либо как «Я этого хочу и могу сделать это»; либо как «Я (этого не хочу, но) могу это сделать, если ты этого захочешь».

Эпистемическая модальность предполагает субъективное оценивание пропозиции говорящим [19. S. 70; 20. C. 426]. Эпистемическая оценка представляет собой интеллектуальный тип оценки, характеризующий полноту знаний говорящего о событии, представленном в пропозиции. Наличие у говорящего определенных знаний и формирование на их основании мнения относительно пропозиции объясняют, почему значения эпистемической модальности позже усваиваются в онтогенезе, чем значения неэпистемической модальности (см.: [19. S. 66]).

Оценка пропозиции носит градуальный характер и производится по так называемой *шкале уверенности*. Для выражения различной степени уверенности говорящего в немецком языке используются преимущественно глаголы müssen, dürfen, können и mögen ($Er\ muss\ /\ dürfte\ /\ kann\ /\ mag\ 40\ Jahre\ alt\ sein$).

Обычно речь идет о трех степенях уверенности со стороны говорящего: высокой, средней и низкой (напр., [21. С. 131]). Степень выражения уверенности говорящего, приписываемая модальным глаголам, оценивается лингвистами по-разному. Одни исследователи пишут в этом случае о модальных глаголах как таковых, другие же подвергают сравнению и их формы:

	уверенное предположение	<u>e</u>	неуверенное преді	<u>юложение</u>
Р.Д. Шакирова:	müssen können		и mögen	dürfen
Ф. Рейно:	müssen	dürfen	mögen	können
Г. Фриц:	muss	dürfte	kann	mag
К. Хорват:	muss müsste/dürfte	(sollte)	mag/kann	könnte
[4. S. 36-37; 9. S.	. 233; 22. C. 95; 23. S. 63].			

Мüssen выражает наивысшую степень уверенности говорящего в вероятности наступления события или достоверности пропозиции. Говорящий в данном случае обычно обладает некой информацией, подтверждающей его уверенность. Довольно часто обоснование уверенности можно наблюдать в самом высказывании с глаголом müssen. Аналогичную высокую степень уверенности можно обнаружить и при употреблении глагола können в сочетании с отрицанием nicht (напр., [24. С. 16]). Поскольку высокая степень уверенности подкрепляется источником информации (полученной от других лиц, на основе умозаключения, связанного с оценкой предпосылок того или иного события, в опоре на свои знания и т.д.), следует говорить в этом случае о выражении не только эпистемической, но и эвиденциальной семантики.

Меньшей степенью уверенности отличаются глаголы dürfen (в форме dürfte), können и mögen. При употреблении в конъюнктиве (müsste, könnte) степень уверенности модальных глаголов снижается в сравнении с соответствующими формами индикатива.

Значение эпистемической модальности коррелирует с **принципом вежливости**, поскольку, прибегая к использованию модальных глаголов, говорящий избегает излишней категоричности в суждениях о том или ином положении дел или о предстоящем событии. Соблюдение принципа вежливости во многом объясняет частое использование модальных глаголов в немецкой речи. Данный принцип проявляется и при неэпистемическом употреблении. Особенно очевидно его действие, когда модальные глаголы стоят в форме конъюнктива (например, при выражении вежливой просьбы: *Könnten Sie mir bitte helfen!*).

Эпистемическое и неэпистемическое употребление традиционно упоминаются при характеристике модальных глаголов. Вместе с тем наряду с данными модальными значениями немецкие модальные глаголы реализуют в речи и значения другого плана — эвиденциальные и темпоральные.

II. Эвиденциальные значения модальных глаголов.

С модальной семантикой, и в частности со значением эпистемической модальности, коррелирует эвиденциальное значение. Под эвиденциальностью понимается «отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим» [25. С. 92].

Наличие зон пересечения между эпистемической модальностью и эвиденциальностью в части их значений, а также их взаимодействие отмечается во многих работах. Так, Т.А. Майсак и С.Г. Татевосов пишут, что из стандартных определений названных категорий «...не следует, что выражаемые ими значения являются взаимоисключающими, скорее напротив — они должны дополнять друг друга: эвиденциальность характеризует пропозицию с точки зрения способа получения информации о ней, а модальность — оценку достоверности уже полученной информации» [26. С. 77].

В немецком языке есть два модальных глагола, семантика которых отсылает к категории эвиденциальности, — sollen и wollen. Оба глагола употребляются для передачи чужой речи; источником информации при этом является не говорящий, а другое лицо или лица. Предложения с глаголами sollen и wollen можно трансформировать в предложения со стандартной косвенной речью. Таким образом, sollen и wollen вбирают в себя функции глаголов речи и передают в сочетании с инфинитивом полнозначного глагола идею косвенности. Ср.:

 $Er \ \underline{soll} \ in \ Paris \ \underline{sein}. = Man \ \underline{sagt/behauptet}, \ er \ \underline{sei} \ in \ Paris - «Говорят, что он в Париже».$

Er <u>will</u> in Paris <u>sein</u>. = *Er* <u>sagt/behauptet</u>, er <u>sei</u> in Paris – «Он утверждает, что находится в Париже».

Глагол sollen используется для передачи речи другого лица или лиц. Автор передаваемого высказывания не конкретизируется. Поэтому предложению с глаголом sollen соответствует сложноподчиненное предложение с неопределенно-личным местоимением man в главном предложении.

Глагол wollen служит для передачи утверждения лица, являющегося в предложении подлежащим, обычно относительно самого себя. В этом слу-

чае субъект передаваемого высказывания вполне конкретен и корреферентен субъекту предложения.

Глаголы sollen и wollen служат выражению лишь одного из эвиденциальных значений — значению пересказывательности. В этом смысле они противопоставляются глаголам müssen, dürfen, können и mögen, эксплицирующим эпистемическую семантику.

Вместе с тем ряд исследователей считают, что продуцент речи, используя высказывания с глаголами sollen и wollen, стремится не только передать речь другого лица, но и выразить свое отношение к высказыванию, заключающееся в определенной доле сомнения относительно его истинности / правдивости ([21. С. 159; 27. S. 167] и нек. др.). При такой трактовке глаголы sollen и wollen следует считать имеющими не эвиденциальное, а смешанное — эвиденциально-эпистемическое значение. Впрочем, проявление сомнения свойственно далеко не всем случаям эвиденциального употребления глаголов sollen и wollen [28].

Таким образом, целесообразно говорить о корреляции эпистемической и эвиденциальной семантики в конструкциях с модальными глаголами: эвиденциальное значение может накладываться на эпистемическое при выражении говорящим высокой степени уверенности в пропозиции и, наоборот, эпистемическое значение соединяется с эвиденциальным при наличии у говорящего сомнения или неуверенности в правдивости передаваемой им информации.

III. Темпоральные характеристики модальных глаголов.

То, что модальные глаголы могут выражать временные значения, трудно оспаривать, поскольку темпоральная семантика свойственна всем глагольным образованиям. Однако при неэпистемическом употреблении модальные глаголы демонстрируют совершенно определенные темпоральные характеристики.

Неэпистемическое употребление модальных глаголов коррелирует с областью предстоящего. Необходимо отметить, что всем конструкциям с модальными глаголами при их неэпистемическом употреблении ингерентно свойственно проективное значение (значение направленности действия в будущее), которое при использовании модального глагола в форме презенса трансформируется в значение будущего времени.

О семантическом признаке проективности при употреблении модальных глаголов в неэпистемическом значении пишут В. Абрахам [29. S. 278–279], Е.Е. Корди [15. С. 34], А.В. Зеленщиков [14. С. 127], С. Цеман [30. S. 341]. О значительном вкладе модальных глаголов в выражение планируемых действий идет речь в «Грамматике немецкого языка» под ред. Г. Цифонун (напр.: Es kann heute regnen. Wir sollten deshalb Schirme mitnehmen) [31. S. 1911–1912].

Проективная семантика, свойственная модальным глаголам при неэпистемическом употреблении, связана с признаком волитивности, лежащим в основе их базовых значений возможности, необходимости и желания. В зависимости от дистрибуции и условий контекста степень выраженности

проективного значения может варьироваться. Своего максимума она достигает при использовании модальных глаголов в сочетании с полнозначным глаголом предельной семантики 1 : ($Er\ kann\ kommen$). При их использовании с глаголом непредельной семантики проективность также проявляется, но может сочетаться с квалитативным ($Er\ kann\ schwimmen$) или хабитуальным значением ($Er\ muss\ t\ddot{a}glich\ turnen$), которые в этом случае часто выходят на передний план.

Корреляция с семантикой проективности является причиной того, что модальные глаголы выступают одним из наиболее распространенных источников грамматикализации, «превращения» в грамматические средства выражения будущего времени ([32. Р. 109–114; 33. Р. 158–159] и др.).

Эпистемическое и эвиденциальное значения модальных глаголов не имеют прямой корреляции со значением проективности. Так, эпистемическое предположение может быть высказано как относительно настоящего (МГ + инфинитив I) или прошлого (МГ + инфинитив II), так и относительно будущего.

Говоря об эпистемическом употреблении модальных глаголов, целесообразно различать: а) оценивание говорящим пропозиции с точки зрения степени ее достоверности, если речь идет о событии в настоящем или прошлом (Er kann jetzt zu Hause sein – «Возможно, он сейчас дома»; Er kann nach Deutschland gefahren sein – «Возможно, он уехал в Германию»); б) оценивание говорящим пропозиции с точки зрения степени ее вероятности, если речь идет о предстоящем событии.

Оценивание говорящим пропозиции с точки зрения степени ее вероямности, или, иными словами, предположение о будущем, выражается, прежде всего, при сочетании модальных глаголов с инфинитивом I (Er kann kommen – «Возможно, он придет»). В лингвистических исследованиях отмечается возможность выражения эпистемического предположения о будущем и посредством конструкции «МГ + инфинитив II» (Du musst doch deinen Knast bald abgerissen haben?!) [24. C. 8–9].

В отношении темпоральной характеристики эвиденциального употребления глаголов wollen и sollen следует сказать следующее: Обычно отмечается использование данных глаголов при передаче уже имевших (реже – имеющих) место событий ([34. S. 566–567] и др.): Er will mich gestern im Kino gesehen haben — «Он утверждает, что видел меня вчера в кино»; Er soll zu Hause sein — «Говорят, что он дома». Эвиденциальное употребление глаголов wollen и sollen вполне сочетается и с областью будущего [28].

Следует отметить, что модальные глаголы часто используются в контекстах будущего времени. Согласно нашим эмпирическим данным их доля в футуральных контекстах внешней прямой речи персонажей художе-

¹ Предельные глаголы содержат в своем лексическом значении указание на внутренний предел, границу, цель (bringen, fallen, kommen, finden, geben и др.). В лексическом значении непредельных глаголов не содержится указание на внутренний предел, границу или цель (haben, lieben, suchen, stehen, sich ärgern, sich freuen и др.).

ственных произведений и в текстах газет и журналов составляет в среднем около 30%, в составе внешней косвенной речи она увеличивается до 40%¹. Таким образом, конструкции с модальными глаголами составляют конкуренцию при выражении будущего футуру, футуральному презенсу, императиву и ряду других грамматических и лексико-грамматических структур, в совокупности формирующих семантическую область футуральности немецкого языка [35].

В прямой речи персонажей художественного дискурса, обращенной в будущее, конструкции с модальными глаголами используются чаще неэпистемически, в публицистическом дискурсе — эпистемически и эпистемико-эвиденциально.

С областью будущего времени сочетается большой репертуар речевых актов (РА), многие из которых часто оформляются модальными глаголами. Так, в прямой речи персонажей художественных произведений модальный глагол können в форме презенса оказался частотен в РА разрешение, согласие, предложение, предупреждение и отказ. Он использовался также в РА предсказание / уверенное предположение, предположение, просьба, обещание, размышление о будущем.

Разрешение: «Schön und gut, Sie können jetzt mit dem Unterricht fortfahren, Frau Kollegin» (Ch. Hein. Landnahme, 2005).

Wollen в форме презенса показал частотность в РА желания и намерения.

Намерение: «Was hast du denn?» «Na, komm schon. Ich will dich allein sprechen» (Ch. Hein. Landnahme, 2005).

Müssen в форме презенса часто использовался в РА указание, поручение, требование и утешение.

Требование: Als Rieke mit einer Bekannten sprach, die an unseren Tisch gekommen war, nahm ich Bernhards Nase und drehte seinen Kopf zu mir. *«Du musst unbedingt kommen. Ich bin schwanger.* (Ch. Hein. Landnahme, 2005).

Dürfen продемонстрировал частотность при выражении *запрета*, a sollen в форме sollte – при выражении *наставления*. Кроме того, sollte был довольно употребительным в PA *совет*, *заговор* и *пожелание*.

Запрет: «Fahren Sie den Roller herunter. Und vor dem Rathaus <u>dürfen</u> Sie nicht <u>parken</u>, hier ist Parkverbot» (Ch. Hein. Landnahme, 2005).

Cobet: «Aber wie ist das möglich?», fragte ich ihn. Er zuckte mit den Schultern, zögerte lange und sagte dann: «Sie <u>sollten</u> vielleicht einmal in Erwägung ziehen, dass Sie nicht der leibliche Vater sind» (Ch. Hein. Landnahme, 2005).

¹ Имеется в виду футуральное употребление модальных глаголов в сочетании с неэпистемической, эпистемической модальностью и с эвиденциальностью. В качестве эмпирического материала послужили следующие источники: *Hein Ch.* Landnahme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 383 s.; *Kehlmann D.* Ruhm. Hamburg: Rowohlt, 2009. 203 s.; *Noll I.* Ehrenwort. Zürich: Diogenes, 2010. 336 s.; *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* № 169. 23.07.2011; *Der Spiegel.* № 45. 7.11.2011; *Süddeutsche Zeitung.* № 168. 23/24.07.2011. Общее количество футуральных контекстов, извлеченных методом сплошной выборки, составило: прямая речь – 5 137; косвенная речь – 1 121 [35. С. 291, 393, 486].

Mögen в форме möchte часто представлен в PA желание: «Keine Badewanne? Nee, so <u>möchte</u> ich nicht <u>leben</u>...» (Ch. Hein. Landnahme, 2005).

Können в форме könnte часто оформляет РА просьба, предположение, предложение, совет и мечтание.

Предложение: «Vielleicht könnten wir aus der Stadt <u>rausgehen</u>. In den Wald» (Ch. Hein. Landnahme, 2005).

В публицистическом дискурсе модальные глаголы, употребляясь в контекстах будущего времени, выражают главным образом разную степень уверенности говорящего / пишущего в том, что действие / событие в будущем произойдет. Степень уверенности является, по-видимому, результатом переосмысления их первичного модального значения.

Высокую степень предположения о будущем регулярно выражает лишь müssen: «Künftig <u>muss</u> es möglich <u>sein</u>, einem Land, welches verabredete Korrekturen nicht einhält, Maßnahmen aufzuerlegen. Und was den längeren Zeithorizont angeht: Da hoffe ich, als europäischer Bürger, auf eine europäische Konföderation...» (Süddeutsche Zeitung, 2011. S. 23).

В форме müsste данный глагол уже теряет в степени уверенности:

Mit Fachabitur und einer abgeschlossenen Ausbildung könnte sie als Stabunteroffizier einsteigen. Das würde ihr gut gefallen. Denn dann <u>müsste</u> sie sich vom niedrigsten Dienstgrad Schütze zum Unteroffizier <u>hocharbeiten</u> (Süddeutsche Zeitung, 2011. S. V2/9).

Еще большую гипотетичность демонстрируют модальные глаголы dürfen и können.

Sie fürchtet eine Abstimmungsniederlage und versucht deshalb, es Euro-Skeptikern und Euro-Befürworter recht zu machen. Das ist eine Position, die niemanden überzeugt. Der Euro könnte das Schicksal der Liberalen werden. Wenn die Mitglieder sich für Schäfflers Linie entscheiden, wäre die FDP kaum noch regierungsfähig. Die Partei müsste in die Opposition. Dort kann man nach Herzenslust ideologisch sein (Spiegel, 2011. S. 36).

Глаголы sollen и wollen также широко используются в публицистическом дискурсе при передаче высказываний, соотносящихся с областью будущего. В этом случае они также выполняют функцию ссылки на третье лицо / третьи лица как источник информации. В предложениях с глаголом sollen источник информации обычно не называется, но в большинстве случаев выводится из широкого контекста (т.е. не является анонимным). В предложениях с глаголом wollen источником информации является грамматический субъект предложения, декларирующий свои намерения:

Der Entwurf für das sogenannte Eisenbahnregulierungsgesetz <u>soll</u> im März im Kabinett beschlossen werden (Spiegel, 2011. S. 18).

Die Bundesregierung <u>will</u> zahlreiche europäische Forschungsprojekte <u>kürzen</u>, um 1,3 Milliarden Euro Mehrkosten für den internationalen Kernfusionsreaktor Iter aufbringen zu können (Spiegel, 2011. S. 20).

Футуральная семантика порой подкрепляется в тексте статьи. Так, высказывание с грамматической формой будущего времени — футуром I — может перефразироваться и использоваться с модальным глаголом. Ср.:

Die Palästinenser sind die ewigen Rückschläge leid und wollen endlich Fakten schaffen. Im September <u>werden</u> sie bei der Vollversammlung der Vereinten Nationen in New York ihre Anerkennung als Staat <u>beantragen</u> – ein spektakulärer Schritt... (Süddeutsche Zeitung, 2011. S. 9) – пример из подзаголовка к статье в газете Süddeutsche Zeitung.

Sie haben die Welt aufgerüttelt mit einer eindeutigen Ankündigung. Im September wollen sie bei den Vereinten Nationen die Aufnahme Palästinas als Mitglied beantragen. Sie wollen, dass die Gemeinschaft der Völker ihr Territorium als Staat anerkennt (Süddeutsche Zeitung, 2011. S. 9) – пример из текста этой же статьи.

То, что модальные глаголы широко используются в контекстах будущего времени, конкурируя с грамматическими формами будущего времени, выражая при этом неэпистемическую, эпистемическую или эвиденциальную семантику, наводит на мысль о том, что данные семантические признаки могут быть свойственны и самой категории футуральности. Действительно, в ходе эмпирического исследования удалось установить, что те же семантические признаки могут выражать и другие конституенты данной категории. При этом у части из них есть ограничения в сочетании с нетемпоральными характеристиками (например, императив эксплицирует наряду с семантикой будущего только волитивность, но не эпистемическое или эвиденциальное значение). Таким образом, категория футуральности включает в себя наряду с темпоральной характеристикой будущее время в качестве базовых также значения, свойственные модальным глаголам. В этой связи можно выделить несколько видов будущего: волитивное, эпистемическое, эпистемико-эвиденциальное и эвиденциальное [35]. Так называемого «чистого будущего», лишенного нетемпоральных созначений, в языке, по-видимому, не существует, что обусловливается самой природой будущего времени, его онтологическим и гносеологическим статусом, его преимущественно модальной основой.

Вывод. Говоря о модальных глаголах, необходимо принимать во внимание необычайно сложную организацию их семантической структуры. Не углубляясь в детальный анализ всех значений, реализуемых модальными глаголами, мы предприняли попытку систематизации основных сфер употребления глаголов данного лексико-грамматического класса. Модальные глаголы соединяют в своем семантическом составе ряд взаимосвязанных значений, принадлежащих разным категориям. Неэпистемическое употребление, являющееся первичным, сочетается с темпоральной семантикой проективности (выражение направленности действия в будущее). Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что на базе конструкций с модальными глаголами в языках мира часто развиваются грамматические формы будущего времени. В основе неэпистемической модальности лежит значение волитивности, сопровождающее как значение желания, так и значения возможности и необходимости. Волитивность отвечает и за проявление проективной семантики. Эпистемическое употребление связано с субъективным оцениванием говорящим пропозиции относительно ее

достоверности или вероятности и выражением одной из трех степеней уверенности — высокой, средней и низкой. При выражении высокой степени уверенности эпистемическое значение, как правило, коррелирует с семантикой эвиденциальности. При эвиденциальном употреблении конструкции с модальными глаголами употребляются для передачи чужой речи. При наличии у говорящего сомнения или неуверенности в правдивости передаваемой информации эвиденциальная семантика сочетается с эпистемической. Неэпистемическое, эпистемическое и эвиденциальное значения конструкций с модальными глаголами пересекаются с областью будущего времени. В свою очередь, будущее время также можно условно подразделить на волитивное, эпистемическое, эпистемико-эвиденциальное и эвиленциальное.

Литература

- 1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
- 2. Ермолаева Л.С. К вопросу о разграничении модальных слов и частиц // Иностранные языки в высшей школе: тематический сборник. М., 1964. Вып. 3. С. 118–124.
- 3. Золотова Γ . А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 351 с.
- 4. *Fritz G*. Historische Semantik der Modalverben. Problemskizze Exemplarische Analysen Forschungsüberblick // Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen / Hrsg. : G. Fritz, Th. Gloning. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1997. S. 1–157.
- 5. *Vater H. Möchten* als Modalverb // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / Hrsg.: A. Katny, A. Socka. Frankfurt am Main; Berlin; Bern [et al.]: Peter Lang, 2010. S. 99–112.
- 6. *Reis M.* Bilden Modalverben im Deutschen eine syntaktische Klasse? // Modalität und Modalverben im Deutschen / Hrsg.: R. Müller, M. Reis, Hamburg: Buske, 2001. S. 287–318.
- 7. Brons-Albert R. Die Bezeichnung von Zukünstigem in der gesprochenen deutschen Standardsprache. Tubingen: Narr. 1982. 144 s.
- 8. *Крашенинникова Е.А.* Модальные глаголы и частицы в немецком языке. М. : Просвещение, 1958. 187 с.
- 9. Raynaud F. Die Modalverben im zeitgenössischen Deutsch // Deutsch als Fremdsprache. 1976. H. 4. S. 228–235.
- 10. *Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin ; München : Langenscheidt, 2001. 654 s.
- 11. Calbert J. Towards the semantics of modality // Aspekte der Modalitat / Hrsg. : J. Calbert, H. Vater. Tübingen : Verlag Gunter Narr, 1975. P. 1-70.
- 12. Diewald G. Zur Grammatikalisierung der Modalverben im Deutschen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1993. Vol. 12, iss. 2. S. 218-234.
- 13. Jäntti A. Zu Distribution und Satzgliedwert der deutschen Modalverben // Neuphilologische Mitteilungen. 1983. Vol. 84. S. 53–65.
 - 14. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 244 с.
- 15. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. М.: УРСС, 2004. 168 с.
 - 16. Dietrich R. Modalität im Deutschen. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. 240 s.
 - 17. Wiezbicka A. Semantic primitives. Frankfurt am Main: Athenäum-Verlag, 1972. 235 s.
- 18. Ханзен Б. На полпути от словаря к грамматике: модальные вспомогательные слова в славянских языках // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 68–84.

- 19. *Leiss E.* Verbalaspekt und die Herausbildung epistemischer Modalverben // Aspekte der Verbalgrammatik / Hrsg.: L.M. Eichinger, O. Leirbukt. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2000. S. 63–83.
- 20. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.
- 21. Шакирова Р.Д. Эпистемический статус высказывания (на материале современного немецкого языка). Набережные Челны : Набережночелн. гос. пед. ин-т, 2005. 199 с.
- 22. *Шакирова Р.Д.* Понятие эпистемического статуса высказывания и средства его актуализации в современном немецком языке // Филологические науки. 2009. № 2. С. 89–97.
- 23. Horvath K. Epistemische Modalität im Deutschen und Ungarischen. Budapest, 2013. 343 S.
- 24. *Ваулина Л.Н.* Синтаксические конструкции, выражающие предположение (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 16 с.
- 25. *Козинцева Н.А.* Категория эвиденциальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- 26. *Майсак Т.А., Тамевосов С.Г.* Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе. // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 68–80.
- 27. Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Narr, 2011. 219 s.
- 28. Боднарук Е.В. Особенности использования глаголов sollen и wollen при передаче чужой речи о предстоящих событиях // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 70–73.
- 29. *Abraham W.* Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikeln und Modus // Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus / Hrsg.: W. Abraham, E. Leiss. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. S. 251–302.
- 30. Zeman S. Zur Diachronie der Modalverben: sollen zwischen Temporalität, Modalität und Evidentialität // Funktionen von Modalität / Hrsg.: W. Abraham, E. Leiss. Berlin; Boston: De Gruvter, 2013. S. 335–366.
- 31. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin ; New York : De Gruyter, 1997. Bd. 3. S. 1684–2565.
- 32. *Ultan R*. The nature of future tenses // Universals of human languages / hrsg.: J.G. Greenberg et. al. Stanford, 1978. Vol. 3. P. 83–128.
- 33. *Bybee J.* Morphology: a study of the relation between meaning and form // Typological studies in language. 1985. Vol. 9. P. 155–195.
- 34. *Duden*. Die Grammatik. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2006. 1343 s.
- 35. Боднарук Е.В. Категория футуральности в современном немецком языке: семантико-прагматический и функционально-дискурсивный аспекты исследования : дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2016. 507 с.

Modal Verbs: Between Modality, Evidentiality and Temporality (On the Material of Modern German)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 19–34. DOI: 10.17223/19986645/59/2

Elena V. Bodnaruk, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: bodnaruk@rambler.ru / e.bodnaruk@narfu.ru

Keywords: modal verbs, nonepistemic and epistemic modality, evidentiality, projective meaning, volitive meaning, future meaning, German language.

The article deals with the composition and the semantics of modal verbs, with their polyfunctionality, peculiarities of interaction and relationship of their meanings which belong to different semantic categories - modality, evidentiality and temporality. Modal meanings of modal verbs – epistemic and nonepistemic – are basic, and they determine the type of influence on the evidential and temporal characteristics. The nonepistemic usage is the primary meaning, which correlates with the temporal projective semantics (expression of a futureoriented action). This explains why in many languages of the world the grammatical future forms are often developed on the basis of constructions with modal verbs. The basis of nonepistemic modality is a volitive meaning, which accompanies both the semantics of desire and the semantics of *possibility* and *necessity*. The explanation of the modal verbs semantics by means of a volitive meaning suggests the differentiation of two logical subjects: the subject of desire and the subject of a desired action. The volitive meaning causes the development of projective semantics by modal verbs. The epistemic usage is connected with the subjective evaluation of a proposition by the speaker in regard to its reliability and probability as well as with the expression of one of three degrees of certainty – high, medium and low. By the expression of a high degree of certainty, the epistemic meaning usually correlates with evidential semantics. By the evidential usage, constructions with modal verbs serve to convey indirect speech. When the speaker expresses doubt or uncertainty in the truthfulness of the conveyed information, the evidential meaning correlates with the epistemic. Nonepistemic, epistemic and evidential meanings of the construction with modal verbs cross with the area of the future. Modal verbs are often used in the future contexts and compete in this case with futur, imperative and some other grammatical and lexical-grammatical structures, which all together form the semantic area of the future in German. According to empirical data, constructions with modal verbs used in the direct speech of characters in future-oriented fictional discourse are usually nonepistemic, while in journalistic discourse they are mainly epistemic or epistemic-evidential. Thus, the category of future, along with temporal characteristic of the future tense, also includes meanings (as basic characteristics) which can be expressed by modal verbs. In this case, the following types of the future can be distinguished: volitive, epistemic, epistemic-evidential and evidential.

References

- 1. Akhmanova, O.S. (2005) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga.
- 2. Ermolaeva, L.S. (1964) K voprosu o razgranichenii modal'nykh slov i chastits [On the distinction between modal words and particles]. In: Kolshanskiy, G.V. (ed.) *Inostrannye yazyki v vysshey shkole: tematicheskiy sbornik* [Foreign languages in high school: A thematic collection]. Is. 3. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 118–124.
- 3. Zolotova, G.A. (1973) *Ocherk funktsional 'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka.
- 4. Fritz, G. (1997) Historische Semantik der Modalverben. Problemskizze Exemplarische Analysen Forschungsüberblick. In: Fritz, G. & Gloning, Th. (Hrsg.) *Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen.* Tübingen: Max Niemever Verlag.
- 5. Vater, H. (2010) Möchten als Modalverb. In: Katny, A. & Socka, A. (Hrsg.) *Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern [et al.]: Peter Lang.
- 6. Reis, M. (2001) Bilden Modalverben im Deutschen eine syntaktische Klasse?In: Müller, R. & Reis, M. (Hrsg.) *Modalität und Modalverben im Deutschen*. Hamburg: Buske.
- 7. Brons-Albert, R. (1982) Die Bezeichnung von Zukünftigem in der gesprochenen deutschen Standardsprache. Tubingen: Narr.
- 8. Krasheninnikova, E.A. (1958) *Modal'nye glagoly i chastitsy v nemetskom yazyke* [Modal verbs and particles in German]. Moscow: Prosveshchenie.

- 9. Raynaud, F. (1976) Die Modalverben im zeitgenössischen Deutsch. *Deutsch als Fremdsprache*. H. 4. pp. 228–235.
- 10. Helbig, G. & Buscha, J. (2001) *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht.* Berlin; München: Langenscheidt.
- 11. Calbert, J. (1975) Towards the semantics of modality. In: Calbert, J. & Vater, H. (eds) *Aspekte der Modalitat.* Tübingen: Verlag Gunter Narr.
- 12. Diewald, G. (1993) Zur Grammatikalisierung der Modalverben im Deutschen. Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 12 (2). pp. 218–234.
- 13. Jäntti, A. (1983) Zu Distribution und Satzgliedwert der deutschen Modalverben. *Neu-philologische Mitteilungen.* 84. pp. 53–65.
- 14. Zelenshchikov, A.V. (1997) *Propozitsiya i modal'nost'* [Proposition and modality]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- 15. Kordi, E.E. (2004) *Modal'nye i kauzativnye glagoly v sovremennom frantsuzskom yazyke* [Modal and causative verbs in modern French]. Moscow: URSS.
 - 16. Dietrich, R. (1992) Modalität im Deutschen. Opladen: Westdeutscher Verlag.
 - 17. Wierzbicka, A. (1972) Semantic primitives. Frankfurt am Main: Athenäum-Verlag.
- 18. Khanzen, B. (2006) Na polputi ot slovarya k grammatike: modal'nye vspomogatel'nye slova v slavyanskikh yazykakh [Half-way from the dictionary to grammar: Modal auxiliary words in Slavic languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 68–84.
- 19. Leiss, E. (2000) Verbalaspekt und die Herausbildung epistemischer Modalverben. In: Eichinger, L.M. & Leibukt, O. (Hrsg.) *Aspekte der Verbalgrammatik.* Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag.
- 20. Plungyan, V.A. (2011) *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moscow: RSUH.
- 21. Shakirova, R.D. (2005) *Epistemicheskiy status vyskazyvaniya (na materiale sov-remennogo nemetskogo yazyka)* [The epistemic status of the statement (on the material of modern German)]. Naberezhnye Chelny: Naberezhnye Chelny State Pedagogical University.
- 22. Shakirova, R.D. (2009) Ponyatie epistemicheskogo statusa vyskazyvaniya i sredstva ego aktualizatsii v sovremennom nemetskom yazyke [The concept of the epistemic status of the statement and the means of its actualization in modern German]. *Filologicheskie nauki*. 2. pp. 89–97.
- 23. Horvath, K. (2013) Epistemische Modalität im Deutschen und Ungarischen. Budapest: ELTE Germanistisches Institut.
- 24. Vaulina, L.N. (1989) Sintaksicheskie konstruktsii, vyrazhayushchie predpolozhenie (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [Syntactic constructions that express an assumption (based on the material of modern German)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
- 25. Kozintseva, N.A. (1994) Kategoriya evidentsial'nosti [The category of evidentiality]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 92–104.
- 26. Maysak, T.A. & Tatevosov, S.G. (2000) Prostranstvo govoryashchego v kategoriyakh grammatiki, ili Chego nel'zya skazat' o sebe [Speaker's space in terms of grammar, or What cannot be said about oneself]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 68–80.
- 27. Szczepaniak, R. (2011) Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. Tübingen: Narr.
- 28. Bodnaruk, E.V. (2014) Osobennosti ispol'zovaniya glagolov sollen i wollen pri peredache chuzhoy rechi o predstoyashchikh sobytiyakh [Features of the use of verbs sollen and wollen in the transfer of someone else's speech about upcoming events]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta Cherepovets State University Bulletin.* 7. pp. 70–73.
- 29. Abraham, W. (2009) Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikeln und Modus. In: Abraham, W. & Leiss, E. (Hrsg.)

Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. Tübingen: Stauffenburg Verlag.

- 30. Zeman, S. (2013) Zur Diachronie der Modalverben: sollen zwischen Temporalität, Modalität und Evidentialität. In: Abraham, W. & Leiss, E. (Hrsg.) *Funktionen von Modalität*. Berlin: Boston: De Gruyter.
- 31. Zifonun, G. et al. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache*. Bd. 3. Berlin; New York: De Gruyter.
- 32. Ultan, R. (1978) The nature of future tenses. In: Greenberg, J.G. et al. (eds) *Universals of human languages*. Vol. 3. Stanford: Stanford University Press.
- 33. Bybee, J. (1985) Morphology: a study of the relation between meaning and form. *Typological Studies in Language*. 9. pp. 155–195.
 - 34. Duden. (2006) Die Grammatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.
- 35. Bodnaruk, E.V. (2016) Kategoriya futural'nosti v sovremennom nemetskom yazyke: semantiko-pragmaticheskiy i funktsional'no-diskursivnyy aspekty issledovaniya [The futurality category in modern German: semantic-pragmatic and functional-discursive aspects of research]. Philology Dr. Diss. Arkhangelsk.

УДК 81'282

DOI: 10.17223/19986645/59/3

Т.И. Вендина

СУБСТРАТНЫЙ ПОДХОД К ДИАЛЕКТНОМУ СЛОВУ (О СМЫСЛОВОЙ КОЛЛИЗИИ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ»)

Анализируется одно из ключевых понятий русской культуры — ВОЛЯ. Объектом исследования являются русские диалекты, так как именно в языке традиционной духовной культуры лежит то исконно русское, не замутненное западноевропейским влиянием, что определяет ее национальное своеобразие. Под субстратным подходом понимается выявление в диалектном слове не только его значения и внутренней формы, но и тех этнокультурных императивов, которые привели к актуализации данной формы. Использование этого подхода поможет избежать субъективности в оценке языковой личности и «реконструировать» культурные смыслы, лежащие в основе традиционной духовной культуры.

Ключевые слова: диалектное слово, традиционная духовная культура.

Субстратный подход к диалектному слову носит в известной степени условный характер и имеет своей целью лишь заострить саму идею, которая имплицитно присутствует во многих работах последнего времени, посвященных описанию слова в контексте языка той или иной культуры. Он предполагает обращение к диалектному слову в плане выявления, с одной стороны, его внутренней формы и значения, а с другой — того духовного начала, тех этнокультурных императивов, которые привели к актуализации данной формы, т.е. в конечном итоге — к познанию «бессознательной духовности» народа, которая лежит в основе его культуры, ибо связь языка, а точнее, его зависимость от сознания и культуры и создает тот культурный субстрат, в котором он живет и развивается.

В системе базисных понятий русской культуры (таких, например, как жизнь \sim смерть, война \sim мир, добро \sim зло, правда \sim истина, знать \sim ведать, труд \sim работа, один \sim един и т.д.), определяющих ее материальные и духовные формы, представления о ВОЛЕ и СВОБОДЕ занимают особое место.

Эти понятия являются ключевыми при характеристике русского народа, его психологии, поэтому они не раз были предметом внимания историков, философов, писателей, лингвистов (см., например, работы В.О. Ключевского, Г.П. Федотова, А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, Ф.И. Буслаева, Н.О. Лосского, Д.Н. Овсянико-Куликовского, Л.П. Красавина, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, П.И. Ковалевского, А.А. Потебни, А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачева, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.В. Колесова, А.Д. Шмелева, А. Вежбицкой, М.В. Пименовой, Н.М. Катаевой и др.), причем какое-либо единство в их понимании отсутствует. При этом вни-

мание исследователей было сосредоточено в основном на фактах истории, этнографии, литературы или личном опыте 1 .

В этой связи уместно привести мнение известного русского мыслителя и общественного деятеля И.Л. Солоневича, который писал, что «психология народа не может быть понята по его литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта - и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так. Лев Толстой, разочарованный крепостник, с одной стороны, рисовал быт русской знати, окрашенный в цвета розовой идеализации этого быта, и с другой – отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский – быт деклассированного и озлобленного разночинца... А. Чехов – быт мелкой интеллигенции... М. Горький – социал-демократического босяка. Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. Литература всегда является кривым зеркалом народной души. Наша литература в особенности, ибо она родилась в эпоху крепостничества, достигла необычайной технической высоты и окрасила все наши представления о России в заведомо неверный цвет. Но в такой же цвет окрасила их и русская историография» [3. С. 34].

Продолжая мысль И.Л. Солоневича, следует сказать, что психология народа лучше всего раскрывается в его языке. «Что бы мы ни делали, мы не можем порвать с действительностью... потому что ее обитель – язык. А это информационное растение пустило корни и в мире, и в человеке. Мироздание запечатлело свои законы в человеческом языке при самом его зарождении. Язык мудрее любого из нас», – писал известный польский писатель С. Лем в рассказе «Глас Господа». Адекватная характеристика психологии народа и, соответственно, его культуры поэтому может быть получена только с опорой на данные языка. Именно язык может дать истинную картину языкового сознания человека этой культуры со всеми ее сложностями и нюансами. Вот почему осмысление языка культуры (как, впрочем, и естественного языка) начинается, как правило, с изучения его словаря, поскольку лексика является самым чувствительным индикатором культуры.

Следует, однако, отметить, что внимание к языку при описании понятий СВОБОДА и ВОЛЯ в лучшем случае ограничивалось литературным языком, т.е. языком элитарной (книжной) культуры. При этом забывалось то обстоятельство, что в русской культуре кроме элитарной существует и

¹ Разнонаправленность оценок русского народа в связи с использованием этих понятий иллюстрируют следующие примеры: «Русский человек происходит от людей, выдумавших слова *приволье* и *раздолье*, не существующие ни на каком другом языке» (В. Одоевский). «Если от чего гибнет народ наш, то именно от гамлетовской нерешительности, от недостатка воли» (М. Меньшиков). «Воля, свобода, легкое житье, обилие денег, т.е. все то, что необходимо человеку для того, чтобы устроиться, причиняет мужику, напротив, крайнее расстройство до того, что он делается вроде свиньи» (Г. Успенский) (цит. по: [1]). Приведу также мнение Н.А. Бердяева: «Русский человек погибает от безволия. Он живет по преимуществу чувством. Всё его мышление слишком эмоционально и... лишено пафоса объективности» [2. С. 250].

народная (крестьянская) культура, которую репрезентируют диалекты (подробнее см. [4. С. 8]). Не случайно, заканчивая свою статью, посвященную концепту ВОЛЯ в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры, Л.Г. Гынгазова приходит к выводу о несоответствии индивидуального и общерусского концептов, причину которого автор видит в том, что моделирование общерусского концепта «базируется на языковых данных, почерпнутых из художественной литературы, фольклора, философских, культурологических и публицистических работ, которые во многом способствовали созданию стереотипного образа» [5. С. 230]

Между тем именно в языке традиционной духовной культуры лежит то исконно русское, не замутненное западноевропейским влиянием, что определяет ее национальное своеобразие. Нравственные установки, религиозная практика, обычаи и нравы русского народа, способы организации его труда и быта, особенности его мышления, чувствования и поведения — все эти формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека по-прежнему живут в языке традиционной духовной культуры. Диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» [6. С. 71], более того, в диалектах сохранилось то лексическое богатство, которое оказалось утраченным в литературном языке.

Поэтому при исследовании этих понятий апелляция к мнениям и оценкам каких-либо авторитетов из области истории, литературы или философской мысли является малоубедительной, поскольку они всегда субъективны. Необходимо проникнуть в идеологию языка и отрешиться от навязываемых оценок. Тем более что успехи когнитивно-ориентированной лингвистики говорят о том, что «языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая «отражается» в зеркале естественного языка» [7. С. 75]. Более того, сегодня, когда лингвистика превратилась в полипарадигмальную науку, сама логика развития зачем/почему-лингвистики требует реализации общей программы антропоцентрической лингвистики — «найти доступ к Человеку через язык».

Будучи инструментом культуры, язык формирует не только представления о реальном окружающем человека мире, но и саму личность. Погружаясь в определенную культурную наследственность, она через язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм и ценностей своего народа, специфический культурный образ мира, осознавая постепенно и свое место в нем. Так через язык происходит «оживление» культурно-исторического опыта, формирование культурной идентичности субъекта, его самоотождествление с идеями, ценностями, традициями свой культуры.

Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при описании концепта ВОЛЯ.

Писать и говорить о ВОЛЕ в языке русской традиционной духовной культуры — значит погружаться в глубинные основы языка этой культуры, ибо в

осмыслении этой категории отразилось и отношение человека к окружающему миру, и осознание своего места в нем, и определение главных жизненных ценностей, ее приоритетов. При этом обращает на себя внимание тот факт, что именно ВОЛЯ, а не СВОБОДА обладает чрезвычайно плотным лексическим полем. Так, в частности, в русских диалектах представлен следующий репертуар лексем с общим значением 'воля' (ср. воль, воля, воленье, веленье, вольгота, извол, моженье, повольнище, призволёнье, произвол, пуща, слобода, угода, удовол, хоть, хочь, хотение, хотенки, хоча и т.д.). Его богатство становится особенно заметным на фоне сравнительно бедного синонимического ряда СВОБОДЫ (свобода, свободь, слобода, вольгота, повольнище, удовол), в котором понятие СВОБОДА передается нередко теми же лексемами, что и воля 1, т.е. «воля постоянно вторгается в поле свободы, приобретая социальный смысл» [8. С. 73]. И уже это обстоятельство свидетельствует о своеобразии языка традиционной духовной культуры, поскольку в литературном языке именно СВОБОДА является центральным понятием².

Следует отметить также, что в диалектах слово ВОЛЯ имеет общирную семантико-символическую парадигму (подробнее о понятии семантикосимволической парадигмы см., например, работы С.М. Толстой [11], Т.И. Вендиной [12]). Построенная на основе общности мотивировочного признака и представляющая собой мотивационный лексический ряд, в котором могут объединяться функционально разнородные значения, семантико-символическая парадигма предстает в виде «текста», позволяющего проникнуть в глубинные основы языкового сознания народа. Видя перед собой множество словообразовательных моделей, репрезентирующих название той или иной реалии, исследователь с помощью словообразовательного анализа, при котором учитываются структурно-семантические отношения, возникающие между производящим и производным словом, выявляет общие закономерности номинации реалий, выполняющих одну и ту же или разные функции, но имеющих определенную связь с одним и тем же исходным понятием, т.е. в центре внимания исследователя оказывается, с одной стороны, корневая морфема, а с другой – архисема, которая актуализируется в дериватах с этой корневой морфемой.

Наличие богатой семантико-символической парадигмы лексемы ВОЛЯ свидетельствует не только о значимости этого понятия для традиционной

¹ Л.Г. Гынгазова, исследуя этот концепт в языковом сознании типичного представителя традиционной духовной культуры крестьянки Веры Прокофьевны Вершининой, пишет, что «слово воля более частотно, чем свобода. Главное же различие между ними состоит в большей деривационной и семантической разработанности воли в сравнении со свободой [5. С. 221].

² Ср. в связи с этим мнение А. Вежбицкой о том, что именно *«свобода* представляет собой более общеупотребительное слово и более центральный концепт, нежели *воля*» [9. С. 242]. С этих же позиций ведется описание различий понятий СВОБОДА и ВОЛЯ в «Новом объяснительном словаре»: «...в литературном языке СВОБОДА и ВОЛЯ могут выступать как абсолютные синонимы, однако ВОЛЯ воспринимается как устаревшее [10. С. 358–362].

русской культуры, но и о стремлении философски осмыслить его, поскольку в словах, входящих в эту парадигму, содержится сущностная характеристика ВОЛИ, позволяющая ответить на вопрос, ЧТО ТАКОЕ ВО-ЛЯ в представлении русского народа. Думается, однако, что дело не только в этом, но и в том, что перед нами совершенно иная культура, отличная от книжной культуры литературного языка. Для этой культуры социальный аспект понятия СВОБОДА (а именно этот аспект составляет сущность СВОБОДЫ)¹, не имеет большого значения, и хотя в диалектах это понятие существует (ср. слобода ж. 'свобода, отсутствие политического и экономического гнета' Твер., Пек., Новг., Петерб., Арх., Волог., Яросл., Костром., Влад., Нижегор., Ульян., Вят., Киров., Моск., Калуж., Смол., Зап. Брян., ЛитССР, Курск., Тамб., Казан., Астрах., Терек., АзССР; Сделалась народу слобода. БАССР; С тех пор уральскому казачеству и дана слобода: владеть рекой и ее угодьями. Дали уж слободу-то. Р. Урал., Перм., Тобол.; До слободы дожили. Хорошо теперь: слобода им. Том., Иркут., Сиб.; За слободу мы восстали. Забайкалье. Нижегор., Кинеш., Костром, ГСРНГ 38: 288]), однако оно вряд ли реализуется в таких контекстах, характерных для литературного языка, как свобода слова, мнений, мыслей.

Существовавшие в старославянском и древнерусском языке социальные значения существительного свобода (ср. ст.-сл. свобода 'свободный человек, не раб' [СС: 586]; др.-рус. свобода 'состояние свободного человека, личная свобода как социальное положение' [СРЯ XI-XVII 23: 171]) и прилагательного свободный (ср. ст.-сл. свободьнъ 'свободный, вольный' [СС: 586]; др.-рус. свободный 'социально свободный, не имеющий личной зависимости' [СРЯ XI-XVII 23: 174]) «не прижились» в диалектах, хотя полностью их социальный аспект не утратился (ср. свободь 'отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению' Вост., Сиб. [СРНГ 36: 306]; свободный 'освобожденный от каких-либо обязанностей (обычно воинской службы)' Я винтовку в руки не брал – свободен был. Сталингр. [СРНГ 36: 305]). Значительно чаще встречается прагматическое осмысление этих слов (ср. свободь 'не заполненное трудом, занятиями время; досуг' Когда свободь будет, приду. Пек., Осташк., Твер. [СРНГ 36:306]; свободничать 'бездельничать' Сижу, свободничаю, а дело делать надо. Дон [СРНГ 36:305]; свободно 'о наличии свободного, незанятого времени у кого-л.' Время сеять, время жать, а мне все свободно Влад; Свободно будет когда, так зайду. Пинеж., Арх. [СРНГ 36: 305]; слобода 'свободное время, досуг' Кирил., Волог., Арх.,

¹ Ср. в связи с этим рассуждения Н.Д. Арутюновой: «Воля – категория мира природы и естественного человека (homo naturalis), свобода – категория цивилизованного, институционального общества и разумного человека (homo sapiens). Если воля стремится переступить все границы, в том числе этические заповеди, то свобода как состояние социума ограничена правилом и законом. Если воля имеет ближнюю цель – удовлетворение непосредственных, преимущественно физических потребностей, то свобода ставит перед собой дальние – социальные, экономические, научные и творческие задачи. Воля нужна природному человеку, свобода – личности» [8, C. 93].

Калуж.; *от слободы* 'от нечего делать' Олон. [СРНГ 38: 288]; *слободность* 'свободное, незанятое работой время' *Никакой слободности нет, всегда работаем* Мещов., Калуж.; Казаки-некрасовцы [СРНГ 38: 290]). Все это свидетельствует о том, что именно ВОЛЯ, а не СВОБОДА является центральным понятием в языке традиционной духовной культуры, поэтому наше описание будет сосредоточено на нем.

ВОЛЯ в языке традиционной культуры является многозначным словом, в котором совмещаются абстрактное, пространственное, предметное, квантитативное, темпоральное и личностное значения. В интерпретации этого понятия прослеживается целая этическая философия языка традиционной культуры, связанная с осмыслением жизни человека, ее духовных приоритетов и нравственных ценностей.

Прежде всего, следует отметить, что в центре смыслового пространства ВОЛИ стоит человек, поскольку ВОЛЯ – это его желание (ср. воль 'воля, желание' Смол. [СРНГ 5: 83]; волиться 'хотеться, желаться' Влад. [СРНГ 5: 39]; извол 'воля, желание, изволение' Онеж., Арх., Олон., Перм., Урал [СРНГ 12: 110]; моженье 'воля, желание' А такожде мя, раба божия, не уловить ни злым конем, ни дьявольским можением (заговор). Олон. [СРНГ 18: 200]; призволёнье 'желание, воля' У нас одно призволенье, чтобы не воевать и все бы сыты были. Верхозим., Сарат. [СРНГ 31: 224]; произвол 'добрая воля, желание' Каляз., Твер. [СРНГ 32: 146]; хоть, хочь, хотение, хотенки, хоча 'сильное, страстное желание' Сиб. [Даль IV: 585]), осуществление которого реализуется в действии¹, в выборе которого ему представляется полная свобода (ср. воля нареч. 'по собственному желанию, добровольно' Холмог., Арх. [СРНГ 5: 88]; изволить 'хотеть, желать, избрать по своей воле' [Даль II: 14]; *произволить* 'изъявить желание, захотеть, согласиться, позволить' Каргоп. Олон., Петерб., Влад. [СРНГ 32: 146]; самохотно нареч. 'по собственному желанию' Зап.-Сиб., Южн.-Сиб. Ведь он самохотно женился. Урал. [СРНГ 36: 111]).

ВОЛЯ как желание тесно связана с удовольствием (ср. вольку тешить 'наслаждаться' Никол., Волог. [СРНГ 6: 84]; довольще, довольство 'удовольствие' Со всем довольством. Пошех., Молог., Яросл. [СРНГ 8: 86]; удовол 'удовольствие, приятные ощущения' Мордов. [СРНГ 46: 306]).

Все эти имена подтверждают тонкое наблюдение Н.Д. Арутюновой о том, что «воля соотносится, прежде всего, с природным человеком, его желаниями, естественными потребностями, побуждениями, импульсами, порывами и инстинктами. Не случайно слова удовольствие, довольство одного корня с волей-желанием» [8. С. 84].

Об этом говорит и тот факт, что **ВОЛЯ** – это сила, здоровье человека, способного реализовать свою волю (ср. *моженье* 1) 'воля, желание' Олон.; 2) 'сила, здоровье' *Како мое моженье*. Новорж., Пек. [СРНГ 18: 200]). Соответственно НЕВОЛЯ – это болезнь, утрата способности к активному дей-

¹ Н.Д. Арутюнова, определяет волю как «своего рода акциональный модус, координирующий желания (побуждения) и действия» [8. С. 74].

ствию (ср. **невольный** 'неподвижный, парализованный': *Одну девушку иска*лечило, так она вся невольна, только сидит. Пинеж., Apx. [СРНГ 20: 357]).

Однако **ВОЛЯ** может осмысляться и как социальная категория, характеризующая жизнь человека как жизнь в достатке, в довольстве, спокойствии (ср. вольница 'обеспеченная жизнь, довольство' Она в вольнице живет, все у них есть. Куйбыш. [СРНГ 5: 85]; доволенка 'достаток, избыток, довольство' Они жили в доволенке. Пенз. [СРНГ 8: 83]; доволье 1) 'изобилие, достаток' Жиздр., Калуж., 1903; Хлеба-то доволье. Таборин., Свердл.; 2) 'довольство' Елаг., Смол., Жиздр., Калуж. [СРНГ 8: 83]; довольный 'состоятельный, хорошо обеспеченный' Холмог., Арх. [СРНГ 8: 84]; приволье 'довольство, достаток' Житье приволье, что чудо. Перм., Смол. [СРНГ 31: 148]; привольный 'отличающийся достатком, довольством, обильный, изобильный' У них больно привольно житье-то. Нижегор., Арх., Сарат. [СРНГ 31: 148]).

Подтверждением этого тезиса являются имена с тем же значением, но от других корней (ср. *жир*, *жира* 'о хорошей, привольной жизни' Арх., Волог., Сев.-Двин., Олон. [СРНГ 9: 180]; *жистина* 'привольная жизнь' Ворон. [СРНГ 9: 188]; *красовка* 'жизнь в довольстве, неге' Смол. [СРНГ 15: 198]; *легкота* 'легкая, спокойная жизнь в довольстве и достатке' Олон., Том. [СРНГ 16: 313]; *легость* 'легкая, обеспеченная жизнь в довольстве' Ряз., Вост. Закамье, Том., Влад. [СРНГ 16: 315]; *леготуха* 'легкая, обеспеченная жизнь в довольстве' Моск. [СРНГ 16: 316]; *пожитение* 'хорошая привольная жизнь' Пск. [СРНГ 28: 329]; *пожитуха* 'хорошая, привольная жизнь' Моск., Яросл., Пек., Осташк., Твер., Волог. [СРНГ 28:297]; *прохлад* 'жизнь в довольстве, неге' Холмог., Арх. [СРНГ 33: 25] и др.).

Об этом свидетельствует и тот факт, что ВОЛЯ воспринимается как свобода, причем свобода понимается как своя воля, отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собой по собственному усмотрению, в соответствии со своими желаниями, отсюда значение привольная жизнь (Срезневский, Даль) (ср. вольгота 'свобода, воля, привольная жизнь' Не замай его с его вольготой, т. е. 'пусть себе делает что хочет' Курск., Орл., Ворон., Тамб.; И собаке надо вольготу делать: не все на цепи держать. Влад., Сарат., Яросл., Твер., Смол., Пек., Волог., Новг., Перм., Свердл. [СРНГ 5: 84]; вольготный 'свободный' (о человеке) Сарат. [СРНГ 5: 84]; повольнище 'полная свобода, воля' Осташк., Твер., Пек. [СРНГ 27: 258]; повольничать 'пожить какое-то время вольно, свободно' Сарат., Курск., ГССР [СРНГ 27: 258]; просторок 'свобода, воля' Свой уголок – свой просторок (пословица). Нижегор [СРНГ 42: 250]; слобода 'воля, отсутствие запретов, ограничений в чем-л.' Борисоглеб., Тамб., Смол. Дай ей слободу, она на голову тебе сядет и поедет. Тул.; Пущай били [мужья жен], а лучше жили, не было этого, а теперь слобода дана. Арх., Ульян.; На слободе 'на воле'; Лошадь месяца четыре на слободе ходит. Соликам., Перм., Прииртышье, Сиб., Калуж., Арх., Моск. [СРНГ 38: 288]; угода 'свобода, воля' Своя бы угода, дак и жила бы, как могла. Волог. [СРНГ 46: 212]).

Соответственно, лишение свободы, принуждение, зависимость от чьейлибо воли осмысляется как НЕВОЛЯ, ср.: нёволь 'неволя, зависимость, лишение свободы' Дон. [СРНГ 20: 356]; неволье 'неволя, насилие' Влад., Новорж., Пек., Морш., Тамб. [СРНГ 20: 356]; неволица 'лишение свободы, зависимость, неволя' Неволица — чужая сторона. Олон. [СРНГ 20: 355]; неволькой 'насильно, по принуждению' Раньше неволькой отдадут замуж, и всё, не так, как сейчас. Моск. [СРНГ 20: 356]; подневоля 'неволя' Курск., Амур. [СРНГ 28: 96]; неволить 1) 'принуждать к чему-либо' На это дело я тебя не неволю. Влад.; 2) 'выдавать замуж насильно' Лет семнадцати девчоночку неволят за вдовца (частушка). Влад. ~ Неволить во неволюшку фольк. 'отдавать замуж, в чужую семью'; 3) 'завоевывать, покорять' Стояньем города неволят (пословица). [СРНГ 20: 358]. неволя великая 'солдатская служба' Костром. [СРНГ 20: 358]).

О социальном статусе ВОЛИ свидетельствует и значение 'власть', поскольку позволять 'приказывать' Печор., Смол. [СРНГ 28: 355]; велеть 'разрешать, позволять' Казан., Костром., Олон., Пинеж., Арх., Кирил., Новг., Моск., Ставроп., Самар.; Про нас люди бают-говорят, любить Мишу не велят. Перм., Свердл., Уфим., Иркут. [СРНГ 4: 106]; позволиться 'спросить разрешения' Камч., Амур., Сиб., Вост., Север., СРНГ 28: 355), а снимать волю (с кого-либо) – значит 'ослушаться, не повиноваться комулибо' Ей что муж-то, коли она с отиа, с матери волю снимает. Арх., СРНГ 5: 88), ср. также *теорить чью-л. волю* 'подчиняться требованиям кого-л.' Кому служу, того и волю творю [Даль IV: 405]; Твори мою волю Смол. [СРНГ 43: 330]. При этом власть понимается в широком смысле – и как власть над собой (своя воля). Поэтому самовольный или своевольный человек – это человек, поступающий по своей прихоти, без разрешения и тем самым нарушающий установленный порядок, ср. также самовластник 1) 'своевольный человек, самовольник' Ворон. // 'капризный, своенравный' А ее слово в семье последнее, все этот самовластник вершит. Краснояр.; 2) 'человек, свободный в своих поступках, сам себе хозяин' Мы же не самовластники, что будем делать Казаки-некрасовцы [СРНГ 36: 80]; самовластно 1) 'самовольно' Новосиб.; 2) 'своенравно, упрямо' Да разве я пустила? Самовластно убегли. Краснояр., СРНГ 36: 80; самовластный 'непослушный, своевольный' (о ребенке) Самовластный какой, ему говоришь одно, а он по-своему делает. Краснояр., СРНГ 36: 80), т.е. «воля связана с повелением, с высшей степенью понуждения кого-либо другого, причем она всегда проявляется только в отношении высшего к низшему, за низшим же остается право выбора» [16. С. 328], ср. веленьё 'веление, повеление' Порх., Пек., СРНГ 4: 106; делать повеление 'давать распоряжение, отдавать приказ' Он делал повеление каменной Москве, чтобы народлюди постилися. Петрозав., Олон. [СРНГ 27: 225]). Это значение мотивируется самой этимологией слова ВОЛЯ, связанного чередованием гласных с глаголом велети [Фасмер І: 347].

С ВОЛЕЙ-властью соотносится определенная модальность действий человека — запрет или разрешение (ср. воля нареч. в знач. сказ. 'можно,

позволительно' Воля ему не идти с нам. Пошех., Молог., Яросл. [СРНГ 5: 88]; вольно нареч. в знач. сказ. 'можно, позволительно' Вольно спорить, браниться грех. Арх.; Вольно собаке и на владыку лаять (пословица). Пошех., Молог., Яросл., Волог., Ряз. [СРНГ 5: 85]).

Но главным доказательством осмысления ВОЛИ как социальной категории является то, что она оценивается как регулятивная категория. которой определяются нравственные устои жизни, нормы человеческого общежития. При этом вектор оценки может быть не только положительным (ср. довольный 'хорошо обученный чему-либо, хорошо подготовленный в чем-либо' Он в грамоте доволен и на счетах горазд (без указ. места) [Даль І: 460]; Доволен грамоты 'хороший грамотей, достаточно грамотен' Холмог., Арх.; // 'имеющий к чему-либо особый дар и способности' Холмог., Арх. [СРНГ 8: 86]; довольный разум 'здравый, трезвый ум' Юрьев., Влад. [СРНГ 8: 86]; произвол 'послушание' Сын из произвола не выходит. Урал, Онеж. [СРНГ 42: 146], но и отрицательным, причем отрицательным даже чаще всего (ср. вольник 'дерзкий, самовольный ребенок, шалун, озорник' Ребята волъники: ни отца, ни матери не слушаются. Осташк., Твер.; Какой вольник, озорник мальчишко-то. Костром., Киров [СРНГ 5: 84]; вольница 'вольная братия, своевольная, буйная шайка' (без указ, места) [Даль І: 243] // 'хулиган' Сев.-Двин. // Собир. 'разбойники' Лаль; 2) 'распутник, распутница' Сев.-Двин. // Собир. 'люди легкого поведения' Волог., 3) 'девушка, женщина, воспитанная в довольстве, а потому избалованная' Как вольницу одну брать, она не станет слушаться. Куйбыш. [СРНГ 5: 84]; вольница 'самоуправство' Пек. [СРНГ 5: 85]; вольный 'непослушный, своевольный, избалованный' Парнишка у его такой вольный, знать-то это он напакостил. Перм., Свердл., Сиб., Тобол., Забайкал. [СРНГ 5: 84]; вольничать, 1) 'озорничать, хулиганить' Сев.-Двин.; 2) 'грабить на проезжих дорогах' По ночам вольничают тут на дороге. Вят. [СРНГ 5: 84]; на свою волю 'самовольно' Перм. [СРНГ 5: 88]; извол 'произвол' Онеж., Арх., Олон., Перм., Урал [СРНГ 12: 110]; своим изволом 'делать что-либо самовольно' Своим изволом землю хотят взять. Покр., Влад. [СРНГ 12: 110]; *поволье* 'потворство' Север. [СРНГ 27: 258]; *по*волька 'потворство, поблажка, потачка' Тихв., Новг., Пек., Сев.-Двин., Олон., Арх. Поволька и добрую жену портит. Север., Олон., Онеж., Арх. [СРНГ 27: 258]; давать повольку 'давать волю, потакать' Олон., Пудож., КАССР, Арх., Пек., Смол., Кемер., Ленингр. [СРНГ 27: 258]; повольник 'своевольник, баловник' Костром. [СРНГ 27: 258]; *привольнюшный* 'непослушный, своевольный (о ребенке) Арх. [СРНГ 31: 148]; прихотной 'капризный, с прихотями' *Мала дочь прихотна, че захочет – дай да роди.* Тюмен. [СРНГ 32: 52]; прихотня 'прихоть' Она с прихотнями всякими. Том. [СРНГ 32: 52]; прихотяй о том, у кого много прихотей Черепов., Новг. [СРНГ 32: 52]; развольница 'человек, совершающий предосудительные поступки и не считающийся с общепринятыми нормами' Кондрик тоже вольница, пьет вольница-развольница. ЛатвССР [СРНГ 33: 295]; са**мовол** 'своенравный, своевольный человек' Новг., Курск. // 'о ребенке'

Зап. Брян.; У нашей Анюты парнишко, такой самовол, уж не дай те господи. Новг. [СРНГ 36: 80]; самоволиться 'своевольничать' Том. [СРНГ 36: 80]; самоволица 'девушка, выходящая замуж по своему усмотрению' Пск. [СРНГ 36: 80]; самоволь 'дерзкий, смелый, своенравный человек' Олон. [СРНГ 36: 80]; самовольно 1) 'насильно, против воли, желания' Арх., 1959. 2) 'нагло, нахально' Вороны все оклевывают самовольно Пинеж., Арх. [СРНГ 36: 80]; самовольный 'непослушный, шаловливый' (о ребенке) Каргоп., Арх. Самовольные, неугомонные дети, никого не слушаются. Арх., Волог., Калуж. [СРНГ 36: 80]; самовольский 'самовольный, совершаемый без разрешения' Смол. [СРНГ 36: 80]; самовольствие 'своеволие, самоуправство В нашей местности тяжело было жить, много самовольствия было. Пинеж., Арх. [СРНГ 36: 80]; самовольство 'выход замуж без согласия родителей' Пошех., Волог., Яросл. [СРНГ 36: 80]; самовольчатый 'своевольный, своенравный' Самовольчатый ты, и не стыдишься Тюмен. [СРНГ 36: 80]; самовольщик 'человек, совершивший, сделавший что-л. самовольно. без разрешения' Енис. [СРНГ 36: 80]: самовольщина 'своевольный, своенравный человек' Мещов., Калуж. [СРНГ 36: 80]; своеволить 'поступать, вести себя по своему произволу, по своей прихоти' Брось своеволить! Пск., Смол.. // 'шалить' (о детях) Своеволють дети у саду Смол. [СРНГ 36: 310]; своеволица 1) 'своевольный человек' Пек., Осташк., Твер.; 2) Собир. 'собрание своевольных людей' Пек., Осташк., Твер. [СРНГ 36: 310]; своеволка 'своевольная женщина; девочкашалунья' Володина жонка своеволка: привязала Володю к коровати, а сама пошла гуляти (песня). Смол. [СРНГ 36: 310]; своеволька 'упрямый, своевольный человек' Волог. [СРНГ 36: 310]; своевольна 'упрямец, упрямица' Волог. [СРНГ 36: 310]; самохотный 'своенравный, самовольный' Покр., Влад., Урал. [СРНГ 36: 111]; своволя 'своеволие, упрямство, непослушание' Пек., Смол. [СРНГ 36: 306]. Поэтому держать на поводах 'держать в руках, не давать кому-л. воли' Муж жену на поводах держит. Дон. [СРНГ 27: 248].

Все эти имена говорят о том, что ВОЛЯ как свобода в реализации человеком своих желаний (поступать по-своему), вседозволенность, выходящая за рамки социально-этических норм крестьянской культуры, оценивается отрицательно (попутно отметим, что у СВОБОДЫ нет такого оценочного ореола и в негативных контекстах она не встречается).

Отрицательная оценка ВОЛИ, не предполагающая каких-либо ограничений, ввергающая человека в сферу инстинктов, необузданных желаний и влечений, рождает такие значения, как безнравственность, распущенность (ср. вольный 'развратный' Вольная женщина. Шенк., Арх.; вольная невеста 'девушка, ведущая безнравственный образ жизни' Красноуфим., Перм. [СРНГ 5: 88]; вольно 'неприлично, распущенно' (вести себя). Холмог., Арх. [СРНГ 5: 84]; воля 'распущенность' Жену бросил, пошел за волей... Какой уж тут порядок. Енис., Сев.-Двин. [СРНГ 5: 88]; воль 'воля' Смол. заниматься волью 'распутничать' Кемер. Раньше, если девка волью занимается, ей вороты дегтем или смолой мажут [СРНГ 5: 83]; вольница

'девушка, ведущая безнравственный образ жизни' Если девушка не вольница, никто и болтать не станет. Свердл., [СРНГ 5: 84]; простовольный 'распущенный, своевольный' Новг. [СРНГ 32: 244]; распущёнье 'слишком большая свобода, воля' Распущеньё нонь женкам дано, не почитают мужа за мужа. Пинеж., Арх., СРНГ 34: 195; распущёнья 'слишком большая свобода, воля, баловство' Курск [СРНГ 34: 195]; самохотка 'девушка, потерявшая невинность до венца' Новг., Ворон. [СРНГ 36: 111]; самохотная в знач. сущ. 'женщина, родившая до брака' Пенз. [СРНГ 36: 111]).

Эти примеры убедительно свидетельствуют о том, что «референтная сфера существования воли-вседозволенности достаточно чётко очерчена ситуациями, которые связаны с половой распущенностью, а их субъектом выступает женщина. Из всех видов выхода за границы должного языковой личностью диалектоносителя фиксируется экстремальное проявление природного начала, чреватое разрушением традиционных семейных устоев, в которых роль хранительницы отведена женщине» [5. С. 224].

Не случайно вольная жизнь, свободная в нравственном отношении, оценивается как заблудущая жизнь 'жизнь вольная, свободная в нравственном отношении' (Пск. [СРНГ 9: 259]). Это осмысление ВОЛИ говорит о приоритетных установках русской традиционной культуры. И здесь мы должны признать, что, с точки зрения нравственных императивов этой культуры, ВОЛЯ, не предполагающая каких-либо этических ограничений, воля как необузданное желание явно входит в противоречие с этическими нормами, принятыми в обществе, так как человек, не способный противостоять своим желаниям и влечениям, отторгается социумом как не отвечающий его нравственным устоям. Так происходит социализация нравственных постулатов традиционной духовной культуры. И этот факт является убедительным свидетельством победы культуры над стихией природного начала в человеке, ибо «для традиционной деревенской культуры характерен идеал порядка, не согласующийся с вседозволенностью и разгулом воли» [5. С. 230].

ВОЛЯ может осмысляться и в темпоральном аспекте, как временной отрезок в жизни человека, причем применительно к женщине воля — это время до замужества (ср. дёвья воля 'время до замужества' Сев.-Двин. [СРНГ 7: 314]), отсюда восприятие ее как символа (ср. воля 'девичий головной убор в виде широкой ленты'. При обряде расплетания косы невеста дарит ее одной из свадебных подруг, откуда и выражение: снять волю, отдать волю 'о замужестве, выходе замуж' Олон., Красноуфим., Перм. [СРНГ 5: 88)], соответственно неволюшка — это 'замужество' (Пудож., Олон. [СРНГ 20: 357]), ср. в связи с этим русскую пословицу: в девках сижено — плакано, замуж хожено — выто; ср. также воля 'обещание, что что-либо будет сделано, свершится через некоторое время' Уж дай волю, поправлюсь. Перм., Олон. [СРНГ 5: 88]; удовол 'воля, досуг, свободное время' Сиб. [СРНГ 46: 306]; слобода 'воля, свободное время, досуг' Кирил. Волог., Арх., Калуж. [СРНГ 38: 288]).

Соотнесенность ВОЛИ с реальным миром человека делает ее предметом особой любви русского народа, о чем говорит эмоциональный «мо-

дус» лексем с корнем вол- / вел-, ср. волька уменьш. к воля 'воля, свобода': Хоть сухая корка да своя волька (пословица). Черепов., Новг., Арх.; Ты больно-то не давай ребятам вольки. Вят., Влад.; Зато на своей вольке живет. Костром., Моск. [СРНГ 5: 87]; воля в частушках 'милый, любимый' Ср. Урал [СРНГ 5: 88]; вели бог 'дай бог, хорошо' Вели бог у реки жить. Тобол. [СРНГ 4: 106].

Все эти имена говорят о том, что ВОЛЯ в русских диалектах в отличие от литературного языка осмысляется более разнообразно. Другая особенность языка традиционной культуры связана с тем, что ВОЛЯ может соотноситься не только с человеком, но и с окружающим его миром, который также воспринимается сквозь призму ВОЛИ. Причем в этих именах она предстает как божественный промысел (ср. божья воля 'молния' Нижегор., Костром. И погорели от божьей воли // 'непогода' Нижегор. // 'дожди' Иркут. [СРНГ 3: 63]; воля божья 'ненастная погода' (снег, дождь с сильным ветром). Борович., Новг. [СРНГ 5: 88]), ср. также вольготно нареч. 'дождливо, мокро, сыро, грязно' Волог. [СРНГ 6: 84]; вольготный 'влажный' Погода вольготная. ЛитССР [СРНГ 6: 84]; вольно 'прохладно, приятно' Ворон., Холмог., Арх. [СРНГ 6: 85]; невольный 'о дожде' Дожжик идет какой-то невольный! Ульян. [СРНГ 20: 357]).

Связь с окружающим миром просматривается и в именах, в которых ВОЛЯ осмысляется как пространство, причем пространство, понимаемое очень конкретно, так как это, как правило, пастбище, выгон, где пасется скот (ср. воля 'пастбище, выгон', ср. объяснение Даля: Скот на воле ходит, в поле, от этого и самое пастбище, выгон называется волею. Твер., Кемер., Том.; воля 'пастбище, хорошие луга' Тут воля была, ковыль был огромный. Куйбыш. [СРНГ 5: 88]; приволь 'место, где пасется скот' Калин. [СРНГ 31: 148]; приволье 'пастбище, выгон' Смол., Твер., Калуж. [СРНГ 31: 148]) или участок сенокосной земли (ср. вольница 'участок сенокосной земли, находившийся в общем пользовании и делившийся между крестынами ежегодно' Дон. // 'самовольно захваченный участок земли' Косить па вольнице. Терек. [СРНГ 5: 85]; доволье 'угодье, участок земли, пригодный для хозяйственного использования' Ср. Урал [СРНГ 8: 86]; приволь 'земля возле крестьянского надела, уступавшаяся владельцем крестьянину под пастбище' Калуж. [СРНГ 31: 148]).

Наряду с этим значением с ВОЛЕЙ связано и представление о большом, свободном пространстве, где нет никаких ограничений, отсюда ассоциации с раздольем, привольем (ср. вольность 'простор, свободное пространство' Симб. [СРНГ 6: 86]; вольный 'никому не принадлежащий' Сиб. // 'не заселенный, не занятый' (о земле) На вольну землю ехали, земля была вольная. Том. [СРНГ 6: 86]; вольгота 'простор' Ворон. [СРНГ 5: 84]; привольице 'простор, раздолье, приволье' На моей ли на сторонушке есть привольще хорошее. Сарат. [СРНГ 31: 148]; привольство 'приволье, простор' Поселились мы тута в привольстве Забайкалье [СРНГ 31: 148]; приволь (приволье, простор' Есть на нашей на сторонке приволя большая. Волог., Терек. [СРНГ 31: 148]; простовольный 'не занятый, не заполненный

чем-л.' (о месте, пространстве) Ряз. [СРНГ 32: 244]; **пуща** 'отсутствие преград, воля, простор' *Во всю пущу пустили его*. Пек., Осташк., Твер. [СРНГ 33: 177]; *слобода* 'воля, простор, раздолье' Холмог., Арх. [СРНГ 38: 288]).

Вместе с тем нельзя не отметить, что это пространство может восприниматься как чужое, внешнее по отношению к человеку (ср. вольный 'находящийся вне чего-либо, внешний' Том., 1964 // 'совершаемый или происходящий на открытом воздухе, вне помещения' Ленингр. [СРНГ 5: 86]; привольный 'посторонний' Сосед-то привольный, посторонний. Пинеж. Арх. [СРНГ 31: 148]; ходить на волю; сын живет на воле, в Москве. Покров., Юрьев. Влад., Моск.; с воли солод — плохой, не солодит совсем. Перм. [СРНГ 5: 88]).

ВОЛЯ в языке русской традиционной культуры осмысляется и как количественная категория, она является мерилом признака, находящегося либо в норме (отсюда значение 'достаточно', ср. доволь 'вдоволь, довольно, достаточно' Рыбы было до доволе, хлеба было до доволе, всего было до доволе. Турин., Свердл.; до доволи Арх., Шадр., Перм., Олон., Киров.; Давно я простокишки-то не едал, поем у бабки до доволи. Курган., Зауралье, Том. [СРНГ 8: 85]; доволно нареч. 'хорошо, достаточно' Я его доволно знаю. Никол., Волог. [СРНГ 8: 85]), либо достигшего своего высшего проявления (отсюда значения 'очень', 'вдоволь', ср. вольный 'имеющийся в избытке, вдоволь': Хлеб у нас вольный, ребята едят сколько хотят. Мещов., Калуж.; Дрова вольные здесь. Брян. В деревне жисть не то, что в городе, картошка вольная, яблоки вольные. Брян. [СРНГ 5: 87]), 'много' (ср. воля 'вволю, вдоволь, очень много' Воля денег Белозер., Новг.; Масла там, поди, много, воля. Весьегон., Твер. [СРНГ 5: 88]; доволя 'вволю, много' Я сегодня доволя поработал. Тотем., Волог.; *Нынче хлеба* доволя уродилось, покупать не придется. Волог., Калуж., Том. [СРНГ 8: 86]). Таким образом оформляется установка русской культуры: ВОЛИ должно быть много, при этом, однако, она все-таки воспринимается как категория меры, имеющей свой предел.

Итак, язык русской традиционной духовной культуры свидетельствует о том, что **отношение к ВОЛЕ** в этой культуре **неоднозначное**, особенно когда речь заходит о человеке, обладающем этим качеством.

Чем объясняются эти разные коннотации, сопутствующие семантике ВОЛИ? Почему, несмотря на то, что ВОЛЯ – это 'обеспеченная жизнь, достаток, довольство, изобилие', 'свобода', 'приволье', имена, попавшие в семантическое поле ВОЛИ (причем в основном имена, относящиеся к человеку), приобретают часто отрицательную окраску?

Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в тех вековых традициях, которые были привиты русской культуре христианством. Мир русской культуры, и особенно культуры традиционной, окажется непознанным, если не принять во внимание место и значение, отводимое в нем христианству.

Если обратиться к памятникам старославянской и древнерусской письменности, то нетрудно заметить, что внутренняя коллизийность ВОЛИ

связана с тем, что в ее осмыслении переплелись сакральное (Божь" вол") и профанное (сво# вол").

ВОЛЯ в сознании средневекового человека, как и многие другие абстрактные понятия, соотносилась, с одной стороны, с Богом, волею которого была предопределена вся жизнь человека, а с другой - с самим человеком, воля которого хотя и признавалась ничтожной перед Высшей волей (ибо все в мире подчиняется воле Божьей), однако именно волей человека предопределялся его выбор жизни в Боге. В этом случае воля являлась добровольным, сознательным изволением своего "я" (ср. вольнъ 'добровольный, сознательный (СС: 120). И этот духовный акт закладывал основы формирования человека как личности, ибо свидетельствовал о силе его духа. Отсутствие же этой воли (ср. несамовольнъ 'безвольный' [СС: 375]) говорило о слабоволии и малодушии человека (ср. оуныль 'слабовольный, малодушный, равнодушный, вялый' [СС: 741] < оуныти 'пасть духом' [СС: 741]), а значит, о неспособности противостоять злу и творить добро (подробнее см. [13, С. 198]). При этом средневековый человек отчетливо осознавал, что «ход и исход его жизни зависит от чего-то, кроме него самого, от какой-то превозмогающей необходимости, которой он волейневолей должен подчиниться» [14. С. 342]. И имя этой необходимости – Провидение Божье.

Исследование, проведенное В.В. Колесовым [15], показало, что *«воля* до XVII в. находится в полном распоряжении Бога¹, и все пребывают согласно «воле Божьей», поэтому «Творити волю божью» — вполне обычное выражение. Воля небесная идеальна в отношении к очерченной земными пределами свободе. Естественная природность свободы противопоставлена давлению сакральной воли» [16. С. 379]. БОЖЬЯ ВОЛЯ — это веление свыше, указание жизненного пути человеку, и это связано с его предназначением и судьбой. «Воля не просто выбор или приказ, а предначертание судьбы, противостоять которой никто не в силах» [15. С. 44]. И это «понимание воли как проявление судьбы в жизни человека определяет нравственную ее составляющую, наличие БОГА в человеке» [17. С. 57].

Таким образом, «в понимании человека Святой Руси на все существует *Воля Божья*, а человеческий выбор зависит только от нее и должен определяться величием Божественного» [18. С. 145], ср. в связи с этим известное молитвенное прошение «Да будет воля Твоя…», т.е. свобода воли человека проявляется в главном — в выборе жизни в Боге, ср. пословицы: *человек ходит — Бог водит.*; Твори (Бог) Господь волю. Грязов., Волог. [СРНГ 43: 330].

Своя воля поэтому ограничена, с одной стороны, христианскими традициями, а с другой – социально-этическими нормами крестьянской культуры. В многочисленных номинациях, входящих в лексико-семантическое поле ВОЛИ, эта норма ощущается интуитивно, как некий «спущенный»

¹ Попутно заметим, что и в XIX в. это восприятие ВОЛИ по-прежнему сохраняется, ср. известные строки А.С. Пушкина: «Веленью Божьему, о муза, будь послушна» или М.Ю. Лермонтова: «Не будь на то Господня воля, не отдали б Москвы».

кем-то императив. Это понимание ВОЛИ до сих пор сохраняется в диалектах. Именно поэтому неограниченная воля человека, следование лишь своим влечениям, независимость от установленных обычаев, традиций, норм социальной жизни воспринимается отрицательно, как нарушение этой нормы и в целом христианской установки, в соответствии с которой своя воля – это присутствие Бога в душе. В этом смысле ВОЛЯ «ограничена совестью и является внутренним ее проявлением» [16. С. 382]. Таким образом, ВОЛЯ в языке традиционной духовной культуры предстает как этическая категория, так как в ее осмыслении огромное значение имеют нравственные установки, религиозная практика, обычаи и нравы русского народа, уровень духовной культуры которого определяется умением господствовать над своими желаниями и влечениями. «Если ВОЛЯ оказывается духовно беспризорной и нравственно разнузданной, она начинает служить волку в человеке и становится его свирепым орудием, - писал И.А. Ильин. – Невоспитанная, неодухотворенная, необлагороженная воля есть источник всех коварных, злобных и преступных поступков на земле» [19. С. 22]. Эти слова И.А. Ильина подтверждают и русские пословицы: Своя воля – страшнее неволи; Воля губит – неволя изводит и др.

Итак, находясь в рамках языка традиционной духовной культуры, невозможно не почувствовать то мироощущение, то восприятие человеком мира и самого себя, которое стихийно отразилось в диалектном слове. При этом приведенные факты красноречиво говорят о том, что диалектная категоризация ВОЛИ отличается от литературной, поскольку смысловой диапазон этого понятия в языке русской традиционной культуры чрезвычайно широк — от конкретно-бытового, связанного с хозяйственной деятельностью крестьянина, до абстрактного, отсылающего к представлениям о жизни и судьбе человека. В многочисленных номинациях, актуализирующих идею ВОЛИ, раскрылись богатство языка русской традиционной культуры, его своеобразная «философия», которую, перефразируя слова Е.Н. Трубецкого, можно назвать «умозрением в слове».

Думается, что обращение к диалектному слову позволило почувствовать творческие пульсации языковой личности, избежать субъективности в ее оценке и в известном смысле «реконструировать» те культурные смыслы, которые и создают культурный субстрат, который лежит в основе традиционной духовной культуры.

Литература

- 1. Скальковский П.А. Мнения русских о самих себе. М., 2001.
- Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 3: Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989.
- 3. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2010.
- 4. *Толстой Н.И.* Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Избр. труды. М., 1999. Т. 3.
- 5. *Гынгазова Л.Г.* О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. С. 220–229.

- 6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- 7. *Кибрик А.Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 51–77.
- Арутионова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003. С. 73–99.
- 9. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- 10. Урысон Е.В. Словарная статья СВОБОДА 1.1, ВОЛЯ 4.1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003. Вып. 3.
- 11. *Толстая С.М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 215–230.
- 12. Вендина Т.И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах. М., 1999. С. 277–304.
- 13. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- 14. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М., 1988.
- 15. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
- 16. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006.
- 17. *Пименова М.В.* Безэквивалентные концепты (на примере концепта ВОЛЯ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 8, вып. 2: Когнитивная лингвистика. 2010. С. 51–57.
- 18. Платонов О.А. Воля // Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000.
- 19. Ильин И.А. Россия: Путь к возрождению. М., 2017.

Словарные источники

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. 1–4.

CC- Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под. ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1984.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. М. ; Л. (СПб.), 1965–2001. Вып. 1–43. СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.

Фасмер — Φ асмер M. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.

A Substratum Approach to the Dialect Word (On the Semantic Collision of the Concept "Volya")

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 35–52. DOI: 10.17223/19986645/59/3

Tatiana I. Vendina, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: vendit@rambler.ru

Keywords: dialect word, traditional spiritual culture.

The paper deals with one of the key notions of the Russian culture – VOLYA [volition, will]. The research object is Russian dialects since, in the author's opinion, it is the language of traditional spiritual culture that contains the native Russian basis that has not been fogged by the West-European influence and determines the national originality. The author thinks that the references to the opinions and the assessments of any authorities in history, literature and philosophy are poorly convincing as they are always subjective. That is why, when researching the notion VOLYA, it is necessary to penetrate into the language ideology and get rid of obtruded assessments. The author offers the substratum approach to the notion description. The substratum approach is regarded as an approach that reveals not only the dialect word' meaning and inner form but also the ethnic and cultural imperatives that have lead to

the form's actualization. This approach will help to avoid subjectivity in the language personality assessment and to "reconstruct" meanings which are the basis of the traditional culture.

The vast dialect material given in the article proves that, in contrast to the standard language, in the Russian dialects VOLYA is interpreted in a more diverse manner since the environment is also comprehended through the prism of VOLYA. VOLYA in the language of the traditional culture is a polysemantic word which combines abstract, spatial, material, quantitative, temporal and personal meanings. In other words, the meaning range of this notion in dialect is much broader: it ranges from concrete common things connected with peasant household activities to abstract notions referred to life and human fate conceptions.

At the same time, the author discovers the inner ambivalence of VOLYA that is connected with the fact that in its interpretation sacral and common meanings have intertwined. The author proves that, in the interpretation of VOLYA by the language of traditional spiritual culture, moral principles, religious practice, traditions and the Russian temper are of great importance. That is why VOLYA is limited by the Christian traditions, on the one hand, and by the social and ethnic norms of traditional spiritual culture, on the other. This interpretation of VOLYA indicates the priorities of the Russian traditional culture. From the viewpoint of the culture moral imperatives, VOLYA contradicts social and ethnic norms as people unable to resist their desires are antagonized by the society because they do not comply with the society's moral principles. This fact strongly proves the victory of culture against the natural basis in people.

References

- 1. Skal'kovskiy, P.A. (2001) *Mneniya russkikh o samikh sebe* [Opinions of the Russians about themselves]. Moscow: Terra.
- 2. Berdyaev, N.A. (1989) Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 3. Paris: YMCA-Press.
- 3. Solonevich, I.L. (2010) *Narodnaya monarkhiya* [People's monarchy]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
- 4. Tolstoy, N.I. (1999) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 5. Gyngazova, L.G. (2006) O kontsepte "Volya" v individual'nom soznanii nositelya traditsionnoy rechevoy kul'tury [On the concept of "Will" in the individual consciousness of a traditional speech culture representative]. In: Demeshkina, T.A. (ed.) *Aktual'nye problemy rusistiki: Yazykovye aspekty regional'nogo sushchestvovaniya cheloveka* [Topical issues of Russian Studies: Language aspects of regional human existence]. Tomsk: Tomsk State University.
- 6. Humboldt, W. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.
- 7. Kibrik, A.E. (2008) Lingvisticheskaya rekonstruktsiya kognitivnoy struktury [Linguistic reconstruction of the cognitive structure]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 51–77.
- 8. Arutyunova, N.D. (2003) Volya i svoboda [Will and freedom]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Kosmos i khaos* [Logical analysis of language. Cosmos and chaos]. Moscow: Indrik.
- 9. Wierzbicka, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through their keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 10. Uryson, E.V. (2003) Slovarnaya stat'ya SVOBODA 1.1, VOLYa 4.1 [Dictionary entry FREEDOM 1.1, WILL 4.1]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Novyy ob''yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Is. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 11. Tolstaya, S.M. (1989) Terminologiya obryadov i verovaniy kak istochnik rekonstruktsii drevney dukhovnoy kul'tury [The terminology of rituals and beliefs as a source of

- reconstruction of the ancient spiritual culture]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor* [Slavic and Balkan folklore]. Moscow: Nauka.
- 12. Vendina, T.I. (1999) Tsvet v etnokul'turnoy sisteme russkogo, staroslavyanskogo i drevnerusskogo yazykov [Color in the ethnocultural system of the Russian, Old Slavonic and Old Russian languages]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac]. Moscow: Indrik.
- 13. Vendina, T.I. (2002) *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavyanskogo yazyka* [Medieval man in the mirror of the old Slavonic language]. Moscow: Indrik.
 - 14. Solov'ev, V.S. (1988) Sochineniya: v 2 t. [Works: In 2 vols]. Moscow: Mysl'.
- 15. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Russia: A legacy in the word. The world of man]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- 16. Kolesov, V.V. (2006) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- 17. Pimenova, M.V. (2010) Nonequivalent concepts (the Russian concept VOLYA as an example) Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 8 (2). pp. 51–57. (In Russian).
- 18. Platonov, O.A. (2000) Volya [Will]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' russkoy tsivilizatsii* [Encyclopedic Dictionary of Russian Civilization]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
- 19. Il'in, I.A. (2017) Rossiya: Put' k vozrozhdeniyu [Russia: The path to rebirth]. Moscow: RIPOL KLASSIK.

Dictionaries

Dahl, V.I. (1978–1980) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.

Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagovaya, E. (eds) (1984) *Staroslavyanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [Old Slavonic Dictionary (In Manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.

Filin, F.P. & Sorokoletov, F.P. (eds) (1965–2001) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Is. 1–43. Moscow; Leningrad (St. Petersburg): Nauka.

Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–2008) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Is. 1–28. Moscow: Nauka.

Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vols 1–4. Moscow: Progress.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/59/4

М.В. Ларионова, Ю.В. Сливчикова

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНИЯ: НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Исследуются современные тенденции развития политического дискурса Испании на примере дискурса появившейся в 2014 г. партии «Подемос». Анализ философской базы, представляющей собой труды теоретиков постмодернизма и постструктурализма, вместе с обзором теории дискурса в филологическом аспекте позволяют создать основание для комплексного рассмотрения и анализа нового для испанской политической модели дискурса, во многом опирающегося на популизм как политическую стратегию, возникшую в ответ на меняющиеся социокультурные реалии, что даёт возможность объяснить с дискурсивной точки зрения причины резкого роста и последующего спада популярности конкретной партии и подобных ей на политической арене Испании.

Ключевые слова: *политический дискурс, Испания, партия, «Подемос», «постправда».*

Введение. Интерес к изучению политического дискурса как самостоятельного объекта исследования зародился в последней четверти ХХ в. в связи с расширением его задач, инструментов и возможностей, связанных с активным развитием медийной сферы и социальных сетей, выбранных в качестве приоритетного канала трансляции. Теории и практике дискурса посвящены труды ряда зарубежных учёных, в частности Э. Бенвениста, Р. Водака, Дж. Лакоффа, Н. Хомского, Т.А. ван Дейка, У. Чейфа, Ю. Хабермаса и др. Свой вклад в исследование политического дискурса внесли российские исследователи Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др. Тем не менее эволюция политического дискурса, обусловленная изменяющимися социально-культурными условиями, остаётся несомненно актуальной, но пока недостаточно изученной научной проблемой, требующей дальнейшего всестороннего рассмотрения.

Теоретические основания исследования. Политическая нестабильность и разочарование в социальном и научном прогрессе в 70-х гг. прошлого века привели к возникновению во Франции такого философского течения, как постструктурализм. Постструктурализм и выросший на его базе постмодернизм подтолкнули многих учёных к критическому анализу современного им общества и его культуры. Такие исследователи, как Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Лакан, М. Фуко, задают вектор нового осмысления действительности. Реальности отказывают в объективности. Она оказывается лишь результатом бесчисленных проекций и отражений явлений в сознании людей. Логическая система, выстроенная Ф. де Соссюром, предполагающая строгое соответ-

ствие означающего и означаемого окружающих человека знаков, становится трамплином для семиологов, которые теперь отрицают её замкнутость, указывая на бесконечность коннотативных смыслов знака и невозможность его анализа вне общей смысловой ткани языка. Реальность, таким образом, превращается в бесконечный текст, и «вне текста не существует ничего» [1. Р. 35-36]. Отныне все факты окружающей действительности ставятся под сомнение. Привычные разуму вещи становятся двух- и даже многоплановыми, расцениваются как мифы: одежда, еда, фотография, кино. Тексту как мифу, как совокупности смысловых отсылок к другим внележащим текстам становится тесно в рамках науки о языке. Новые горизонты исследований вызывают потребность в создании нового концепта, который бы передавал всю полноту взаимопроникновений различных областей знания, происходящих на «территории» текста. Так в научный обиход входит понятие дискурса – «текста, погружённого в жизнь», который трактуется как «целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [2. С. 136–137].

Предлагаемый в статье вслед за многими учёными подход к рассмотрению дискурса как коммуникативного действия / события, вербализирующего ментальность, и одновременно как письменной или речевой его реализации, текстуальной и интертекстуальной, отражающей дихотомию лингвистического и экстралингвистического в определённом социальном контексте [3. С. 20], позволяет наиболее глубоко раскрыть дискурсивную специфику.

Разделяя мнение О.Л. Михалевой, утверждающей, что «дискурс детерминируется как типом той социальной активности, в рамках которой он осуществляется, так и интенциональным фактором, предопределяющим выбор способов общения» [4. С. 72], мы выделяем политический дискурс как особую дискурсивную практику, которую используют политики при выполнении своих функций для осуществления политической коммуникации. При этом основной интенцией политического дискурса является «борьба за власть» [5. С. 4]. Политический дискурс как коммуникативное действие направлен на определённую аудиторию — электорат — и вербализируется в виде текстов политической направленности. Интертекстуальность, иначе говоря, взаимовлияние и взаимозависимость дискурсивных политических текстов, представляет собой их типологическую характеристику. Подобных взглядов придерживаются испанские исследователи политического дискурса, например М. Альвар, С. Герреро Саласар, Э.А. Нуньес Кабесас [6, 7].

Актуальность, цель и материалы исследования. Актуальность когнитивно-дискурсивного исследования, проводимого в данной статье, определяется необходимостью рассматривать дискурс, в первую очередь политический, не только как объект действительности, который порождается реальностью и служит средством её познания, но и как субъект действительности, который формирует и моделирует политическую реальность. *Цель* предлагаемого в статье исследования — выявление типологических особенностей нового, отличного от системного, варианта политического дискурса в Испании, реализуемого лидерами и идеологами испанской партии «Подемос».

Для достижения поставленной авторами цели были проанализированы как собственно ядро дискурса, представляющее собой программу партии [8], так и его поле: выступления представителей партии на телевидении [9], публикации их интервью в журналах и газетах (в первую очередь в рейтинговых периодических изданиях, таких как «ABC» [10], «EL PAÍS» [11], «EL MUNDO» [12], а также их комментарии в соцсетях [13], послужившие практическим материалом для исследования. Всего проанализировано более 200 дискурсивных текстов. На основании выделения специфических констант дискурса «Подемос» и объяснения их генезиса путём обращения к критическим материалам, созданным собственно испанскими политологами, формулируются выводы, к которым авторы приходят в ходе рассуждений, представленных ниже.

Методы исследования. В статье используется системный подход, основанный на совокупности дискурсивного и когнитивного анализа. Такой подход становится ключом к разгадке многих явлений окружающего мира, так как даёт возможность изучать языковые явления на пересечении двух перспектив, ориентированных на экспликацию когнитивного механизма дискурса с учётом факторов лингвокультурной и социополитической среды. По словам Ю.С. Степанова, «дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми <...> встаёт особый мир возможный (альтернативный) мир» [14. С. 44], в котором действуют свои собственные правила. Именно дискурс представляет возможность не столько для пассивного познания и концептуализации мира, сколько для его активного моделирования. С момента своего появления каждый объект или явление реальности получает многомерное осмысление, производится анализ его валентности, даётся диахроническое и синхроническое описание составляющих его смыслов. Использование сравнительно-сопоставительного метода позволяет выявить новаторские черты дискурса партии «Подемос», отличающие его от традиционного дискурса системных партий.

Дискурс партии «Подемос» как новый вариант политического дискурса Испании. Дискурс, который понимается в статье как инструмент политического влияния, особая информационная среда бытования субъектов политики, коммуникативное действие и его результат — текст, представляет собой основополагающую инфраструктуру политической коммуникации «Подемос». В ней отсутствуют случайные элементы, любое политическое действие тщательно продумано с точки зрения времени, места, формы его осуществления, а также в аспекте его дискурсивной подачи и распространения по медийным каналам. Именно это, в ряду других факторов, позволило «Подемос» добиться глубокого понимания, воспроизведения и подражания, которые встретили её идеи и действия в общественном

сознании простых испанцев, почувствовавших себя преданными традиционными политиками, не защитившими их перед новой социально-экономической реальностью. Их ответом стал мощный электоральный импульс, который они послали новой политической силе — «Подемос», отдав за неё свои голоса.

Философско-идеологические основы политического дискурса «Подемос». Превратив политику из искусства управления в поле идеологической борьбы, заключив её в рамки дискурса, правящие элиты оказались на пороге глубокого идеологического кризиса. Существует мнение, что именно с середины прошлого века достигший своего расцвета маркетинг, в том числе и политический, окончательно разрывает связь между объективной реальностью и субъективным её восприятием широкими массами населения, что заведомо является причиной последующего глубокого разочарования. Политика превращается из искусства управления исключительно в средство достижения и удержания власти, в игру с народом, в которой он, как наивный ребёнок, постоянно проигрывает и оказывается обманутым из-за неспособности трезво оценить преподносимую и часто навязываемую ему информацию. В сознании электората реальность существует не в объективном, а в преобразованном виде, представляясь такой, какой её создали политические акторы, использующие СМИ как ретранслятор своих мнений, суждений, оценок, которые затем перенимает массовая аудитория. Политический дискурс, благодаря управляющим возможностям языка, конструирует действительность в интересах определённых кругов или лиц, при этом собственно манипулятивное воздействие возникает в результате «сознательного раздвоения прокламируемых и истинных намерений» [15. C. 108].

Тактика ведения предвыборных кампаний, представляющих собой не что иное, как театрализованные костюмированные представления, оформляется в отдельную дисциплину: составляются руководства по имиджу политиков, появляются специалисты в данной области, на данные цели начинают выделяться крупные суммы денежных средств. Удивляет тот факт, что даже известность маркетинговых стратегий не спасает электорат от открыто навязываемого ему мнения. Возможно, объяснение этому кроется в самой человеческой природе. Как утверждал Р. Барт, «человек любит знаки и любит, чтобы они были ясными» [16. С. 390]. От осознания того, что он способен разгадать загадку, т.е. прочитать зашифрованное в знаке сообщение, пусть и самое элементарное, он получает огромное удовольствие. Эти положительные эмоции мешают сознанию проследить причинно-следственную связь многих явлений, понять, зачем фокус внимания концентрируется на определённом отрезке действительности, воспрепятствовать, наконец, манипулятивному влиянию на существующую картину мира путём активации сложных кодов, заложенных в репрезентуемых избирателю знаках.

Одними из первых о практическом применении теории дискурса в политике заговорили политологи Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф. В 1985 г. на волне постмодернизма и постструктурализма и под влиянием теории гегемонии Антонио Грамши они создают совместный труд «Гегемония и

социалистическая стратегия» [17], который становится своего рода постулатом нового политического течения — постмарксизма. Отвергая деление общества по экономическому признаку и ставя во главу угла идейные принципы и убеждения, Лаклау и Муфф заявляют о дискурсивной природе политических процессов, определяя политику как чисто идеологическую борьбу. Важная роль в этой борьбе отводится интеллигенции, которая призвана представлять и защищать интересы разрозненных по многочисленным признакам групп населения. При этом, согласно теории Лаклау и Муфф, дискурс должен транслироваться одной личностью, вокруг которой будет строиться народное самосознание [18. Р. 7–18].

Дальнейшее развитие идей постмарксизма в конечном итоге приводит к возникновению левого популизма. Лексема «populismo» стала словом года в Испании в 2016 г. [19]. При этом в новом политическом дискурсе «populismo» используется не в традиционном смысле (политическая позиция или риторика, апеллирующая к широким народным массам), а как политический концепт с новым значением: политическая линия, ориентированная на возвращение власти народу в противовес власти элит. По мнению профессионалов Фонда неологизмов испанского языка, это слово развивает негативную оценочность, получая дополнительные коннотации: эмотивное обращение политиков к гражданам с целью предложить простые решения для сложных проблем (apelación emotiva al ciudadano v la oferta de soluciones simples a problemas complejos) [Ibidem]. Семантической эволюции концепта «populismo» во многом способствовала изменившаяся политическая конъюнктура – знаковые политические трансформации международной ситуации, связанные с брекситом и победой Дональда Трампа на президентских выборах в США.

Лаклау в своих работах понимает популизм в позитивном ключе. Он утверждает, что популизм не является ни идеологией, ни следствием её отсутствия, а представляет собой политическую логику, направленную на достижение реальной демократии. Задача популизма – не только выявление реальных потребностей народа путём выстраивания чёткой границы между действительными интересами населения и навязываемыми ему «извне» правящей кастой, но и их грамотная канализация в одном русле для создания общего направления движения. Это возможно лишь путём создания «пустого означающего», объединяющего в себе означаемые различных дискурсов, некой недостижимой идеи, которая бы мотивировала все группы населения. Лаклау трактует не только идеологию политических партий и движений, но и их деятельность как дискурсивный феномен, определяя дискурс как поле осмысленности, как область, где образуются смыслы и значения. Лаклау настаивает, что не существует вне дискурсивной реальности: политика и есть дискурс. Он интерпретирует дискурс как способность мыслить и действовать в зависимости от определённого смыслового поля, которое первично по отношению к факту – «la hipótesis básica de una aproximación discursiva es que la misma posibilidad de percepción, pensamiento y acción depende de la estructuración de un cierto

сатро significante que preexiste a cualquier inmediatez factual» [20. Р. 7]. Смысл в пространстве политического дискурса, по мысли Лаклау, возникает как результат действия так называемой логики различия, которая и определяет идентичность основных составляющих осмысленности — означающего, того, что обладает смыслом, и означаемого — собственно самого смыслового поля.

Семя, брошенное в землю Лаклау и Муфф, взошло не сразу, но в наши дни плющом расползлось по всему миру, проникая в трещины, возникающие в политических системах и заставляя дрожать стены, выстроенные десятки лет назад традиционными системными партиями. В частности, в Испании стремительно появившаяся на политической сцене в 2014 г. партия «Подемос», возникшая на волне протестной активности «Движения возмущенных» (Los indignados) – недовольных и разочарованных граждан, активно проповедующая заветы Лаклау, уже через несколько месяцев сенсационно набрала на выборах в Европарламент 8% голосов, получив пять депутатских мандатов, а на парламентских выборах в самой Испании 20 декабря 2015 г. в коалиции с рядом левых политических партий завоевала 21% голосов (за неё проголосовали 5,2 млн испанцев), что обеспечило ей 69 мест в нижней палате Кортесов и превратило в третью по степени влияния партию страны [21]. Тем самым был положен конец просуществовавшей почти сорок лет двухпартийной системе в стране. Вместе с новой политической силой возник новый вариант политического дискурса Испании, отличающийся рядом типологических характеристик и кругом концептуальных метафор от традиционного системного дискурса «Народной партии» (Partido Popular) и «ИСРП» (Partido Socialista Obrero Español).

Перформативность как типологическая черта политического дискурса «Подемос». Опираясь на предложенную Эрнесто Лаклау трактовку дискурса, Иньиго Эррехон, идеолог партии, призывает рассматривать политику как борьбу за смыслы (disputa por el sentido, lucha por el sentido de las palabras), а дискурс, или нарратив, как такой способ построения смысла, благодаря которому обретают сущность знания и практические действия (los significados de las cosas no están dados, son producto de una construcción previa) [22. P. 167–168]. Параметры политического дискурса «Подемос» сформировались из политических лозунгов «Движения возмущенных», отразивших проблематику глубокого народного недовольства: Без народа вы – ничто – Sin el pueblo no sois nada; Мы не товар для политиков и банкиров – No somos mercancía de políticos y banqueros; Ни ИСРП, ни НП – Ni PSOE ni PP; Нет, они нас не представляют – No nos representan; Пусть они уйдут – Que se vayan; Ошибка системы – $Error\ del\ sistema;$ Они называют это демократией, но это не демократия — Lollaman democracia v no lo es: Речь не о борьбе левых против правых, это борьба тех, кто внизу, против тех, кто наверху – Esto no es una cuestión de izquierda contra derechas, es de los de abajo contra los de arriba [23].

Анализируя типологические характеристики нового политического дискурса в Испании, отличающие его от традиционного системного, отметим, что он становится перформативным, т.е. используется как политиче-

ское действие и для совершения политических действий, что сближает его с современными популистскими дискурсами в других странах (дискурс Д. Трампа в США, партии «СИРИЗА» в Греции, «Национальный фронт» во Франции). Как известно, понятие перформативности было введено в научный оборот Джоном Остином по отношению к высказываниям, которые не просто описывают действия, но сами являются действиями [24, 25]. Суть одного из главных постулатов перформативности сформулирована Джоном Роджерсом Сёрлом: «перформативные высказывания сами влекут за собой действия, которые они называют» [26. С. 14]. Политические стратеги «Подемос» – Пабло Иглесиас, Иньиго Эррехон, Хуан Карлос Монедеро, Каролина Бесканса и Луис Алегре – умело воспользовались историческим моментом для того, чтобы инициировать диалог с гражданами страны, понимая его как целенаправленное социальное действие, которое осуществляется в ходе борьбы за смыслы (nombrar es hacer política) [27. P. 88] и транслируется через наиболее выигрышные коммуникационные каналы: телевидение, социальные сети, публичные выступления на митингах. Само название партии «Подемос» - Мы можем! - заключает в себе сильный эмоциональный импульс надежды на перемены и веры в свои силы, а также транслирует призыв к действию, которое становится реальным, осуществимым. Ключевые концепты дискурса «Подемос» (ideas fuerza) – noбедить, мы, перемены, стремление, участие, достоинство, прозрачность, граждане, народ, люди, большинство, суверенитет – идентифицируются с самой партией, детерминируя поступки тех, кому они адресованы.

Политический дискурс «Подемос», включающий чётко выверенные понятия (каста и народ, те, кто не каста: casta – pueblo, los que no son casta; те, кто наверху и те, кто внизу: los de arriba – los de abajo и др.) и метафоры (разбить врага – derrotar al enemigo; коты и мыши: gatos – ratones и др.), формулы поведения (например, кормление грудного ребенка в парламенте, отказ приветствовать стоя короля Испании и др.), «новую эстетику» – альтернативные причёски, продуманно небрежный стиль одежды, отсутствие пиджака и галстука – позволили партии победно итурмовать небеса (asaltar los cielos) и завоевать доверие испанского электората, используя в качестве коммуникационных каналов социальные сети, телевидение, радио и прессу.

В идеологических выкладках партии очевидно прослеживаются три базовых популистских дихотомии: каста / народ, враг / герой, будущее / прошлое. Вертикальное разделение общества на касту, мафию, коррумпированных представителей власти и народ, т.е. тех, кто не каста, позволяет объединить лево- и правонастроенных избирателей против общего врага — правящей элиты, выдвинув из рядов партии героя, призванного вернуть прежнее благосостояние народа. Именно в прошлое устремлены взоры популистов в отличие от традиционных политиков, строящих свою программу на будущих перспективах. Прошлое же является источником приятных воспоминаний и эмоций, которые раздуваются политиками новой формации до утопического идеала, «украденного у народа» современным прави-

тельством, на фоне которого настоящее ощущается угнетающим и бесперспективным. Однако это суждение глубоко иррационально. Всё дело в том, что наше политическое сознание является не рациональным, а исключительно эмоциональным. Именно поэтому современная политтехнология строится на создании и поддержании определённого эмоционального состояния электората путём внедрения в коллективную когнитивную картину мира народа необходимых образов и символов.

Обращение к простейшим человеческим инстинктам является одним из инструментов влияния на общественное мнение, используемым «Подемос». Основным инстинктом определённо является страх, страх перед существующей неопределённостью, умело преобразуемый в страх перед будущим в целом с его неизвестностью и настоящим с такими проблемами, как терроризм, миграция и потеря экономического статуса. На подробный анализ существующих в народе волнений, переживаний, умонастроений направлены заказываемые партией профессиональные социологические исследования [28]. Получаемые в ходе этих исследований данные используются для создания так называемой «постправды» – проверенного инструмента популистов. Суть данного концепта заключается не в искажении действительности, но в акцентировании и подчёркивании лишь определённых, выгодных автору дискурса участков реального мира. Термин posttruth (исп. posverdad, pvc. nocmnpaвда) в 2016 г. становится словом года в Великобритании, по мнению составителей Оксфордского словаря. Концепт post-truth «описывает обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» (перевод авторов) [29]. Расширение концептосферы медийного дискурса представляет собой своего рода ответную реакцию на развитие общества и его институтов, технический прогресс, появление новых политических и социально-культурных факторов. В эпоху развития массовых коммуникаций истина становится менее важной, уступая разного рода оценкам и интерпретациям субъективного, а не объективного толка. Именно в 2016 г. на фоне референдума о членстве Великобритании в ЕС и выборов президента США слово post-truth стало особенно актуальным и часто употребляемым в дискурсивном пространстве.

Эмпатия как типологическая черта политического дискурса «Подемос». Эмпатия (исп. empatía, inteligencia emocional) традиционно трактуется как осознанная психологическая способность чувствовать другого человека, его намерения, переживания и воспринимать его мир, как если бы он был твоим собственным. Эмпатичность дискурса «Подемос» как подлинно народной партии — ещё одна его новаторская черта — создаётся путём повторения суждений из народа, что заставляет избирателей считать членов партии «своими». Дискурс «Подемос» адресован в первую очередь простым испанцам, чьи страдания и надежды стали неотъемлемой частью стратегии партии, определяющей её политическую идентичность. Системные партии и их политические лидеры, строящие свой дискурс без оглядки на психологические особенности электората, воспринимаются как «чу-

жие». Эмпатия дискурса «Подемос» позволила сократить дистанцию между партией и её электоратом, сломать стереотип, противопоставляющий политических лидеров (casta, los de arriba) простым гражданам (los que no son casta, los de abajo). По мнению профессора психологии Университета Ла Лагуны (Тенерифе) Венсеслао Пеньяты (Wenceslao Peñate), лидеры «Подемос» эмоционально близки электорату, транслируют новые идеи и искренни в словах и поступках. Они оказались способны увидеть в простом гражданине человека, у которого есть свои трудности и свои нужды. Новизна их политической и дискурсивной деятельности ставит их выше традиционных изрядно надоевших политиков: уже emocionalmente, transmiten frescura y parecen genuinos. Son capaces de reconocer en el ciudadano a alguien con dificultades y necesidades. Están por encima de otros políticos porque no tienen el desgaste de la gestión [30].

Новые концептуальные метафоры политического дискурса «Подемос». Меняющаяся политическая реальность и новое положение «Подемос», вошедшей в испанский парламент, заставляют лидеров партии менять свой дискурс, искать новые сильные метафоры и образы, способные уже не только привлечь, но и удержать внимание электората. В результате частотного анализа эмпирического материала объёмом более 50 п.л. можно выделить следующие метафоры, характерные для актуального дискурса партии «Подемос» последних месяцев. Тех, кого раньше именовали кастой (casta), теперь называют antipatriotas (антипатриоты), los de esmoquin (те, кто в смокинге), mafia del canapé (мафия, которая ест канапе), los que observan desde el palco de honor (те, кто смотрит из ложи почётных гостей), дистанцируя таким образом власти предержащие от простых граждан. Новой константой политического дискурса «Подемос» становится концепт trama, полностью вытеснивший слово casta. Это очень ёмкое понятие, успешно транслирующее важнейший для партии политический смысл: trama – это целая сеть, объединяющая политиков из системных партий, погрязших в коррупции, коррумпированные деловые круги и продажные СМИ, представителей судебной власти, даже членов королевского дома. Тгата – это те, кто имеет реальную власть, те, кто дёргает за ниточки, использует свои связи и финансовые возможности для того, чтобы влиять на курс правительства: ...una suerte de red organizada que conecta a los empresarios más poderosos con algunos dirigentes de partidos políticos tradicionales e incluso algunos representantes del poder judicial; en ella tienen cabida la Casa Real y otras instituciones y actores que, en definitiva, son quienes realmente manejan los hilos, quienes ostentan el poder real» (Pablo Iglesias); «ámbito de la política, de los gobiernos, instituciones y gente de las grandes empresas de España que guardan relaciones personales de muchos años, y que están coordinadas para, cada uno desde su ámbito de actuación, tomar determinadas decisiones importantes para el rumbo de un país (Irene Montero, portavoz de Unidos Podemos en el Congreso) [31].

Однако резкое падение популярности «Подемос» на современном этапе, вызванное, в числе прочего, позицией, которую её руководство занимает по целому ряду ключевых внутриполитических вопросов, и кризисными процессами в руководстве партии, неизбежно ослабляет перформативность и эмпатичность её дискурса, не находящего более надлежащего отклика у электората, ранее поверившего в успех политических заявлений «Подемос».

Результаты исследования. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- стремительный рост рейтинга партии «Подемос» в 2014–2015 гг. свидетельствует об общей тенденции к популизму в испанском политическом дискурсе, что является следствием глобального политического кризиса и на определённом этапе оказывается весьма эффективной стратегией, приносящей голоса избирателей;
- успех «Подемос» во многом детерминирован пониманием того, что дискурс сосуществует с социальными действиями, смысл и значение которых как раз и создаются благодаря дискурсу;
- дискурс «Подемос» перформативен, прагматичен и эмпатичен в той мере, в какой он способен производить коммуникативный эффект, направленный на то, чтобы вызывать у реципиента не только требуемое отношение к сообщаемой информации, но и побудить его действовать;
- перформативность и эмпатичность как типологические характеристики дискурса испанских левых популистов строятся на тройной дихотомии trama / народ, враг / герой, будущее / прошлое, позволяющей создать область «постправды» в сознании избирателей с целью манипуляции общественным мнением.

Анализ результатов. Выделенные авторами статьи типологические особенности современного политического дискурса, объяснение возникновения новейших тенденций в политике Испании, берущих начало в философии постмодернизма и постструктурализма, позволяют рассмотреть в данном ключе политические дискурсы других стран как с целью изучения каждого из них в отдельности, так и для сравнительного анализа.

Заключение. Существует мнение, что быстрый взлёт «Подемос» может закончиться столь же стремительным падением, о чём свидетельствуют нарастающий раскол внутри самой партии и последовательный спад её популярности, который значительно ускорился в связи с позицией её лидера по вопросу каталонского кризиса и референдума о независимости Каталонии 1 октября 2017 г. Причины спада популярности, как это ни странно, совпадают с секретами её стремительного роста. Всё дело в том, что программа партии строится на обещании удовлетворить потребности самых разных и немногочисленных групп населения, что предполагает объединение в рядах избирателей различных общественных классов и групп. Это вызывает потребность создания очень расплывчатого дискурса, исключающего острые темы, обходящего спорные вопросы, который бы мог быть направлен как можно большему количеству людей. Другими словами,

пользуясь принципами популизма, партия объединяет в своём дискурсе целый ряд дискурсов, часто противоречащих друг другу, с целью достижения власти, но не с целью реального решения накопившихся в стране проблем, поскольку для этого необходимо выработать чёткую стратегию, воплощение которой всегда требует ущемления интересов одной из сторон. Популизм, создающий политический субъект без чётких очертаний, который зиждется на коллективном эмоциональном подъёме, является эффективным средством для достижения власти в предвыборной борьбе, однако впоследствии становится причиной внутреннего кризиса и требует стабилизации внутрипартийных отношений и выработки чёткой стратегии. Ещё одним тактическим просчётом «Подемос» становится намерение использовать народ в борьбе с «кастой», «мафией», правящим меньшинством без чёткого понимания, что есть народ и на какой социальной ступени проходит граница между «своими» и «чужими». Современные испанские популисты сами себя обрекают на провал, стараясь угодить всем «indignados» сразу и парализуя тем самым свою политическую волю. Объединение противоречивых интересов внутри одного дискурса рано или поздно приводит к кризису доверия всех поддерживающих данный дискурс сторон.

В отличие от Грамши, отрицавшего тактику открытого боя и предпочитавшего тактическую войну в политике, предполагающую долгий процесс создания необходимой среды для смены власти, Лаклау и Муфф, а вслед за ними и лидеры «Подемос» считают необходимым сначала прийти к власти, а потом уже сверху пытаться изменить сложившуюся ситуацию. Коммуникативная стратегия «Подемос», представляющая собой совокупность концептов, образующих ментальное пространство их дискурса, служит для репрезентации окружающей действительности и одновременно для её моделирования с помощью целенаправленных социальных действий, задачей которых является, к сожалению, не изменение общественного сознания с целью глобального социального преобразования, как было завещано Грамши, а собственно приход к власти, о чём свидетельствует глубокий внутрипартийный кризис, мешающий партии развивать собственные идеи.

Литература

- 1. *Derrida J.* Double Session // Derrida J. Dissemination. Chicago: University of Chicago Press; London: The Athlone Press, 1981. P. 173–286.
- 2. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 136–137.
- 3. *Ларионова М.В.* Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции? М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 20.
- 4. *Михалева О.Л.* Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 72.
- 5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. С. 4.
- 6. *Alvar M. (coord.)* El lenguaje político. Madrid : Fundación F. Ebert e Instituto de Cooperación Iberoamericana, 1987. 221 p.
- 7. *Guerrero Salazar S., Núñez Cabezas E.A.* El lenguaje político español. Madrid, Cátedra, 2002. 555 p.

- 8. *PODEMOS*. URL: https://podemos.info/podemos-ya-tiene-programa-aqui-resumido-en-29-claves/ (дата обращения: 10.10.2017).
- 9. LA TUERKA. URL: http://www.latuerka.net/ (дата обращения: 11.08.2017).
- 10. ABC. URL: https://www.abc.es/ (дата обращения: 11.08.2017).
- 11. EL PAÍS. URL: https://elpais.com/ (дата обращения: 11.08.2017).
- 12. EL MUNDO. URL: http://www.elmundo.es/ (дата обращения: 11.08.2017).
- 13. Pablo Iglesias. URL: https://twitter.com/pablo_iglesias_ (дата обращения 10.10.2017).
- 14. Степанов Ю.С. Альтернативный мир: Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. : сб. ст. М., 1995. С. 44.
- 15. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
- 16. *Барт Р*. Система Моды: Статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
- 17. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and social strategy. London: Verso, 1985. 197 p.
- 18. *Laclau E.* Discurso // Estudios: filosofía, historia, letras. México, D.F.: Instituto Tecnológico Autónomo de México, Departamento Académico de Estudios Generales. Sección textos, nueva época, 2004. Vol. 2, № 68. P. 7–18.
- 19. Fundéu BBVA. URL: https://www.fundeu.es/recomendacion/populismo-palabra-del-ano-2016-para-la-fundeu-bbva/ (дата обращения: 12.08.2017).
- 20. *Laclau E.* Discurso // Estudios: filosofía, historia, letras. México, D.F.: Instituto Tecnológico Autónomo de México, Departamento Académico de Estudios Generales. Sección textos, nueva época, 2004. Vol. 2, № 68. P. 7.
- 21. JUNTA ELECTORAL CENTRAL. URL: http://www.juntaelectoralcentral.es/cs/jec/elecciones/Generales-diciembre2015?p=1379061494717 (дата обращения: 10.10.2017).
- 22. *Errejón I.* La lucha por la hegemonía durante el primer gobierno del MAS en Bolivia (2006–2009): un análisis discursivo. Tesis doctoral. Madrid : Universidad Complutense de Madrid, 2012. 656 p.
- 23. Robledo P. Las frases y lemas del Movimiento 15M más utilizados. URL: www.movimiento15m.org/2013/07/las-frases-y-lemas-del-movimiento-15m.html (дата обращения: 11.09.2017).
- Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. М., 2006. С. 264.
- 25. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. М., 1999. С. 19.
- 26. Сёрл Дж.Р. Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл ; пер. с англ. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2010. С. 14.
- Monedero J.C. Curso urgente de política para gente decente. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 2014. 246 p.
- 28. *La estrategia* de los morados. Podemos encarga un estudio para mejorar la imagen de Pablo Iglesias. URL: https://www.elperiodico.com/es/politica/20170514/podemosencarga-estudio-mejora-imagen-pablo-iglesias-6034240 (дата обращения: 10.10.2017).
- 29. Oxford Dictionaries. URL: http://en.oxforddictionaries.com (дата обращения: 2.08.2017).
- 30. Soteras A. Los políticos suspenden en inteligencia emocional, salvo los emergentes. URL: https://www.efesalud.com/los-politicos-suspenden-en-inteligencia-emocional-salvo-los-emergentes/ (дата обращения: 11.08.2017).
- 31. *López de Miguel A.* Cambio de discurso en el nuevo Podemos: de la casta a la trama. URL: http://www.publico.es/politica/cambio-discurso-nuevo-casta-trama.html (дата обращения: 15.11.2017).

Modern Spain: New Political Reality - New Political Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 53–66. DOI: 10.17223/19986645/59/4

Marina V. Larionova, Yuliya V. Slivchikova, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: larionova.m@list.ru / aurora85@bk.ru

Keywords: discourse, Spain, politics, party, "Podemos", "posttruth".

The article aims to specify the typological characteristics of the new, different from the traditional one, Spanish political discourse. This discourse is mainly based on the political strategy of populism leaders of the Podemos political party realize; it represents and models the reality by means of targeted social actions. The research is based on a complex approach that combines discourse and cognitive analyses: this approach allows studying language phenomena from different perspectives that are focused on explaining the discourse cognitive mechanism taking into consideration its linguocultural and sociopolitical aspects. The research material consists of the discursive texts of Podemos leaders such as their public program speeches, TV appearances, published interviews, social media comments. The discourse as the mainframe of the Podemos political communication is understood as a manipulation tool, a special environment of the political subjects' activities, a communication act and a text as its result. The success of Podemos in 2014–16 is mainly explained by the combination of the discourse and social acts that acquire the new specific meaning thanks to this very discourse.

Analyzing discourse not only as an object of the reality that is generated by this reality and is a means of cognizing it but also as a subject of the reality that forms and models the political environment, the authors of the study lay emphasis on the performativity, pragmativity and empathy as the typological characteristics of the Spanish left populist discourse. Their discourse based on the triple dichotomy trama/people, enemy/hero, future/past leads to the creation of the post-truth in the collective unconscious of the electorate assigned to shape the public opinion. The typological characteristics of the modern Spanish political discourse, as well as the explanation of the tendencies in Spanish politics originated in the postmodernist and poststructuralist philosophy, bring the opportunity to examine the political discourse of other countries in particular and make a comparative analysis.

References

- 1. Derrida, J. (1981) *Dissemination*. Chicago: University of Chicago Press; London: The Athlone Press. pp. 173–286.
- 2. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: Yartsev, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- 3. Larionova, M.V. (2015) *Ispanskiy gazetno-publitsisticheskiy diskurs: iskusstvo informatsii ili masterstvo manipulyatsii?* [Spanish newspaper and journalistic discourse: the art of information or the skill of manipulation?]. Moscow: MGIMO University.
- 4. Mikhaleva, O.L. (2009) *Politicheskiy diskurs: Spetsifika manipulyativnogo vozdeystviya* [Political discourse: Specificity of the manipulative impact]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
- 5. Sheygal, E.I. (2004) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis,
- 6. Alvar, M. (1987) *El lenguaje político*. Madrid: Fundación F. Ebert e Instituto de Cooperación Iberoamericana.
- 7. Guerrero Salazar, S. & Núñez Cabezas, E.A. (2002) El lenguaje político español. Madrid: Cátedra.
- 8. *PODEMOS*. [Online] Available from: https://podemos.info/podemos-ya-tiene-programa-aqui-resumido-en-29-claves/. (Accessed: 10.10.2017).
- 9. LA TUERKA. [Online] Available from: http://www.latuerka.net/. (Accessed: 11.08.2017).
 - 10. ABC. [Online] Available from: https://www.abc.es/. (Accessed: 11.08.2017).
 - 11. EL PAÍS. [Online] Available from: https://elpais.com/. (Accessed: 11.08.2017).
- 12. EL MUNDO. [Online] Available from: http://www.elmundo.es/. (Accessed: 11.08.2017).

- 13. *Pablo Iglesias*. [Online] Available from: https://twitter.com/pablo_iglesias_. (Accessed 10.10.2017).
- 14. Stepanov, Yu.S. (1995) Al'ternativnyy mir: Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative World: Discourse, Fact and the Principle of Causality]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa XX v.* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow: RSUH.
- 15. Karasik, V.I. (2010) Yazykovaya kristallizatsiya smysla [Linguistic crystallization of meaning]. Moscow: Gnozis.
- 16. Barthes, R. (2003) *Sistema Mody: Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System: Articles on the semiotics of culture]. Translated from French. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
 - 17. Laclau, E. & Mouffe, Ch. (1985) Hegemony and social strategy. London: Verso.
 - 18. Laclau, E. (2004) Discurso. Estudios: filosofía, historia, letras. 2 (68). pp. 7–18.
- 19. Fundéu BBVA. [Online] Available from: https://www.fundeu.es/recomendacion/populismo-palabra-del-ano-2016-para-la-fundeu-bbva/. (Accessed: 12.08.2017).
 - 20. Laclau, E. (2004) Discurso. Estudios: filosofía, historia, letras. 2 (68). pp. 7–18.
- 21. JUNTA ELECTORAL CENTRAL. [Online] Available from: http://www.juntaelectoral-central.es/cs/jec/elecciones/Generales-diciembre2015?p=1379061494717. (Accessed: 10.10.2017).
- 22. Errejón, I. (2012) La lucha por la hegemonía durante el primer gobierno del MAS en Bolivia (2006–2009): un análisis discursivo. Tesis doctoral. Madrid: Universidad Complutense de Madrid.
- 23. Robledo, P. (2013) Las frases y lemas del Movimiento 15M más utilizados. [Online] Available from: www.movimiento15m.org/2013/07/las-frases-y-lemas-del-movimiento-15m.html. (Accessed: 11.09.2017).
- 24. Austin, J.L. (2006) *Tri sposoba prolit' chernila* [Three ways of spilling ink]. Translated from English by V. Kiryushenko. Moscow: Aleteyya, St. Petersburg State University.
- 25. Austin, J.L. (1999) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from English by L.B. Makeeva, V.P. Rudnev. Moscow; Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi. pp. 13–138.
- 26. Searle, J.R. (2010) *Filosofiya yazyka* [The philosophy of language]. Translated from English. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
- 27. Monedero, J.C. (2014) *Curso urgente de política para gente decente*. Barcelona: Editorial Planeta, S.A.
- 28. Elperiodico.com. (2017) *La estrategia de los morados. Podemos encarga un estudio para mejorar la imagen de Pablo Iglesias*. [Online] Available from: https://www.elperiodico.com/es/politica/20170514/podemos-encarga-estudio-mejora-imagen-pablo-iglesias-6034240. (Accessed: 10.10.2017).
- 29. Oxford Dictionaries. [Online] Available from: http://en.oxforddictionaries.com. (Accessed: 2.08.2017).
- 30. Soteras, A. (2015) Los políticos suspenden en inteligencia emocional, salvo los emergentes. [Online] Available from: https://www.efesalud.com/los-politicos-suspenden-en-inteligencia-emocional-salvo-los-emergentes/. (Accessed: 11.08.2017).
- 31. López de Miguel, A. (2017) *Cambio de discurso en el nuevo Podemos: de la casta a la trama*. [Online] Available from: http://www.publico.es/politica/cambio-discurso-nuevo-casta-trama.html. (Accessed: 15.11.2017).

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/59/5

Е.Н. Мололыченко

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ «ЧУЖОГО» В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РИТОРИКЕ

Исследуется инструментальная функция создания образа чужого в американской президентской риторике конфронтационного типа. Для достижения данной цели был проведен анализ текстов выступлений Д. Трампа и Дж. У. Буша. В процессе анализа демонстрируется, что в текстах осуществляется развертывание двух взаимозависимых коммуникативных стратегий — создания образа чужого и обоснования политического решения. Обсуждение результатов позволяет поставить вопрос о возможной мере интерпретативности текстоориентированных исследований и дальнейшем развитии лингвистической науки в этом направлении.

Ключевые слова: дискурс-анализ, прагматическая интерпретация, персуазивность, политический дискурс, риторика, президентская риторика, «свои – чужие».

Введение

Политическая коммуникация и политический дискурс (ПД) остаются одной из наиболее популярных сфер применения лингвистического анализа. Традиционным ракурсом изучения ПД является исследование текстов с точки зрения их персуазивной и манипулятивной функции (см., например: [1–4]). В этом случае исследователи исходят из представления о том, что лингвистический анализ может выявить и объяснить, как определенные языковые структуры используются для вариативной интерпретации действительности и/или вуалирования глубинных смыслов, недоступных реципиентам, которые не имеют специальной лингвистической подготовки. Примером конкретной задачи, решаемой в подобных работах, может быть выявление и описание стратегий легитимизации политических действий в интересах некоторой группы субъектов, как правило наделенных властью [5–10].

Вторым популярным лейтмотивом является изучение ПД с точки зрения конструирования в нем противопоставленных групп субъектов. Для описания процесса такого конструирования в ПД обращаются к так называемой категории «свои – чужие» [11–14]. Варианты операционализации данной категории в лингвистических исследованиях весьма разнообразны (см.: [6, 15–19]. Можно сказать, что категория «свои – чужие» обладает значительной аналитической гибкостью и является частью теоретической рамки в исследованиях дискурса на предмет конструирования и выраже-

ния (политизированных) идентичностей индивидов и групп различного масштаба [20].

Очевидно, что реализации подобных исследовательских проектов сопутствуют два процесса. Во-первых, лингвистический анализ становится междисциплинарным. Для интерпретации дискурса в широкой социокультурной перспективе привлекаются релевантные социальные теории, а также иногда стирается граница между лингвистическим анализом и социологическим анализом (см., например: [21–23]). Во-вторых, исследование часто перестает быть ценностно нейтральным. В дискурс-аналитическом проекте исследователь отталкивается от социальной проблемы и подбирает языковой материал и инструментарий с целью ее критического освещения [24. С. 33].

Действительно, лингвистические исследования ПД традиционно имеют критическую направленность. К примеру, критическая лингвистика — предшественник современного критического дискурс-анализа — зарождалась как дисциплина, преимущественно нацеленная на изучение ПД [25, 26]. Сам критический дискурс-анализ (КДА) также изначально был ориентирован в основном на исследование этого типа дискурса [3, 22, 27–30].

Такая критическая направленность, однако, не является непроблематичной. Целым рядом исследователей были поставлены под сомнение не только результаты, полученные в рамках КДА, но и сам подход с его теоретическими, методологическими и ценностными установками [31–38]. Одним из спорных моментов как раз является позиционирование изучаемых текстов и дискурсов как манипулятивных. Подобное формулирование исследовательских задач рискует не быть ценностно нейтральным, а также зачастую приводит к подмене описания лексико-грамматических закономерностей «как есть» интерпретацией их эффекта. При этом под сомнение не ставится фактическое наличие этих эффектов в реальной коммуникативной ситуации, и/или не обсуждаются возможные ограничения такого интерпретативного подхода.

Принимая во внимание сказанное выше, определим цель данной работы как исследование категории «свои — чужие» на двух взаимосвязанных уровнях — семантическом и прагматическом — в рамках одного жанра американской президентской риторики. С семантической точки зрения «актуализация» категории «свои — чужие» представляет собой речевое конструирование образов ин- и аутгруппы. Задача анализа на этом уровне — описание языковых ресурсов, используемых для создания этих образов, а также преемственности использования таких ресурсов в рамках жанра. Рассмотрение этих же ресурсов как инструментов обоснования политических решений переводит исследование в прагматическую плоскость. Задача исследования на данном уровне — попытка строгой прагматической интерпретации текста исходя из той инструментальности, которая может наиболее непротиворечивым образом быть «прочитана» в самом тексте и/или верифицирована путем обращения к историческому контексту исследуемого дискурса. Последующее обсуждение результатов анализа призвано

внести вклад в дискуссию о допустимой мере интерпретативности лингвистических исследований и о представлении знания, полученного лингвистическими методами, как «обоснованного и доказательного» [37. С. 84].

Свои и чужие в политическом дискурсе

Использование категории «свои – чужие» в качестве инструмента легитимизации некоторого политического решения обсуждалось в целом ряде исследований. Например, было отмечено, что создание негативного образа иммигрантов является одним из коммуникативных ходов легитимизации их депортации [5]. В аналогичном ключе было продемонстрировано, что создание негативного образа западных стран и одновременная «глорификация» действий ингруппы играет ключевую роль в легитимизации иранской ядерной программы [39]. Использование категории «свои – чужие» было также исследовано в сопоставительном анализе речей Дж.У. Буша и Ф.Д. Рузвельта как риторического инструмента «призыва под знамена» ("call-to-arms"; см. [6]).

Продолжая традицию изучения использования данной категории как риторического инструмента в президентской риторике, мы задаем в анализе несколько иные акценты. Основное внимание в работе сосредоточено на изучении не одного из аспектов данной диады (создания образа чужого *или* процесса легитимизации), а их взаимной обусловленности и одновременной текстовой реализации, выражающейся в «сплетении» двух взаимодополняющих коммуникативных стратегий.

Стоит, однако, заметить, что обсуждение таких явлений, как «легитимизация» или «манипуляция», при анализе дискурса, хотя и является распространенной практикой, связано с рядом сложностей. Так, проблематично наличие у исследователя определенной ценностной установки. Как известно, исследования в рамках КДА сами часто подвергаются критике ввиду «ценностной пристрастности», с которой аналитики данного подхода обращаются к тексту [33, 36]. Такая ситуация наблюдается, если исследователь начинает анализ дискурса с однозначной интенцией показать, что в тексте отражена, например, расистская идеология или что-то подобное [24. С. 33; 32. Р. 53].

Основной же проблемой дискурс-анализа как метода с точки зрения его критиков является то, что дискурс-аналитики пытаются свести прагматику текста к его семантике (подробнее см. [36]). Так, одним из спорных методологических приемов критического подхода к анализу ПД является тенденция рассматривать интерпретацию ПД, выводимую исследователем из некоторой комбинации языковых средств в тексте, как объективную и единственно возможную. Проявлением такого подхода как раз и является изучение ПД в аспекте манипуляции часто без должной проблематизации фактического наличия эффекта манипуляции в реальной коммуникативной ситуации. Такая расстановка акцентов, как показывает изучение истории вопроса, является распространенной и, по всей видимости, обоснованной

[1, 3, 4, 40]. Думается, что при этом следует как минимум подчеркивать, что автор говорит о персуазивном или манипулятивном *потенциале* описываемых языковых средств или текстовых стратегий, а не о фактически наблюдаемом эффекте.

Приведенные выше оговорки о теоретических лакунах, ограничениях метода и возможностях объективной интерпретации не снижают значимость исследований ПД как таковых. Однако подобные оговорки должны все же быть обязательным содержательным компонентом этих исследований, особенно в тех случаях, когда акцент смещается в сторону обсуждения прагматики.

Материал и метод

Основным материалом исследования послужила публичная речь американского президента Д. Трампа, посвященная обсуждению военной кампании в Афганистане [41]. Такой тип текста мы относим к особому жанру американской президентской риторики – конфронтационным речам. С тематической точки зрения такие речи целиком или в значительной мере посвящены описанию политического конфликта; одной из основных коммуникативных задач таких речей является дискредитация политического противника или демонизация врага [42. С. 109–142].

С целью демонстрации преемственности использования обсуждаемых языковых средств и стратегий в рамках жанра было проведено их сравнение с аналогичными явлениями в текстовом массиве публичных речей Дж.У. Буша, произнесенных в 2001–2004 гг. Данный массив включает 28 текстов публичных речей и два транскрипта пресс-конференций общим объемом 97 тысяч слов. Все тексты в той или иной мере посвящены обсуждению конфронтации США с внешними врагами. В период с 2001 по 2004 г. таковыми преимущественно были Ирак в лице его лидера Саддама Хуссейна и террористические организации в лице Усамы бен Ладена.

Анализ проводится с опорой на следующий ряд лингвистических инструментов.

Во-первых, анализируются номинации, используемые для обозначения групп субъектов в рамках категорий «свой» и «чужой» с точки зрения их оценочной семантики. Типичным вариантом стратегического использования номинаций в текстах конфронтационной риторики является конструирование негативного (или позитивного) «семантического поля», состоящего из множества языковых единиц с однотипной семантикой и/или схожим оценочным компонентом.

Во-вторых, при анализе текстов используется понятие «метафоризация». Метафоризация в традиции, популяризированной Дж. Лейкоффом и М. Джонсоном, понимается как процесс осмысления и переживания сущности одного типа в рамках сущности другого типа. Метафора обычно рассматривается как одно из наиболее популярных средств манипулирования и поэтому является ключевой категорией исследований ПД [2, 43, 44].

Одной из разновидностей метафоры можно считать номинализацию, т.е. представление процесса в виде сущности [45. Р. 636–658]. При этом теряются важные компоненты, свойственные процессу / глаголу, — временная форма и субъекты / объекты действия. Такое представление может повлечь устранение ответственности за выполнение указанного действия или «схлопывание» настоящего и будущего времени, что может быть использовано для трактовки предсказываемого события как реально существующего «здесь и сейчас» [42. С. 126]. Номинализация также традиционно является одной из ключевых категорий анализа ПД (см., например, [46]).

Исходя из общей установки данной работы, следует оговориться: как и другие так называемые персуазивные средства, метафоры и номинализации обладают лишь некоторым *потенциалом* вариативно интерпретировать действительность и вводить в заблуждение. Это вовсе не означает, что на практике будет достигнут именно такой эффект.

В-третьих, для обозначения стандартных повторяющихся тем, или «семантических шаблонов», нами используется понятие «лейтмотив» 1 .

В-четвертых, для анализа шаблонов аргументации используется понятие «энтимема». В риторике энтимемой называется сокращенный силлогизм — особый способ рассуждений и построения умозаключений. Полный силлогизм предполагает наличие двух посылок (большой и малой) и одного выводимого из них заключения; в энтимеме один из этих элементов подразумевается [47. Р. 121–131]. Так, в президентской конфронтационной риторике часто подразумевается большая посылка. Причем подразумеваемая пропозиция регулярно повторяется в рамках данного жанра, что позволяет отнести ее к лейтмотивам.

В-пятых, отдельные языковые средства рассматриваются как развертываемые в пределах текста в составе коммуникативной стратегии. Под коммуникативной стратегией понимается упорядоченный отбор и использование языковых средств разных уровней для реализации предполагаемой коммуникативной (под)задачи [42. С. 89–100]. Исходя из заданной в статье теоретической рамки, в изучаемом тексте можно выделить две коммуникативные стратегии – стратегию создание образа чужих и риторическую стратегию легитимизации политических решений.

Создание образа чужих

Лингвистическое конструирование категории чужих традиционно осуществляется путем концентрированного использования негативных оценочных номинаций субъектов, входящих в аутгруппу, а также номинаций их деятельности. В данном тексте [41] такими единицами являются terrorists, terrorist groups, terrorist enemies, designated foreign terrorist organizations, agents of chaos, violence and terror, terror groups, thugs, criminals, predators, enemies, militants, the enemy и losers, образующие семантическое

¹ В дискурс-историческом подходе (Discourse-Historical Approach) такую категорию традиционно называют топосом [28. Р. 74], что, по-видимому, не вполне корректно (см. [34]).

поле. Из содержания текста становится ясно, что ключевые субъекты категории «чужие» – террористические организации.

Например, Д. Трамп использует следующий ряд лексем для обозначения террористов:

They are nothing but *thugs* and *criminals* and *predators* and – that's right – *losers*. [41]

В лингвистических исследованиях ПД для обозначения таких номинаций иногда используют также термин «ярлык». Интересно отметить принципиальную преемственность использования ярлыков в рамках изучаемого жанра. Так, ярлык *thugs* использовался для именования режима Саддама Хуссейна в конфронтационной риторике Дж.У. Буша, ср.:

There are still *violent thugs* and murderers in Iraq, and we're dealing with them. But no one can argue that the Iraqi people would be better off with *the thugs* and *murderers* back in the palaces [48].

В текстовом массиве конфронтационных речей Дж. У. Буша данная лексема встречается в похожих контекстах 7 раз, лексема *criminals* – 8. Однако лексемы *predators* и *loser* в указанном массиве не встречаются. При условии повторного использования двух данных лексем в последующих речах будет происходить своеобразное приращение лексического инвентаря риторических средств жанра.

Второй аспект конструирования категории чужих — характеристика их деятельности. С одной стороны, данный аспект подразумевает создание негативного семантического поля, с другой — этот же аспект может быть описан как набор лейтмотивов.

Во-первых, лейтмотивом президентской конфронтационной риторики является «убийство невиновных». Так, Д. Трамп упоминает один из последних на момент произнесения речи инцидентов подобного плана — теракт в Барселоне. Из примера также ясно, что такие лексемы, как *vile*, *vicious*, *mass murder*, могут быть рассмотрены как часть негативного семантического поля, характеризующего деятельность террористов, ср.:

We need look no further than last week's *vile*, *vicious* attack in Barcelona to understand that terror groups will stop at nothing to commit the *mass murder* of *innocent men*, *women and children* [41].

Аналогичные лейтмотивы не сложно найти и в президентской риторике предшественников Д. Трампа. Следующий фрагмент иллюстрирует использование такого коммуникативного хода Дж.У. Бушем опять же для характеристики режима Ирака и его лидера Саддама Хуссейна:

Saddam Hussein has placed Iraqi troops and equipment *in civilian areas*, attempting to use *innocent men*, *women and children* as shields for his own military; a final atrocity against *his people* [49].

В текстовом массиве риторики Дж.У. Буша лексема *innocent* используется в подобных контекстах 45 раз, что подтверждает распространенность данного лейтмотива.

Следующий лейтмотив – лейтмотив «угроза». Ключевым механизмом реализации данного лейтмотива является метафора и – более конкретно –

номинализация. В конфронтационной президентской риторике «чужие» и их прогнозируемая деятельность отражены при помощи номинализации *threat*, ср. следующий пример из речи Д. Трампа:

Military power alone will not bring peace to Afghanistan or stop the *terrorist threat* arising in that country [41].

В риторике Дж. У. Буша лейтмотив угрозы также был популярен, а номинализация *threat* была одной из ключевых лексем, характеризовавших деятельность террористов и Саддама Хуссейна, ср.:

But the only way to defeat terrorism as a *threat* to our way of life is to stop it, eliminate it, and destroy it where it grows [50].

В собранном нами текстовом массиве речей Дж.У. Буша лексема *threat* и ее производные встречаются 171 раз. Исходя из такой частотности, можно также предположить, что акцентирование угрозы служит, с точки зрения политиков, наиболее весомым аргументом для обоснования начала или продолжения военной кампании в стране, представляющей такую угрозу.

Еще один лейтмотив связан с представлением террористических организаций как находящихся в процессе увеличения своей мощи и/или планирования дальнейшей угрожающей активности. Примером такого лейтмотива может служить следующий отрывок из речи Дж.У. Буша:

In cells and camps, terrorists *are plotting further destruction*, and *building new bases* for their war against civilization [51].

К вариации такого лейтмотива мы также отнесем метафорическое представление террористов как единого живого организма; предикатами, характеризующими его деятельность, являются предикаты вроде «расти» или «распространяться» (с целью осуществления дальнейшей угрожающей активности). Ср. пример из речи Д. Трампа:

The vacuum we created by leaving too soon gave safe haven for ISIS to spread, to grow, recruit and launch attacks. We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq [41].

Легитимизация политических решений

Вторая выделяемая нами стратегия – стратегия легитимизации политических решений. В данном случае суть политического решения суммирована оратором в начале речи:

I am here tonight to lay out our path forward in Afghanistan and South Asia.

Как становится ясно из приведенного высказывания и из оставшейся части текста, конкретная реализация данного политического решения сводится к двум составляющим. Во-первых, план Д. Трампа предполагает сохранение военного присутствия в Афганистане (например: the consequences of a rapid exit are both predictable and unacceptable). Во-вторых, коррекцию политической стратегии и стратегии ведения военных действий в Азии вообще. Изменение политики в Азии включает следующие меры:

– неожиданные наступательные операции (America's enemies must never know our plans or believe they can wait us out. // I will not say when we are going to attack, but attack we will.);

- использование всех доступных рычагов политического влияния (Another fundamental pillar of our new strategy is the integration of all instruments of American power diplomatic, economic, and military toward a successful outcome);
- изменение практики взаимодействия с Пакистаном (The next pillar of our new strategy is to change the approach in how to deal with Pakistan);
- развитие отношений с Индией (Another critical part of the South Asia strategy for America is to further develop its strategic partnership with India, the world's largest democracy and a key security and economic partner of the United States);
- устранение бюрократических преград для принятия решений командирами на поле боя (I have already lifted restrictions the previous administration placed on our war fighters that prevented the secretary of defense and our commanders in the field from fully and swiftly waging battle against the enemy).

Учитывая, сколько «риторических усилий» затрачивается на фокусирование группы чужих в данном тексте (см. выше), можно предположить, что именно создание оппозиции «свои – чужие» и сопутствующая демонизация чужих играют ключевую роль в обосновании предлагаемых политических действий. При этом конкретные действия в отношении каждой из перечисленных в тексте стран зависят от того, в какой мере данная страна может быть отнесена к категории чужих . Соответственно, для включения страны в данную категорию оратор обращается к популярному в конфронтационной риторике лейтмотиву — «давать убежище». Одним из наиболее типичных оборотов для реализации этого коммуникативного хода является выражение «тихая гавань» (save haven), которую Афганистан и Пакистан, по словам оратора, предоставляют террористам. В речи Д. Трампа данное выражение встречается несколько раз, ср.:

For its part, Pakistan often gives *safe haven* to agents of chaos, violence and terror [41].

We can no longer be silent about Pakistan's *safe havens* for terrorist organizations, the Taliban and other groups that pose a threat to the region and beyond [Ibidem].

The vacuum we created by leaving too soon gave *safe haven* for ISIS to spread, to grow, recruit and launch attacks [41].

Аналогичные смыслы выражены в данной речи такими лексемами, как shelter, house и harbor:

...the worst terrorist attack in our history, was planned and directed from Afghanistan because that country was ruled by a government that *gave comfort* and *shelter* to terrorists [Ibidem].

It has much to lose by continuing *to harbor* criminals and terrorists [Ibidem]. But Pakistan has also *sheltered* the same organizations that try every single day to kill our people. We have been paying Pakistan billions and billions of dol-

¹ Такая формулировка в особенности справедлива, если категорию понимать как нечеткое множество (fuzzy set).

lars at the same time they are *housing* the very terrorists that we are fighting [Ibidem].

No partnership can survive a country's *harboring* of militants and terrorists who target U.S. service members and officials [Ibidem].

Как видно из приведенных примеров, Афганистан и Пакистан активно включаются в категорию чужих, что, по всей видимости, и определяет обоснованность предлагаемых Д. Трампом мер по отношению к ним.

Лейтмотив «давать убежище» был популярным и в риторике Дж. У. Буша. Естественно, «тихой гаванью» для террористов в тот период был Ирак:

Over the years, Iraq has provided *safe haven* to terrorists such as Abu Nidal [52]. Аналогичным образом употреблялись и лексемы вроде *harbor*, ср.:

Saddam Hussein is *harboring* terrorists and the instruments of terror, the instruments of mass death and destruction [Ibidem].

К легитимизирующей стратегии можно также отнести использование ценностных концептов, которыми «пестрит» президентская риторика конфронтационного типа¹. Ценностные концепты предсказуемо делятся на два вида — свои ценности и чужие «антиценности». Так, например, в текстовом массиве речей Дж.У. Буша лексема *freedom* используется 235 раз. В речи Д. Трампа используются такие базовые концепты президентской риторики, как *freedom*, *peace*, и *civilization*:

American patriots from every generation have given their last breath on the battlefield for our nation and for our *freedom* [41].

It is time for Pakistan to demonstrate its commitment to *civilization*, *order* and to *peace* [Ibidem].

Упоминание того, что какая-то категория субъектов является врагом названных ценностей или, например, того, что некоторое политическое решение принимается во имя этих ценностей, распространенный лейтмотив президентской риторики, вероятно играющий важную роль в легитимизации этих решений.

Чужие, соответственно, руководствуются более или менее стандартным набором антиценностей вроде *chaos*, *violence* и *terror*. Ср. пример из речи Д. Трампа:

For its part, Pakistan often gives safe haven to agents of *chaos*, *violence* and *terror*.

Важное место в реализации легитимизирующей стратегии занимает использование пресуппозиций и допущений. При этом содержание таких пресуппозиций и допущений является более или менее стандартным, что позволяет также отнести их к лейтмотивам.

Например, один из таких лейтмотивов – потенциальное использование ядерного оружия террористами. В следующем примере из речи Д. Трампа данный лейтмотив выносится в пресуппозицию, ср.:

 $^{^{1}}$ В исследованиях ПД такие ценностные концепты также иногда называют ключевыми словами.

In Afghanistan and Pakistan, America's interests are clear. We must stop the resurgence of safe havens that enable terrorists to threaten America. And we must *prevent nuclear weapons and materials from coming into the hands of terrorists* and being used against us, or anywhere in the world, for that matter.

Данный лейтмотив был популярен и в речах Дж.У. Буша. Более того, предположение, что Ирак в какой-то момент может разработать ядерное оружие, послужило основным риторическим рычагом легитимизация Иракской военной кампании в риторике того периода¹.

Популярный способ аргументации в рассматриваемом жанре и в данной публичной речи — энтимема. После фазы текста, посвященной доблести американских военнослужащих, Д. Трамп обращается к активной аргументации в пользу продолжения военной кампании в Афганистане. Первый из аргументов сформулирован следующим образом:

First, our nation must seek an honorable and enduring outcome worthy of the tremendous sacrifices that have been made, especially the sacrifices of lives. The men and women who serve our nation in combat deserve a plan for victory. They deserve the tools they need and the trust they have earned to fight and to win [41].

Данный фрагмент можно рассмотреть как реализацию силлогизма, в основе которого лежит подразумеваемая большая посылка примерно такого содержания: «понесенные потери в прошлом оправдывают продолжение войны». В самом тексте, соответственно, выражена малая посылка «Америка понесла большие потери» (например, the tremendous sacrifices that have been made, especially the sacrifices of lives), из которой делается вывод, что военная кампания должна быть продолжена (например, our nation must seek an honorable and enduring outcome; to fight and to win).

Интересен, однако, тот факт, что подразумеваемые посылки подобного рода также являются повторяемыми *в рамках жанра*. Одну из характерных больших предпосылок подобной риторики можно сформулировать следующим образом: «То, что люди делали ранее, они повторяют снова» или «Ситуации, имевшие место в прошлом, непременно повторятся в будущем». Например, ср. второй аргумент, приводимый президентом Трампом:

A hasty withdrawal would create a vacuum for terrorists, including ISIS and Al Qaeda, would instantly fill just as happened before Sept. 11. And as we know, in 2011, America hastily and mistakenly withdrew from Iraq. As a result, our hard-won gains slipped back into the hands of terrorist enemies. Our soldiers watched as cities they had fought for and bled to liberate, and won, were occupied by a terrorist group called ISIS. The vacuum we created by leaving too soon gave safe haven for ISIS to spread, to grow, recruit and launch attacks. We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq [41].

Логика аргументации в приведенном фрагменте следующая. Ситуация прошлого: «Вывод войск из Ирака в 2011 г. привел к оккупации террито-

¹ Позднее выяснилось, что использование данного риторического рычага не было основано на достоверных фактах (см., например: [53, 54]).

рии террористами». Подразумеваемая большая посылка: «Ситуации, имевшие место в прошлом, непременно повторятся в будущем». Заключение: «Нельзя допустить повторения той же ошибки в Афганистане» (ср.: We cannot repeat in Afghanistan the mistake our leaders made in Iraq).

Ср. также следующий фрагмент из той же речи:

We must address the reality of the world as it exists right now, and the threats we face and the confronting of all of the problems of today, and extremely predictable consequences of a hasty withdrawal. We need look no further than last week's vile, vicious attack in Barcelona to understand that terror groups will stop at nothing to commit the mass murder of innocent men, women and children. You saw it for yourself. Horrible [41].

В данном фрагменте выявляется следующая структура:

- «То, что люди делали ранее, они повторяют снова» (большая посылка, подразумевается);
- «Террористы уже совершали теракты и убивали невиновных» (малая посылка, эксплицитно выраженная в тексте; ср.: *last week's vile, vicious attack in Barcelona*);
- «Террористы представляют угрозу; ситуация повторится в случае вывода войск из Афганистана» (заключение; ср.: the threats we face; extremely predictable consequences of a hasty withdrawal).

Этот же лейтмотив эксплуатировался и Дж.У. Бушем, ср.:

While there are many dangers in the world, the threat from Iraq stands alone – because it gathers the most serious dangers of our age in one place. Iraq's weapons of mass destruction are controlled by a murderous tyrant who has already used chemical weapons to kill thousands of people. This same tyrant has tried to dominate the Middle East, has invaded and brutally occupied a small neighbor, has struck other nations without warning, and holds an unrelenting hostility toward the United States [52].

Вывод автора об угрозе, исходящей от Ирака, базируется на ситуациях, имевших место в прошлом (who has already used chemical weapons to kill thousands of people; has tried to dominate the Middle East; has invaded and brutally occupied a small neighbor; has struck other nations without warning). Для соединения посылки и вывода используется скрытая большая посылка описанного ранее содержания.

Ввиду всего сказанного выше следующий пример является идеальным вариантом совместной реализации стратегии создания круга чужих и легитимизации политического решения:

The regime has a history of reckless aggression in the Middle East. It has a deep hatred of America and our friends. And it has aided, trained and harbored terrorists, including operatives of al Qaeda. // The danger is clear: using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq, the terrorists could fulfill their stated ambitions and kill thousands or hundreds of thousands of innocent people in our country, or any other [55].

Приведенный отрывок взят из речи, произнесенной Дж.У. Бушем 17 марта 2003 г., за три дня до начала военного вторжения в Ирак. Обосно-

вание начала военной кампании в Ираке осуществляется путем причисления Ирака к чужим, т.е. террористам (используемый лейтмотив — «дает убежище»; ср.: trained and harbored terrorists), указания на ситуации, имевшие место в прошлом (has a history of reckless aggression), использования лейтмотива «ядерное оружие», вынесенного в пресуппозицию («Ирак неминуемо предоставит оружие массового уничтожения террористам», ср.: using chemical, biological or, one day, nuclear weapons, obtained with the help of Iraq).

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ демонстрирует, что основным средством создания категории чужих является концентрированное использование негативных оценочных номинаций для именования групп субъектов и их деятельности. К средствам создания круга чужих необходимо отнести и типичные лейтмотивы, такие как акцентирование угрозы, исходящей от чужих, и лейтмотив убийства невиновных. При этом значимым результатом проведенного анализа следует считать демонстрацию того, что используемый арсенал языковых средств обнаруживает примечательную преемственность в рамках жанра и практически не меняется со сменой президентов и конкретных субъектов в составе аутгруппы. Такой арсенал, по всей видимости, может быть рассмотрен как важный ресурс реализации конфронтационной риторики американских президентов, а его использование – как одна из жанрообразующих характеристик публичной речи рассматриваемого типа.

Еще одним результатом анализа стала демонстрация того, как дискурсивное конструирование группы чужих используется для обоснования политических решений. В тексте помимо стратегии создания круга чужих прослеживается развертывание второй стратегии — стратегии легитимизации. В рамках текста речи Д. Трампа и в рамках обсуждаемого жанра вообще реализация второй стратегии в большой мере зависит от реализации первой. Основным средством реализации стратегии легитимизации является «присоединение» некоторой группы субъектов (Афганистан, Пакистан, Индия) к чужим. Причем степень «включения» в категорию чужих определяет степень радикальности предлагаемых мер по отношению к обсуждаемой группе субъектов.

К значимым наблюдениям стоит отнести и тот факт, что риторическим ресурсом жанра фактически является не только то, что выражается конкретными языковыми средствами (и сами эти средства), но и то, что остается невыраженным. Как было продемонстрировано в представленном выше анализе, аргументация в рамках стратегии легитимизации часто опирается на невыраженные в поверхностной структуре посылки / пропозиции. При этом в рамках жанра оратор регулярно обращается к таким пропозициям при построении силлогизмов. Подобные пропозиции образуют «пул» подразумеваемых лейтмотивов жанра конфронтационной риторики.

Прагматическая интерпретация текстов неминуемо затрагивает дискуссионные вопросы анализа дискурса как дискурсивного *процесса* [36] и операционализации контекста в лингвистическом исследовании [37, 56]. Очевидно, что для любого текста можно по крайней мере аналитически разграничить контекст его производства с фокусом на авторе сообщения и контекст его восприятия с фокусом на реципиенте сообщения. Предложенный анализ стратегии легитимизации призван раскрыть предполагаемую интенцию отправителя, т.е. акцентировать внимание на процессе производства и одном из параметров контекста производства. При этом мы попытались свести и эту интерпретацию к минимуму, сконцентрировавшись лишь на одной интенции, четко сфокусированной в самом тексте.

Верификацией достоверности интерпретации может в какой-то мере также быть отсылка к фактическому историческому контексту некоторого дискурсивного события. Например, таким верифицирующим контекстом можно считать начало военных действий в Ираке в 2003 г. Как было отмечено выше, всего за несколько дней до этого события Дж.У. Буш произнес речь, в которой данная интенция однозначно демонстрируется анализом текста. Любые рассуждения об интенциях отправителя и контексте производства вообще должны быть основаны на изучении самой практики создания подобных текстов с привлечением нелингвистических методов.

Более проблематичной является прагматическая интерпретация текста, «вторгающаяся» в сферу контекста восприятия. На основании анализа текста лингвистическими методами можно лишь с большой долей вероятности предполагать, как данный текст и совокупность обсуждаемых языковых средств будут восприняты реципиентами и какой это дает эффект. Точные данные относительно этого эффекта могут быть опять же получены только путем анализа самой практики потребления текстов различными реципиентами с применением методов, не входящих в стандартный лингвистический арсенал. Исходя из этого, если исследование основано только на анализе семантики текста, применение популярных в исследовании ПД категорий, вроде «манипуляция», может быть проблематичным.

Представленные рассуждения также позволяют сделать два вывода. Вопервых, думается, что рефлексия на тему обоснованности собственных интерпретаций и указание налагаемых на них ограничений должны быть обязательной частью текстоориентированных исследований дискурса. В таком случае может быть, по крайней мере отчасти, соблюдено требование «представления лингвистического знания как обоснованного и доказательного» и снижена вероятность волюнтаристских интерпретаций [37. С. 84].

Во-вторых, эти же рассуждения имеют непосредственное отношение к обсуждению путей развития лингвистической науки вообще. С одной стороны, возможный вариант развития – дальнейшая конвертация дискурсивных исследований в междисциплинарные с обязательным изучением профессиональной или социокультурной практики, частью которых являются интересующие лингвиста тексты, с применением методов этнографического характера. В такой ситуации, однако, как подчеркивает Я. Бломмарт, изучение языковых феноменов перестает быть исключительной компетенцией лингвистов: изучением коммуникативных практик могут активно

заниматься и специалисты других дисциплин; наличие лингвистической подготовки не является здесь обязательным [32]. С другой стороны, возможно и движение в противоположном направлении, а именно в сторону формализованного описания языковых феноменов и так называемого «неоструктурализма».

Литература

- 1. *Dijk T. A. van.* Discourse and manipulation // Discourse & Society. SAGE Publications Ltd, 2006. Vol. 17, № 3. P. 359–383.
- 2. Ferrari F. Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a "preventive war" persuasion strategy // Discourse & Society. SAGE Publications Ltd, 2007. Vol. 18, № 5. P. 603–625.
- 3. *Dijk T. A. van.* How Globo media manipulated the impeachment of Brazilian President Dilma Rousseff // Discourse & Communication. SAGE Publications, 2017. Vol. 11, № 2. P. 199–229.
- 4. *Hart C.* Argumentation meets adapted cognition: manipulation in media discourse on immigration // Journal of pragmatics. 2013. Vol. 59. P. 200-209
- 5. *Martin Rojo L., Dijk T. A. van.* "There was a problem, and it was solved!": Legitimating the expulsion of 'illegal' migrants in Spanish parliamentary discourse // Discourse & Society. 1997. Vol. 8, № 4. P. 523–566.
- 6. *Oddo J.* War legitimation discourse: representing "us" and "them" in four US presidential addresses // Discourse & Society. 2011. Vol. 22, № 3. P. 287–314.
- 7. Bogain A. Security in the name of human rights: the discursive legitimation strategies of the war on terror in France // Critical Studies on Terrorism. Routledge, 2017. P. 1–25.
- 8. *Mirhosseini S.-A.* Discursive double-legitimation of (avoiding) another war in Obama's 2013 address on Syria // Journal of language and politics. 2017. Vol. 16, № 5. P. 706–730.
- 9. Fonseca P., Ferreira M. J. Through 'seas never before sailed': Portuguese government discursive legitimation strategies in a context of financial crisis // Discourse & Society. SAGE Publications Ltd, 2015. Vol. 26, № 6. P. 682–711.
- Chang G.C., Mehan H.B. Why we must attack Iraq: Bush's reasoning practices and argumentation system // Discourse & Society. SAGE Publications Ltd, 2008. Vol. 19, № 4. P. 453–482.
- 11. Leudar I., Marsland V., Nekvapil J. On membership categorization: 'us', 'them'and'doing violence' in political discourse // Discourse & Society. 2004. Vol. 15, № 2. P. 243–266.
- 12. Sowinska A., Dubrovskaya T. Discursive construction and transformation of "us" and "them" categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view // Discourse & Communication. 2012. Vol. 6, № 4. P. 449–468.
- 13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Издво ЛКИ, 2008. 288 с.
- 14. *Никифорова М.В., Чудинов А.П.* Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои чужие» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 154–162.
- 15. *Hart C*. Force-interactive patterns in immigration discourse: a cognitive linguistic approach to CDA // Discourse & Society. SAGE Publications Ltd, 2011. Vol. 22, № 3. P. 269–286.
- 16. *Del-Teso-Craviotto M.* Racism and xenophobia in immigrants' discourse: the case of Argentines in Spain // Discourse & Society. 2009. Vol. 20, № 5. P. 571–592.
- 17. *PietikäInen S.* Indigenous identity in Print: Representations of the Sami in News Discourse // Discourse & Society. 2003. Vol. 14, № 5. P. 581–609.

- 18. *Lazar A., Lazar M.M.* The discourse of the New World Order: 'out-casting'the double face of threat // Discourse & Society. 2004. Vol. 15, № 2–3. P. 223–242.
- 19. *Hatoss A*. Where are you from?: Identity construction and experiences of "othering" in the narratives of Sudanese refugee-background Australians // Discourse & Society. 2012. Vol. 23. № 1. P. 47–68.
- 20. *Молодыченко Е.Н.* Идентичность и дискурс: от социальной теории к практике лингвистического анализа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 122–133.
- 21. *Reicher S., Hopkins N.* Self-category constructions in political rhetoric: an analysis of Thatcher's and Kinnock's speeches concerning the British miners' strike (1984–5) // European journal of social psychology. John Wiley & Sons, Ltd., 1996. Vol. 26, № 3. P. 353–371.
- 22. Wodak R. The discourse of politics in action: politics as usual. Springer, 2009. 252 p.
- 23. Scollon R., Scollon S.W. Nexus analysis: discourse and the emerging Internet. London; New York: Routledge, 2004. 198 p.
- 24. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено?: Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.
- 25. Fowler R. et al. Language and control. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1979. 224 p.
- 26. Hodge R., Kress G. Language as ideology. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul, 1979. 163 p.
- 27. Fairclough N. Language and power. London; New York: Longman, 1989. 259 p.
- 28. *Wodak R*. The discourse-historical approach // Methods of critical discourse analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London : Sage Publications Ltd, 2001. P. 63–94.
- 29. *De Cillia R., Reisigl M., Wodak R.* The discursive construction of national identities // Discourse & Society. 1999. Vol. 10, № 2. P. 149–173.
- 30. Chilton P.A. Analysing political discourse: theory and practice. London; New York: Routledge, 2004. 226 p.
- 31. *Schegloff E.A.* Whose Text? Whose Context? // Discourse & Society. SAGE Publications Ltd, 1997. Vol. 8, № 2. P. 165–187.
- 32. *Blommaert J.* Discourse: a critical introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.
- 33. *Verschueren J.* Predicaments of Criticism // Critique of Anthropology. SAGE Publications. 2001. Vol. 21, № 1. P. 59–81.
- 34. *Žaga I*. Topoi in critical discourse analysis // Lodz Papers in Pragmatics. 2010. Vol. 6, № 1. P. 3–37.
- 35. Bhatia V.K. Critical genre analysis: theoretical preliminaries // HERMES-Journal of language and communication in business. 2015. Vol. 27, № 54. P. 9–20.
- 36. *Widdowson H.G.* Text, context, pretext: critical issues in discourse analysis (language in society). Wiley Online Library, 2004. 185 p.
- 37. *Чернявская В.Е.* Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, № 4. С. 83–93.
- 38. Spitzmüller J., Warnke I. H. Discourse as a 'linguistic object': methodical and methodological delimitations // Critical discourse studies. Routledge, 2011. Vol. 8, № 2. P. 75–94.
- 39. *KhosraviNik M*. Macro and micro legitimation in discourse on Iran's nuclear programme: the case of Iranian national newspaper Kayhan // Discourse & Society. 2015. Vol. 26, № 1. P. 52–73.
- 40. *Hansson S.* Discursive strategies of blame avoidance in government: a framework for analysis // Discourse & Society. 2015. Vol. 26, № 3.

- 41. *Trump D*. Full transcript and video: Trump's speech on Afghanistan // The New York Times. 2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/08/21/world/asia/trump-speechafghanistan.html (accessed: 10.11.2017).
- 42. *Чернявская В.Е., Молодыченко Е.Н.* Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М.: ЛЕНАНД, 2017. 176 с.
- 43. *Чудинов А.П.* Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 86–93.
- 44. *Будаев Э.В. и др.* Методика диахронического анализа политической метафорики // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 18–31.
- 45. *Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M.* An introduction to functional grammar. London: Hodder Education, 2004. 689 p.
- 46. *Dunmire P.L.* Preempting the future: rhetoric and ideology of the future in political discourse // Discourse & Society. SAGE Publications Ltd, 2005. Vol. 16, № 4. P. 481–513.
- 47. *Cockcroft R., Cockcroft S.* Persuading people: an introduction to rhetoric. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 272 p.
- 48. *Bush G.W.* Address one year after operation Iraqi freedom. March 19, 2004. URL: http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.04.html (accessed: 22.11.2017).
- 49. Bush G.W. George W. Bush, War Message. March 19, 2003. URL: http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.03.html (accessed: 22.11.2017).
- 50. Bush G.W. George W. Bush, Address to the Nation. September 20, 2001. URL: http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html (accessed: 22.11.2017).
- 51. Bush G.W. George W. Bush, Address to the U.N. September 12, 2002. URL: http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.12.02.html (accessed: 22.11.2017).
- 52. Bush G.W. The Iraqi Threat. October 7, 2002. URL: http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.7.02.html (accessed 24.11.2017).
- 53. *Peck T.* US hid intelligence from Britain about Saddam Hussein's WMDs before Iraq War, Gordon Brown claims // The Independent. 2017. URL: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/gordon-brown-iraq-us-wmds-intelligence-blair-saddam-hussein-war-george-bush-rumsfeld-book-a8037686.html (accessed: 22.11.2017).
- 54. *Williams B.G.* At least Trump got one thing right. There were no WMDs in Iraq // HuffPost. 2017. URL: https://www.huffingtonpost.com/brian-glyn-williams/at-least-trump-got-one-thing-right b 9612422.html (accessed: 22.11.2017).
- 55. Bush G.W. Message to Saddam. March 17, 2003. URL: http://www.presidential-rhetoric.com/speeches/03.17.03.html (accessed: 08.12.2017).
- 56. *Чернявская В.Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 135–148.

"Us" vs "Them" in Political Discourse: The Instrumental Function of the "Evil Other" in American Presidential Rhetoric

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 67–86. DOI: 10.17223/19986645/59/5

Evgeni N. Molodychenko, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.molodychenko@gmail.com

Keywords: discourse analysis, pragmatic interpretation, persuasion, political discourse, rhetoric, presidential rhetoric, "Us" vs "Them".

The article investigates the textualization of the categories "Us" and "Them" in American presidential rhetoric in two interrelated ways: as an inventory of lexicogrammatical resources specific to this genre and their contextualized use as a tool for legitimizing political decisions. For this purpose, several speeches by Donald Trump and George W. Bush have been analyzed. Methodologically, the study draws on the discourse analytical toolkit which

involves exploring evaluative labels for category members, as well as metaphors, leitmotifs (or topoi), and syllogisms. These various language resources are not treated separately but rather as making up two distinct discourse strategies.

The analysis shows that one pervasive discourse strategy in the sample is the strategy of out-casting the "evil other". The primary means of out-casting and populating this category is negative evaluative lexis, which is extensively used for naming and identifying the members of the "evil" out-group. Another persistent exponent of this strategy is a set of leitmotifs, which are used to attribute certain qualities and features to out-group members and characterize their actions. The most salient leitmotifs in the rhetoric of both presidents are threat and killing the innocent, which are very frequent in any references to terrorists, who are the core members of the out-group. It is worth noting that the usage of these linguistic resources is very consistent within this genre of presidential rhetoric irrespective of who the rhetor is and the specific historical context.

The further analysis of the sample shows that out-casting is inextricably linked to another pervasive discourse strategy: legitimation of going to or continuing the war in a given country. For Trump, it is primarily the military campaign in Afghanistan, while for Bush the target country was primarily Iraq. In both cases, the legitimation of the contradictory move seems to hinge largely on whether the country in question can be convincingly placed into the "Them" category. Linguistically, the most popular way to do so is through the leitmotif of "safe haven", which is used to indicate that a certain country houses, supports, and is, indeed, a safe haven for terrorists. Interestingly, the category seems to be structured as a fuzzy set, with the inclusion into the out-group being, as it were, a matter of degree. Thus, in Trump's speech Pakistan is construed as a member of the out-group only to some extent, which translates into less strict measures directed against it. At the core of legitimation strategy is argumentation that relies on syllogisms. The assumed major premises of syllogisms used by both presidents are very similar, which makes them a type of leitmotifs. These leitmotifs are arguably also part of the genre's inventory of rhetorical resources albeit the ones that are never expressed in the surface structure and have no language associated with them.

References

- 1. Dijk, T.A. van. (2006) Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. 17 (3). pp. 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250
- 2. Ferrari, F. (2007) Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a "preventive war" persuasion strategy. *Discourse & Society*. 18 (5). pp. 603–625. DOI: 10.1177/0957926507079737
- 3. Dijk, T.A. van. (2017) How Globo media manipulated the impeachment of Brazilian President Dilma Rousseff. *Discourse & Communication*. 11 (2). pp. 199–229. DOI: 10.1177/1750481317691838
- 4. Hart, C. (2013) Argumentation meets adapted cognition: manipulation in media discourse on immigration. *Journal of Pragmatics*. 59. pp. 200–209. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.06.005
- 5. Rojo, L.M. & Dijk, T.A. van. (1997) "There was a problem, and it was solved!": Legitimating the expulsion of 'illegal' migrants in Spanish parliamentary discourse. *Discourse & Society*. 8 (4). pp. 523–566. DOI: 10.1177/0957926597008004005
- 6. Oddo, J. (2011) War legitimation discourse: representing "us" and "them" in four US presidential addresses. *Discourse & Society*. 22 (3). pp. 287–314. DOI: 10.1177/0957926510395442
- 7. Bogain, A. (2017) Security in the name of human rights: the discursive legitimation strategies of the war on terror in France *Critical Studies on Terrorism*. 10 (3). pp. 1–25. DOI: 10.1080/17539153.2017.1311093

- 8. Mirhosseini, S.A. (2017) Discursive double-legitimation of (avoiding) another war in Obama's 2013 address on Syria. *Journal of Language and Politics*. 16 (5). pp. 706–730. DOI: 10.1075/jlp.16016.mir
- 9. Fonseca, P. & Ferreira, M.J. (2015) Through 'seas never before sailed': Portuguese government discursive legitimation strategies in a context of financial crisis. *Discourse & Society*. 26 (6). pp. 682–711. DOI: 10.1177/0957926515592780
- 10. Chang, G.C. & Mehan, H.B. (2008) Why we must attack Iraq: Bush's reasoning practices and argumentation system. *Discourse & Society.* 19 (4). pp. 453–482. DOI: 10.1177/0957926508089939
- 11. Leudar, I., Marsland, V. & Nekvapil, J. (2004) On membership sategorization: 'us', 'them' and 'doing violence' in political discourse. *Discourse & Society.* 15 (2). pp. 243–266. DOI: 10.1177/0957926504041019
- 12. Sowinska, A. & Dubrovskaya, T. (2012) Discursive construction and transformation of "us" and "them" categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view. *Discourse & Communication*. 6 (4). pp. 449–468. DOI: 10.1177/1750481312457521
- 13. Issers, O.S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]. 5th ed. Moscow: Izd-vo LKI.
- 14. Nikiforova, M.V. & Chudinov, A.P. (2016) Variants and representation means of "friend or foe" conceptual opposition in the individual discourse of Eu. Roizman, mayor of Yekaterinburg. *Politicheskaya lingvistika Political Linguistics*. 4 (58). pp. 154–162. (In Russian).
- 15. Hart, C. (2011) Force-interactive patterns in immigration discourse: a cognitive linguistic approach to CDA. *Discourse & Society*. 22 (3). pp. 269–286. DOI: 10.1177/0957926510395440
- 16. Del-Teso-Craviotto, M. (2009) Racism and xenophobia in immigrants' discourse: the case of Argentines in Spain. *Discourse & Society.* 20 (5). pp. 571–592. DOI: 10.1177/0957926509106411
- 17. Pietikälnen, S. (2003) Indigenous identity in Print: Representations of the Sami in News Discourse. *Discourse & Society*. 14 (5). pp. 581–609. DOI: 10.1177/09579265030145003
- 18. Lazar, A. & Lazar, M.M. (2004) The discourse of the New World Order: 'out-casting' the double face of threat. *Discourse & Society*. 15 (2–3). pp. 223–242. DOI: 10.1177/0957926504041018
- 19. Hatoss, A. (2012) Where are you from?: Identity construction and experiences of "othering" in the narratives of Sudanese refugee-background Australians. *Discourse & Society*. 23 (1), pp. 47–68. DOI: 10.1177/0957926511419925
- 20. Molodychenko, E.N. (2017) Identity and discourse: from social theory to practice of discourse analysis. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 8 (3), pp. 122–133. (In Russian).
- 21. Reicher, S. & Hopkins, N. (1996) Self-category constructions in political rhetoric: an analysis of Thatcher's and Kinnock's speeches concerning the British miners' strike (1984–5). *European Journal of Social Psychology.* 26 (3). pp. 353–371. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199605)26:3<353::AID-EJSP757>3.0.CO;2-O
 - 22. Wodak, R. (2009) The discourse of politics in action: politics as usual. Springer.
- 23. Scollon, R. & Scollon, S.W. (2004) Nexus analysis: discourse and the emerging Internet. London; New York: Routledge.
- 24. Chernyavskaya, V.E. (2018) Discourse analysis and corpus approaches: A missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37

- 25. Fowler, R. et al. (1979) *Language and control*. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul.
- 26. Hodge, R. & Kress, G. (1979) *Language as ideology*. London; Boston; Henley: Routledge & Kegan Paul.
 - 27. Fairclough, N. (1989) Language and power. London; New York: Longman.
- 28. Wodak, R. (2001) The discourse-historical approach. In: Wodak, R. & Meyer, M. (eds) *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage Publications Ltd.
- 29. De Cillia, R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) The discursive construction of national identities. *Discourse & Society*. 10 (2). pp. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002
- 30. Chilton, P.A. (2004) *Analysing political discourse: theory and practice*. London; New York: Routledge.
- 31. Schegloff, E.A. (1997) Whose Text? Whose Context? *Discourse & Society.* 8 (2). pp. 165–187. DOI: 10.1177/0957926597008002002
- 32. Blommaert, J. (2005) *Discourse: A critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 33. Verschueren, J. (2001) Predicaments of Criticism. *Critique of Anthropology*. 21 (1). pp. 59–81. DOI: 10.1177/0308275X0102100104
- 34. Žaga, I. (2010) Topoi in critical discourse analysis. *Lodz Papers in Pragmatics*. 6 (1). pp. 3–37. DOI: 10.2478/v10016-010-0002-1
- 35. Bhatia, V.K. (2015) Critical genre analysis: theoretical preliminaries. *HERMES Journal of Language and Communication in Business*. 27 (54). pp. 9–20. DOI: 10.7146/hjlcb.v27i54.22944
- 36. Widdowson, H.G. (2004) Text, context, pretext: critical issues in discourse analysis (language in society). Wiley Online Library.
- 37. Chernyavskaya, V.E. (2017) Operationalization of Context in Discourse Analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya Perm University Herald. Russian and Foreign Philology.* 9 (4). pp. 83–93. (In Russian). DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93
- 38. Spitzmüller, J. & Warnke, I.H. (2011) Discourse as a 'linguistic object': methodical and methodological delimitations. *Critical Discourse Studies*. 8 (2). pp. 75–94. DOI: 10.1080/17405904.2011.558680
- 39. Khosravinik, M. (2015) Macro and micro legitimation in discourse on Iran's nuclear programme: the case of Iranian national newspaper Kayhan. *Discourse & Society.* 26 (1). pp. 52–73. DOI: 10.1177/0957926514541345
- 40. Hansson, S. (2015) Discursive strategies of blame avoidance in government: a framework for analysis. *Discourse & Society*. 26 (3). DOI: 10.1177/0957926514564736
- 41. Trump, D. (2017) Full transcript and video: Trump's speech on Afghanistan. *The New York Times*. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/2017/08/21/world/asia/trump-speech-afghanistan.html. (Accessed: 10.11.2017).
- 42. Chernyavskaya, V.E. & Molodychenko, E.N. (2017) *Rechevoe vozdeystvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse* [Speech impact in political, advertising and Internet discourses]. Moscow: LENAND.
- 43. Chudinov, A.P. (2008) Rossiyskaya politicheskaya metaforika v nachale XXI veka [Russian political metaphors at the beginning of the 21st century]. *Politicheskaya lingvistika Political Linguistics*. 24. pp. 86–93.
- 44. Budaev, E.V. et al. (2016) Metodika diakhronicheskogo analiza politicheskoy metaforiki [Methodology of the diachronic analysis of political metaphors]. *Politicheskaya lingvistika Political Linguistics*. 6. pp. 18–31.
- 45. Halliday, M.A.K. & Matthiessen, C.M.I.M. (2004) *An introduction to functional grammar*. London: Hodder Education.
- 46. Dunmire, P.L. (2005) Preempting the future: rhetoric and ideology of the future in political discourse. *Discourse & Society*. 16 (4). pp. 481–513. DOI: 10.1177/0957926505053052

- 47. Cockcroft, R. & Cockcroft, S. (2005) *Persuading people: an introduction to rhetoric*. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- 48. Bush, G.W. (2004) *Address one year after operation Iraqi freedom*. March 19, 2004. [Online] Available from: http://presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.04.html. (Accessed: 22.11.2017).
- 49. Bush, G.W. (2003) *George W. Bush, War Message*. March 19, 2003. [Online] Available from: http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/03.19.03.html. (Accessed: 22.11.2017).
- 50. Bush, G.W. (2001) *George W. Bush, Address to the Nation*. September 20, 2001. [Online] Available from: http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.20.01.html. (Accessed: 22.11.2017).
- 51. Bush, G.W. (2002) *George W. Bush, Address to the U.N.* September 12, 2002. [Online] Available from: http://presidentialrhetoric.com/speeches/09.12.02.html. (Accessed: 22.11.2017).
- 52. Bush, G.W. (2002) *The Iraqi Threat. October 7, 2002.* [Online] Available from: http://presidentialrhetoric.com/speeches/10.7.02.html. (Accessed 24.11.2017).
- 53. Peck, T. (2017) US hid intelligence from Britain about Saddam Hussein's WMDs before Iraq War, Gordon Brown claims. *The Independent*. [Online] Available from: http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/gordon-brown-iraq-us-wmds-intelligence-blair-saddam-hussein-war-george-bush-rumsfeld-book-a8037686.html. (Accessed: 22.11.2017).
- 54. Williams, B.G. (2017) At least Trump got one thing right. There were no WMDs in Iraq. *HuffPost*. [Online] Available from: https://www.huffingtonpost.com/brian-glyn-williams/at-least-trump-got-one-thing-right b 9612422.html. (Accessed: 22.11.2017).
- 55. Bush, G.W. (2003) *Message to Saddam*. March 17, 2003. [Online] Available from: http://www.presidential-rhetoric.com/speeches/03.17.03.html. (Accessed: 08.12.2017).
- 56. Chernyavskaya, V.E. (2017) Towards methodological application of discourse analysis in corpus-driven linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Filologiya Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 135–148. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9

УДК 81`371

DOI: 10.17223/19986645/59/6

Н.Р. Уразаева, Е.А. Морозов

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА *LICHT* В НЕМЕЦКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Рассматривается репрезентация концепта Licht в немецкой языковой картине мира. Понятийные, образно-перцептивные и ценностные составляющие концепта реконструируются на материале словарных дефиниций, лексических, фразеологических и паремиологических единиц немецкого языка, художественных контекстов и анализа ассоциативного поля ключевой лексемы как средства объективации концепта. На основе когнитивной интерпретации описывается структура концепта, выделяются его когнитивные признаки.

Ключевые слова: концепт, когнитивная лингвистика, картина мира, немецкий язык, лингвокультура, когнитивный признак.

Die Finsternis sei noch so dicht, dem Lichte widersteht sie nicht. J.W. Goethe

Введение

В современной лингвистике особую актуальность приобрели антропоцентрические исследования, направленные на изучение языка в связи с человеческим мышлением. Результаты познавательных процессов фиксируются в языке в виде языковых значений, которые отражают наиболее общие явления и закономерности. Знания, опыт, культура человечества отражены в концептах.

«Когнитивный мир человека изучается по его поведению и деятельности, протекающим при активном участии языка, который образует речемыслительную основу любой человеческой деятельности – формирует ее мотивы, установки, прогнозирует результат» [1. С. 7]. Язык может предоставить нам ценнейший материал для познания человека и культур, этических и эстетических сторон жизни разных народов. Язык не просто является средством коммуникации, передачи информации, он также «формирует концепты и суждения <...> хранит историческую и культурную память народов, выражает и сохраняет знания о мире и человеке» [2. С. 3].

В трудах по когнитивной лингвистике описано множество подходов и методик концептуального анализа ([3–8] и др.), однако единого мнения по этому вопросу нет. В целом можно выделить два основных направления исследования концептов: либо от описания концепта к способам его реализации в конкретном языке, либо от лингвистических средств к описанию ментальных структур [5]. Настоящее исследование базировалось на разработках

таких ученых, как Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.А. Маслова и др. ([9–13] и др.).

С опорой на опыт изучения концептов, представленный в многочисленных научных трудах по когнитивной лингвистике, в данной статье впервые предпринимается попытка описать фрагмент немецкой языковой картины мира, обозначенный концептом *Licht* (свет), на основе комплексного анализа. Свет — явление многоплановое. С точки зрения физики это электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом человека. С точки зрения онтологии он является началом бытия. Но это также и понятие социальное. Выбор данного концепта для детального рассмотрения обусловлен тем, что он, являясь универсальным концептом, выявляет ценную составляющую культуры, обладает национально-культурной спецификой, представляет особый интерес как носитель оценочного компонента.

В связи со стремительным развитием когнитивной лингвистики в последние десятилетия множество научных исследований было посвящено изучению концептов в разных культурах. Исследование концепта «свет» проводилось на материале различных языков [14, 15], в двух языках в сопоставительном плане [16, 17], в разных типах текста [18, 19]. Однако в немецкой лингвокультуре данный концепт до сих пор не подвергался всестороннему лингвоконцептологическому осмыслению и описанию.

Концепт представляет собой сложный ментальный комплекс, который состоит из основного смыслового содержания, выстраивает вокруг себя ассоциативные ряды, обобщая как универсальный опыт человечества, так и включая национально-культурную специфику. По известному определению Ю.С. Степанова, «...это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9. С. 40]. Следовательно, путем анализа включенного в культуру народа концепта можно реконструировать картину мира человека, выявить культурные ценности социума.

Охватывающим разные аспекты и релевантным для настоящего исследования представляется следующее определение концепта, предложенное В.А. Масловой: «Концепт — это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства "дома бытия" (по М. Хайдеггеру). Но в то же время это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Лихачеву). Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [13. С. 36].

Данное определение аккумулирует, на наш взгляд, все инвариантные признаки концепта. Оно характеризует концепт как ментальное образова-

ние с национально-специфическим компонентом; отражает взаимосвязь языка и концепта. Языковые средства являются кодом к концептуальному значению, через который можно подключить дополнительные концептуальные признаки, выраженные и другими языковыми средствами. Таким образом, подобная трактовка обосновывает возможность описания структуры концепта в национальной картине мира на базе изучения языковых средств.

В центре внимания этого исследования – изучение концепта *Licht* через описание средств языковой репрезентации и моделирование его структуры с целью исследования картины мира немецкого народа. Методика исследования носит комплексный характер. В качестве основного выступает метод концептуального анализа, опирающийся на более частные методики: используются методы этимологической реконструкции, описания семантической структуры слова, анализа словарных дефиниций, сплошной выборки, аксиологического анализа фразеологизмов и паремий и описательно-аналитический метод.

Целесообразным представляется построение номинативной модели изучаемого концепта на основе дефиниций ядерного репрезентанта концепта в немецком языке по данным различных словарей [20–22], включая этимологические [23, 24], что поможет выявить мотивирующие признаки концепта. Образные характеристики и ценностные составляющие концепта реконструируются на основе изучения фразеологических и паремиологических единиц немецкого языка [25–28] и художественных и публицистических контекстов [29, 30], а также ассоциативных связей с привлечением результатов эксперимента. Фразеологизмы и паремии как лингвокультуремы представляют собой ценный материал для исследования, так как концентрируют коллективные представления о мире, что особенно актуально в контексте современной глобализации культур. Таким образом можно описать «трехмерную сущность» концепта [4]: его понятийную, образную и ценностную составляющие.

Материалом исследования послужили около 420 примеров лексических и фразеологических единиц, пословиц и поговорок немецкого языка. Для верификации отдельных положений привлекались индивидуально-авторские контексты, извлеченные методом сплошной выборки из электронного корпуса текстов немецкого языка DWDS.

Анализ понятийной характеристики: историческое развитие и современное состояние ключевой лексемы, репрезентирующей конпепт *Licht*

Высокая частотность ядерной лексемы *Licht*, объективирующей центр исследуемого концепта, свидетельствует о том, что концепт формируется в немецком сознании достаточно рано. Немецкое существительное *Licht* засвидетельствовано в древнейших текстах.

Для определения ядерного значения концепта обратимся к этимологическим и энциклопедическим словарям.

Существительное *Licht* произошло от прилагательного *licht*. Первоначальное значение слова было «свечение, сияние, светлое». Затем оно стало использоваться для обозначения источников света, как свеча или другие светильники. В переносном значении оно означает также «просветление, озарение» [23. S. 403].

Корень существительного *Licht* восходит к индоевропейскому *leuk-(leuchten, strahlen, funkeln) и засвидетельствован во многих индоевропейских языках:

- в нидерландском: licht свет, источник света (лампа, свеча и т.п.);
- шведском: ljus свет, сияние;
- датском: lys свет;
- норвежском: lys свет, освещение;
- итальянском: luce;
- испанском: luz;
- английском: light;
- греческом: leukós;
- латинском: lūx;
- русском: луч и др. [28].

В грамматическом аспекте в немецком языке есть расхождения в категории числа у данного существительного, обусловленные его значением. Обозначение свойства является singulare tantum, в то время как Licht как источник света имеет и форму множественного числа Lichter.

Der Tag voll Licht, die Nacht voll Lichter [Otto Baumgartner-Amstad].

Языковым материалом для исследования послужили также словарные дефиниции словарей и энциклопедий. Толковые словари немецкого языка включают в дефиниции слова *Licht* целый ряд значений: от аксиологически нейтральных до эмоционально окрашенных.

Согласно словарю Дуден (Großes Wörterbuch der deutschen Sprache) у лексемы *Licht* выделяются четыре основных значения, внутри которых даются более узкие толкования:

1.

- a) etwas, was die Umgebung hell macht, erleuchtet und dadurch Dinge sichtbar macht; Helligkeit; von einer Lichtquelle ausgehender Schein;
 - b) Tageslicht
 - c) Beleuchtung
 - 2
 - a) Lampe, Lichtquelle
 - b) Kerze
- c) (umgangssprachlich veraltend) elektrischer Strom, besonders zur Speisung von Beleuchtungskörpern
 - 3. (meist bildende Kunst) Glanzlicht
 - 4. (Jägersprache) Auge des Haarwildes [20].

Крупнейший словарь немецкого языка "Das Deutsche Wörterbuch" (Das Deutsche Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm) представляет 18 значений. В дополнение к перечисленным выше дефинициям можно

выделить свет как обозначение времени; свечение, исходящее от блестящих предметов; обозначение Бога, Христа и его небесного жилища, божественный свет как путеводную нить божественного учения; земную мудрость; в переносном значении — то, что освещает нашу жизнь: блеск, радость; познание и понимание; по отношению к глазам; обозначение любимых людей; как профессиональный термин [21].

Словарь Wahrig ограничивается четырьмя значениями: 1. Helligkeit; 2. Schein, Glanz; 3. Beleuchtung, Lampe; 4. Kerze [22].

Итак, во всех толковых словарях свет определяется как свечение (исходящее от различных источников: как естественных, так и искусственных) и источники свечения, светлость / яркость, что можно отнести к ядерному значению лексемы. Остальные дефиниции в разных словарях варьируются: свет — это также физическое явление или электричество; Бог и божественное начало; радость (в переносном значении); положительная ценность; глаза четвероногой дичи; блики (термин из области искусства).

Синонимами к слову Licht, в зависимости от значения, являются Helligkeit, (Licht)schein, Schimmer, Helle; Sonne, Sonnenlicht, Tageslicht; Beleuchtung, Illumination [31].

В немецком языке отмечается активное словопроизводство с корнем Licht: Lichtanlage, Lichtausstrahlung, Lichtbad, Lichtbild, Lichtblick, Lichtempfindlichkeit, Lichtintensität, Lichtstrom, Lichtstärke, Lichtwirkung, lichtarm, lichtdicht, lichtdurchflutet, lichtdurchlässig, lichtlos, lichtvoll, Abblendlicht, Ampellicht, Augenlicht, Gegenlicht, Glaubenslicht, Grünlicht, Irrlicht, Kunstlicht, Warnlicht, Zwielicht и мн. др.

Основными средствами выражения предметно-понятийного значения концепта *Licht* в немецком языке являются имена существительные (Sonne, Strahl, Leuchte, Kerze, Hellichkeit, Beleuchtung, Glanz, Schimmer, Schein, Tag, Strom), глаголы (leuchten, scheinen, strahlen, schimmern, aufblinken, aufzucken, blinken, blinzeln, flackern, flirren, glimmern, schimmern, irrlichteln, irrlichterieren, irrlichtern, quitschern, zitschern, zwatschern, blotzen, durchflimmern, fackeln, flimmen, irrlichtelieren, umflackern, umschimmern, glänzen, hervorleuchten), имена прилагательные, наречия и причастия (hell, licht, hell-licht, strahlend, (gut) ausgeleuchtet, lichterfüllt) с общей семой «видимое излучение».

В сгенерированных компьютером типичных сочетаниях со словом Licht [30] выявляется превалирование цветовых характеристик света (Farbe, blaues, grünes, rotes) и соотносящихся с его интенсивностью (fahles, grelles, helles, mildes, sichtbaren), видом (elektrisches, ultraviolettem) и источником (Sonne, Scheinwerfer). Также представлено оказываемое светом воздействие (Wärme, leuchtet, taucht, wirft), включение (angeht) и излучение (leuchtet, brennt, gleißendes) и слова, употребляемые в составе устойчивых сочетаний (erblickte, rechte, rücken, grünes, rotes, Schatten, Luft). Вполне предсказуемыми в этом списке являются сочетания с антонимами Dunkel и Schatten.

Typische Verbindungen DWDS-Wortprofil Schatten Dunkel angeht ausgehen Sonne erblickte brennt elektrisches gleißendes grelles grünes helles mildes rechte rücken taucht ultraviolettem wirft Öffentlichkeit

Образно-перцептивная характеристика концепта: ассоциативный эксперимент

Образно-перцептивные характеристики были сформированы через анализ ассоциативного поля слова-стимула Licht, раскрывающего актуальное содержание концепта и, согласно результатам психолингвистических исследований, представляют ядро языкового сознания. С целью уточнения содержания лексемы Licht в немецком языковом сознании и описания когнитивных признаков, формирующих концепт, был проведен ассоциативный эксперимент в форме опроса открытого формата.

Эксперимент предполагал сбор данных относительно большого числа единиц наблюдения. Выбор контингента испытуемых специально не проводился, т.е. был основан на принципе естественной рандомизации. Последующий отсев информантов осуществлялся по параметру «носитель – не носитель немецкого языка». Для обеспечения максимальной валидности данных анализу подвергались исключительно ответы носителей языка.

Для информантов опрос был сформулирован на немецком языке и разослан через социальные сети. Было поставлено два вопроса:

- 1. Ist Deutsch Ihre Muttersprache?
- 2. Schreiben Sie nur eine Assoziation zum Wort Licht (nur ein Wort).

Данные собирались один раз и носили количественный характер, далее были проанализированы и рассчитаны описательные характеристики и сделаны статистические выводы. Количество принявших участие в эксперименте носителей немецкого языка — 121. В результате анализа полученных слов-реакций были выделены следующие смысловые зоны концепта:

Licht как источник света: hell (9), Helligkeit (6), Lampe (4), Kerze (6), Licht (3), Mond (3) Laterne (2), Schatten (2), Dunkelheit, ausschalten, blitzen, Blende, Finsternis, scheinen, Lichter, funkeln, strahlen, blenden, Helle, Knall, Glühwürmchen, anschalten, Nacht, Wo Licht ist, ist auch ein Schatten

Licht как источник тепла: Sonne (15), Wärme (4), Strahl, warm (3) *Licht* как явление природы: Himmel, Mond (3)

Licht как цветовое восприятие: weiß, hell, etwas Helles, gelb, kaltweiß, warmweiß

Licht как источник эмоций и чувств: Freude (3), Hoffnung (3), Liebe zu Gott, Leichtigkeit, Klarheit, Weisheit; Wo Licht ist, ist auch ein Schatten

Licht как отношение к Богу: Gott (5), Seele, Geist, Jesus, Engel, Religion *Licht* как физическое явление: Energie, Strom, Glühbirne, künstlich, Gibt's *Licht* как личное пространство: Zuhause, Zimmer, Leben

Licht как абстракция: Zukunft, gut, klug

В результате анализа данных эксперимента выяснилось, что в языковом сознании носителей немецкого языка присутствуют некоторые дополнительные значения, отличные от лексикографических. Ассоциативный эксперимент позволил получить наглядное представление о ценностном компоненте концепта. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин считают, что «показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носитель культуры может сказать "это хорошо" (плохо, интересно, утомительно и т.д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт» [32. С. 77].

Ценностные ориентации представляют собой структурный признак культуры, практически не осознаваемый людьми, т.е. воспринимающийся как что-то само собой разумеющееся. Осознание этого происходит только при столкновении с другими культурами со своими отличающимися ценностными ориентациями [33. S. 80].

Анализ свободных ассоциаций показал, что большинство языковых реакций на слово-стимул *Licht* отражает ценностные представления о мире. Нейтральными в отношении оценки являются такие ассоциации, как *Lampe* (лампа), Kerze (свеча), Laterne (фонарь), Schatten (тень), Mond (луна), Dunkelheit (темнота).

Но большинство слов-реакций респондентов имеют оценочные характеристики, являются эмоционально окрашенными. Иногда в ассоциациях оценочное отношение эксплицировано: Freude (радость), Hoffnung (надежда), Liebe zu Gott (любовь к Богу), Leichtigkeit (легкость), Klarheit (ясность), Weisheit (мудрость), а иногда оно присутствует имплицитно: Helligkeit (яркость), Finsternis (тьма), funkeln (искриться), strahlen (сиять), blenden (слепить), Helle (светлое), Knall (взрыв), Zukunft (будущее).

Резюмируя результаты эксперимента, можно утверждать, что приведенные ассоциации демонстрируют явное преобладание положительной коннотации концепта. Это проявляется в таких примерах, как Freude (радость), Hoffnung (надежда), Liebe zu Gott (любовь к Богу), hell (светлый), Helligkeit (яркость), Sonne (солнце), Wärme (тепло), Strahl (луч), Gott (Бог), Seele (душа), Geist (дух), Energie (энергия), Zuhause (родной дом), Leben (жизнь).

Одним из информантов была предложена ассоциация (с нарушением условий эксперимента), ориентированная на прецедентный феномен — пословицу *Wo Licht ist, ist auch ein Schatten (Где много света, там гуще тень)*, т.е. речь идет о реакции респондента, основанной на интертекстуальности.

Подобные прецедентные тексты легко идентифицируются представителями культурного сообщества. В данном случае концепт *Licht* выступает положительным маркером одной стороны, а отрицательной противоположностью выступает *Schatten* (тень). Здесь раскрывается обязательное наличие в предмете как положительной, так и отрицательной стороны.

Ценностная характеристика концепта: контекстуальный анализ

Концепт отличается сложной структурой. Помимо основного культурный концепт имеет ряд дополнительных, периферийных признаков. Для описания структуры концепта необходимо выделить его признаки. З.Д. Попова и И.А. Стернин пишут, что концепт может быть вербализован целым комплексом языковых средств, их систематизация и семантическое описание позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы для моделирования концепта. Под когнитивным классификатором понимается «компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта» [34. С. 89].

Актуализация признаков обосновывается ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте. Контекстуальные характеристики имени концепта *Licht* были установлены на основе сплошной выборки из фразеологического и паремиологического фонда немецкого языка, а также верифицированы на примерах афоризмов, выдержек из художественных и публицистических текстов на немецком языке из компьютерной базы данных.

Свет как физическое явление обладает рядом характеристик: интенсивностью, направленностью, цветом (субъективное восприятие). Эти же физические свойства обыгрываются в устойчивых сочетаниях, в пословицах и поговорках немецкого языка.

Некоторые фразеологические единицы имеют физическое объяснение: das Licht brennt ihm auf den Fingern. Данное выражение употребляется и в переносном смысле. Когда человек слишком близко подходит к свету, он обжигается, следовательно, срочно нуждается в помощи. В представлении может возникнуть свеча, обгорающая до пальцев, в которых она находится. Также можно вспомнить о том, что раньше монахи во время мессы для чтения в темноте приклеивали к большим пальцам рук маленькие восковые свечи. Но данное выражение может брать свое начало и в методе пытки, заключающемся в поджигании ногтей накладыванием раскаленных углей [35].

Цвет также является одной из неотъемлемых характеристик света. "Licht ist meine Lieblingsfarbe (Свет – это мой любимый цвет)" – так определил свет немецкий писатель К. Дешнер. Целый ряд устойчивых сочетаний в немецком языке построен на цветообозначениях: grünes Licht haben / erhalten / grünes Licht geben – получить / дать разрешение; alles in rosarotem / (rosigem) Licht betrachten / alles himmelblau sehen – видеть всё в розо-

вом свете; durch eine schwarze Brille sehen — видеть в мрачном свете; in allen Regenbogenfarben schillern — переливаться всеми цветами радуги; in allen Farben schillern — не иметь твёрдых (политических) убеждений.

Интенсивность и качество света могут быть различными. Так, глагол schillern имеет значения «мерцать, отливать разными цветами, переливаться». Поэтому в сочетании dieses Wort schillert просматривается сенсорноперцептивный образ чего-то, не имеющего полной ясности, определенности, на котором базируется переносное значение данной лексемы, и переводится на русский язык это выражение «значение этого слова трудно точно передать».

Исследование паремиологического воплощения концепта *Licht* иллюстрирует его неоднозначность, двуполярность — свет не существует без тени, тьмы, и наоборот. Концепт, репрезентирующий отношение к свету, существует во взаимодействии своих двух полюсов — света и тьмы. Паремии и фразеологические единицы выражают, с одной стороны, ценность света, ассоциирующегося с добром, с другой — указывают на необходимость борьбы с тьмой, темными силами, т.е. злом. В пословицах отражается номинативное содержание концепта.

Das Glück ist wie das Licht, es braucht den Schatten des Leides. — Счастье словно свет, оно нуждается в тени страдания.

Der Weg zum Licht beginnt auf der untersten Stufe in der Dunkelheit (Bernd Mai). – Путь к свету начинается на низшей ступени во тьме (перевод наш).

Liebst Du das Licht? Dann lerne, es hinter den Schatten zu entdecken (Peter Amendt). – Ты любишь свет? Тогда научись распознавать его за тенью (перевод наш).

Изучение символического значения концепта света в немецкой языковой картине мира подтвердило универсальность процессов религиозной мотивированности концепта света носителями немецкого языка. Религиозные представления находят отражение в лексико-семантических единицах немецкого языка; понятие света связано с образом Бога, а понятие тьмы – с образом антибога.

Im Anfang schuf Gott Himmel und Erde; die Erde aber war wüst und wirr, Finsternis lag über der Urflut, und Gottes Geist schwebte über dem Wasser. Gott sprach: Es werde Licht. Und es wurde Licht. Gott sah, dass das Licht gut war. Gott schied das Licht von der Finsternis, und Gott nannte das Licht Tag, und die Finsternis nannte er Nacht (Bibel. Genesis, Kapitel 1). – В начале со-творил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один (Библия. Книга Бытия. Глава 1).

Символом обращения к Богу, олицетворением божественного огня является die Ewige Lampe / das Ewige Licht – неугасимая лампада.

Существование немецкоязычного социума с древних времен в значительной степени определялось христианской идеологией, существующие в

сознании человека воззрения преломлялись через христианские догмы, приобретая при этом оценочные характеристики. Практически все основанные на дихотомии главные духовные принципы базируются на противопоставлении света и тьмы, тем самым близости к Богу и отдаленности, добра и зла, начала (das Licht der Welt erblicken, das Lebenslicht erblicken – родиться на свет) и конца (das Licht erlischt – умереть, j-m das Lebenslicht ausblasen – убить, отправить на тот свет).

Представление о свете глубоко укоренилось в языке как что-то позитивное, духовное, живое. На таком восприятии строятся метафорические выражения: einen Lichtblick haben — иметь проблеск надежды; ein Strahl der Hoffnung — луч надежды; das Licht der Lebenshoffnung — огонь жизненной надежды (Зюскинд); das Licht der gottgegebenen Vernunft — свет богоданного разума (Зюскинд).

Однако иногда со светом можно и переусердствовать, его не должно быть слишком много: Licht in die Sonne bringen, dem Tag ein Licht anzünden или etwas mit der Laterne am Tage suchen – эти выражения указывают на то, что человек делает нечто бессмысленное, ненужное, лишнее.

Выражение das Licht brennt zu hell буквально означает «огонь что-то слишком ярко горит», подразумевая необходимость прервать разговор, не предназначенный для посторонних, или что-то нельзя говорить в присутствии детей.

Несмотря на доминирование положительной коннотации концепта **Licht** в обыденном сознании, он характеризуется амбивалентностью. Некоторые фразеологические единицы несут в себе отрицательную коннотацию: etwas ans Licht / ans Tageslicht bringen – вскрыть что-то неприятное, что раньше было в тени; etwas kommt ans Licht (der Sonne) – всё выйдет на свет (Божий) / наружу; jemanden hinters Licht führen – обмануть, обвести вокруг пальца; etwas ins falsche Licht rücken – выставить в искаженном свете; ein schlechtes / kein gutes Licht auf jemanden werfen – выставить кого-либо в плохом свете.

В немецкой фразеологии, паремиологии и афористике присутствует идея обманчивости и эфемерности света: *Es ist nicht alles Gold, was glänzt. – Не всё то золото, что блестит*.

Концептуальные характеристики света используются и для усиления отрицательно коннотированных выражений, например: *mit Glanz hinausfliegen – вылететь с треском*.

Аллегорическое противопоставление искусственного и естественного света отражено в следующем афоризме: Eine große Entdeckung des Menschen ist das künstliche Licht. Leider erkennt er das echte Licht oftmals nicht mehr (Rita Kubla). Хотя искусственный свет признается великим изобретением человека, он, в противоположность естественному свету, является чем-то фальшивым, показным, ложным, мешающим человеку распознать истинное, настоящее, правдивое.

Авторы афористических сентенций также замечают, что свет может вызывать к себе отрицательное отношение:

Man sagt, das Licht verkörpere das Gute. Manchmal ist es so, dass das Licht so hell ist, dass man nur noch Schatten sehen kann (Benjamin Stramke). — Γ оворят, свет воплощает добро. Иногда же свет настолько ярок, что можно увидеть только тень (перевод наш).

Das Licht, das für sich selbst leuchtet, ist Finsternis (Aus China). – Свет, который светит только для себя, есть тьма (перевод наш).

Фразеологизмы и паремии отражают образы, являющиеся общими для членов определенного языкового общества, в них сосредоточены важнейшие концепты языковой картины мира. Анализ фразеологизмов выявил разноаспектность концепта *Licht*. Большая часть фразеологических единиц связана с человеком и его окружающим миром, его внутренними переживаниями и деятельностью. Изучение образа человека в семантической структуре концепта *Licht* выявило отражение физических (Mondschein – лысина, плешь; lichte Haare – жидкие волосы; der Mond scheint ihm durch die Beine – у него ноги колесом), интеллектуальных (Leuchte – светлая голова; sie war nicht die hellste – она была не из умных), духовных (das Licht Gottes prägte sich ihm ein – свет Божий запечатлелся на нем; der göttliche Funke – божественная искра; hellsehen – обладать даром ясновидения, hellhören – обладать даром яснослышания), эмоциональных (er strahlt / blitzt über das ganze Gesicht – он весь сияет, светится (от счастья, радости); ihr Lächeln erlosch – улыбка исчезла с её лица; der kann mir mal im Mondschein begegnen – я его и знать не желаю) сторон человеческого образа.

В результате интерпретации языковых средств объективации концепта *Licht* было выявлено несколько когнитивных признаков.

<u>Когнитивный классификатор «описание человека</u>», представленный яркой наглядно-чувственной системой образов, включает следующие классифицирующие когнитивные признаки меньшего уровня обобщения:

- 1) физическое состояние (внешний вид, жизнь и здоровье);
- 2) интеллектуальная деятельность (умственные способности, речевая деятельность);
 - 3) эмоциональное состояние:
 - 4) свойства характера, поступки и поведение человека.

Описание физического состояния человека вербализуется, например, в таких устойчивых выражениях, как: ein Funkeln in den Augen – искры в глазах; j-n des Augenlichtes berauben – ослепить кого-л.; Verlust des Augenlichts – потеря зрения; mit leuchtenden Augen – с сияющими глазами. Очевидно, что самое частотное употребление концепта **Licht** связано с глазами человека

Раньше глаз даже воспринимался как источник света. В V в. до н. э. Эмпедокл предположил, что всё в мире состоит из четырёх элементов: огня, воздуха, земли и воды, и из этих четырёх элементов богиня Афродита создала человеческий глаз и зажгла в нём огонь, свечение которого и делало зрение возможным. Для объяснения факта, что тёмной ночью человек видит не так хорошо, как днём, Эмпедокл постулировал взаимодействие между лучами, идущими из глаз, и лучами от светящихся ис-

точников, таких как солнце. И в языковом выражении часто глаза человека ассоциируются со светом: die Augen leuchten (глаза светятся), strahlen (сияют), flammen (горят), funkeln (сверкают), brennen (горят), erglühen (загораются), schießen Blitze (мечут молнии), sprühen Funken (мечут искры).

Концепт *Licht* символизирует также жизнь человека, соответственно смерть аллегорически представляется как затухание, выключение света: *er ist am Erlöschen – он умирает; sein Lebenslicht ist erloschen – он умер / угас; j-m das Licht ausblasen – отправить кого-л. на тот свет; j-s Lampe ausschließen – вывести из строя, убить кого-либо.*

Слабый, сумеречный, колеблющийся, прерывающийся свет (dämmern — смеркаться / рассветать; flackern — мерцать, мигать, мигнуть, дрожать) ассоциируется со слабым здоровьем, нестабильным, плохим состоянием человека: vor sich hin dämmern — находиться в полузабытьи; das Herz flackert gerade noch — сердце бъётся очень слабо, lichte Augenblicke eines Kranken — проблески сознания у больного.

Когда у человека происходит озарение, понимание чего-либо, то говорят: Geht jemandem ein Licht auf, это выражение из книги Иова: "Dem Gerechten muss das Licht immer wieder aufgehen." "Dämmert's?" спрашивают шутливо, выражая надежду, что кто-то наконец начинает что-то понимать. Если же до человека никак не доходит какая-то мысль, то о нем говорят kein großes Licht (ср. рус. светило (науки), или unterbelichtet. Иногда используют и выражение jemand ist kein großes Kirchenlicht. И эти отрицательно коннотированные выражения также восходят к Библии. Когнитивный признак «умственные способности человека» построен на свойстве света делать что-либо ясным, понятным, очевидным и отражен также в следующих словах и устойчивых выражениях:

keine große Leuchte sein –он не блещет умом / не хватает звёзд с неба mir geht ein Licht auf – меня осенило sein Licht leuchten lassen – блеснуть своим умом eine Leuchte seines Faches sein – быть авторитетом в своей области es kam über ihn wie eine Erleuchtung – его как будто осенило das will mir nicht einleuchten – это мне не совсем ясно keinen Docht in seiner Lampe haben – не хватать звёзд с неба Voll-Lampe – блестящая идея Voll-Lampe – круглый дурак mir geht eine Voll-Lampe auf – меня осенило bei ihm hat's gefunkt – наконец до него дошло er ist nicht ganz knusper in der Lampe – у него не все дома Kurzschluss in der Lampe – заскок einen hellen Kopf haben – иметь голову на плечах ein Licht am Ende des Tunnels sehen – видеть свет в конце тоннеля hell denken – легко соображать

sein Licht unter den Scheffel stellen – зарыть свой талант в землю keinen blassen Schimmer haben – не проблёскивает ни малейшей мысли

При описании персонажей в художественной литературе часто используются подобные фразеологизмы для подчеркивания особой одаренности человека, признания его высоких умственных способностей и научных достижений:

Über Emmenberger hingegen hat man sich seitdem immer anerkennend geäußert, er galt als ganz großes Licht. [Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1953)] – Эменбергер же с этого момента получил признание, его считали светилом. [Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1990)] [29].

Или же это может быть ироничная характеристика, использованная в качестве эвфемизма:

Nein, er ist ein lieber Mann, ein guter Hausfreund, alles; aber ein Licht ist er nicht. [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896–1900)] – Нет, нет, он милейший старик, истинный друг, что угодно... но не светило науки! [Томас Манн. Будденброки (Н. Ман, 1953)] [Там же].

Вероятно, выражения, проводящие параллель между светом и умственными способностями человека, представляют в немецком языке самую значительную в количественном отношении группу фразеологических единип.

Общеизвестно библейское изречение «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Ветхий Завет, Книга Бытия. Глава 1). Иносказательно оно стало трактоваться и как поощрение стремления к истине, просвещению, гласности, правда, с шутливым оттенком [36].

"Es werde Licht" lautet das Motto der University of California (UC), einer der wenigen öffentlichen Bildungseinrichtungen weltweit, die mit privaten Eliteunis mithalten können (Die Zeit, 10.08.2009, Nr. 33) [30]. — «Да будет свет», — гласит девиз Калифорнийского университета, одного из немногих государственных образовательных учреждений в мире, которые могут конкурировать с частными элитными университетами (перевод наш).

"Es werde Licht", sprach der Lehrer, und es ward Licht und siehe, die Noten der Schüler wurden besser und ihre Zähne ebenfalls (Die Zeit, 24.09.1993, Nr. 39) [30]. — «Да будет свет», — сказал учитель, и стал свет, и кто бы мог подумать, оценки у учеников стали лучие, и их зубы тоже (перевод наш).

Речевая деятельность человека в немецком языке обозначается глаголами: fackeln – колебаться, пустословить, врать, лгать; dunkel machen – темнить.

Чувства, душевные переживания, эмоции человека выражаются при помощи следующих слов и устойчивых выражений: leuchten, strahlen (vor Glück, vor Freude) — светиться, сиять (от радости, от счастья); (Güte, Ruhe, Freude) ausstrahlen — излучать (доброту, спокойствие, радость); ein Strahl der Freude — луч радости; ein Strahl der Hoffnung — луч надежды; über beide Backen strahlen — сиять от радости; er strahlt wie ein Vollmonde — он сияет как начищенный пятак; ein Schimmer von Hoffnung — проблеск надежды; eine Hoffnung flackerte auf — появилась надежда; auf dem Marsch in eine helle Zukunft — на пути в светлое будущее; in seinen Augen flackerte eine unheimliche Glut auf — в его глазах вспыхнул недобрый

огонь; sein Haß ist erloschen — его ненависть прошла; seine Liebe ist erloschen — его любовь угасла; seine Augen schießen Blitze — его глаза мечут молнии; die Hoffnung glimmt nur noch — надежда едва теплится; zwischen beiden ist ein Funken übergesprungen — их сразу потянуло друг к другу.

Если человек светится от чего-либо (или чем-либо), то это, как правило, излучение положительных эмоций. Этот тезис может быть верифицирован на основе анализа коллокаций глагола "strahlen (vor)". По данным цифровой словарной системы немецкого языка DWDS (DWDS-Kernkorpus, 1900-1999) были получены следующие результаты: чаще всего человек светится от радости, счастья или удовольствия: vor Freude (15 вхождений), vor Glück (10), vor Vergnügen (5), а также vor Wonne (2) – om наслаждения; Zufriedenheit – удовлетворенности, Glückseligkeit – блаженства, Triumph – триумфа, Begeisterung – воодушевления, lauter Wohlwollen – сплошного расположения, Lebenslust – жизнерадостности, Lebendigkeit – оживленности, Entzücken – восхищения, Staunen – удивления, innerem Pläsier – внутреннего удовольствия, Einsicht – озарения, Humor – юмора, inniger Erwartung – внутреннего ожидания, selbstbewusster Kraft – осознания собственной силы, Stolz – гордости. Негативную семантику имели только два сочетания из всех выявленных словоупотреблений: vor Frechheit - наглости, vor geschäftigter Beschränktheit – деловой ограниченности [30].

В немецкой языковой картине мира в концепте света находит отражение и позитивное, доброе отношение к человеку при помощи ласкательного обращения, как: du meine Sonne! — ты моё солнышко! Sonne — (мол. жарг.) очаровашка. Отрицательная характеристика содержится, к примеру, в выражениях ein dunkler Ehrenmann — человек с сомнительной penymaцией; eine finstere Gestalt — тёмная личность; hinters Licht führen — обмануть, обвести вокруг пальца.

Положительно оценивается трудолюбие человека, а бездеятельность осуждается: Gebrauchter Pflug blinkt, stehend Wasser stinkt. — Рабочий плуг блестит, стоящая вода воняет (пословица).

На осмыслении идеи света и тьмы основан когнитивный классификатор <u>«ясность, очевидность, выраженность»</u>, в котором можно выделить два признака:

- 1) разъяснение, обнаружение, выявление чего-либо;
- 2) яркое проявление признака.

Вербализуются эти значения немецкими устойчивыми выражениями со значением «быть понятным, проливать свет на что-то, разъяснять, раскрывать, выставлять напоказ, обнаруживать», т.е. буквально «проливать свет»: aufhellen, auflichten, ausleuchten, ein Schlaglicht auf etw. werfen, Licht bringen.

К первому сектору можно отнести следующие выражения: jetzt wird's Tag- дело menepb cmahobumcs schum; etwas zu Tage f"ordern- cделать umo-лuбo usbecmhum, sumauumb usbecmhum; usbecmhum; usbecmhum; usbecmhum; usbecmhum; usbecmhum; usbecmhum; usbecmhum; usbecmhum; usbechhum; usbecmhum; usbecmhum; usbechhum; usbec

Характеристики, лежащие в основе закрепления значения второго признака, содержатся в таких фразеологических единицах, как: das leuchtet einem in die Augen — это очевидно; so hell wie der Tag — ясно, как божий день; es leuchtet ohne weiteres ein — это совершенно очевидно; aus ihm spricht heller Neid — он явно завидует; das ist ja heller Wahnsinn — это настоящее безумие; helle Wahrheit — сущая правда и т.п.

Hier aber zeigte sich Frau Stöhrs große Unbildung im vollsten Licht, denn wahrscheinlich aus gemeiner Genugtuung darüber, daß sie weniger krank war als Blumenkohl, begleitete sie seinen Weggang mit halb mitleidigen, halb verächtlichen Glossen. [Thomas Mann. Der Zauberberg (1924)] – И тут фрау Штер показала свою невоспитанность во всей красе: вероятно, наслаждаясь постыдно радостным сознанием, что она не так серьезно больна, как Блюменколь, эта особа проводила его полусочувственным, полупрезрительным замечанием. [Томас Манн. Волшебная гора (В. Станевич, 1959)] [29].

Этот образно-ассоциативный комплекс может быть объяснен и этимологической мотивацией. Так, прилагательное hell раньше означало «звучащий, громкий» (ср. нем. Hall - 3вук), т.е. изначально имело отношение к звуковому восприятию, а не зрительному (ср. также grell «громко кричащий», сейчас — «яркий»). Развитие семантики лексемы шло от переноса на область света, а затем и на характеристики умственных способностей человека: hell - быстро соображающий, смышленый, умный. Кстати, цвет, в свою очередь, может характеризоваться эпитетами, относящимися к звукам, т.е. может быть кричащим: <math>schreiend, knallig [23]. Таким образом, исконный этимологический смысл позволяет сделать выводы о глубинной связи этих понятий.

На этом же свойстве построены пословицы о том, что все тайное становится когда-то явным: $Kein\ Faden\ ist\ so\ fein\ gesponnen,\ es\ kommt\ doch\ an\ die\ Sonne\ /\ Die\ Sonne\ bringt\ es\ an\ den\ Tag.$ — Шила в мешке не уташиь.

Если зажигаешь свет, то он должен светить, его не нужно прятать. Точно так же не нужно скрывать свои таланты. Совет не зарывать талант в землю означает использовать в полном объеме свои силы и возможности, излучать свой свет. И заимствовано данное выражение из Евангелия от Матфея: "Man zündet auch nicht ein Licht an und setzt es unter einen Scheffel, sondern auf einen Leuchter, so leuchtet es allen, die im Hause sind. Also lasst euer Licht leuchten vor den Leuten, dass sie eure guten Werke sehen" [35].

<u>Когнитивный классификатор «цель»</u> базируется на представлении о свете как о чем-то положительном, некоем жизненном смысле, к чему следует стремиться: *der Weg zum Licht*. И хотя для каждого субъекта цель индивидуальна, как правило, это в своей основе духовные ценности. Путь к свету (= добру, истине, смыслу жизни) обычно сопряжен с препятствиями, которые нужно преодолеть, чтобы достичь цели:

Die Straße, die ins Dunkel führt, ist breit. Finde den schmalen Weg zum Licht! (I. Kunath) – Дорога, ведущая в темноту, широка. Отыщи узкий путь к свету! (перевод наш).

- В <u>когнитивном классификаторе «мера»</u> можно выделить несколько признаков:
 - 1) измерение времени;
 - 2) измерение скорости;
 - 3) измерение расстояния;
 - 4) измерение количества.

Измерение времени строится на смене дня и ночи, светлого и темного времени суток, двух небесных светил — солнца и луны. Вербальной репрезентацией концепта в данном значении служат следующие выражения: beim ersten Tageslicht — ранним утром, bei Sonnenaufgang — на рассвете, bei Sonnenuntergang — на закате, Dämmerlicht — сумерки, im ersten Dämmerlicht der Geschichte — на заре истории.

Das Licht ist Maß und Zahl der Jahreszeiten, der Tage und all unserer Zeit (Dionysios Aeropagita palästinensische, theosophische Schriften, die dem von Paulus getauften Beisitzer des athenischen Aeropaggerichtes zugeschrieben wurden). — Свет — это мера и исчисление времен года, дней и всего нашего времени (перевод наш).

Auf frühmittelalterl. Kreuzigungsdarstellungen werden Tag und Nacht oftmals durch Sonne und Mond vertreten, die trauernd ihr Antlitz verhüllen (Codex aureus, Einbanddeckel, 11. Jh.). – На средневековых изображениях распятий день и ночь часто представлены солнцем и месяцем, в скорби скрывающими свои лики (перевод наш).

Апелляция к концепту *Licht* в сравнениях, которые используются для обозначения очень большой скорости движения или развития событий, основана на физическом свойстве максимальности скорости света: lichtschnell - co скоростью csema; schnell wie der Blitz, blitzschnell - c молниеносной быстротой; wie der Blitz / wie ein geölter Blitz - c быстротой молнии; wie der Blitz davonschießen - стремелав умчаться прочь; <math>blitzen - промчаться.

В современном немецком языке существительное *Blick* имеет значения 1) взгляд; взор; вид; 2) сияние; сверкание; блеск; проблеск; вспышка. Старое значение германского корня *blikk- 'Strahl, schnelles Glanzlicht, Blitz' восходит к значению 'das plötzliche Aufleuchten, das Strahlen des Auges', и уже со средневерхненемецкого распространяется на очень короткий отрезок времени [23. S. 72]: *Augenblick – момент, миг; auf einen Blick – сразу, с первого взгляда, сразу; einen Blick in etw. tun – бросить беглый взгляд на что-то; im Augenblick – в мгновение ока.*

В астрономии в связи с необходимостью использовать параметры, сопоставимые с масштабами космоса, появилось понятие светового года. Под данной внесистемной единицей измерения понимают расстояние, преодолеваемое светом за один год. В переносном значении она подразумевает очень большое расстояние, которое практически невозможно преодолеть: Lichtjahre entfernt / (weg) sein / liegen.

Wie Griechenland wurde auch Italien in die Eurozone aufgenommen, obwohl es Lichtjahre davon entfernt war, alle Kriterien zu erfüllen [30]. – Κακ u Γpe-

ция, Италия была принята в еврозону, несмотря на то, что далеко не соответствовала всем критериям (перевод наш).

Иногда (ошибочно) данное выражение употребляется по отношению ко времени, а не расстоянию: Versprich mir, dass nicht wieder ein Lichtjahr vergeht, bevor du wieder etwas von dir hören lässt.

Выражение *soweit der Blick reicht*, означающее «насколько хватает глаз», также представляет собой метафорическую единицу измерения:

"Soweit der Blick reichte: Häuser, Häuser, Häuser", sagte Ricardo Aracil, Chef von Mallorca-Balloons, der gemeinsam mit seinem Berliner Kollegen Uwe Storkan zu der seltenen Fahrt gestartet war (Berliner Zeitung, 08.03.1999) [30]. – «Куда ни глянь: дома, дома, дома», — сказал Рикардо Арачил, директор Mallorca-Balloons, отправившийся вместе со своим берлинским коллегой Уве Сторканом в необычное путешествие (перевод наш).

При концептуализации количественных мер, обозначении ничтожно малого количества, используются концептуальные метафоры, базирующиеся на сопоставлении с искрой — мельчайшей частичкой горящего или раскалённого вещества: kein Funken (Fünkchen) Hoffnung / Liebe / Anstand / Ehre — ни малейшей надежды / ни капли приличия / чести; ein Funken Wahrheit — малая толика правды. Однако эта мельчайшая единица обладает огромной силой: der zündende Funke — зажигательная искра, den Funken ins Pulverfass schleudern — метнуть искру в бочку с порохом. Эта потенциальная сила отражена и в пословице: Ein Funken Feuer noch so klein, er äschert ganze Städte ein. — Искра хоть и мала, но от нее могут сгореть целые города (ср. От копеечной свечки Москва сгорела).

<u>Следующий выделенный когнитивный классификатор «знак»</u> представлен двумя признаками:

- 1) указатель;
- 2) сигнал.

Когнитивный классификатор «указатель» строится на свойстве света освещать путь, облегчать поиски, указывать дорогу, вести за собой: Leitstern — путеводная звезда; Notlichtlampe — светящаяся надпись на двери выхода, Leuchtturm — маяк, световой ориентир; Blickanzeiger — мигающий световой указатель.

Überdies war dem Steinhauer in den großen Werken altdeutscher Baukunst ein Licht aufgegangen, welches seinen Pfad noch mehr erleuchtete, indem es ihn mit heiteren Künstlerahnungen erfüllte und den dunkeln Trieb jetzt erst zu rechtfertigen schien, welcher ihn von der grünen Weidehinweg dem gestaltenden Leben der Städte zugeführt hatte. [Gottfried Keller. Der grüne Heinrich (zweite Fassung) (1879–1880)]. – Кроме того, у каменотеса Лее была еще и своя путеводная звезда, которую он обрел, изучая великие произведения старонемецкого зодчества, и она светила ему еще ярче в его исканиях, пробуждая в его душе радостное предчувствие, что он рожден художником, так что он видел теперь, что не ошибся, последовав в свое время необъяснимому зову судьбы и променяв зеленые пастбища на творческую жизнь

горожанина. [Готфрид Келлер. Зеленый Генрих (Ю. Афонькин, Г. Снимщикова, Д. Горфинкель, Н. Бутова, 1972)] [29].

Кроме того, характеристика света как указателя объясняется таким его свойством, как направленность. Не зря немецкое слово *Strahl* имело первоначальное значение *Pfahl (ср. рус. стрела)*, которое сохранялось вплоть до XVI в. Однако уже в древневерхненемецкий период под влиянием античного мировоззрения было перенесено на молнию [23].

Свет как сигнал наиболее эффективен ввиду того, что он хорошо виден, особенно в темноте, и может передаваться на большие расстояния. В качестве сигналов используются такие источники света, как Feuer (огонь, костер), die Ampel (светофор), grünes Licht (зеленый свет), rotes Licht (красный свет), Alarmlampe (лампа аварийной сигнализации), Warnlicht (предупредительный световой сигнал), Notlichtanlage (аварийная осветительная установка) и мн. др. Сюда же можно отнести глаголы с соответствующей семантикой: blinzeln — мерцать, подмигивать; blinken — передавать световые сигналы, leuchten — (по)светить.

Сочетание grünes Licht bekommen / geben построено на соотнесенности с цветовыми сигналами светофора. Зеленый цвет — традиционно позитивный символ, ассоциирующийся со свободой, надеждой, благоприятным стечением обстоятельств, у светофора это разрешающий сигнал для движения, а красный — запрещающий. Метафорически это выражение переосмысляется как разрешение на выполнение какого-либо действия и переводится на русский язык «дать добро, разрешить».

Rumänien ist seit 2007 EU-Mitglied und wartet seit 2011 für Schengen auf grünes Licht (Die Zeit, 02.01.2015 online) [30]. – Румыния с 2007 года является членом Евросоюза и с 2011 ожидает разрешения на вступление в Шенген (перевод наш).

<u>Когнитивный классификатор «эстетика»</u> представлен следующими когнитивными признаками:

- 1) внешняя красота, лоск;
- 2) чистота;
- 3) качество (в сочетании с высокой ценой).

Положительная эстетическая оценка закреплена в следующих признаках, зафиксированных в семантике паремий и немецких вербальных единиц, тяготеющих к клишированным формам и имеющих высокую частотность в речи: ganz Lack und Glanz sein — сиять, роскошно выглядеть; die Wohnung blitzt vor Sauberkeit — квартира сияет чистотой; blink und blank сверкающий чистотой; Billig stinkt, teuer blinkt. — Дешевое воняет, дорогое сверкает (\approx Скупой платит дважды).

Таким образом, анализ и интерпретация языковых средств репрезентации концепта *Licht* в немецком языке позволили вычленить концептуальные признаки, дающие разностороннее представление о его структуре.

Заключение

В системе ценностей немецкоязычного социума *Licht* оказывается значимым концептом, в котором сконцентрированы жизненные, этические, познавательные, религиозные, эстетические представления немецкой лингвокультуры. Как видно из проведенного исследования, при метафорической концептуализации эксплицируются различные стороны света как познаваемого объекта, что позволяет выделить его существенные свойства и воссоздать целостный образ. В обыденном сознании немцев *Licht* предстает как стереотип добра, смысла жизни, цели и надежды. Таким образом, лексическим и фразеологическим единицам, которые вербализуют данный концепт, задается преимущественно положительная коннотация. Центральные для немецкого концепта *Licht* – духовная, интеллектуальная, эмоциональная и физическая стороны человеческой жизни. *Licht* является амбивалентным концептом, т.е. ему могут быть присущи и негативные характеристики, а также двуполярным, противопоставленным тени, темноте.

На основе анализа лексических, фразеологических и паремиологических единиц можно выделить следующие когнитивные классификаторы и признаки: описание человека (физическое состояние, интеллектуальная деятельность, эмоциональное состояние, свойства характера, поступки и поведение человека); ясность, очевидность, выраженность (разъяснение, обнаружение, выявление чего-либо, яркое проявление признака); цель; мера (измерение времени, скорости, расстояния, количества); знак (указатель, сигнал); эстетика (внешняя красота, лоск, чистота, качество).

Проведенное исследование предоставляет материал для дальнейшего изучения концепта и предполагает перспективу выявления наличия концептуальной асимметрии в отношениях русской и немецкой лингвокультур, определения неполного совпадения культурных коннотаций русского концепта «свет» и его немецких эквивалентов. Несмотря на свою универсальность, интерпретация изучаемого концепта обладает субъективными чертами в разных культурах и, следовательно, определенной спецификой вербализации в разных языках, что представляет несомненный интерес для лингвистики.

Литература

- 1. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2004. 256 с.
- 2. *Арутнонова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
- 3. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. М. : Знак, 2012. 208 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
- 4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- 5. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Москва ; Берлин : Directmedia, 2016. 163 с.

- 6. *Пименова М.В.* Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54). С. 127–131.
- 7. *Агиенко М.И.* Правда и истина // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2006. С. 118–137.
- 8. *Никитина С.Е.* О концептуальном анализе в народной культуре. М.: Наука, 1991. 204 с.
- 9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- 10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание Текст. М.: Русские словари, 1996. 415 с.
- 11. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 75–80.
- 12. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: ВГУ, 2001. 189 с.
- 13. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 266 с.
- 14. Григорьева Т.В. Семантическая интерпретация концептов «Свет» и «Тьма» в русском языке : дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2004. 253 с.
- 15. *Шушарина Г.А.* Языковая актуализация концептов light и darkness : дис. ...канд. филол. наук. Хабаровск, 2007. 172 с.
- 16. *Гуревич А.Г.* Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 168 с.
- 17. *Магомедова Н.А.* Семантическое пространство концептов «свет» и «тьма» в лезгинском и французском языках. Махачкала, 2009. 209 с.
- Азаренко Н.А. Концептуализация света и тьмы в языковой картине мира Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2007. 248 с.
- 19. *Садыкова М.А.* Лингвокультурный анализ мифологизированных концептов «свет / light» и «тьма / darkness» в текстах священного писания : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007. 159 с.
- 20. Duden. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/Licht
- 21. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm (DWB) URL: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui py?sigle=DWB
- 22. *Wahrig.* Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin: Gütersloh/München, und Cornelsen Verlag GmbH & Co OHG, 2008.
- 23. *Duden.* Etymologie. Herkunftswörterbuch der Sprache. Mannheim: Bibliographisches Institut AG, 1963. 816 s.
- 24. Kluge F. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2002. 1023 s.
- 25. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М. : Аквариум, 1995. 768 с.
- 26. *PONS.* Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten. Stuttgart, Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1992. 428 s.
- 27. *PONS*. Deutsche Idiomatik: die deutschen Redewendungen im Kontext. Stuttgart, Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993. 1037 s.
- 28. Мультитран: словарь. URL: https://www.multitran.ru
- 29. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: http://www.ruscorpora.ru
- 30. *Das Wortauskunftssystem* zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS). URL: https://www.dwds.de/wb/Licht
- 31. Duden. Das Synonymwörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut GmbH, 2010.
- 32. *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 75–80.
- 33. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation: zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. Opladen: Westdt. Verl., 1996. 209 s.

- 34. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2007. 250 с.
- Es werde Licht. ALLTAGSDEUTSCH PODCAST. URL: http://www.dw.com/de/eswerde-licht/a-494234
- 36. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. URL: https://royallib.com/read/serov_vadim/entsiklopedicheskiy_slovar krilatih slov i virageniy.html#3358720

Structural Modeling of the Concept Licht in the German View of the World

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 87–109. DOI: 10.17223/19986645/59/6

Nailya R. Urazayeva, Evgenii A. Morozov, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation). E-mail: nailja-urasaewa@yandex.ru / buddenbro-ki@mail.ru

Keywords: concept, cognitive linguistics, linguistic view of world, German language, linguistic culture, cognitive trait.

This study is aimed at describing a fragment of the German linguistic worldview, which includes the concept *Licht* (light), based on a comprehensive analysis of the materials of etymological, explanatory, phraseological dictionaries, the digital dictionary system of the German language DWDS. Conceptual, figurative and axiological meanings of the concept are formed on the basis of studying the etymology and semantics of the key lexeme *Licht*. This lexeme is a means of objectification of the concept and of analysis of phraseological and paremiological units of the German language and literary contexts, as well as associative series using the results of the experiment. Methods and techniques of the research include the analysis of dictionary definitions, descriptive and interpretive methods, and continuous and special sampling methods, a corpus study and an associative experiment. The leading methods are the method of conceptual analysis, the implementation of which is facilitated by the methods of component analysis of lexical, phraseological and paremiological units, as well as the modeling method, which involves the concept content representation in the form of cognitive traits.

The fundamental understanding of the concept, based on etymology and dictionary definitions, is defined as "glow, light" and "light sources". Also, light is a physical phenomenon or electricity; God and the divine beginning; joy (figuratively); a positive value.

To identify figurative and perceptual characteristics of the concept under consideration, an experiment was conducted, which showed that light sources, heat, emotions and feelings, color perception, attitude to God, physical phenomenon, abstract concepts are associated with light by German speakers. Most of the respondents' response words have evaluative characteristics with a positive connotation.

The axiological components of the concept *Licht* are manifested in bipolarity, that is in the opposition of light and darkness, as well as in ambivalence that gives it both positive and negative characteristics. Based on the analysis of linguistic means of the concept objectification, the following cognitive layers were introduced with sectors: a description (physical state, intellectual activity, emotional state, characteristic features, actions and behavior); clearness, obviousness, manifestation (explanation, discovery, revealing something, a vivid manifestation of a sign); aim; measure (measurement of time, speed, distance, quantity); sign (pointer, signal); aesthetics (external beauty, gloss, purity, quality).

The concept *Licht* turns out to be a significant concept in the system of values of the German-speaking society; it represents ethical and aesthetic views in the German linguaculture.

References

1. Maslova, V.A. (2004) *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.

- 2. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
- 3. Kubryakova, E.S. (2012) *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language: Cognitive research]. Moscow: Znak.
- 4. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
- 5. Boldyrev, N.N. (2016) Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii [Cognitive semantics: A course of lectures on English philology]. Moscow; Berlin: Directmedia.
- 6. Pimenova, M.V. (2013) The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta Bulletin of Kemerovo State University*. 2 (54). pp. 127–131. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2013-2-127-131
- 7. Agienko, M.I. (2006) Pravda i istina [Truth and verity]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Volgograd: Paradigma. pp. 118–137.
- 8. Nikitina, S.E. (1991) *O kontseptual'nom analize v narodnoy kul'ture* [On the conceptual analysis in folk culture]. Moscow: Nauka.
- 9. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskiy proekt.
- 10. Vezhbitskaya, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie Tekst* [Language. Culture Cognition Text]. Moscow: Russkie slovari.
- 11. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2001) Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya [Linguocultural concept as a unit of research]. In: Sternin, I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University.
- 12. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2001) *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University.
- 13. Maslova, V.A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: TetraSistems.
- 14. Grigor'eva, T.V. (2004) Semanticheskaya interpretatsiya kontseptov "Svet" i "T'ma" v russkom yazyke [Semantic interpretation of the concepts "Light" and "Darkness" in Russian]. Philology Cand. Diss. Ufa.
- 15. Shusharina, G.A. (2007) Yazykovaya aktualizatsiya kontseptov light i darkness [Language actualization of the concepts of light and darkness]. Philology Cand. Diss. Khabarovsk.
- 16. Gurevich, A.G. (2005) *Kontsept sveta i t'my v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira* [The concept of light and darkness in the Russian and English language pictures of the world]. Philology Cand. Diss. Makhachkala.
- 17. Magomedova, N.A. (2009) Semanticheskoe prostranstvo kontseptov "svet" i "t'ma" v lezginskom i frantsuzskom yazykakh [The semantic space of the concepts of "light" and "darkness" in Lezgin and French]. Philology Cand. Diss. Makhachkala.
- 18. Azarenko, N.A. (2007) *Kontseptualizatsiya sveta i t'my v yazykovoy kartine mira F.M. Dostoevskogo* [Conceptualization of light and darkness in F.M. Dostoevsky's language picture of the world]. Philology Cand. Diss. Lipetsk.
- 19. Sadykova, M.A. (2007) Lingvokul'turnyy analiz mifologizirovannykh kontseptov "svet / light" i "t'ma / darkness" v tekstakh svyashchennogo pisaniya [Linguistic and cultural analysis of mythologized concepts of "light" and "darkness" in the texts of the Scripture]. Philology Cand. Diss. Izhevsk.
 - 20. Duden. [Online] Available from: https://www.duden.de/rechtschreibung/Licht.
- 21. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm (DWB). [Online] Available from: http://woerterbuchnetz.de/cgi-bin/WBNetz/wbgui_py?sigle=DWB
- 22. Wahrig-Burfeind, R. (2008) *Wahrig. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache.* Berlin: Gütersloh/München, und Cornelsen Verlag GmbH & So OHG.
- 23. Duden. (1963) *Etymologie. Herkunftswörterbuch der Sprache.* Mannheim: Bibliographisches Institut AG.

- 24. Kluge, F. (2002) *Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- 25. Binovich, L.E. (1995) *Nemetsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [German-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Akvarium.
- 26. Schemann, H. (1992) *PONS. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten.* Stuttgart; Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung.
- 27. Schemann, H. (1993) *PONS. Deutsche Idiomatik: die deutschen Redewendungen im Kontext.* Stuttgart; Dresden: Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung.
 - 28. Multitran: A dictionary. [Online] Available from: https://www.multitran.ru.
- 29. Russian National Corpus. [Online] Available from: http://www.ruscorpora.ru. (In Russian).
- 30. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart (DWDS). [Online] Available from: https://www.dwds.de/wb/Licht.
- 31. Duden. (2010) Das Synonymwörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut GmbH.
- 32. Karasik, V.I. & Slyshkin, G.G. (2001) Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya [Linguocultural concept as a unit of research]. In: Sternin, I.A. (ed.) *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh State University.
- 33. Maletzke, G. (1996) Interkulturelle Kommunikation: zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. Opladen: Westdt. Verl.
- 34. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of the language]. Voronezh: Istoki.
- 35. DW. (n.d.) *Es werde Licht. ALLTAGSDEUTSCH PODCAST.* [Online] Available from: http://www.dw.com/de/es-werde-licht/a-494234.
- 36. Serov, V. (2005) Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow: Lokid-Press, [Online] Available from: https://royallib.com/read/serov_vadim/entsiklopedicheskiy_slovar krilatih slov i vi-rageniy.html#3358720.

УДК 81'1

DOI: 10.17223/19986645/59/7

Т. Цзинь

РУССКАЯ ПРИСТАВКА *О-/ОБ-* КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ТРЕХ МОДЕЛЕЙ ДВИЖЕНИЯ

На примере o-/oб- проверяется гипотеза о том, что полисемия приставки возникает в результате ментального процесса сжатия многообразия мира с помощью когнитивной матрицы в виде моделей движения. Выявлено, что пространственные значения есть результат прямой реализации моделей движения, когда движение понимается как процесс перемещения. Непространственные значения есть результат метафорической реализации моделей движения, когда движение понимается как процесс, приводящий к переменам.

Ключевые слова: *полисемия приставок, когнитивная матрица, модель движения, реализация, метафора, вариация, корреляция.*

Введение

С установлением в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы большой интерес представляют уже не столько значения языковых знаков как таковые, сколько те «человеческие» и культурные факторы, которые влияют на формирование этих значений. На смену КАКлингвистике приходит ЗАЧЕМ/ПОЧЕМУ-лингвистика, в основе которой лежит примат объяснения [1. С. 103]. Если говорить об исследовании полисемии языковых знаков, в частности глагольных приставок, то ПОЧЕ-МУ-лингвистика должна ответить на вопрос, каким образом многочисленные значения и почему именно эти значения могут быть сконструированы одной приставкой.

Для одних исследователей ответ на данный вопрос можно найти в самой семантике. Как пишет об этом М.А. Кронгауз, несмотря на то, что при глобальной проверке языкового материала гипотеза о семантической мотивированности употребления глагольных приставок может быть опровергнута исключениями, она «имеет ценность, прежде всего, как плодотворная методологическая рамка семантических исследований, позволяющая искать семантические причины в поверхностном поведении языковых единиц» [2. С. 115]. На наш взгляд, такой подход базируется на представлении о полисеманте как о сформированной категории, соответственно, его многочисленные значения являются членами данной категории и между ними существует связь, которая может быть описана путем выявления общего абстрактного компонента (или общих компонентов) для групп значений или всех значений. В частности, Е.Р. Добрушина выдвигает гипотезу о едином значении (инварианте) глагольных приставок, имеющем объяснительную силу, на примере четырех приставок с непрозрачной семанти-

кой (вы-, у-, no-, o-/об-) [3. С. 33–42]. Позднее вместо «инварианта» используется термин «формальная схема» приставки, под которой «понимается такой семантический конструкт, который всегда находится в истоках семантического взаимодействия данной приставки с глагольной основой, но никогда не присутствует в непосредственном виде в значении приставочного глагола» [4. С. 13]. Новый термин, на наш взгляд, не меняет чисто семантического характера такого подхода к исследованию полисемии, сводящегося к выявлению путем абстракции «суперзначения/суперзначений», которое/которые связывает/связывают частные значения (подзначения на разных уровнях) в единую сеть. Как нам представляется, потенциальная уязвимость поиска «суперзначения» обусловлена не только ограниченными объяснительными возможностями, но и логикой, так как, каким бы ни было это «суперзначение», вопрос о природе его возникновения, его генетической связи с определенной приставкой всегда актуален.

Второй подход основан на том, что в семантической структуре существует некая точка отсчета в виде значения, от которого происходят остальные значения. Для глагольной приставки в роли такой точки отсчета выступает ее пространственное значение. Многими исследователями так или иначе поддерживается концепция о закономерном развитии значений – от пространственных к более абстрактным [5–7]. В современных работах пространственное значение рассматривается как прототипное для остальных непространственных значений [8. С. 3–20; 9. С. 79–94]. Такой подход нам представляется как семантический с когнитивным уклоном, но при этом априорно сделано допущение, что одно значение порождается другим значением, т. е. познавательный процесс есть процесс осуществления определенных мыслительных операций над неким исходным значением.

Существует еще один подход: при анализе приставок с непрозрачной семантикой исследователи обращаются не к их пространственному значению, а непосредственно к тем или иным моментам, связанным с процессом перемещения в физическом пространстве. При этом между пространственным и непространственным обнаруживаются не общие абстрактные компоненты семантического характера, а аналогии, обеспечивающие метафорический сдвиг [10. С. 149–163; 11. С. 95–123]. К применению подобного теоретического подхода относится и работа Л.А. Янды, где описание непространственных значений осуществляется с помощью пространственных конфигураций [12. С. 49-61]. Фактически в подобных исследованиях признается внеязыковой характер механизма порождения семантики, иными словами, значение не рассматривается как результат развития и трансформирования другого значения или взаимодействия значений. Как нам представляется, этот подход в большей степени соответствует пониманию когниции как «познавательного процесса или же совокупности психических (ментальных, мыслительных) процессов» [13. С. 81]. Настоящая работа также исходит из того, что исследование полисемии следует начать с внеязыковых факторов познавательного процесса, но для нас точкой отсчета являются не столько действительность (физические процессы в фи-

зическом пространстве) или некие абстрактные конфигурации схемы, сколько сам человек-субъект познания.

Физик Митио Каку со ссылкой на Discover magazine (Aug. 1991, p. 56) цитировал слова другого знаменитого физика, Макса Планка: «...наука не может разрешить основную загадку природы. Причина в том, что в конечном счете мы сами части той загалки, которую пытаемся разрешить» [14, C. 205]. Думается. сложность разрешения загадки полисемии заключается именно в том. что в конце концов это загадка о сознании человека и его взаимодействии с действительностью. Вопрос осложняется еще и тем, что язык, если «мы признаем его в качестве специфического объекта действительности, может претендовать на онтологический статус» [15. С. 124]. Значения порой для нас так же действительны, как и сама действительность. Об этом свидетельствует работа А.Д. Кошелева, которая будет еще упомянута далее. С одной стороны, описывая общие значения приставки о-/об-, автор говорит об их природе как внеязыковой: «...эти значения представляют собой довольно абстрактные, но в то же время содержательные схемы действительности, которые приписываются последней в процессе языковой (и референциальной) деятельности человека» [16. С. 48], но с другой стороны, объясняя частные значения с помощью общих значений, тем самым он поддерживает все же представление о том, что семантика зарождается самой семантикой.

Итак, мы считаем, что для поиска ответа на вопрос, «каким образом многочисленные значения и почему именно эти значения могут быть сконструированы одной приставкой», прежде всего, нужно разграничить значения и механизм генерации значений. Если языковая категоризация отражает врожденную потребность высокоразвитого организма, направленную на «сжатие бесконечного многообразия мира, сжатие с целью упорядочения и нахождения закономерностей» [17. С. 100], то формирование полисеманта есть ментальный процесс сжатия части многообразия мира и доведения его до определенного однообразия, а толкование полисеманта, включая анализ лексем, осуществляемый лингвистами, в ходе которого и «извлекаются» значения и семантические признаки, представляет собой противоположный процесс – процесс «распаковки», когда однообразие снова становится разнообразием, но несколько иного порядка, поскольку эти два процесса принципиально различаются. Толкование, по сути, есть попытка ПО-ДРУГОМУ (другими словами, зачастую тоже многозначными, или более развернуто) описать отдельные референты полисеманта, тем самым в той или иной степени изменить способ их репрезентации, иными словами, толкование есть ре-репрезентация. Сложность исследования полисемии, когда в фокусе внимания находится сама семантика, очень напоминает то, как сложно заново упаковать распакованные вещи, форма которых изменилась в ходе распаковки. Поэтому мы попытаемся на время отвлечься от значений и сосредоточиться на самом процессе сжатия.

«Пространственная природа» русских приставок, которые моделируют действие или придают ему значение результативности, отнюдь не уникальна. «Одной из наиболее фундаментальных связей, формирующих се-

мантическую структуру языковых единиц всех уровней, служит метафорический перенос из наблюдаемого мира физических явлений в мир ненаблюдаемых идеальных сущностей» [18. С. 18]. Применение пространственных отношений для отображения непространственных является универсальным инструментом конструирования мира посредством языка. И эта универсальность обусловлена тем, что человек, с одной стороны, не способен познавать что-то абстрактное без опоры на тот опыт, который получен им при взаимодействии с видимым, осязаемым физическим миром, а с другой стороны, человек не просто регистрирует видимое и осязаемое, процесс регистрации всегда сопровождается интерпретацией. Таким образом, познавательный процесс сопровождается построением корреляций между материальным и идеальным.

Испанский философ X. Субири, ученик Хайдеггера и Ортега-и-Гасета, называя человеческий интеллект «чувствующим», пишет: «Человеческое чувствование и постижение — не два численно различных акта, каждый из которых является полным актом в своем роде, но что они суть два момента одного и того же акта чувствующего схватывания реального: чувствующего постижения» [19. С. 6]. Прямым отражением «чувствующего схватывания реального» является метафора: возможность одной и той же языковой единицы для отображения и конкретного (доступного для органов чувств человека) и абстрактного (недоступного для органов чувств человека) обеспечивается тем, что познавание конкретного сопровождается определенной фильтрацией данных, поступающих через органы чувств, и постигаются его сущностные черты, а познавание же абстрактного выражается в придании ему некоего оперируемого образа с теми же сущностными чертами, т.е. чувствующее постижение абстрактного и заключается в его конструировании с помощью оперируемых ментальных структур.

Применительно к приставкам можно предположить: первоначальный опыт перемещения или действия в физическом пространстве, проходя переработку интеллектом, фиксируется с постижением сущностных для человека взаимосвязанных и взаимозависимых атрибутов. Формируются некие ментальные единицы, которые становятся когнитивной матрицей, т.е. могут быть применены для познавания и отображения абстрактного. Мы называем эти предполагаемые ментальные единицы моделями движения. Функционирование таких моделей можно сравнить с применением математических формул для познавания физического мира, но с одной очень существенной разницей. В отличие от формул в качестве самой важной переменной в подобных моделях выступает сам человек: он может не только мысленно встроить объекты разного рода в определенную модель и тем самым конструировать их взаимоотношение, но и выбрать для себя одну из возможных позиций для восприятия ситуации. Если движение в физическом пространстве следует законам физики, то в моделях движения присутствует мотивация, причина и следствия, иными словами, движение в глазах человека мотивировано и может оказать на него влияние, соответственно, может быть оценено, в том числе и аксиологически.

Таким образом, сжатие многообразия мира с помощью глагольных приставок понимается нами как реализация определенных моделей движения. Различаем два вида реализации – прямая реализация и метафорическая реализация. При прямой реализации в модель «встраиваются» физические объекты и движение есть процесс в физическом пространстве со всеми возможными физическими атрибутами (начальный и конечный пункты перемешения, траектория, способ осуществления движения и т.п.). При метафорической реализации в модель «встраиваются» физические или нефизические объекты, но самое главное, теряется привязанность к пространству, направленность движения в пространстве превращается в направленность перемен во времени, т.е. ход движения превращается в ход события или ход действия, приводящий к переменам. Движущийся элемент переосмыслен как некий источник-инициатор перемен. «Траектория» становится воображаемой, но тем не менее она определяет характер перемен. Нам также представляется, что непременно должны быть вариации метафорической реализации. для этого существуют по крайней мере две причины: 1) в одну и ту же модель движения могут быть «встроены» объекты разных типов; 2) в одной и той же модели могут быть разные позиции для восприятия ситуации.

Цель настоящей работы – на примере приставки *o-/об-* проверить данную гипотезу. На основе анализа физических перемещений в пространстве, репрезентируемых глаголом обойти, путем абстракции реконструированы три модели движения с наиболее сущностными атрибутами. Если наша гипотеза теоретически верна и сконструированные нами модели достаточно близки к реальным ментальным единицам, то при встраивании объектов разного рода в модели и определении позиции для восприятия ситуации должны быть 1) логически выведены частные значения (подробно рассматривается генерация частных значений глагола обойти непространственного характера (в качестве источников значений используются три толковых словаря русского языка [20-22]); 2) продемонстрирована генетическая связь между определенной моделью движения и семантическими признаками, выделенными лингвистами для приставки о-/об- в целом или же при анализе отдельных групп глаголов с приставкой о-/об-(рассматриваются значения и семантические признаки приставки о-/об-, описанные в «Русской грамматике» (1980)¹, а также в работах Г.А. Волохиной, З.Д. Поповой, Е.Р. Добрушиной, А.Д. Кошелева). И еще один момент. Если гипотеза верна, то синонимия, наблюдаемая в некоторых случаях у глаголов с разными приставками, может быть лишь частичной и только на уровне толкования: если разные приставки представляют собой разные модели движения, то их синонимичные значения должны быть

 $^{^{1}}$ В «Русской грамматике» [23. С. 363–364] приставка o- и приставка o- (o6o-) представлены как самостоятельные единицы и описываются отдельно. Мы считаем o- и o6- (o6o-) одной приставкой в рамках реализации выделенных нами трех моделей движения.

сконструированы разными способами, т.е. в этих значениях непременно можно обнаружить различия.

1. Три модели движения и их реализация (на примере глагола обойти)

Исходя из предположения о том, что модели движения формируются на опыте реального перемещения в физическом пространстве, в случае с приставкой o-/o6- для их реконструкции мы обратимся к глаголу o6o0m0m0, которым репрезентируется перемещение в физическом пространстве, совершаемое наиболее привычным для человека способом.

Согласно словарным статьям глаголов обойти и обходить в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова можно выделить восемь основных значений глагола обойти: 1) совершить круговое движение вокруг чего-то, по какому-то определенному пространству; посетить подряд разные места; 2) распространиться где-то, стать известным всюду; 3) избегая, идти не прямо, сделать круг; 4) совершить маневр во фланг или в тыл противника для нанесения удара (воен.); 5) избегая, намеренно уклониться от чего-н., от исполнения чего-н.; 6) оставить без повышения по службе (со словом «место», разг.); 7) обмануть, надуть; 8) опередить.

В «Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова» дефиниции у обойти представлены в более лаконичном виде: **1.** кого (что). Пройти, окружая, огибая, минуя кого-что-н. О. лужу. О. фланг противника (окружая, зайти во фланг). **2.** что. Пройти по всему пространству чего-н. О. всю площадь. О. весь участок. **3.** кого (что). Побывать во многих местах, у многих. О. все квартиры. Врач обошёл палаты. О. знакомых. Новость обошла весь город (перен.). **4.** кого (что). Обогнать, опередить кого-н. (разг.). В скачке о. соперника. О. кого-н. по службе. **5.** перен., кого (что). Обмануть, перехитрить (разг.). Этот хитрец любого сумеет о.

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой значения *обойти* разделены на 8 групп:

- 1: а) Обойдя что-л. по кругу или пройдя вокруг кого-л., чего-л., завершить движение. б) Протянуться вокруг чего-л., опоясаться;
- 2: а) Пройти какое-л. пространство в разных направлениях, посетив многие места. б) Пройти от одного человека к другому, уделив внимание каждому. в) Перейти из рук в руки, от одного к другому (о предметах). г) Распространившись повсеместно, стать известными всем, многим;
- 3: а) Совершить маневр во фланг или тыл противника с целью его окружения. б) Обогнав, преградить путь;
 - 4: а) Пройти стороной, минуя кого-л. или что-л. б) Избежать кого-л., чего-л.;
- 5: a) Оставить без продвижения по службе или награды, предпочтя другого. б) Оставить в стороне, не допустив к участию в чем-л. в) Лишить чего-л. по сравнению с другими;
 - 6: Пренебречь кем-л. или чем-л., не учтя, не приняв во внимание;
- 7: а) Обогнать, опередить кого-л. или что-л. при ходьбе, езде. б) Превзойти кого-л. в состязании, соревновании.

8: Хитростью склонить к чему-л.; обмануть, одурачить.

Обращаясь к трем словарям разной редакции, мы имеем достаточно полное представление о значениях слова *обойти*. Конструируя перемещения в физическом пространстве на основе перечисленных выше пространственных значений, мы видим, что *обойти* репрезентирует три вида перемещений, которые отличаются друг от друга и по составу вовлеченных объектов, и по их взаимоотношению, и по мотивации перемещения. С учетом этих факторов можно построить три модели движения. Согласно нашей гипотезе перечисленные выше непространственные значения генерируются в результате метафорической реализации данных моделей.

Модель I. Присутствуют два объекта – движущийся элемент и объекториентир, движение совершено таким образом, что не состоялся контакт с объектом-ориентиром. В результате движения объект-ориентир оказался позади движущегося объекта.

Модель II. Присутствуют два объекта – движущийся элемент и объекториентир, движение мотивировано объектом-ориентиром, траектория в виде круга с объектом-ориентиром в условном центре. Движение не предусматривает прямого контакта между движущимся элементом и объектом-ориентиром.

<u>Модель III.</u> Присутствует один движущийся элемент, отсутствует объект-ориентир. Движение происходит по условному кругу (конечный пункт движения замыкается с начальным пунктом) или в разные стороны.

Общность этих моделей, скорее всего, заключается в схожей геометрической характеристике траектории – ее полуокружности (в модели I траектория изгибается во избежание контакта с ориентиром) и окружности (в моделях II и III). Данная общность обеспечивает возможность трем моделям быть представленными одной приставкой, однако при их реализации порождаются уже совершенно отдаленные друг от друга значения.

1.1. Значения *обойти* как результат метафорической реализации модели I

В ходе психолингвистического эксперимента было выявлено, что для носителей русского языка *обойти* подразумевает масштабность ориентира-препятствия, его нельзя «перешагнуть» [24. С. 42–55]. «Крупный объект» на пути вынуждает движущийся элемент использовать уловку (изгибать траекторию). При метафорической реализации модели I актуализируется не только корреляция между «изгибанием траектории» и «применением уловки». Во-первых, при совершении перемещения в физическом пространстве «крупный объект», как правило, является неодушевленным и находится в своем естественном, пассивном состоянии. При метафорической реализации на месте ориентира может быть «поставлен» человек, т.е. «движение в обход» может быть совершено не только по отношению к чему-то, но и к кому-то. Во-вторых, при метафорической реализации ход движения теряет связи с физическим пространством и превращается в «ход со-

бытия», т.е. потенциально не только человек может совершить «движение в обход» по отношению к чему-то, но и что-то (какое-то событие) может совершить «движение в обход» по отношению к кому-то, т.е. имеются два возможных видения процесса: видение человека, совершающего движение (в физическом пространстве или метафорически), и видение человека, находящегося пассивно на месте ориентира, в обход которого совершается какое-то движение. В зависимости от позиции восприятия движения, а также от одушевленности / неодушевленности ориентира возникают разного рода оценки ориентира и движущегося элемента, которые в отдельных случаях становятся основой для формирования конкретных значений. Таким образом, мы имеем дело с тремя вариациями метафорической реализации:

Вариация І-А. КТО-движущийся элемент «обходит» ЧТО-ориентир.

Следует сразу отметить, что под КТО мы понимаем не только конкретных лиц, но и коллектив, организацию, группировку и т.п., т.е. общность, состоящую из конкретных лиц.

Различаем две субвариации.

Вариация І-А1

У КОГО-движущегося элемента присутствует некая цель (метафорически она воплощена в подразумеваемый конечный пункт движения), соответственно ЧТО-ориентир, оказавшийся на прямом пути к цели, оценивается как препятствие или помеха для достижения цели. При этом актуализируется корреляция между «изгибанием траектории» и «применением уловки», в целом порождается значение «избегая, намеренно уклониться от чего-н., от исполнения чего-н.».

Кружок умело **обошел** закон, запрещавший спектакли во время великого поста, в кануны праздников и по субботам (В.А. Гиляровский. Москва и москвичи, 1926—1934).

<u>Вариация I-A2</u>. В данной субвариации на месте ЧЕГО-ориентира оказывается элемент, который мог бы быть включенным в некий процесс, а маневр КОГО-движущегося элемента в обход понимается как нежелание его включить. Порождается значение «избежать чего-то» «пренебречь, не учтя, не приняв во внимание».

Министр иностранных дел У Сюэцянь тут же выразил озабоченность по поводу того, что советский руководитель фактически обошел вопрос о Камбодже (О. Трояновский. Через годы и расстояния, 1997).

А в отрицательной форме «не обойти что-то» на первый план выступает несколько иная оценка: ЧТО-ориентир мог бы остаться в стороне, но не остался, значит, состоялся контакт с чем-то не самым главным, но стоящим внимания.

Тапен в своей книге **не обошел** вниманием и вопрос о том, откуда взялась пресловутая маска и почему пленника Сен-Марса скрыли под ней (С. Цветков. Железная маска // Наука и жизнь, 2007).

<u>Вариация I-Б.</u> КТО-движущийся элемент «обходит» КОГО-ориентир. Внутри данной вариации также различаются еще две субвариации.

Вариация І-БІ. КТО-движущийся элемент преследует некую цель, КТО-ориентир может быть воспринят КЕМ-движущимся элементом как препятствие (КТО-ориентир препятствует движению по избранному пути к цели) или соперник (КТО-ориентир движется по тому же пути к той же цели, что и КТО-движущийся элемент). Такая оценка КОГО-ориентира в явном виде присутствует в значении «совершить маневр во фланг или в тыл противника для нанесения удара (воен.)» и играет важную роль в формировании значения «опередить». Собственно, глаголы обогнать, опередить, использованные во всех трех выше перечисленных словарях для толкования значения обойти, также являются иллюстрацией данной субвариации: результат «обхода» заключается в том, что КТО-движущийся элемент оказывается впереди КОГО-ориентира, тем самым достигает своей цели «преградить путь» КОМУ-ориентиру, или же оказывается ближе к собственной цели (например, к победе, к более высокой ступени по карьерной лестнице и т.п.), чем соперник.

И когда Аршавин в очередной раз вывел на ворота Быстрова, тот четко обошел вратаря и точно пробил мимо двух бросившихся наперерез защитников, установив окончательный счет в матче (Виктор Анисов. Четыре мяча и один шаг вперед, 2003).

Через год он **догнал** кандидатов наук, потом **обошел** их. Зубр доверил ему вести самостоятельную тему (Д. Гранин. Зубр, 1987).

То, что в результате акта «обхода» КТО-движущийся элемент оказывается впереди КОГО-ориентира, естественным образом сопряжено с пониманием того, что КТО-движущийся элемент объективно быстрее, сильнее или умнее. Порождается значение «превзойти кого-л. в состязании, соревновании». Но, как и в случае с субвариацией I-A1, может актуализироваться корреляция между «обходом» и проявлением «уловки». Следует отметить, что модель I не предполагает контакта между движущимся объектом и объектом-ориентиром, поэтому «состязание, соревнование и соперничество» в случае обойти, опередить, обогнать является бесконтактным, т.е. без активного участия со стороны КОГО-ориентира, который осознает превосходство КОГО-движущегося элемента, скорее, только после совершения КЕМ-движущимся элементом «обхода». Также важно при этом понимание того, что КТО-движущийся элемент после «обхода» продолжает свой путь к цели.

Вариация I-Б2. Наблюдается определенная аналогия между данной вариацией и вариацией I-A2, и она отражается в том, что КТО-ориентир (по его собственному мнению или по объективным причинам) мог бы быть участником некоего процесса, а КТО-движущийся элемент своим «обходом» отставил его в стороне. Порождаются значения «оставить без продвижения по службе или награды, предпочтя другого», «оставить в стороне, не допустив к участию в чем-л.», «лишить чего-л. по сравнению с другими», содержательное ядро которых базируется на различии между КТО-движущимся элементом и КТО-ориентиром по отношению к некоему процессу: будучи инициатором процесса, КТО-движущийся элемент имеет возможность менять его ход, а КТО-

ориентир – нет, но лишения у КОГО-ориентира относятся в этом случае к категории «упущенной выгоды», т.е. КТО-движущийся элемент своим «обходом» отбирает только то, что могло бы быть у КОГО-ориентира.

Не завещав Якову Кузьмичу торгового предприятия, Кузьма Брюсов обошел его и в той части завещания, которая касалась небольшого дома, стоявшего на Цветном бульваре, против цирка Соломонского (В.Ф. Ходасевич. Брюсов, 1924).

Вариация І-В. ЧТО-движущийся элемент «обходит» КОГО-ориентир.

В основе данной вариации лежит идея о том, что существуют события/явления, ход которых неподконтролен человеку. В метафорическом плане такие события/явления в некотором роде «очеловечиваются», как будто могут изменить траекторию своего развития или же такое изменение хода событий происходит под влиянием недоступной пониманию человека силы. С точки зрения воспринимающей движение стороны, т. е. с точки зрения КОГО-ориентира, «обход» стороной таких событий/явлений может быть оценен как удача или неудача в зависимости от того, желанны они для человека или нет.

Жизнь им кажется пустой, и счастье, кажется, обошло их стороной (Стерпится? Слюбится? // Крестьянка, 1987).

Чеченская война не обошла стороной и его сыновей (Братство краповых беретов // Солдат удачи, 07.04.2004).

Как видим, в модели движения I ход события воспринимается как неестественный (траектория изгибается), статичную позицию ориентира занимает не просто наблюдатель, а вовлеченная сторона события, на которую оказывает влияние «изгиб траектории». Эту разницу хорошо демонстрируют выражения все прошло и все обошлось. Сравним:

Все прошло, все не то, и я, разумеется, не та (В. Давыдов. Театр моей мечты, 2004).

Все прошло без всяких скандалов, к которым, кстати, не было и предпосылок (О. Тропкина. Партия власти выносит сор из избы // Независимая газета, 01.06.2003).

По чистой случайности все обошлось без жертв (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска, 2003).

Палец снова сильно распух, но все обошлось легким недомоганием (С. Бакатов. Тихая жизнь в террариуме (Записки ветеринарного врача) // Наука и жизнь, 2008).

При применении все прошло говорящий не видит заранее никаких препятствий для хода события: прошло констатирует совершение событий во времени, и совершение может привести к изменению, а может и не привести. В случае с все обошлось говорящий заранее видит препятствие (масштабный ориентир) и понимает, что без «изгиба траектории» ход события приведет к столкновению, т.е. к тяжелым последствиям. В результате «изгиба траектории» благодаря некой неведомой человеку силе удается избежать последствий полностью или они оказываются менее тяжелыми, чем ожидалось.

1.2. Значение «обмануть» у обойти как результат метафорической реализации модели II

Во всех вышеперечисленных трех словарях для толкования одного из значений *обойти* используется глагол *обмануть*, который исторически является также префиксальным глаголом [22. С. 588]. Это наводит на мысль, что в русском языковом сознании понятие «обман» генетически связано с *о-/об-*, и согласно нашей гипотезе оно также должно базироваться на определенном пространственном опыте. «Обман» предполагает наличие двух сторон (инициатора обмана и обманутого), и в отличие от вышерассмотренной реализации модели I (в частности, вариаций I-A1 и I-Б1), цель проявления хитрости в данном случае заключается в «склонении другого человека к чему-то», т.е. не предполагается продолжение инициатором обмана собственного пути к другой цели, см. пример:

Тётя Даша в лице представляет, как торгуется из-за старого подсвечника на базаре дядя Толя, как ловко он обошёл мужика, обменив ему ломаный будильник на два пуда мытых помидоров... (Б.А. Пильняк. Три брата, 1923—1928).

Существует в русском языке ряд выражений, например (бродить, ходить, петлять) вокруг да около, ходить по кругу, обвести вокруг пальца¹, голова идет кругом, вскружить чью-то голову, в которых отражается, на наш взгляд, корреляция между «движением по кругу» с «преднамеренным сокрытием правды», с «напрасностью» и «безрезультативностью», а также с «потерей ориентации», что приводит к потере контроля над собой, к потере четкости мышления. Также обращаем внимание на то, что согласно В.И. Далю слово обхождение — это «манера поведения по отношению к кому-л., обращение с кем-л.» [25]. Отсюда следует, что приставка об- «способна» конструировать поведение человека по отношению к другому.

Учитывая вышеизложенное, генерация понятия «обман» может быть объяснена как метафорическая реализация модели II следующим образом: метафорически занимающий место ориентира человек становится объектом бесконтактного воздействия со стороны инициатора движения по кругу. Ориентир-человек не по своей воле оказывается совершенно пассивным: не предусмотрены ни возможность взаимодействия с действующим лицом, ни возможность влияния на ход события. По сути дела, до появления результата действия ориентир-человек и не подозревает о своей роли. В модели II движение мотивировано ориентиром, т.е. заложена преднамеренность в принятии

¹ Существует мнение, что *обвести вокруг пальца* (ловко обмануть, перехитрить) происходит от *обмотать вокруг пальца* (народн. одобр. Быстро и ловко выполнить какую-л. работу [26. С. 579]). Безусловно, оба выражения содержат в себе идею о легкости манипуляции, в случае *обмотать* – над чем-то, в случае *обвести* – над кем-то. Но не совсем понятно, почему именно *обвести вокруг пальца* означает «обман», а *обвить вокруг пальца* – лишь «легко подчинить себе кого-л., справиться с кем-л.». На наш взгляд, нельзя исключить, что «обман» связан в том числе и с восприятием ситуации обманутым: он был введен в некое напрасное движение – движение по кругу.

нестандартной траектории в связи с ориентиром, при метафорической реализации эта «преднамеренность» действующего лица на фоне «пассивности» ориентира-человека согласовывается в том числе с идеей «корыстности». Инициатор движения преднамеренно «вводит» КОГО-ориентир в воображаемое движение по кругу, лишая его ориентации, и тем самым добивается цели — «склонить другого к чему-то для него невыгодному».

1.3. Значения *обойти* как результат метафорической реализации молели III

Если при метафорической реализации модели II важную роль играет оценка «движения по кругу» как «напрасного», то модель III основывается на совершенно иных предпосылках и на совсем ином восприятии «круга»: круговое движение в первоначальном опыте перемещения является осознанным движением в связи с необходимостью взаимодействия с определенным пространственным участком. Завершённость движения выражается в возврате к исходной позиции, что, скорее всего, коррелируется с пониманием «исчерпанности» действия¹. Сказывается также связь между геометрической фигурой «круг» и идеей о «совокупности»². Часть значений обойти возникает именно за счет конкретизации идеи о «последовательном, исчерпывающем контакте с неким множеством»: в случае контакта КОГО-движущегося элемента с множеством мест порождается значение «пройти какое-л. пространство в разных направлениях, посетив многие места»; в случае контакта КОГО-движущегося элемента с множеством людей – значение «пройти от одного человека к другому, уделив внимание каждому»; в случае контакта ЧЕГО-движущегося элемента с множеством людей - «перейти из рук в руки, от одного к другому (о предметах)»; в случае контакта ЧЕГО-движущегося элемента с множеством мест - «распространившись повсеместно, стать известными всем, многим».

2. Семантика приставки *o-/об-* как результат реализации трех моделей движения

2.1. Семантика приставки *o-/oб-* как результат метафорической реализации модели I

Вариации I-A1 и I-Б1, конструирующие действие КЕМ-движущимся элементом по отношению к КОМУ/ЧЕМУ-препятствию на своем пути к цели, оказываются наиболее продуктивными вариациями метафорической реализации модели I. Представителями данной реализации являются такие

¹ Идея «завершение» может быть конструирована на основе разных физических опытов: *поставить точку*, *подвести черту*, в том числе и на основе представления о «замыкании круга», что наглядно иллюстрируется глаголом *закруглиться*.

² Об этой связи свидетельствует, например, происхождение слова *цикл* от греческого kyklos *круг* [27. С. 302]. Древние делили время на бесконечные циклы, колеса внутри колес. Замыканием конца с началом, т.е. фигурой «круг», отображается абстрактная идея «совокупность взаимосвязанных явлений, процессов».

глаголы, как обскакать, обогнать, опередить, обстрелять, обловить, обыграть, обхитрить, значение которых описывается следующим образом: «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя данного действия» [23. С. 362]. Отмечается, что подобные глаголы синонимичны глаголам с приставкой пере- [Там же]. Но глаголы с о-/об- и пере- явно не илентичны в своих возможностях репрезентации ситуаций соперничества: например, в теннисе, когда один игрок одержал верх в многочисленном обмене ударами с соперником, комментатор описывает ситуацию как переиграл или перебил, но не обыграл. Обыграть в случаях со спортивным состязанием чаще означает дальнейшее продвижение по турнирной таблице или победу в матче в целом, но не локальную победу при борьбе за очко. Такое различие объясняется тем, что значение «превзойти» у приставки nepe- строится на сравнении, а у o-/oбоно логично вытекает из модели I, в которой одна из сторон представляется как препятствие на пути движения к цели для другой стороны, главный результат действия «обход» заключается в том, что препятствие оказалось позади. И значение подобных глаголов не ограничивается только лишь «превзойти другого исполнителя»:

Закомалдин стоял, щурился, видно, радовался, что кончились наконец дожди и пришло тепло, что он обхитрил смерть и сейчас будет жить вечно (Виктор Потанин. Когда прошли дожди, 1965).

Кроме вариаций I-A1 и I-Б1, у приставки o-/oб-, а точнее, у приставки o-/oб- в сочетании с постфиксом -cя, отмечаем еще одну вариацию реализации модели I, порождающую, главным образом, значение «ошибочное действие».

<u>Вариация І-Г.</u> КТО-движущийся элемент совершает движение, в результате чего не состоялся нужный контакт с объектом-ориентиром.

Прямая реализация данной вариации формирует пространственное значение глагола *оступиться* — «неловко, неудачно ступить», т. е. глаголом *оступиться* называется такое физическое действие, при котором отклонение от правильной траектории движения ноги приводит к нежелательным последствиям. При метафорической реализации данным глаголом репрезентируется уже не неудачное движение ноги, а неудачное поведение.

¹ Мы отнюдь не утверждаем, что семантика *обхитрить* возникает лишь на основе метафорической реализации модели I при актуализации корреляции между «изгибанием траектории» и «применением уловки». Как было уже отмечено выше, понятие «обман» генетически связано с оценкой «движения по кругу» как «напрасного», т.е. возникает при метафорической реализации модели II. Разница в том, что при реализации модели I проявлением хитрости добивается продолжение пути к конечной цели, а при реализации модели II цель заключается в самом акте «обман» — «склонении другого к чему-то для него невыгодному». Для приведённого нами примера «*обхитрить смерть*» более логичным объяснением является то, что в нем отражена реализация модели I.

То ли оступился, то ли промахнулся, только его сразу начисто укомплектовали: не боец стал, а туша под ногами (П.П. Бажов. Широкое плечо, 1948).

В метафорическом применении *оступиться* просматривается представление о дороге как о жизненном пути, и такого рода ошибка оценивается не просто как «мимо поставленной цели» (как в случае промахнуться), а как ошибка, приводящая к продолжению жизненного пути по неправильной траектории.

Чувствую – плохо. Чувствую – оступился парень. Не туда завела его кривая дорожка... (С. Довлатов. Заповедник, 1983).

Неужели я все-таки оступился и теперь, сам того не ведая, расплачиваюсь (Н. Трофимова. Третье желание // Звезда, 2003).

Помимо *оступиться*, к данной вариации можно отнести глаголы *ослышаться*, *оговориться*, *ослушаться*, но между ними также присутствует различие.

Когда речь идет о целенаправленном действии, как в случае с *слушать*, приставка *о*- означает преднамеренность изменения траектории, и то, чему надо подчиняться и «слушать», осталось в стороне, т.е. мы видим здесь сходство с вариациями I-A2 и I-Б2, когда инициатор действия намеренно оставляет объект-ориентир вне некоего процесса. Однако в отличие от I-A2 и I-Б2 репрезентируемое глаголом *ослушаться* действие однозначно оценивается как «неправильное» в силу предустановки о нужности «контакта» с объектом-ориентиром.

Когда речь идет о нецеленаправленном действии, как в случае с *слышать*, оценка «ошибка» возникает на основе того, что не состоялся нужный контакт (а не из-за того, что что-то не дослушано), и такая ошибка осознается только в режиме воспоминания. В отличие от *ослушаться ослышаться* не употребляется в будущем времени.

А действие, репрезентируемое глаголом *говорить*, имеет двоякий характер: оно может быть полностью контролируемым, но и не исключаются моменты, когда человек не полностью контролирует свою речь. Соответственно, глагол *оговориться* может репрезентировать контролируемое «изменение траектории» (вариация I-A2) во избежание возможных вопросов или возражений:

Сразу оговорюсь: речь пойдет только о зарекомендовавших себя моделях (М. Дмитревский. Покупаем велосипед // Наука и жизнь, 2007).

А может репрезентировать и неконтролируемую ошибку:

— Я, доб...— тут ужас мелькнул в глазах арестанта оттого, что он едва не оговорился, — я, игемон, никогда в жизни не собирался разрушать здание храма и никого не подговаривал на это бессмысленное действие (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1, 1929—1940).

В этом случае оговориться, как и ослышаться, употребляется только в прошедшем времени.

2.2. Семантика приставки *o-/oб-* как результат метафорической реализации модели II

Выделяем две вариации реализации модели II в зависимости от характера встраиваемых в модель объектов.

<u>Вариация II-А.</u> КТО-движущийся элемент «обходит вокруг» ЧЕГОориентира.

Совершение движения по траектории вокруг ЧЕГО-ориентира прежде всего вызвано необходимостью осмотра ориентира со всех сторон. А «осмотреть что-то» означает для человека его «изучение», таким образом, происходит метафорический сдвиг «осмотр объекта со всех сторон \rightarrow всестороннее представление или изучение объекта». Суть данного метафорического сдвига заключается в идее «всесторонности», которой часто сопутствует дополнительная оценка способа совершения действия, и во многих случаях это оценка «тщательно, серьезно, основательно». Такой акцент на «изучении» хорошо демонстрирует группа глаголов с приставками o-/o6-, где основы связаны с мыслительной и речевой деятельностью человека: осмотреть, обдумать, обсудить, обработать (данные), обосновать, объяснить, осмыслить.

Но указанный семантический признак, на наш взгляд, для приставки о-/об- следует назвать именно сопутствующим признаком, а не основным. Дело в том, что акцент может быть сделан не только на «изучении», но и на «представлении», и в этом случае «всесторонность» не противоречит и противоположной оценке способа совершения действия. Например, у глаголов обрисовать, обозначить, очертить идея «всесторонность» воплощена в «контурное», но целостное представление о чем-то, в которое включены все основные моменты, но самому действию сопутствует не признак «тщательность, серьезность и основательность», а, скорее, «стремительность».

В нескольких словах он обрисовал им свой план и те радужные перспективы, которые ожидали их, если они согласятся заложить квартиру всего на один месяц (А. Геласимов. Дом на Озерной, 2009).

— Да, — сказал Андрей и вздрогнул в испуге, услышав собственный голос, и голос будто обозначил его в пространстве (А. Азольский. Лопушок // Новый мир, 1998).

Вот так, стихийно, в стиле импровизации, очертил я в этой главе круг своих симпатий, вспомнил пунктирно события, близких друзей и просто знакомых людей, с которыми пересеклась моя жизнь (М. Магомаев. Любовь моя – мелодия, 1999).

Существуют также глаголы, у которых отсутствует дополнительный семантический признак интенсивности. Идея «всесторонность» воплощается в том, что какой-то объект представляется со всех сторон, в полном объеме, например: осветить, обнаружить, описать, озвучить.

Речь сказана, политики посудачили, журналисты со всех сторон осветили, вдохновленная бюрократия оперативно откликнулась (П. Вощанов.

Портвешок – это все, что нас связывает с Португалией // Новая газета, 30.01.2003).

Она как бы озвучила то, чего не было, но должно было быть, а я позорно скрывал то, что должно было быть, хотя и не было (Ф. Искандер. Понемногу о многом // Новый мир, 2000).

<u>Вариация II-Б.</u> КТО/ЧТО-движущийся элемент «обходит вокруг» КОГО-ориентира.

Различаем две субвариации.

<u>Вариация II-Б1</u>. Репрезентируется ситуация с позиции КОГО/ЧЕГОдвижущегося элемента.

При анализе глагола обойти мы отметили, что при метафорической реализации модели II конструируется поведение человека по отношению к другому. И данная вариация оказывается очень продуктивной: по сравнению с остальными приставками именно приставка о-/об- оказывается наиболее «способной» к образованию глаголов, обозначающих бесконтактное воздействие, произведенное одним человеком (людьми) по отношению к другому (другим). А.Д. Кошелев отмечает, что направленное на другого человека воздействие, названное глаголом с приставкой о-/об-, либо невелико и не приводит к изменению его свойства (к подобным глаголам относятся агрессивные глаголы, такие как оскорбить, обозвать, обольстить, обругать, оболванить, освистать, осмеять, осрамить, обматерить, обхамить, оболгать, обдурить, обмануть, обвешать, обмерить, обсчитать, объегорить, обокрасть, обворовать, ограбить, обанкротить, обчистить, обдуть, ободрать, облупить, обобрать, обделить, обожрать; неагрессивные глаголы, такие как обласкать, обольстить. обогреть, озолотить, оберечь, обеспечить, облегчить, обучить, обнадеживать, ободрить, обременить, осудить, обеспокоить, обслуживать, обучить, обхаживать, ознакомить и оказать), либо достаточно велико, чтобы возникло новое состояние (например, оклеветать, обличить, опорочить, обвинить, опозорить, очернить, оглушить, одурманить, обездолить, ошеломить, опьянить, обворожить, образумить, очаровать, обескуражить, оживить, обожествить, оживотворить, обелить, оправдать, обезжизнить, обескровить, обескрылить и т.д.) [16. С. 77-80, 88-89].

На наш взгляд, образование подобных глаголов и их семантика предопределены пониманием ролей КТО-движущегося элемента и КОГО-ориентира в модели II.

Во-первых, в модели II отсутствует контакт между движущимся элементом и ориентиром. При ее метафорической реализации на месте ориентира оказывается человек, движущийся элемент заменен на действующее лицо, «окружность» траектории становится нефизической, тем не менее воздействие остается неконтактным¹. В отличие от физического контакт-

¹ Исключением являются единичные глаголы, такие как *огреть*, *ошарашить*. На наш взгляд, значение «контактный удар» должно быть образовано не на основе модели

ного действия подобное «дистанционное» воздействие не может быть локализованным на конкретной части тела человека. Иными словами, при таком воздействии геометрически человек может остаться только трехмерным объектом, а результативность подобного «дистанционного» воздействия заключается в «обхвате» человека целиком. Но несмотря на «всесторонность» воздействия, оно затрагивает лишь «внешнюю оболочку» КОГО-ориентира: в результате такого действия возможно лишь изменение его состояния, зачастую, это временное изменение, наблюдаемое со стороны, а не изменение сущностных характеристик КОГО-ориентира. К примеру, человек не становится действительно виновным в результате того, что кто-то его обвинил.

Во-вторых, модель II подразумевает, что пассивный ориентир является объектом некой манипуляции со стороны КОГО-движущегося элемента. Как уже было отмечено при анализе связи между понятием «обман» и моделью II, активность и преднамеренность движущегося элемента на фоне пассивности КОГО-ориентира в первую очередь согласовывается с идеей «корыстности», и КТО-ориентир становится пострадавшей стороной 1. Такая оценка ролей КОГО-движущегося элемента и КОГО-ориентира явно преобладает, и потому семантику большинства вышеперечисленных глаголов можно резюмировать как «во вред адресату» [7. С.109] или «причинить ущерб кому-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [22. С. 362].

Данная вариация способна порождать не только семантику «нанесение вреда или ущерба», действие со стороны КОГО-движущегося элемента не обязательно приводит к тому, что пассивный КТО-ориентир пострадает. Иногда даже наоборот, действие совершается в угодном для КОГО-ориентира русле, например обласкать, обнадежить, обольстить, озолотить и т.п., хотя в этих случаях «корыстность намерения» полностью не исключается². Такие глаголы, как обслуживать, оказать (услуги), обя-

«обход», т. е. приставка o- в этом случае генетически происходит от контактного действия типа «рука об руку».

¹ В отличие от реализации модели I (вариация I-Б2), когда КТО-ориентир теряет то, что могло бы у него быть, при реализации модели II КТО-ориентир в результате воздействия со стороны КОГО-движущегося элемента лишается того, что у него было.

² Совершение таких действий, как *обласкать* и *обнадежить*, иногда вовсе не продиктовано искренней симпатией к кому-то или желанием утешить кого-то, а желанием действующего лица во избежание проблем для себя временно успокоить объект своего воздействия, лишить его инициативы к действию. См. примеры:

Мы ушли из МХАТа, не чуя под собой ног от радости. «Подумать только, может, наша пьеса будет осуществлена на подмостках не какого-нибудь театра, а МХАТа! При этом не мы набивались со своей пьесой, а театр сам проявил инициативу. Нас пригласили, обласкали, попросили на размышление всего десять дней! ...Как все-таки прекрасна жизнь!» — думали мы. Прошло десять дней, двадцать, два месяца, год, три года, пять лет (Э. Рязанов. Подведенные итоги, 2000).

— Посмотрим, — обнадежил он неопределенно, только чтобы избежать упреков и сетований (М. Чулаки. Примус // Звезда, 2002).

зать, обучить, оберечь, хотя и не содержат семы «корыстность намерения», но сохраняется противопоставление «активности» и «пассивности», тем самым подчеркивается наличие возможностей у действующего лица и их отсутствие у КОГО-ориентира.

При метафорической реализации модели II движущимся элементом может быть не только действующее лицо, но и иные источники воздействия. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев при анализе особенностей языковой концептуализации эмоций разделили эмоции на «впечатления», «эмоциональные состояния» и «стихийные чувства»; исследователи также пришли к выводу, что пространственно-двигательные метафоры можно представить следующим образом: «впечатление – это то, что человеку приносит или доставляет окружающий мир, в эмоциональные состояния он приходит, впадает или погружается, а стихийные чувства охватывают человека» [28. С. 280]. Обратим внимание на применяемый здесь глагол охватывать. Описываемое им воздействие стихийных чувств опирается на понимание того, что в модели II КТО-ориентир может целиком находиться под воздействием не только какого-либо действующего лица, но и всего, что вокруг него. Он пассивен и может быть лишь воспринимающей стороной ситуации. Причем КТО-ориентир не имеет возможности предвидеть развитие ситуации и не готов к этому, а неожиданность усиливает восприятие. Таким образом, идея «всесторонность» у приставки о-/об- для КОГОориентира коррелирует с ощущением «интенсивности» воздействия в силу нестандартности и неожиданности ситуации. Например, в отличие от порадовать применение обрадовать передает не только «интенсивность» эмоций, но и говорит о «неконтролируемости» и «неожиданности» ситуации.

Меня это обрадовало, хотя я не мог понять почему (М. Петросян. Дом, в котором... 2009).

Избрание в Академию наук Финляндии меня обрадовало как дар судьбы (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца, 1988—1998).

<u>Вариация II-Б2</u>. Репрезентируется ситуация со статичной позиции КО-ГО-ориентира.

На речевом уровне при употреблении глаголов, репрезентирующих воздействие КОГО/ЧЕГО-движущегося элемента на КОГО-ориентира, возможно и акцентирование на восприятии действия со статичной позиции, т.е. с позиции КОГО-ориентира: в примере *меня обрадовало* ситуация описывается ориентиром-человеком, акцент делается именно на его ощущениях.

Восприятие со статичной позиции реализуется непосредственно и при образовании глаголов с приставкой о-/об-. К таким глаголам относятся глаголы с постфиксом -ся, например: обрадоваться, ободриться, обозлиться, оживиться, отуманиться, опозориться, очиститься, образумиться, обеспокоиться, обанкротиться; а также такие глаголы, как одеревенеть, окаменеть, окостенеть, окоченеть, оледенеть, омертветь, ороговеть, остекленеть, остолбенеть, отвердеть, оцепенеть, очерстветь; облысеть, оплешиветь; ослепнуть, оглохнуть, охрипнуть, околеть, окосеть, опочить, осипнуть, онеметь, охрометь; обмякнуть, одряхнуть, озвереть,

обнаглеть, огрубеть, обалдеть, обезуметь, обмереть, обомлеть, одичать, одуреть, ожить, окосеть (от водки), опупеть, опьянеть, осатанеть, осоловеть, осоветь, оторопеть, отрезветь, отупеть, офигеть, офонареть, охаметь, охмелеть, охренеть, очертенеть, очуметь, ошалеть; обеднеть, обнищать; овдоветь, осиротеть.

Стоит обратить внимание на то, что только у части названных глаголов существует парный вариант, образованный исходя из динамичной позиции: обозлиться — обозлить, оживиться — оживить, омертветь — омертвить, ослепнуть — ослепить; у большинства таких глаголов парный вариант отсутствует. Наличие парного варианта свидетельствует о том, что при появлении у человека подобного рода изменения есть возможность локализовать его причину, т.е. изменение может быть вызвано воздействием четко определенной внешней силы — природной или другого человека / других людей. Отсутствие парного варианта означает, что свойства внешней силы, приводящей к такому изменению, слишком сложны и невозможно ее локализовать как некое действующее лицо, или же подобное изменение вызвано вовсе не внешней силой, а внутренними причинами.

Общий семантический признак данных глаголов можно охарактеризовать как изменение состояния (физического, психологического) человека в целом. Для всех глаголов, обозначающих изменение состояния отдельных частей тела или органов у человека (облысеть, оплешиветь, осленнуть, оглохнуть, охрипнуть, осипнуть, онеметь, охрометь), приставка о-/обуказывает на полное изменение в пределах конкретной части тела или органа. А изменение семейного или материального состояния человека, называемое глаголами обеднеть, обнищать; овдоветь, осиротеть, подразумевает «полноту» лишения.

Однако к этому общему признаку следует добавить одну важную особенность: изменение, называемое этими глаголами, как правило, должно быть визуально наблюдаемо со стороны, и чаще всего это резкая перемена во внешнем облике или поведении человека. Такое изменение чаще выражается в полном лишении активности в состоянии психологического потрясения, реже – в повышении активности под влиянием психологических импульсов (ожить, озвереть, обезуметь). И, как следствие, в большинстве случаев данное изменение является временным. Конечно, есть и более продолжительное изменение, например оглупеть, огрубеть, опошлить, одичать, но и в этих случаях присутствуют внешне наблюдаемые, поведенческие признаки изменения. Изменение, не имеющее внешне выраженных признаков и связанное с более кардинальными и долговечными переменами в психике или мировоззрении человека, не может быть названо с применением приставки о-/об-. На эту семантическую особенность обратили внимание и другие исследователи. Е.Р. Добрушина на примере глагола окаменеть показала, что в репрезентируемой подобными глаголами ситуации не изменилась суть человека, метафорическая нагрузка содержится в основе, а значение приставки просто совпадает со значением глагольной основы [4. С. 90]. А.Д. Кошелев обратил внимание на отсутствие в

русском языке таких глаголов, как ?одобреть, ?обумнеть, но возможную причину исследователь видит в другом: «...прилагательные типа умный, глупый, добрый называют не отграниченный класс, а степень признака. Возможно, поэтому и нет соответствующих глаголов *оглупел¹, *обумнел, *одобрел, но есть глаголы поумнел, поглупел, подобрел, называющие несколько большую степень признака, но не новое качество» [16. С. 90]. На наш же взгляд, данная семантическая особенность не столько зависит от основы, сколько обусловливается тем, что репрезентирующее приставкой о-/об- изменение (от одеревенеть до осиротеть) происходит с человеком, метафорически помещенным на позицию ориентира. Несмотря на то, что источник, вызывающий изменение, в этом случае не локализуется, все же сохраняется представление о том, что ориентир-человек находится под наблюдением. Иными словами, приставка о-/об- генетически ориентируется на изменение в визуально наблюдаемом со стороны образе.

2.3. Семантика приставки *о-/об*- как результат реализация модели III

<u>Вариация III-А.</u> Актуализируется корреляция «круг – совокупность». <u>Вариация III-А1.</u> Совокупность понимается как множество.

При анализе глагола *обойти* было выявлено, что в модели III присутствует корреляция между физически осязаемым представлением «круг» и абстрактным понятием «совокупность». Корреляция «круг — совокупность», в свою очередь, порождает представление о «тотальном действии», распространенном на множество чего-либо:

1. Множество мест.

В этом случае чаще всего глаголы-основы обозначают способ движения: объехать, облететь, обскакать, обежать, обкатить. В метафорическом плане, как и в случае с обойти, речь идет о достижении информации во всех возможных местах в пределах какого-либо пространства:

Новость тотчас же облетела все вечерние информационные выпуски (А. Григорьев. Демарш демократов // Вслух о... 01.07.2003).

2. Множество людей.

Действие, названное глаголами-основами, направлено последовательно на каждого человека, входящего в определенный круг людей: обзвонить, опросить, одарить, обстирать, обшить, обчинить, обмундировать и т.п.:

Нетрудно догадаться, что, услышав все это, «клиент» немедленно «созрел» и был отпушен на все четыре стороны после того, как одарил

¹ Глагол *оглупеть* присутствует в русском языке, но не является полным синонимом *поглупеть*. Их отличие, на наш взгляд, заключается именно в том, что *оглупеть* указывает в первую очередь на внешнее наблюдаемое изменение в результате снижения интеллекта или интеллектуальной чувствительности, а глагол *поглупеть* «свободен» от такой образности. Сложно, например, заменить *«оглупеть»* в примере *Оглупела она страшно, курила, как солдат, походя ругалась и со дня на день опускалась в циническое неряшество* (А.В. Амфитеатров. Марья Лусьева, 1903) на *«поглупеть»*, когда описывается внешнее проявление изменения человека.

каждого милиционера стодолларовой купюрой (А. Кучерена. Не надо, друзья, бояться... // Независимая газета, 28.04.2003).

У глаголов *объявить*, *оповестить*, *обнародовать*, *опубликовать*, *огласить* значение «сделать какую-то информацию публичной» формируется также на основе представления о наличии круга людей, до которых должна дойти эта информация.

3. Множество объектов.

Действие, названное глаголами-основами, направлено последовательно на предметы, расположенные в пределах определенного пространственного участка:

А потом, ночью, отмахал семь верст в лес, тихонько, чтобы не услышал кто, наставил косу, обкосил кустиков с полдесятка и опять семь верст обратно, еле успел к бригадирову звону позавтракать (В. Белов. Привычное дело, 1967).

<u>Вариация III-A2.</u> Совокупность понимается как неразделенная целостность.

При актуализации корреляции «круг — совокупность» на первый план может выйти не только идея о множестве как состоящем из отдельно существующих мест / людей / объектов, но и идея «целиком», построенная на представлении о неразделенной совокупности. Идея «целиком» становится основополагающей для большого количества глаголов с приставкой о-/об-. В первую очередь эти глаголы репрезентируют преобразование внешнего вида определенного пространственного участка или некоего объекта, т.е. поверхность объекта в русском языковом сознании воспринимается как пространственный участок.

Целая группа глаголов с приставкой *o-/об-* означает контактное воздействие на объект с целью изменения его внешнего вида «целиком»: обелить, окрасить, оклеить (обклеить), очистить, обжечь, обкапать, обкапать, обколотить, обковырять, облить, облизать, обмазать, обмакнуть(-ся), обмарать, обмотать, обмыть, обсушить, обточить; обессолить, обесцветить, обсолить, обработать, обтереть и т.д.

Преобразование может произойти в результате появления новых объектов на участке, например обставить, обсадить, обмеблировать, обстроить, обустроить, обводнить, озеленить, или на поверхности другого объекта: обомшеть, обвешать стену картинами, осыпать торт сахарной пудрой. Преобразование может произойти также в результате исчезновения ранее присутствовавших на пространственном участке или на поверхности чего-то объектов: обчистить, опустошить, обловить (озеро, реку – выловить рыбу на всем участке), или же в результате действия объект теряет полностью внешний слой или содержимое: облупить, опорожнить, ободрать, ошкурить, оскоблить, обезжирить.

¹ В «Русской грамматике» (1980) *обез*- считается отдельным префиксом. Мы склонны к мнению, что *обез*- является комбинацией *о*- и *без*-, причем неслучайной комбинацией: идея «лишение», обозначенная эксплицитно *без*- (например, у глаголов *обезу*-

Преобразование пространства вокруг может быть не только физическим, но и связанным с психологическим процессом у КОГО-движущегося элемента.

– *Есть ли у вас способы обжить незнакомое место?* (М. Спиричева. Семь языков ценителя китайской кухни // Богатей (Саратов), 23.10.2003).

Потом пообвык, обжился, стал любимцем команды и кока, баловавшего его рыбкой... (И. Грекова. Фазан, 1984).

За глаголами *обжить*, *обжиться*, *обвыкнуть* и *пообвыкнуть* скрывается представление о множестве конкретных действий для приспосабливания пространства к инициатору этих действий или приспосабливания самого инициатора действий к пространству, включая «побывать везде», «изменить обстановку» и «контакты с обитателями», и на первом плане — психологическое ощущение изменения среды «целиком» вокруг КОГОдвижущегося элемента.

Как правило, при реализации модели III предполагается прямое контактное воздействие на пространственный участок. Объект, поверхность которого рассматривается как пространственный участок, должен быть объектом в физическом плане и неодушевленным. Конечно, есть и исключения. Глаголы обнять, одеть, окутать применяются как к неодушевленным предметам, так и к одушевленным (людям, животным).

Натура в сих местах обильна: корабельные леса все реки в уют одели, да и равнины почитай ими сплошь укрыты (А.П. Платонов. Епифанские шлюзы, 1927).

Горящее дерево зашипело, и нас с Горофом окутало облако пара (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все, 2001).

Когда совокупность понимается как неразделенная целостность, речь может идти и о переменах, происходящих с объектом абстрактного характера. Посмотрим такую возможность на примере *окрасить*. При применении к физическому объекту *окрасить* означает изменение цвета объекта «целиком», причем возможно изменение не только цвета поверхности объекта, но и всего объекта, когда речь идет, например, о жидкости: *окрасить йодом воду*. При применении к нефизическому объекту *окрасить* означает воздействие, приводящее к приданию нового признака объекту в целом, но без изменения его сущностных характеристик¹:

меть, обездолить, обезжизнить), гармонично вписывается в модель II, когда репрезентируется изменение состояния КОГО-ориентира под воздействием «обхватывающей» силы как полное лишение чего-либо, например, одеревенеть, окаменеть означает изменение состояния в результате полного лишения способности чувствовать, реагировать и действовать. Идея «лишение» также согласовывается с моделью III, когда репрезентируется изменение состояния объекта с полным лишением чего-либо. Например, обчистить указывает на «лишение», как и обезжирить. Этим и объясняется, почему существует лишь обез-, а нет ни пробез-, ни выбез- и т.п.

¹ Этим отличается *окрасить* от *покрасить*. Глаголы очень близки по значению, если речь идет о действии, направленном на физические объекты. Но нельзя *покрасить роль* или *покрасить разговор*.

И всячески старалась, получив драматическую роль, окрасить ее трагическими интонациями (Самуил Алешин. Встречи на грешной земле, 2001).

И он решил окрасить разговор улыбкой (Владимир Орлов. Альтист Данилов, 1980).

Такие глаголы, как *обновить*, *осовременить*, указывают на манипуляцию, как правило, намного более сложную, чем прямое физическое воздействие; чаще применяются к объектам абстрактного характера, хотя не исключаются ни поверхность физического объекта, ни пространственный участок: *обновить* (крышу, команду, персонал, штат, продукцию, программу, тактику, методику, закон, документы, жизнь, организм, систему, силы и т.д.), *осовременить* (прибрежную зону, пьесу, роман, постановку, живопись, программу).

Изменение и физических и нефизических объектов, репрезентируемое подобными глаголами с приставкой *о-/об-*, базируется на идее «целиком», берущей начало в корреляции «круг – совокупность». По сравнению с вариацией ІІ-Б, когда репрезентируется изменение состояния, преимущественно человека, при реализации модели ІІІ отсутствует дополнительная оценка по интенсивности действия или оценка «хорошо / плохо», т.е. при реализации модели ІІІ репрезентируются нормативные действия, применяемые в соответствующих ситуациях по отношению к соответствующим объектам.

Вариация III-Б. Актуализируется корреляция «круг – центр с периферией». В вариации III-А2 пространственный участок, включая поверхность объекта, рассматривается как площадь, «окружность» движения подразумевает последовательный контакт с множеством более мелких участков в пределах данной площади, результат отражается в «исчерпанности» возможных контактов. В вариации III-Б пространственный участок представляется как участок с условным центром и периферией, т.е. геометрическая фигура «круг» рассматривается как фигура с центром в середине и периферией по окружности на определенном расстоянии от центра. При актуализации корреляции «круг – центр с периферией» подразумевается контакт с периферией, подчеркивается «окружность» или «полуокружность» траектории движения, например: обрезать, обрубить, остричь, охватить (обхватить), обжать, окоротить, обкусать, обрамить, обложить.

Кроме того, «создание круга» может стать центральной идеей в данной вариации. Замкнутая линия может быть представлена в физическом (например, *окружить*) или умозрительном виде, в последнем случае актуализируется еще и корреляция «линия – граница – предел – дозволенная черта». Круговая линия создает контур, устанавливает границу, предел: *очертить*, *огородить*, *ограничить*, *обусловить*.

Итак, **очертили** круг сообщников, определили условленный час, когда троица выходит на встречу со связником, приносящим продукты (Серые дьяволы // Солдат удачи, 07.07.2004).

Он чувствовал, что своими рассуждениями епископ **огородил** его со всех сторон, оставляя только один выход (А. Иванов. Сердце Пармы, 2000).

<u>Вариация III-В.</u> Актуализируется корреляция «трехмерный круг – максимальность».

В предыдущих двух вариациях круг представляется, скорее, как плоскость, т.е. двухмерный. Если взять глаголы *округлить* / *округлиться*, то мы видим, что в них содержится представление о трехмерном круге — сфере, и изменение в данном случае выражается в возникновении трехмерного круга. Изменение может быть физическим (фигура округлилась), может и метафорическим — «достигнуть значительного размера» (капитал округлился). Таким образом, движение во все стороны (расширение) до формирования сферы коррелируется с идеей о процессе достижения значительного размера или некоего максимума, и данная корреляция, на наш взгляд, отражена еще в некоторых глаголах с приставкой о-/об-: объесться, обкормить, опоить, причем «максимальность» оценивается отрицательно, порождается значение «избыточно», «чрезмерно».

3. Симбиоз и синкретизм моделей II и III

Итак, при метафорической реализации модели II действия неконтактны и одушевленность / неодушевленность ориентира играет решающую роль. В случае с ориентиром-объектом возникает идея «всесторонности» изучения или представления об ориентире; в случае с ориентиром-человеком противопоставляются активность действующего лица (среды) и пассивность ориентира-человека, возникает идея «охвата», указывающая на «интенсивность» воздействия и «полноту» вызываемого изменения. При метафорической реализации модели III, опирающейся в основном на идею о преобразовании известного пространственного участка в целом, названные глаголами с приставкой *о-/об-* действия представляются чаще контактными и не сопровождаются дополнительной оценочной установкой.

Вышеизложенные выводы из нашего анализа отнюдь не означают, что между двумя моделями существует жесткая граница. То, что эти модели представлены одной и той же приставкой, уже свидетельствует об их симбиозе и синкретизме в русском языковом сознании.

К симбиозу мы относим случаи, когда в пределах одного глагола возможна реализация обеих моделей, активизация которых зависит от конкретной коммуникативной ситуации. Такие глаголы, как *обелить*, *ободрать*, *облупить* и *обставить*, при применении к пространственному участку означают контактное и нормативное действие, а при применении к человеку – неконтактное, интенсивное и даже агрессивное действие.

¹ Употребление *округлить* для репрезентации действия над некой цифрой, скорее, согласовывается с понятием «круглое число». В свою очередь, роль фигуры «круг» в понятии «круглое число», на наш взгляд, связана не только с тем, что такое число оканчивается одним или несколькими нулями. Не исключено, что фигура «круг» в нашем сознании коррелируется также с понятием «цельность», «идеальность». А выражение *круглая сумма*, как и *округлился капитал*, указывает на корреляцию «круг — максимальность».

Синкретизмом будем называть случаи, когда на формирование значения глагола влияют обе модели. В способе конструирования значения, связанного с изменением состояния человека и рассматриваемого нами как результат реализации модели II со статичной позиции, не исключается присутствие представления о движении в разные стороны до максимальных пределов, т.е. в конструировании такого значения совмещены сущностные черты и модели II, и модели III: с одной стороны, изменение может происходить под воздействием «обхватывающей» силы извне на человека; с другой стороны, изменение может происходить и в результате «расширения» некоего внутреннего импульса во все стороны до пределов двухмерного или трехмерного объекта. Например, когда говорим кто-то окаменел в ужасе, предлог в эксплицитно указывает на то, что «ужас» воздействует со всех сторон, а лицо (тело, сердце) окаменело, скорее, акцентирует внимание на «распространении» некоего признака и полном преобразовании лица, тела и сердца, сделавшем их напоминающими камень.

В русском языковом сознании, скорее, существует разграничение (возможно, не очень жесткое) внешней и внутренней причинности наблюдаемых перемен у человека: корректны выражения страх охватил кого-то, ужас охватил кого-то, возможно и ужас обхватил кого-то, но не корректно страх обхватил кого-то; корректно кого-то обхватило морозом, не корректно кого-то охватило морозом. Отсюда видно, что, обхватить репрезентирует всестороннее воздействие внешней силы (к чему можно отнести воздействие и «ужаса», и «мороза», но не «страха»), а охватить – распространение некой энергии, зарождающейся внутри человека (к которой относятся «страх» и «ужас», но не «мороз»), до максимальных пределов, обусловленных организмом и психикой человека.

Синкретизм также присущ глаголам, которые, так или иначе, имеют отношение к «поиску».

Ну, вызвали милицию, все обыскали и не нашли ничего (В. Пелевин. Синий фонарь, 1991).

В общем, все прямо обнюхал, но криминала нигде не нашел (АвтоБайка. База, это семнадцатый... // Марийская правда (Йошкар-Ола), 14.01.2003).

Что-то огромное, отчаянно жужжа, ворвалось в комнату, сделало вокруг Юры три витка, облюбовало его нос, больно укусило и унеслось прочь (И. Сухин. Инопланетянин // Мурзилка, 2003).

Применение подобных глаголов предполагает наличие «множества» чегото в пределах какого-то пространства, их значение складывается одновременно из двух аспектов: с одной стороны, *об*- указывает на «контакт» со множеством участков, с другой – на «всестороннее изучение» каждого участка.

4. Глубинное разграничение «внешних перемен» и «внутренних перемен»

Рассуждая о семантической целостности русских глагольных приставок, Е.Р. Добрушина сформулировала единое абстрактное толкование при-

ставки o-/oб- следующим образом: «...действие связано лишь с периферией, но не с сутью чего-либо» [3. С. 37]. Поддерживая в целом такую точку зрения, считаем, что нельзя не обращать внимание на то, что в семантике приставки o-/oб- объективно присутствует компонент «полноты» действия, который на первый взгляд несколько противоречит компоненту «поверхностности» или «периферийности» воздействия. Так, в примере воды моря омывают остров вместе с пониманием, что воздействие распространяется на «периферию», приставка o- указывает одновременно на то, что воздействие происходит со ВСЕХ сторон и распространяется на ВЕСЬ берег. Если говорить о воздействии на человека, то глаголы с приставкой o-/oб-, безусловно, не репрезентируют действия, которые приводят к полной метаморфозе человека, но одновременно эти действия имеют максимальную полноту в конкретной ситуации.

Такое гармоничное сочетание компонентов «полноты» и «периферийности» в одной приставке, скорее всего, кажется носителям русского языка абсолютно естественным. Оно эксплицитно демонстрирует наличие в сознании человека глубинного разграничения между «внешними переменами» и «внутренними переменами». Внешние перемены могут быть несущественными или очень существенными, но они не приводят к тому, чтобы претерпевший перемены объект или человек изменился по своей сущности. Иными словами, объект и человек остаются теми же. Внутренние перемены, наоборот, приводит к появлению нового с новой сущностью.

Итак, перемены, репрезентируемые с помощью приставки o- $/o\delta$ -, относятся именно к «внешним», и «полнота» предполагается лишь в пределах «внешних перемен» в состоянии объекта. Если говорить о физическом объекте, o- $/o\delta$ - указывает на ПОЛНОЕ воздействие на всю его/ее двухмерную поверхность или весь трехмерный объем: что-то убирается или добавляется, но объект не превращается в другой объект. В случае с абстрактным объектом либо он сам не терпит никаких изменений (в случае речемыслительной деятельности со стороны человека), либо меняется лишь в облике (в случае, например, oб-h0 и по ответся и по отношению к конкретному объекту. Особый интерес, как нам кажется, представляет применение глаголов с приставкой o-h0 в случаях, когда речь идет об изменении человека.

Они обросли мягкой коричневой шерстью, похожей на мох (Ю. Коваль. Лабаз, 1972).

А те, кто не боролся, – преуспели. Обросли званиями, наградами, выдвинулись. Молодежь имела перед собой поучительный пример приспособления (Д. Гранин. Зубр, 1987).

После этого еще несколько лет обдирали корабль жители Бугрино, пока не ободрали до голого железа (В. Голованов. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий, 2002).

– И куда же оно все делось? – Злые люди ободрали, – заныл Жихарь. – Сироту всякий норовит обидеть... (М. Успенский. Там, где нас нет, 1995).

Метафорическое применение глаголов *обрасти* и *ободрать* демонстрирует, что материальное благо и то, что важно только в социуме (репутация, слава, власть и пр.), являются в русском языковом сознании лишь «внешним слоем» человека и не представляют особой ценности для внутреннего мира человека. Таким образом, глагольные приставки содержат в себе ценную информацию не только о видении мира, но и о мировоззрении.

Для нас самое главное заключается не в том, чтобы определить «лейтмотив» значений приставки *о-/об-* как «полноту воздействия в пределах внешних перемен», а в том, что она свидетельствует о сохранении понимания сущностных свойств действия при метафорической реализации моделей (в частности, моделей II и III), извлеченном из опыта перемещения в физическом пространстве: в прототипных перемещениях пространственный участок и ориентир заранее известны действующему лицу, изменение, которое может произойти, происходит под наблюдением действующего лица. «Круговое движение» является, с одной стороны, исчерпывающим действием и воздействием в данной ситуации, с другой стороны, данное действие не нацелено на кардинальное, внутреннее изменение ни участка, ни ориентира и не может привести к такому изменению. Иными словами, «круговое движение» изначально не может быть применено для репрезентации «внутренних перемен», а «полнота воздействия в пределах внешних перемен» генетически зависит от свойств «кругового движения».

Что касается модели I, то ее метафорическая реализация оказывается для приставки *o-/об-* не особо продуктивной. Существенным для данной модели является оценка о ненужности / нужности контакта с ориентиром.

Заключение

Наша гипотеза не претендует на обладание объяснительной силой для всех без исключения частных значений. Во-первых, перемещения могут быть не единственными прототипами для формирования когнитивных матриц. Как уже было упомянуто, за приставкой о-/об- зафиксирована, по крайней мере, еще контактная модель взаимодействия (типа рука об руку). Во-вторых, нельзя исключить и влияния заимствований из других языков, когда фонетическая оболочка теряет первоначальную, генетическую связь со смыслом. Тем не менее наш анализ показывает, что в подавляющем большинстве случаев семантика приставки о-/об- порождается реализацией выделенных нами трех моделей движения. Намеченные корреляции между «движением по кругу» или фигурой «круг» с такими идеями, как «напрасность», «всесторонность», «совокупность», «периферия», «максимальность», актуальны не только для приставки o-/o6-, но и других языковых единиц русского языка, и это позволяет предположить, что данные корреляции являются некими ментальными константами для русского языкового сознания. То, что при метафорической реализации траектория

перемещения понимается как ход некоего изменения, а в качестве движущегося элемента может выступать любой источник перемен, а также наличие нескольких возможных позиций для восприятия и оценки перемены, скорее, является не только общей чертой для русских приставок, но и вообще характерно для пространственной метафоры, опирающейся на опыт и оценку перемещения в физическом пространстве¹.

Литература

- 1. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб. : Алетейя, 2003.
- 2. *Кронгауз М.А*. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
- 3. Добрушина Е.Р. К вопросу семантической целостности русских глагольных приставок // Вопросы языкознания. 2011. № 5. С. 31–43.
- 4. Добрушина Е.Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка. М., 2014.
- 5. *Черепанов М.В.* Лексическое и словообразовательное значения в семантической структуре глагола // Семантический и функциональный аспекты изучения лексики русского языка. Саратов, 1983.
- 6. *Архангельская* Э.Н. Структурно-семантическая характеристика префиксальных глаголов // Словообразовательные единицы их система и взаимодействие. Душанбе, 1986.
- 7. *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.
- 8. *Плунгян В.А.*, *Рахилина Е.В.* Полисемия служебных слов: предлоги *через* и *сквозь* // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 3–20.
- 9. *Макарова А.Б.* Феномен периферийного пересечения семантических сетей: русские приставки *при* и *под* // Вопросы языкознания. 2016. № 5. С. 79–94.
- 10. Свецинская И. Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой вы-) // Глагольная префиксация в русском языке / отв. ред. М.А. Кронгауз, Д. Пайар. М., 1997. С. 149–163.
- 11. Плунгян В.А. Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы / отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. С. 95–123.
- 12. Янда \hat{J} . А. Русские глагольные приставки: Семантика и грамматика // Глагольные префиксации в русском языке / отв. ред. М.А. Кронгауз, Д. Пайар. М., 1997. С. 49–61
- 13. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
- 14. Каку М. Параллельные миры: Об устройстве мироздания, высших изменениях и будущем космоса / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
- 15. *Шарандин А.Л.* Методологический статус понятий «инвариант» и «прототип» в современной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 121–127.
- 16. Кошелев А.Д. О концептуальных значениях приставки o-/об- // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68–101.
 - 17. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001.
- 18. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006.

¹ Конкретные примеры в статье приводятся из Национального корпуса русского языка [29].

- 19. *Субири X*. Чувствующий интеллект. Ч. 1: Интеллект и реальность / пер. с исп. Г.В. Вдовиной. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
- 20. *Толковый* словарь русского языка: в 4 т. / сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин и др.; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 2.
- 21. *Толковый* словарь русского языка С.И. Ожегова / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1994. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm
- 22. *Новый* толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Русский язык, 2000. URL: https://efremova.slovaronline.com/
 - 23. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.
- 24. *Цзинь Т.* Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков) // Вопросы психолингвистики. 2014. № 2. С. 42–55.
- 25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1863–1866. URL: https://dal.slovaronline.com/
- 26. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. URL: https://www.litprichal.ru/slovari/russaying/
- 27. Фасмер M. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд. СПб. : Азбука, 1996.
- 28. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка: Язык пространств / отв. ред. Н.Д. Аругюнова, И.Б. Левонтина. М., 2000. С. 277–288.
 - 29. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru

The Russian Prefix *O-/Ob-* as an Implementation of Three Motion Models

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 110–140. DOI: DOI: 10.17223/19986645/59/7

Tao Tszin, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Jintao-m@yandex.ru **Keywords:** polysemy of prefixes, cognitive matrix, motion model, implementation, metaphor, variation, correlation.

The article used the prefix *o-/ob-* as an example to test the hypothesis that the semantics of prefixes should be generated by a cognitive matrix in the form of motion models formed on the basis of the experience and assessment of spatial movement. The materials used in the research include lexical entries of the verb *oboyti* [go round], the semantics of the prefix *o-/ob-* described in *Russian Grammar* (1980) and in the works by G.A. Volokhina, Z.D. Popova, E.R. Dobrushina, A.D. Koshelev, and examples from the Russian National Corpus. The main method of research is deductive. The study revealed that three motion models were constructed by selecting three kinds of movement represented by the verb *oboyti*. The implementation of motion models is considered as an intellectual operation to integrate various objects into a certain model thus constructing their interrelation and determining the nature of changes. The particular meanings of the prefix *o-/ob-* generated by a certain variation of the implementation of each of the three motion models are analyzed.

Model I. A moving element makes a motion around the reference object.

- I-A. No contact between the WHO-element and the WHAT-reference object, the meanings 'circumvent' and 'avoid, escape' are generated.
- I-B. The WHO-reference object is behind the WHO-moving element, the meanings 'excel' and 'intentionally leave somebody aside' are generated.
- I-C. No contact of the WHAT-moving element and the WHO-reference object. The circumvention can be regarded as luck or bad luck.
 - I-D. No necessary contact with the reference object, the meaning of an error is generated. Model II. Going around the reference object.
- II-A. The WHO-moving element moves around the WHO-reference object. The metaphorical shift suggests examining the object from all angles \rightarrow a comprehensive idea of the object.

- II-B. The WHO/WHAT-moving element goes around the WHO-reference object. The meaning 'to harm or act to please somebody else or derive some benefit from it' is generated. Model III. Going around without the reference object.
- III-A. The correlation "circle aggregate" is actualized. The motion implies a comprehensive contact with some multitude. When an aggregate is understood as 'unshared', the movement transforms the object in whole.
- III-B. The circle means a figure with a core in the middle and periphery in the circumference. Moving suggests a contact with the periphery.
- III-C. The circle means a three-dimensional sphere. Moving in all directions until the sphere is formed correlates with the idea of a maximum.

Therefore, it has been proved that the semantics of the prefix *o-/ob-* can be explained by the implementation of motion models, and correlations between "moving around the circle" or the shape of a "circle" with the ideas of "uselessness", "comprehensiveness", "aggregate", "periphery", "maximality" are certain mental constants for the Russian linguistic consciousness.

References

- 1. Kibrik, A.E. (2003) *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables in language]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 2. Krongauz, M.A. (1998) *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: Semantic grammar]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 3. Dobrushina, E.R. (2011) K voprosu semanticheskoy tselostnosti russkikh glagol'nykh pristavok [On the semantic integrity of Russian verb prepositions]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 31–43.
- 4. Dobrushina, E.R. (2014) *Korpusnye issledovaniya po morfemnoy, grammaticheskoy, leksicheskoy semantike russkogo yazyka* [Corpus studies on the morphemic, grammatical, lexical semantics of Russian]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU.
- 5. Cherepanov, M.V. (1983) Leksicheskoe i slovoobrazovatel'noe znacheniya v semanticheskoy strukture glagola [Lexical and derivational meaning in the semantic structure of the verb]. In: Kan, Yu.N. et al. (eds) *Semanticheskiy i funktsional'nyy aspekty izucheniya leksiki russkogo yazyka* [Semantic and functional aspects of the study of Russian vocabulary]. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute.
- 6. Arkhangel'skaya, E.N. (1986) Strukturno-semanticheskaya kharakteristika prefiksal'nykh glagolov [Structural and semantic characterization of prefixal verbs]. In: Gorbahevskiy, A.A. (ed.) *Slovoobrazovatel'nye edinitsy ikh sistema i vzaimodeystvie* [Word formation units: Their system and interaction]. Dushanbe: Tajik National University.
- 7. Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verb prefixes: Semantic structure, system relations]. Voronezh: Voronezh State University.
- 8. Plungyan, V.A. & Rakhilina, E.V. (1996) Polisemiya sluzhebnykh slov: predlogi cherez i skvoz' [Polysemy of functional words: Prepositions cherez and skvoz']. *Rusistika segodnya*. 3. pp. 3–20.
- 9. Makarova, A.B. (2016) Fenomen periferiynogo peresecheniya semanticheskikh setey: russkie pristavki pri- i pod- [The phenomenon of the peripheral intersection of semantic networks: Russian prefixes pri- and pod-]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 79–94.
- 10. Svetsinskaya, I. (1997) Nekotorye aspekty metodiki issledovaniya russkikh pristavochnykh glagolov (na primere glagolov s pristavkoy vy-) [Some aspects of the methodology for the study of Russian prefixal verbs (on the example of verbs with the prefix vy-)]. In: Krongauz, M.A. & Payar, D. (eds) *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke* [Verb prefixation in Russian]. Moscow: Russkie slovari.

- 11. Plungyan, V.A. (2001) Pristavka pod- v russkom yazyke: k opisaniyu semanticheskoy seti [The prefix pod- in Russian: On the description of the semantic network]. In: Krongauz, M.A. (ed.) *Glagol'nye prefiksy i prefiksal'nye glagoly* [Verb prefixes and prefixal verbs]. Moscow: RSUH.
- 12. Yanda, L.A. (1997) Russkie glagol'nye pristavki: Semantika i grammatika [Russian verb prefixes: Semantics and grammar]. In: Krongauz, M.A. & Payar, D. (eds) *Glagol'nye prefiksatsii v russkom yazyke* [Verb prefixes in Russian]. Moscow: Russkie slovari.
- 13. Kubryakova, E.S. et al. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow: Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University.
- 14. Kaku, M. (2017) Parallel'nye miry: Ob ustroystve mirozdaniya, vysshikh izmeneniyakh i budushchem kosmosa [Parallel Worlds: A Journey Through Creation, Higher Dimensions, and the Future of the Cosmos]. Translated from English by M. Kuznetsov. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- 15. Sharandin, A.L. (2011) The methodological status of the notions invariant and prototype in modern linguistics. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 121–127. (In Russian).
- 16. Koshelev, A.D. (2004) O kontseptual'nykh znacheniyakh pristavki o-/ob- [On the conceptual meanings of the prefix o-/ob-]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 68–101.
 - 17. Frumkina, R.M. (2001) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Akademiya.
- 18. Zaliznyak, A.A. (2006) *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and ways of its presentation]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- 19. Zubiri, X. (2006) *Chuvstvuyushchiy intellekt* [Sentient intelligence]. Pt. 1. Translated from Spanish by G.V. Vdovina. Moscow: In-t filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- 20. Ushakov, D.N. (ed.) (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka:* v 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari.
- 21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka S.I. Ozhegova* [The explanatory dictionary of the Russian language by S.I. Ozhegov]. Moscow: Az". [Online] Available from: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm.
- 22. Efremova, T.F. (ed.) (2000) *Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [New explanatory and word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk. [Online] Available from: https://efremova.slovaronline.com/.
- 23. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- 24. Tszin', T. (2014) The Psycholinguistic Portrait of Russian and Chinese Verbs. *Voprosy psikholingvistiki Journal of Psycholinguistics*. 2. pp. 42–55. (In Russian).
- 25. Dahl, V.I. (1863–1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. [Online] Available from: https://dal.slovaronline.com/.
- 26. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2007) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow: Olma Media Grupp. [Online] Available from: https://www.litprichal.ru/slovari/russaying/.
- 27. Vasmer, M. (1996) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Translated from German by O.N. Trubachev. 3rd ed. St. Petersburg: Azbuka.
- 28. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (2000) Peremeshchenie v prostranstve kak metafora emotsiy [Moving in space as a metaphor of emotions]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka: Yazyk prostranstv* [Logical analysis of language: The language of spaces]. Moscow: Indrik.
- 29. Russian National Corpus. [Online] Available from: http://www.ruscorpora.ru. (In Russian).

УДК 811.124'367.625.4'366.58'371 DOI: 10.17223/19986645/59/8

Б.В. Чернюх

МЕЖДУ НАЧАЛОМ И КОНЦОМ: ОБ ИНТРАТЕРМИНАЛЬНОСТИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Объектом исследования является субполе интратерминальности (срединной фазы) как одной из составных функционально-семантического поля фазовости в латинском языке. Осуществленный анализ свидетельствует, что с семантической точки зрения интратерминальность представляет собой комплексное образование, формируемое семами дуративности, прогрессивности и континуативности. Средствами ее выражения в латинском языке выступают видовременные формы системы инфекта, перифрастические конструкции, а также контекст на микро- и макроуровнях.

Ключевые слова: латинский язык, функционально-семантическое поле, интратерминальность, дуративность, прогрессивность, континуативность, фазовость, акциональность.

Любая ситуация может рассматриваться в виде суммы определенных фрагментов (фаз ситуации), совокупность которых образует целостную картину. Как одна из составляющих качественной аспектуальности фазовая детерминация представляет собой вычленение одной из фаз в протекании действия или состояния — начальной, срединной или конечной [1. С. 321]. Подобная трихотомия, традиционная в аспектологических исследованиях [2], отображает дискретный характер времени в его движении от прошлого к будущему, трансформированный в плоскость аспектуальных значений: начало = прошедшее, продолжение = настоящее, окончание = будущее.

На первый взгляд толкование фаз не представляет труда и хорошо соотносится с понятием качественной аспектуальности. Вместе с тем среди исследователей существуют колебания относительно статуса и места фазовости в функционально-семантическом поле аспектуальности. Некоторые из них предполагают аспектуальный характер фазовых значений, отождествляя фазовость и качественную аспектуальность, что способствует увеличению количества фаз. В частности, Э. Косериу выделяет семь фаз (ингрессивную, инцептивную, прогрессивную, регрессивную, конклюзивную и эгрессивную) [3. S. 103–108], С. Дик – четыре: ингрессивную, прогрессивную, континуативную и эгрессивную [4. Р. 192–225]. Другие лингвисты отграничивают фазовость от аспекта. Так, фазовые значения как составная часть аспектуальных отсутствуют в классической работе Б. Комри [5], не вспоминают о них при обзоре аспектуальных значений языков мира С. Чанг и А. Тимберлейк [6. Р. 202–258].

Причина такого неоднозначного толкования состоит в том, что фазовость не только указывает на один из фрагментов ситуации, но и констатирует ее наличие или отсутствие в определенный период. Характеризируя семантику фазовых значений, исследователи отмечают, что их сущность состоит в том, что определенная ситуация P отсутствует в момент t_1 , но наличествует в момент t_2 , или viceversa, при этом t_2 следует за t_1 [7. C. 69; 8. C. 137].

Несмотря на наличие темпоральной составляющей в семантике фазовости, считаем целесообразным рассматривать ее как составную часть качественной аспектуальности, поскольку она находится в непосредственной связи с ключевой идеей последней — выражением особенностей протекания ситуации.

Начало, середина и конец ситуации, непосредственно относясь к ее реализации, рассматриваются как внутренние стадии, противопоставленные внешним – проспективной и результативной [9. С. 225].

Фазовые значения в латинском языке, подобно другим, выражаются различными средствами. Сюда прежде всего относятся описательные конструкции с фазовыми глаголами и видовременные формы глагола. Важная роль в формировании упомянутых значений принадлежит контексту, влияние которого особенно ощутимо при отсутствии или ослаблении значений формальных показателей. Средствами выражения фазовости также служат слова с соответствующей семантикой, например *inire* 'входить', *finis* 'конец', употребляемые в устойчивых словосочетаниях типа *consulatum inire* 'вступать на должность консула, т.е. начинать консульство', *finem facere* 'заканчивать' и т.п.

Учитывая важность начала и конца, модифицирующих основное онтологическое понятие «бытие», именно эти фазовые значения преимущественно выступали объектом исследования [10, 11], тогда как срединная стадия, для обозначения которой мы используем предложенный Л. Юхансоном термин «интратерминальность» [12. Р. 29] и которую в наиболее общем виде можно характеризировать как промежуток между началом и концом, из-за своей элементарности не привлекала особого внимания лингвистов.

Анализ критической литературы позволяет сделать вывод об отсутствии специальных исследований, в которых бы интратерминальность рассматривалась на материале латинского языка. Как правило, упомянутое фазовое значение рассматривается очень обобщенно в связи с семантикой презенса и имперфекта индикатива. Типичным утверждением, представленным в латинских грамматиках, является простая констатация факта, что эти формы выражают длящееся либо продолжающееся действие в соответственной временной плоскости [13. Р. 26–29; 14. S. 86–88, 92–93; 15. Р. 346; 16. Р. 396–399, 416–420]. В сравнительно новой коллективной монографии испанских лингвистов упоминается о связи между семантическими вариантами интратерминальности и акциональными классами предикатов 3. Вендлера. Исследователи, в частности, отмечают связь дляще-

гося действия с предикатами состояния, развивающегося – с предикатами деятельности, развивающегося или итеративного – с предикатами достижения и свершения [17. Р. 427]. Обращаясь к описательным средствам выражения интратерминальности, Г. Гаверлинг [15. Р. 312] указывает на возможность использования с этой целью глаголов со значением «продолжать(ся)» и «длиться», ограничиваясь лишь этим замечанием. Таким образом, вопрос об интратерминальности в латинском языке нуждается в дальнейшей разработке.

Несмотря на мнимую семантическую однородность, интратерминальность представляет собой сложное образование, объединяющее значения прогрессива (ситуация в развитии), дуратива (длящаяся ситуация, предусматривающая определенную протяженность) и континуатива (продолжение уже существующей ситуации). В отличие от ряда современных языков, в которых упомянутое значение или его частичные реализации выражаются с помощью специализированных грамматических форм (так называемые «прогрессивные» времена в английском и некоторых романских языках, например англ. to be doing, итал. stare facendo, исп. estar haciendo) или описательных конструкций (фр. être en train de, нем. im Begriff sein), латинский язык лишен специфических средств его выражения.

Интратерминальность в латыни выражается преимущественно с помощью форм, образованных от основы инфекта, которые, обозначая длящуюся ситуацию, не предусматривают начальной и конечной точек, а только указывают на существование ситуации в определенный момент, синхронный с точкой отсчета. Такое значение И.А. Мельчук характеризирует как нейтральное [8. С. 137]. Выражение интратерминальности особенно характерно для презенса и имперфекта индикатива. Характеризируя их семантику, грамматик VI в. Присциан иллюстрирует это следующим примером: ...si in medio versu dicam scribo versum priore eius parte scripta, cui adhuc deest extrema pars, praesenti utor verbo dicendo scribo versum, sed imperfectum est, quod deest adhuc versui, quod scribatur. ex hoc... (id est praesenti) nascitur praeteritum imperfectum, cum non ad finem perferimus in praesenti id quod coepimus. ...si incipiam in praeterito versum scribere et imperfectum eum relinquam, tunc utor praeterito imperfecto dicens scribebam versum (Prisc. II, 414–415) (...если я посредине стиха скажу 'я пишу стих' (scribo versum), когда предыдущая часть его написана, но все еще не хватает конечной, я пользуюсь глаголом в настоящем времени, говоря 'я пишу стих' (scribo versum), но (это время) незавершенное, ибо стиху не хватает того, что должно быть написано. Из него (т.е. настоящего)... возникает прошедшее несовершенное (praeteritum imperfectum), когда мы не доводим до кониа в настоящем, то, что начали. ...Если я начну писать стих в прошлом и оставлю его незавершенным, тогда пользуюсь прошедшим несовершенным, говоря 'я писал стих' (scribebam versum)).

Осуществленный нами анализ первоисточников позволяет констатировать, что актуализация объединенных под «зонтиком» интратерминальности сем дуративности (DUR.), прогрессивности (PROGR.) и континуатив-

ности (CONT.) (ср. [12. Р. 33; 18. С. 298, 300–301]) в латинском языке зависит от двух факторов: акциональной семантики предикатов и контекста.

Дуративность, предусматривая определенную длительность и неизменность, прежде всего относится к нединамическим ситуациям, лишенным способности к трансформации («состояния» (states) в классификации 3. Вендлера [19. Р. 97–121]) (1 а–б):

- 1 a) *Odi* (DUR.) *et amo* (DUR.) (Cat. 85, 1) («*Ненавижу и люблю*»).
- 1 б) ...purpurea velatus veste **sedebat** (DUR.) // in solio Phoebus... (Ov. Met. 2, 19–20 (...Феб **сидел** на троне, облаченный в пурпурные одежды...).

В противовес статичным предикатам динамичные (Вендлеровские деятельности (activities), свершения (accomplishments) и достижения (achievements) в большей степени пригодны для выражения прогрессивности (ср. [14. Р. 427]). Соответствующие примеры представлены ниже (2 а–в):

- 2 a) Laudabat (PROGR.) homo doctus philosophos nescio quos neque eorum tamen nomina poterat (DUR.) dicere... (Cic. Sest. 23) (Ученый человек хвалил каких-то философов, однако не мог назвать их имен...).
- 2 б) ...facile meus pater quod **volt** (DUR.) **facit** (PROGR.) (Pl. Amph. 138) (...мой отец легко делает то, что хочет).
- 2 в) Cum tribus milibus peditum et quingentis equitibus consul **veniebat** (PROGR.) (Liv. 37, 6, 2) (Консул **приходил** с тремя тысячами пеших воинов и пятьюстами всадников).

Континуативность могут выражать как статичные, так и динамичные предикаты, но при этом доминирующая роль принадлежит контексту, который информирует о продолжении ситуации (3 а-в):

- 3 a) Roma interim **crescit** (CONT.) Albae ruinis (Liv. 1, 30, 1) (Тем временем Рим **poc** (т.е.: продолжал расти) на руинах Альбы).
- 3 б) ...ad pacem hortari non desino (CONT.) (Cic. Att. 7, 14, 3) (... я не прекращаю призывать к миру).
- 3 в) ...redii in eum locum, ubi sedebat (CONT.) Alypius... (Aug. Conf. 8, 12) (...я возвратился на то место, где сидел Алипий...) (из контекста следует, что Алипий все еще продолжал сидеть там, где его оставил Августин).

Выражение интратерминальности, в частности дуративности и прогрессивности, видовременными формами системы инфекта (что, как уже упоминалось, особенно свойственно презенсу и имперфекту индикатива, а также употребленным с имперфективной семантикой аспектуальнонейтральному будущему I, конъюнктиву презенса и имперфекта) (4 а-в) является наиболее распространенным, относясь как к статичным, так и к динамичным ситуациям.

- 4 a) *Oderint, dum metuant* (DUR.) (Acc. Trag. frg. 203) (Пусть ненавидят, лишь бы **боялись**).
- 4 б) ...erit (DUR.) illa dies, qua tu, ..., / quattuor in niveis... ibis (PROGR.) equis! (Ov. Ars. 1, 213–214) (...будет тот день, когда тебя... будет везти четверка белоснежных... лошадей).

4 в) (Safinius) cum **ageret** (PROGR.) ...in foro, sic illius vox **crescebat** (PROGR.) tamquam tuba (Petr. Sat. 44, 9) ((Сафиний) когда... выступал на форуме, так его голос возрастал будто труба).

Одна и та же временная форма может употребляться для выражения различных семантических оттенков интратерминальности, если это сопровождается изменением акционального класса предиката. Так, в $(5\ a)$ relinquebat выражает прогрессивное развитие, тогда как в $(5\ b)$ — длящееся состояние, а следовательно, имеет дуративное значение.

- 5 a) (Caesar) trium legionum, quas Alexandreae **relinquebat** (PROGR.), curam et imperium Rufioni liberti sui filio exoleto suo demandavit (Suet. Div. Iul. 76, 3) («(Цезарь) передал опеку и власть над тремя легионами, которые **оставлял** в Александрии, своему любимцу Руфиону, сыну своего вольноотпущенника»).
- 5 б) **Relinquebatur** (DUR.) una per Sequanos via, qua Sequanis invitis propter angustias ire non poterant (Caes. BG 1, 9, 1) (**Оставался** (т.е. был) единственный путь через земли секванов, по которому (гельветы) не могли идти из-за (его) узости, без согласия секванов).

В нейтральном контексте границы между дуративным и прогрессивным значениями иногда размыты, что усложняет их дифференциацию и, как следствие, допускает двоякую интерпретацию. При этом необходимо также считаться с определенной долей субъективности, которая неизбежна при исследовании аспектуальной (в широком смысле слова) семантики, в связи с чем целесообразно упомянуть характеристику аспекта как категории преимущественно интерпретационного типа у А.В. Бондарко: «Преимущественно интерпретационный характер глагольного вида в русском и других славянских языках (mutatis mutandis и в латинском. – E.Y.) определяется категориальным семантическим признаком целостности действия. Источником видовых значений является зафиксированный и объективированный в языковой системе взгляд говорящего на действие: действие может быть представлено наблюдателем (говорящим) в процессе его протекания (одна из функций несовершенного вида) или как целостный ограниченный пределом факт (функция совершенного вида)» [20. С. 50].

В сравнении с иными внутренними фазами ситуации срединная является наименее выразительной и не предусматривает особого маркирования вследствие гомогенности ситуации. Ситуация автоматически воспринимается как представленная в ходе реализации, если этому не препятствуют аспектуальная или акциональная семантика предиката и контекст.

В отличие от форм инфекта формы перфекта не выражают ситуацию в ходе реализации, что наблюдается, например, при параллельном употреблении имперфекта и перфекта индикатива, образованных от потенциальнограничных глаголов, т.е. таких, которые в зависимости от формы и контекста могут актуализировать наличие предела, например dicere (6 а), scribere (6 б–в):

6 a) At pater infelix ... 'Icare,' dixit,' 'Icare,' dixit 'ubi es? Qua te regione requiram?'/ 'Icare' dicebat: pennas aspexit in undis... (Ov. Met. 8, 231–233)

 $(A \ несчастный \ отец...\ \textbf{сказал}\ «Икар»/\ \textbf{сказал}:\ «Икар, где ты? В какой стране тебя найду?»/$ **Говорил**: «Икар»; увидел перья на волнах...).

«Срединность» ситуации, выраженная имперфектом *dicebat*, в данном случае контрастирует со значением завершенности, свойственным перфекту *dixit*, который представляет речевой акт как целостный, без раскрытия его внутренней структуры.

- 6 б) ...Iesus... inclinans se deorsum digito **scribebat** in terra (Vulg. NT Io. 8, 6) (...Иисус... наклонившись вперед, пальцем писал на земле).
- 6 в) ...ostendit vobis (Dominus) ...decem verba, quae **scripsit** in duabus tabulis lapideis (Vulg. VT Deut. 4, 13) (...(Господь) явил вам... десять заповедей, которые написал на двух каменных таблицах).

Существующее между имперфектом и перфектом различие, выразительно представленное в телических предикатах, нейтрализируется в ателических, где перфект актуализирует сему лимитативности, представляя ситуацию как прекращенную во времени, а имперфект — сему дуративности. При этом на первый план выдвигаются иные характеристики видовременных форм, в частности связь с моментом речи, роль в структуре текста, таксисные значения, что не позволяет рассматривать подобные случаи как абсолютную синонимию и на основании этого делать вывод об отсутствии в латинском языке аспекта, как это предлагают некоторые исследователи [21; 22. Р. 224]. Например (7 а–б):

- 7 a) **Amavi** (PERF.) ...ego olim in adulescentia/verum ad hoc exemplum numquam, ut nunc insanio (Pl. Merc. 264–265) (Я... любил когда-то в юности,/ но никогда до такой степени, как теперь схожу с ума).
- 7 б) *Illam amabam* (IMPERF.) *olim, nunc iam alia cura impendet pectori* (Pl. Epid. 135) (Ял**юби**л ее когда-то, теперь иная забота тревожит сердце).

В представленных примерах имперфект *amabam* и перфект *amavi* на первый взгляд не различаются по значению, целостно изображая ситуацию и констатируя лишь факт влюбленности героев в прошедшем. Но в (7 а) контекст указывает на наличие связи с коммуникативной ситуацией: любовь существует также в настоящем, хотя относится к иному объекту страсти. Подобная ситуация, выраженная имперфектом в (7 б), уже не актуальна в момент речи, противопоставляясь существующему положению дел.

Спорадически для выражения дуративности и/или прогрессивности употреблялись аналитические конструкции, состоящие из деепричастия настоящего времени (participium praesentis activi) и глагола *esse* 'быть', которые, в отличие от синтетических форм, акцентировали внимание на характеристике субъекта (8 а–в):

- 8 a) Carthagini ego sum gnatus, ut tu <u>sis sciens</u> (Pl. Poen. 1038) (Чтобы ты **знал** (букв. был знающим), я родился в Карфагене).
- 8 б) Sed adeo tum imperio meliori animus mansuete **oboediens erat**, ut beneficii magis quam ignominiae hic exercitus memor et coronam auream dictatori, libram pondo, decreverit et proficiscentem eum patronum salutaverit. (Liv. 3, 29, 3) (Но тогда справедливому приказу **подчинялись** так покорно, что это войско, помня больше о благодеянии, чем о позоре, присудило дикта-

тору золотой венок весом в фунт и, провожая, приветствовало его как покровителя).

8 в) Ne time, abhinc enim homines eris capiens (Tert. Adv. Marc. 4,9,1) (Не бойся, ибо отныне будешь ловить людей!).

Такая конструкция, свойственная разговорному языку, акцентируя внимание на наличии ситуации [23. S. 388], первоначально характеризировалась высшей степенью интенсивности и большей экспрессивностью [24. P. 274], но, утратив со временем этот оттенок, семантически не отличалась от синтетических форм, что подтверждается следующими примерами (9 а–в):

- 9 a) Phryges... qui campestribus locis **sunt habitantes**... (Vitr. 2, 1, 5) (Фригийцы... которые **проживают** в полевой местности...).
- 9 б) ...Salpini... **habitant** in salubri loco (Vitr. 1, 4, 12) (...сальпинцы ...**проживают** в здоровой местности).
- 9 д) **Erant... perseverantes** omnes unanimes in oratione cum mulieribus et Maria quae fuerat mater Iesu et fratribus eius. **Perseverabant** in oratione unanimes orationis suae... (Tert. Orat. 8) (Все единодушно **пребывали** в молитве вместе с женщинами и Марией, которая была матерью Иисуса, и его братьями. **Пребывали** в молитве, единодушно слагая свою молитву...).

Тождество синтетических и аналитических образований подтверждается также непоследовательностью отображения аналогичной греческой конструкции $\varepsilon i \mu i + part$. praes. в латинских переводах Священного Писания, ср. (10 а–в):

- 10 a) ...καὶ... ἐστὶν καρποφορούμενον καὶ αὐξανόμενον καθὼς καὶ ἐν ὑμῖν, ἀφ' ἦς ἡμέρας ἡκούσατε καὶ ἐπέγνωτε τὴν χάριν τοῦ θεοῦ ἐν ἀληθεία (NT Col. 1, 6).
- 10 6) ...et fructificat et crescit sicut in vobis ex ea die qua audistis et cognovistis gratiam Dei in veritate (Vulg. NT Col. 1, 6).
- 10 в) ...et est fructificans et crescens sicut in vobis ex ea die qua audistis et cognovistis gratiam Dei in veritate (Vet. Lat. Col. 1, 6, codd. 75, 77) ((благая весть) ... приносит плоды и растет, как и среди вас, с тех пор, когда вы услышали и познали Божью милость в правде).

Перифразы с перфектными формами глагола esse характеризируются двойственным значением. Будучи лимитативными, они выражают прекращенную ситуацию, но в то же время подчеркивают ее прогрессивный или дуративный характер во время реализации (11 а–б):

- 11 a) ...nemo umquam tam sui despiciens fuit, qui desperaret aut melius aut eodem modo se posse dicere (Cic. De or. 2, 364) (...никогда не было никого, кто презирал себя так, что был бы лишен надежды иметь возможность говорить или лучше, или так же, как я).
- 11 б) ...quispiam Samius athleta... cum antea non loquens fuisset, ob similem dicitur causam loqui coepisse (Gell. 5, 9, 5) (...говорят, что какойто атлет из Самоса начал разговаривать по той же причине (=om страха)... хотя до того не говорил).

Вследствие присущего латинскому языку синтетизма конструкция такого типа не получила распространения и преимущественно представлена в позд-

ней, особенно христианской, латыни, в частности в переводах Священного Писания и возникших под его влиянием произведениях, обусловливась влиянием семитских [25. P. 2; 26. P. 218] или/и греческого языков [23. S. 388].

Срединная фаза ситуации может также быть представлена в виде континуатива, обозначающего ее продолжение. Дж. Байби рассматривает континуативность как разновидность прогрессивного значения, дополнительно конкретизированного указанием на то, что агенс продолжает выполнение действия [27. Р. 127]. В латинском языке континуативность реализуется с помощью лексических средств, центральное место среди которых занимают описательные конструкции, состоящие из глаголов с соответствующей семантикой и предикатных актантов, выраженных инфинитивом или, реже, герундием. К таким глаголам прежде всего принадлежат pergere, perseverare, реже – durare, объединенные общим значением «продолжать(ся), длиться».

Первичным значением *pergere* (< **perrĕgere* (пор. перфект *perrexi*) было указание на направление движения «идти дальше, продвигаться» (12 а–б).

- 12 a) Illa ad nos **pergit** (Pl. Mil. 1257) (Она **идет** к нам).
- 12 б) Hercules ad primam auroram somno excitus cum gregem perlustrasset oculis et partem abesse numero sensisset, **pergit** ad proximam speluncam... (Liv. 1, 7, 6) (Геркулес, проснувшись рано утром, когда осмотрел стадо и заметил, что не хватает части, **идет** к ближайшей пещере...).

Вступая в связь с предикатными актантами, упомянутый глагол утрачивает свое первичное значение и в качестве служебного обозначает продолжение ситуации выраженной инфинитивом или герундием (13 а–б):

- 13 a) **Pergam pultare** ostium (Pl. Most. 936) (**Продолжу стучать** в дверь).
- 13 б) Silere pergit (Sen. Phaedr. 882) (Он продолжает молчать).

Иногда *pergere* дополнительно конкретизируется указанием на то, что ситуация, которую собеседник предполагает продолжить, началась ранее. С этой целью употребляется глагол *coepi* «начинать» или его синонимы (*occipio*, *incipio*, *coepto*), а также *instituo* «постановлять, решать» (13 в-г):

- 13 в) ...tu **perge ut occepisti** dicere (Pl. Rud. 1089) (...ты продолжай говорить, как начал).
- 13 г) ...**perge ut instituisti** (Cic. Rep. 2, 21) (...продолжай, как ты решил...).

Выраженная с помощью *pergere* континуативность может подчеркиваться наречием *porro* «дальше» (14 а–б):

- 14 a) ...**pergo porro ire** in Turtam (Cato Or. 1, 19) (...я продолжаю идти дальше в Турту).
- 14 б) O magnam vim ingenii causamque iustam, cur nova existeret disciplina! **Perge porro** (Cic. Fin. 4, 9, 21) (О, большая сила ума и справедливая причина, почему должно было б возникнуть новое учение! Продолжай (излагать) дальше).

Начиная с классического периода, наряду с *pergere* в функции фазового глагола также засвидетельствовано *perseverare* (15 а–б), которое, однако, в количественном отношении уступает *pergere*.

- 15 a) Themistocles, verens ne (Xerxes) bellare perseveraret, certiorem eum fecit id agi, ut pons, quem ille in Hellesponto fecerat, dissolveretur ac reditu in Asiam excluderetur (Nep. Them. 5, 1) (Фемистокл, боясь, что (Ксеркс) будет продолжать войну, сообщил ему о действиях, направленных на разрушение построенного на Геллеспонте моста, и невозможности возвращения в Азию).
- 15 б) ...Constantius... Arsacen Armeniae regem... praemonebat et hortabatur, ut nobis amicus **esse perseveraret** et fidus (Amm. 20, 11, 1) (...Констанций... убеждал и призывал... армянского царя Арсака, чтобы тот продолжал оставаться нашим верним другом).

В послеклассической и поздней латыни также представлены одиночные случаи выражения континуативности с помощью *durare* (16 а–б):

- 16 a) Postquam itaque omnis bacalusias consumpsi, duravi interrogare illum interpretem meum, quod me torqueret (Petr. 41, 2) (Исчерпав все догадки, я продолжил спрашивать того моего толкователя о том, что меня терзало).
- 16 б) ... ambulare non durabo, si nihil spectabo (Aug. In Ps. 39, 9) (... не буду продолжать ходить, если ничего не увижу).

Продолжение ситуации также выражается посредством отрицательных синтагм, образованных на базе глаголов с семантикой прекращения *desinere* (17 a), *desistere* (17 б), *cessare* (17 в), которые подчеркивают ее беспрерывный характер.

- 17 a) Nostri... propius riuum cum adpropinquassent adversarii **patrocinari** loco iniquo **non desinunt** (Bell. Hisp. 29, 8) (Когда наши... подошли ближе к ручью, противники **не прекращали защищаться** в невыгодном месте).
- 17 б) ...non desistam persequi nequitiam et adfectus efferatissimos inhibere et voluptates ituras in dolorem compescere et votis opstrepere (Sen. Epist. 121, 4) (...я не перестану преследовать бесстыдство и удерживать разнузданные страсти, и сдерживать наслаждения, переходящие в страдания, противостоять молитвенным желаниям).
- 17 в) Cunctis diebus Iob sacrificium **offerre** <u>non cessat</u>... (Gr. M. Moralia 1, 24) (Во все дни Иов **не прекращал приносить** жертвы).

Квантитативный анализ, осуществленный автором представленной статьи на материале произведений римских авторов различных исторических периодов, свидетельствует, что функционирование *pergere* в качестве фазового глагола было наиболее свойственно ранней латыни. Однако начиная с классического периода континуативность проявляет тенденцию к выражению посредством отрицательных конструкций типа *«non desino + инфинитив»*, что представлено в таблице.

Продолжение ситуации подчеркивается также различного рода обстоятельствами, которые дополнительно указывают на ее длительность (18 а-в):

- 18 a) Clam me est profectus, mensis tris_abest (Ter. Heaut. 118) (Он отправился тайком от меня, отсутствует три месяца).
- 18 б) Quod est hoc iudicium in quo **iam biennium versamur**? (Cic. Quinct. 42) (Что это за судебный процесс, на котором мы **пребываем уже два года**?).

18 в)(Tarquinius Priscus) lud	dos Romanos instituit, qui ad	nostram
memoriam permanent (Eutr. 1, 5)	(Тарквиний Приск) установил	римские
игры, которые сохраняются до наи	ией памяти.	

	Синтагма			
Автор	Pergo+inf.		Desino (desisto, cesso) + inf	
_	Всего	%	Всего	%
Плавт, Теренций	29	74,4	10	25, 6
Цезарь	0	0	4	100
Цицерон	9	11, 7	68	88, 3
Сенека Младший	3	11, 1	24	88, 9
Апулей	4	23, 5	13	76, 5
Августин	27	10, 9	221	89, 1
Иероним	1	2, 4	41	97, 6

С целью усиления упомянутого значения и акцентирования непрерывности ситуации употребляется также дублирование одного и того же глагола в формах, соотносящих его с разным промежутками на временной оси (19 а-б), что было одним из средств создания эмфатичности повествования и, как свидетельствуют примеры, свойственно прежде всего непосредственному или опосредствованному (в эпистолографии) коммуникативному акту:

- 19 a) Omnium primum salutem dicito matri et patri/et cognatis et si quem alium benevolentem videris; // me hic valere et servitutem servire huic homini optumo, // qui me honore honestiorem semper fecit et facit (Pl. Capt. 389–392) (Прежде всего передай привет матери и отцу // и родным и всем другим благодетелям, если кого увидишь; я здесь здоров и служу службу этому благородному человеку, который меня высокой честью чтил всегда и чтит теперь).
- 19 б) ...ego **servo et servabo** sic enim assuevi Platonis verecundiam... (Cic. Fam. 9, 22, 4) (...**я храню и буду хранить**, ибо так привык, почтительное отношение к Платону...).

Наличие срединной фазы предусматривает рег se определенную длительность ситуации, что свойственно предикатам, относящимся к акциональным классам состояний, деятельностей и свершений, которые реализуют семы дуративности или прогрессивности, а при уточнении адвербиальными маркерами или макроконтекстом — континуативности. Лишенные внутренней длительности предикаты, которые характеризируют акциональный класс «достижения», употребляясь с имперфективной семантикой, могут приобретать дополнительные оттенки множественности (итеративности, хабитуальности) (20 а—б), или конативности (20 в), что, однако, не является необходимым условием, обусловливаясь микро- или макроконтекстом.

- 20 a) ...*effodiuntur* opes irritamenta malorum (Ov. Met. 1, 140) (...**выкапываются** багатства возбудители зла).
- 20 б) Raro nimium **dabat** quod biberem, // id merum infuscabat (Pl. Cist. 18–19) (Очень редко **давал** пить, это чистое вино портилось).

20 в) **Veniebatis**... in Africam... Prohibiti estis in provincia vestra pedem ponere... (Cic. Lig. 24) (Вы **пытались... прибыть** в Африку... Вам не позволили вступить в вашу провинцию...).

Осуществленный анализ позволяет сделать вывод, что в латинском языке интратерминальность представляет собой кластер, образованный семами дуративности, прогрессивности и континуативности. Актуализация конкретной семы из упомянутого набора зависит от акционального типа предиката и контекста, что сближает латинский язык с рядом современных европейских [12. Р. 39–40]. В этом отношении перспективным представляется исследование интратерминальности в типологической перспективе. Формальным ядром субполя интратерминальности выступают видовременные формы системы инфекта и описательные конструкции с фазовыми глаголами с соответствующим значением, а периферию образуют лексические средства преимущественно обстоятельственного характера.

Литература

- 1. *Маслов Ю.С.* К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 305–364.
- 2. *Tommola H.* On the aspectual significance of "phase meaning" // Aspect bound: a voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology / ed. C. de Groot, H. Tommola. Dordrecht: Foris, 1984. P. 111–132.
 - 3. Coseriu E. Das romanische Verbalsystem. Tübingen: Narr, 1976. 197 s.
 - 4. Dik C.S. Functional Grammar. Dordrecht: Foris, 1981. XI, 230 p.
- 5. *Comrie B*. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. IX, 142 p.
- 6. Chung S., Timberlake A. Tense, aspect, and mood // Language typology and syntactic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon / ed. T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 202–258.
- 7. *Кустова Г.И.* Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением «начаться» («кончиться») // Логический анализ языка: Семантика начала и конца / ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002. С. 69–82.
- 8. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. 1, ч. 2: Морфологические значения. М.: Языки русской культуры, 1998. 544 с.
- 9. *Князев Ю.А.* Грамматическая семантика. М. : Языки славянских культур, 2007. 704 с.
- 10. *Логический* анализ языка: Семантика начала и конца / ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2002. 648 c.
- 11. *Commencer* et finir : débuts et fins dans les littératures grecque, latine et néolatine / ed. B. Bureau, Ch. Nicolas. Lyon : GERGR, 2008. 392 p.
- 12. *Johanson L.* Viewpoint operators in European languages // Tense and Aspect in the Languages of Europe / ed. Ö. Dahl. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27–187.
- 13. Bennet Ch.E. Syntax of Early Latin. Vol. 1: The Verb. Boston : Allyn and Bacon ; Leipzig : Theodor Stauffer, 1910. XIX, 506 p.
- 14. Kühner R, Stegmann C. Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache. Teil 2: Satzlehre. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1997. Bd. 1. XV, 828 s.
- 15. *Haverling G.V.* M. Actionality, tense, and viewpoint // New Perspectives on Historical Latin Syntax. Vol. 2: Constituent Syntax: Adverbial Phrases, Adverbs, Mood, Tense / ed. Ph. Baldi, P. Cuzzolin. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. P. 277–523.

- 16. *Pinkster H.* The Oxford latin syntax. Vol. 1: The simple clause. Oxford: Oxford University Press, 2015. XXXII, 1430 p.
 - 17. Baños Baños J.M. Sintaxis del latín clásico. Madrid : Lyceus, 2009. 838 p.
- 18. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М. : Едиториал УРСС. 2003. 384 с.
- 19. Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1967. 203 p.
- 20. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 624 с.
- 21. Spevak O. Some Remarks on Grammatical Aspect in Latin // Philologia Classica. 2016. Vol. 11 (2). P. 282–288.
- $22.\,\textit{Pinkster}$ H. Latin Syntax and Semantics. London ; New York : Routledge, 1990. XII, 320 p.
- 23. Hofmann J.B., Szantyr A. Lateinische Syntax und Stilistik: mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik, München: Beck, 1965. XCVIII, 935, 89 s.
 - 24. Ernout A., Thomas F. Syntaxe latine. Paris: Klincksieck, 1964. XX, 522 p.
- 25. Haverling G. Sur l'expression du temps et de l'aspect grammatical en latin tardif // De lingua latina. 2010. T. 5. P. 1-23.
- 26. *Rubio G.* Semitic influence in the history of Latin syntax // New Perspectives on Historical Latin Syntax. Vol. 1: Syntax of the Sentence / ed. Ph. Baldi, P. Cuzzolin. Berlin: Walter de Gruyter, 2009. P. 195–240.
- 27. Bybee J.L, Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. XII, 398 p.

Between the Beginning and the End: On Intraterminality in Latin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 141–154. DOI: 10.17223/19986645/59/8

Bohdan V. Cherniukh, Ivan Franko National University of Lviv (Lviv, Ukraine). E-mail: cherboh@gmail.com

Keywords: Latin language, functional-semantic field, phasal meaning, intraterminality, progressivity, durativity, continuativity, actionality.

The object of the research is the subfield of intraterminality (middle phase) as one of the components of the functional-semantic field of phasality in Latin. The analysis shows that intraterminality is a complex formation that combines the meanings of the progressive aspect (the situation in the development), the durative aspect (the lasting situation characterized by some duration) and the continuative aspect (the continuation of the situation). The actualization of semes of durativity, progressivity, and continuativity joined under the "umbrella" of intraterminality depends on two factors, namely, on the actional semantics of predicates and the context. Durativity providing some lasting and immutability belongs, first of all, to static situations that cannot be transformed. Contrary to static predicates, dynamics ones (Vendlerian activities, accomplishments and achievements) are more suitable to express progressivity as far as they provide some kind of transformation. Continuativity can be expressed by static and dynamics predicates. In such a case, the decisive factor is the context which denotes the continuing of a situation. In neutral contexts, the boundaries between durative and progressive meanings are often blurred, which in turn complicates their differentiating and thus allows a dual interpretation.

In contrast to some modern languages that express intraterminality (or its partial realizations) by special grammatical forms, Latin is deprived of specific means for its expression, and different grammatical and lexical means are used for this purpose. Like in other languages with the lack of special grammatical forms, in Latin, intraterminality is expressed by forms produced from the infectum stem that mark the situation as a lasting one and do not include the initial and the final starting point. This meaning is typical for the indicative mood of the present tense and

the indicative imperfective. The periphrastic construction "participium praesentis activi + esse" was sporadically used to express durative and/or progressive meanings which, unlike synthetic forms, stressed the characteristic of the subject. Continuativity can be expressed by lexical means, especially by basic verbs with the meaning of continuation together with predicate actants expressed by the infinitive or more rarely by the gerund. The continuation of the situation can also be emphasized by different adverbial modifiers that indicate the time of its duration. The performed analysis shows that Latin does not differ essentially from other languages in the expression of intraterminality and its semantic varieties that are expressed by the grammatical and lexical means as well as in the context.

References

- 1. Maslov, Yu.S. (2004) *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 305–364.
- 2. Tommola, H. (1984) On the aspectual significance of "phase meaning". In: De Groot, C. & Tommola, H. (eds) *Aspect bound: a voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology.* Dordrecht: Foris.
 - 3. Coseriu, E. (1976) Das romanische Verbalsystem. Tübingen: Narr.
 - 4. Dik, C.S. (1981) Functional Grammar. Dordrecht: Foris, XI.
- 5. Comrie, B. (1976) Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press.
- 6. Chung, S. & Timberlake, A. (1985) Tense, aspect, and mood. In: Shopen, T. (ed.) *Language typology and syntactic description*. Vol. III: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University Press.
- 7. Kustova, G.I. (2002) Semanticheskie aspekty leksicheskikh funktsiy (glagoly so znacheniem "nachat'sya" ("konchit'sya") [Semantic aspects of lexical functions (verbs with the meaning "to begin" ("end")]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language: Semantics of beginning and end]. Moscow: Indrik.
- 8. Mel'chuk, I.A. (1998) *Kurs obshchey morfologii* [The course of general morphology]. Vol. 1. Pt. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 9. Knyazev, Yu.A. (20007) *Grammaticheskaya semantika* [Grammatical semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- 10. Arutyunova, N.D. (ed.) (2002) *Logicheskiy analiz yazyka: Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language: Semantics of beginning and end]. Moscow: Indrik.
- 11. Bureau, B. & Nicolas, Ch. (eds) (2008) Commencer et finir: débuts et fins dans les littératures grecque, latine et néolatine. Lyon: GERGR.
- 12. Johanson, L. (2000) Viewpoint operators in European languages. In: Dahl, O. (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- 13. Bennet, Ch.E. (1910) *Syntax of Early Latin*. Vol. 1: The Verb. Boston: Allyn and Bacon; Leipzig: Theodor Stauffer.
- 14. Kühner, R. & Stegmann, C. (1997) *Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache*. Teil 2: Satzlehre. Bd. 1. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- 15. Haverling, G.V. (2010) M. Actionality, tense, and viewpoint. In: Baldi, Ph. & Cuzzolin, P. (eds) *New Perspectives on Historical Latin Syntax*. Vol. 2: Constituent Syntax: Adverbial Phrases, Adverbs, Mood, Tense. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- 16. Pinkster, H. (2015) *The Oxford Latin syntax*. Vol. 1: The simple clause. Oxford: Oxford University Press.
 - 17. Baños Baños, J.M. (2009) Sintaxis del latín clásico. Madrid: Lyceus.
- 18. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: introduction to the problems]. Moscow: Editorial URSS.
 - 19. Vendler, Z. (1967) Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY: Cornell University Press.

- 20. Bondarko, A.V. (2005) *Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya* [The theory of morphological categories and aspectological research]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- 21. Spevak, O. (2016) Some Remarks on Grammatical Aspect in Latin. *Philologia Classica*. 11 (2), pp. 282–288.
 - 22. Pinkster, H. (1990) Latin Syntax and Semantics. London; New York: Routledge.
- 23. Hofmann, J.B. & Szantyr, A. (1965) Lateinische Syntax und Stilistik: mit dem allgemeinen Teil der lateinischen Grammatik. München: Beck.
 - 24. Ernout, A. & Thomas, F. (1964) Syntaxe latine. Paris: Klincksieck.
- 25. Haverling, G. (2010) Sur l'expression du temps et de l'aspect grammatical en latin tardif. *De lingua latina*. 5. pp. 1–23.
- 26. Rubio, G. (2009) Semitic influence in the history of Latin syntax. In: Baldi, Ph. & Cuzzolin, P. (eds) *New Perspectives on Historical Latin Syntax*. Vol. 1: Syntax of the Sentence. Berlin: Walter de Gruyter.
- 27. Bybee, J.L., Perkins, R. & Pagliuca, W. (1994) *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world.* Chicago: University of Chicago Press.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/59/9

А.Л. Калашникова

ДУША И МОРЕ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛИРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА 1850–1860-х гг.

Рассматривается лирическая ситуация слияния души с морем в лирике Ф.И. Тютчева 1850—1860-х гг. Для стихотворений 1850-х гг. органичен мотив слияния души с волной, имеющий мифопоэтическую основу. Переосмысление ранних натурфилософских установок в поэзии Тютчева 1860-х гг. приводит к осознанию отчужденности души от жизни вселенной. В этот период семантика указанной лирической ситуации претерпевает большие изменения и одновременно идет поиск новых способов существования души вне природного мира.

Ключевые слова: лирика, Ф.И. Тютчев, мотив, образ души, художественный мир.

В отечественном литературоведении неоднократно указывалось на то, что водная тематика представляет собой одну из поэтических констант художественного мира Ф.И. Тютчева. Б.М. Козырев одним из первых отметил тютчевский культ воды, восходящий, по его мнению, к философии Фалеса и Анаксимандра [1. С. 87]. По подсчетам исследователя более трети всех стихотворений поэта содержат водные образы и мотивы [Там же. С. 99].

Однако специальных исследований проблемы взаимосвязи образов души и воды в лирике Тютчева не так много. И.В. Козлик указывает на соотношение этих образов как на факт, свидетельствующий о психологизации лирического пейзажа, когда природа и душа предстают как два равных по значению объекта познания [2]. П.Н. Толстогузов также отмечает органичное взаимодействие в лирике Тютчева образов души и водной стихии, «абсолютную отзывчивость» души и воды, «за которой кроется темное сознание всеобщей причастности к «материнским водам» [3. С. 254]. По мнению исследователя, основными признаками, объединяющими душевную жизнь и водную стихию в ранней лирике поэта, являются глубина, текучесть и тотальность [Там же]. Особого внимания заслуживают работы Е.К. Созиной, которая рассматривает проблему взаимодействия субъекта тютчевской лирики с водной стихией в аспекте дискурсивных свойств сознания в художественном мире поэта [4].

В рамках настоящего исследования выявляются закономерности динамики лирической ситуации взаимодействия души и моря, актуальной для тютчевской лирики 1850—1860-х гг. Предметом анализа станут стихотворения, проявляющие специфику взаимодействия души и водной стихии: «Ты, волна моя морская...» (1852), «Успокоение» (1858), «Как хорошо ты, о море ночное...», «Певучесть есть в морских волнах...», «23 ноября 1865 г.» (1865).

В стихотворении начала 1850-х гг. «Ты, волна моя морская...» мотив слияния души с водной стихией обретает максимально драматичную форму выражения как «схоронение души» на дне морском. Приведем финальные строфы:

Не кольцо, как дар заветный, В зыбь твою я опустил, И не камень самоцветный Я в тебе похоронил —

Нет, в минуту роковую, Тайной прелестью влеком, Душу, душу я живую Схоронил на дне твоем.

[5. T. 2. C. 54]

Своеобразие акта «потопления» души провоцирует появление различных интерпретаций этого мотива. Так, Б.М. Козырев предполагает, что финал стихотворения связан с событиями биографии Тютчева. Исследователь рассматривает произведение в контексте любовной лирики как стихотворное обращение к возлюбленной — Е.А. Денисьевой: «Свою возлюбленную поэт может сравнить только с морской волной <...> причем делает это с такой страстной убежденностью в их внутреннем родстве, что они сливаются в один неразделимый образ» [1. С. 102]. Соответственно, и два финальных стиха могли бы «...одинаково относиться как к любимой женщине, так и к морской глубине» [Там же]. Отождествление биографических обстоятельств с поэтикой стихотворения вызвало закономерную критику К.В. Пигарева, адресата писем Б.М. Козырева. Однако нельзя отрицать, что события начала 1850-х гг. существенным образом сказались как на мироотношении, так и на творчестве поэта.

Иную точку зрения высказывает Е.К. Созина, интерпретирующая мотив «потопления» души в «поэтическом дискурсе» Тютчева как изменение формы присутствия человека в мире после переломных для поэта событий 1849—1850 гг. «Схоронение» души осмысляется как отказ от прежнего «всеприродного» существования и переход к иному способу существования в мире людей: «душа» в данном стихотворении — это схороненное на «дне морском» (т.е. там, откуда уже не возьмешь обратно) природно-стихийное <...> начало человеческой сущности тютчевского «я», составлявшее прежде «меру» его поэтической индивидуальности и метафизической гармонии с

мирозданием» [4]. Исследовательница указывает также на фольклорнолитературный источник мотива «схоронения души»: немецкие народные баллады («Рейнское обручальное») и баллады Гете и Шиллера («Кубок»).

Возможность воздействия немецких баллад на творчество Тютчева вполне очевидна, однако морская тема в стихотворении не исчерпывается баллалным контекстом или ориентацией на труды милетских философов, а является архетипической по сути. Так, подчеркнуто-женская сущность «волны» в стихотворении («Сладок мне твой тихий шёпот, / Полный ласки и любви, / Внятен мне и буйный ропот, / Стоны вещие твои» [5. Т. 2. С. 54]) соотносима с архаичными представлениями о воде как о женском начале, которое выступает «как аналог материнского лона или чрева» [6. С. 240].

Финальное слияние души со стихийно-женственным началом дает возможность восстановить еще один важный компонент значения образа волны в стихотворении, связанный с «русальными» мотивами (своеобразными словами-сигналами в данном случае являются «волна», «душа», «кольцо», «тайная прелесть»). Несмотря на отсутствие самого образа «девы вод» в стихотворении Тютчева, ситуация «схоронения» души на дне морском обнаруживает потенциальное сходство с воплощенным в романтической традиции «русальным» сюжетом, в котором тесно переплетены темы души, любви и смерти. Рассматривая архетипическую основу повести де ла Мотт Фуке «Ундина», М. Евзлин в качестве основы сюжета выделяет мотив наделения стихии (Ундины) душой, которое может осуществиться лишь в результате ритуала-таинства – брака с рыцарем. Однако попытка «одушевления» стихии оборачивается трагедией: «Душа переживается стихийным существом как некое «инородное тело», заставляющее его страдать. Оно стремится освободиться от души-страдания. Смерть рыцаря – это восстание стихии против собственного Творца» [7. С. 61].

Взаимосвязь образов водных существ и человеческой души, неоднократно проявленная в литературе XIX и XX в. («Ундина» де ла Мотт Фуке, «Русалочка» Г.Х. Андерсена, «Рыбак и его душа» О. Уайлда), тесно связана с фольклорной традицией (ср.: европейские народные сказки о русалках, а также славянские сюжеты о женитьбе героя на дочери морского царя), что позволяет предположить наличие общего мифологического источника мотива наделения стихии душой.

На первый взгляд есть формальное сходство у «русального» сюжета и акта «схоронения души» в стихотворении «Ты, волна моя морская...». Лирический герой, восхищенный красотой, очарованный шепотом, влекомый «тайной прелестью», отдает волне свою душу. Однако в данном случае речь не идет о копировании сюжетной схемы. В стихотворении Тютчева указанный семантический комплекс, скорее, выполняет функцию символического ореола финального события, но не мотивирует его.

Помимо «женской» сущности волны в стихотворении «Ты, волна моя морская...» актуализируются и другие архетипические уровни семантики водной стихии. В частности, одним из важнейших свойств воды в данном случае становится ее амбивалентность, способность соединять начало и конец, рождение (например, в космогонических мифах) и смерть (в эсхатологии). По-видимому, сам акт «схоронения души» путем погружения в воду имеет двойственный смысл. Как отмечает М. Элиаде, «...контакт с водой всегда подразумевает возрождение, с одной стороны, поскольку за растворением следует «новое рождение» – с другой, потому что погружение повышает плодородие, жизненный и творческий потенциал. В ритуале инициации вода дает «новое рождение», в магическом ритуале она исцеляет, в похоронных ритуалах – обеспечивает посмертное возрождение» [8. С. 184].

Двойственность семантики воды накладывает отпечаток на образ волны в стихотворении Тютчева. Отметим, что и само действие погружения души в воду маркируется неоднозначно. Слово «хоронить» («схоронить») в словаре В.И. Даля имеет два основных значения: «погребать умершего, предать земле» и «прибирать на место, прятать, класть в потаенное место, скрывать вещь или хранить, оберегать» [9. Т. 4. С. 578]. Второе значение актуализируется в финале четвертой строфы: «Будь же ты в стихии бурной / То угрюма, то светла, / Но в ночи твоей лазурной / Сбереги, что ты взяла» [5. Т. 2. С. 54]. Таким образом, погружение души в воду связано не только и не столько с семантикой погребения, сколько с возможностью сохранить душу, т.е. не дать ей разрушиться, погибнуть. «Сберегающая» роль водной стихии в данном случае подтверждается выбором в качестве сферы локализации души морского дна. Анализируя этот образ как неотъемлемую часть поэтического «морского комплекса», В.Н. Топоров отмечает общую «хранительную» функцию дна, являющегося одновременно «усыпальницей» и «родимым лоном»: «Дно морское – некий огромный депозитарий, где размещено все и прежде всего – жизни, прошлые и будущие...» [10. С. 591]. Думается, в стихотворении Тютчева, морское дно обладает «хранительным» потенциалом, поэтому оно становится идеальной сферой для сохранения души в ее изначальном - «живом» - состоянии. При таком понимании устраняется парадоксальная антиномичность финала: «Душу, душу я *живую / Схоронил* на дне твоем».

Существенную роль в понимании финала стихотворения играют также образы кольца и камня, последовательно выступающие символическими заместителями души: «Не кольцо, как дар заветный, / В зыбь твою я опустил, / И не камень самоцветный / Я в тебе похоронил...». Напряженный трагизм последних строф создается в соотнесении акта «схоронения души» с традиционными ритуальными ситуациями: принесение в жертву монет, камней, пищи и пр. является обязательным атрибутом культа священных источников [8. С. 188]. Отметим также, что кольцо, брошенное в море, — элемент венецианского обряда венчания дожа с водной стихией, воплощенного Тютчевым в стихотворении «Венеция» [11. С. 74]. Мифопоэтический план стихотворения «Ты, волна моя морская...» усугубляется включением обрядового контекста через упоминание свадьбы («кольцо, как дар заветный») и похорон («Я в тебе похоронил»). Семантика переходных обрядов в целом согласуется с символикой воды (соединение женского и мужского начал, смерть и возрождение в новом качестве), однако, следуя

логике лирического события, обе возможности отвергаются, заменяясь ситуацией «схоронения души», подкрепленной просьбой «сберечь» взятое.

Особенность образа души в стихотворении «Ты, волна моя морская...» состоит в том, что душа оказывается в ситуации «незавершенного перехода». Она перемещается в другой мир – мир моря, но погружение в волны не предполагает изменения, превращения души, напротив, она вручается «непостоянной» стихии на сохранение. Душа не растворяется в морском пространстве, а дифференцируется в нем и требует бережного к себе отношения. По-видимому, именно такой способ «консервации» души представляется залогом ее гармоничного существования на данном этапе воплощения морской темы, когда «разлад» со стихией еще не ощущается.

Другой вариант воплощения мотива соединения души и воды в 1850-е гг. – стихотворение 1858 г. «Успокоение» («Когда, что звали мы своим...»), представляющее собой вольный перевод «Blick in den Strom» («Взгляд в поток» - нем.) Н. Ленау. Мотив унесенной потоком души заимствован Тютчевым из первоисточника, сохранено его композиционное положение (финальная строфа), однако следует отметить некоторые особенности реализации этого мотива в тютчевском переводе.

В стихотворении Ленау финальные строки («Die Seele sieht mit ihrem Leid / Sich selbst vorüberfließen» содержат мотив зеркального отражения души в воде. В тютчевском тексте меняются акценты: «Душа впадает в забытье, / И чувствует она, / Что вот уносит и ее / Всесильная Волна» [5. Т. 2. С. 90]. Упраздняется мотив отражения, как и визуальный план в целом (ср. заглавия стихотворений «Blick in den Strom» и «Успокоение»). На первый план выходит чувственное восприятие («чувствует она»), усиливается и по-тютчевски символизируется образ потока – «Всесильная Волна».

Обобщенный лирический субъект («мы») в данном случае занимает некое «пограничное» положение: балансирует между полюсами статики и динамики, тяжести и легкости, жизни и смерти. Так, первая строфа фиксирует статичность, омертвение («Когда, что звали мы своим, / Навек от нас ушло – / И, как под камнем гробовым, / Нам станет тяжело...»), которое во второй строфе сменяется акциональной насыщенностью, достигающейся использованием слов с семантикой движения (Пойдем и бросим беглый взгляд / Туда, по склону вод, / Куда стремглав струи спешат, / Куда поток несет» [Там же]).

Характерной особенностью функционирования водных мотивов в стихотворениях Тютчева является присутствие мифолого-обрядового контекста (ср.: образ «гробового камня» в «Успокоении», мотив «схоронения» в стихотворении «Ты, волна моя морская...». Реализация обрядового контекста в «Успокоении» имеет ряд соответствий с традиционными мифологическими представлениями. Первая строфа демонстрирует характерную для переходного обряда ситуацию отделения от «своего» перед приобще-

¹ Страдающая душа увидит саму себя струящейся [в потоке] (нем.) (перевод мой. – A.K.).

нием к «чужому» («Когда, что звали мы своим, / Навек от нас ушло...»). Далее совершается собственно «переход» как в буквальном смысле — пространственное перемещение («пойдем»), так и в эмоционально-чувственном плане: движение к потоку связано с событием переживания, предполагающим возможность преодоления ощущения «тяжести». Символизм потока в стихотворении во многом определен архаическими источниками этого образа. В мифологии разных народов образ водного потока (реки) был связан с идеей организации мирового пространства, когда реки задают сакральную топографию вселенной. Один из примеров тому — распространенное представление о существовании четырех рек, вытекающих из центра мира и соответствующих четырем сторонам света [12. Т. 2. С. 374]. Посредством космической, организующей функции рек осуществляется связь земного пространства с небесной и подземной сферами. Предполагая возможность путешествовать между мирами, образ реки часто выступает в качестве символического аналога жизненного пути.

Образ потока в «Успокоении» отражает некоторые традиционные мифологические представления. Наиболее прозрачен мотив переправы души через водную преграду при путешествии между мирами. В таком случае «унесение души» волной может быть воспринято как переход в потустороннее пространство. Однако образ потока в стихотворении не однозначен. Физические свойства потока, его устремленность вдаль, непрекращающееся движение, обретают в стихотворении метафизический смысл: необратимое течение вод семантизируется как стремление к таинственной цели («Одна другой наперерыв / Спешат, бегут струи / На чей-то роковой призыв, / Им слышимый вдали...» [5. Т. 2. С. 90]). В результате «унесение волной» может пониматься как прорыв в сферу инобытия, предполагающий обретение связи с абсолютом посредством интеграции души и природной стихии.

В целом можно говорить о сближении образов души и воды в стихотворениях 1850-х гг., что воплощается в лирических ситуациях «схоронения души» на дне морском («Ты, волна моя морская...») и «унесения» волной («Успокоение»). При формальном сходстве финального события погружения «души» в воду следует учитывать некоторые характерные изменения ценностной позиции субъекта лирического высказывания по отношению к морскому миру, которые можно условно определить как постепенную утрату власти над стихией. Эти изменения отражают общую тенденцию к постепенному отчуждению души от стихийного начала, наиболее ярко проявленную в 1860-е гг. В 1865 г. написаны сразу три «морских» стихотворения — «Как хорошо ты, о море ночное...» (январь 1865 г.), «Певучесть есть в морских волнах...» (11 мая 1865 г.) и «23 ноября 1865 г.» («Нет дня, чтобы душа не ныла...»), отражающих динамику разобщения души и водного пространства.

В стихотворении «Как хорошо ты, о море ночное...» образ моря полностью сохраняет свой семантический ореол. Морское пространство предстает прекрасным и пленительным («Как хорошо ты, о море ночное, – / Здесь лучезарно, там сизо-темно...»), насыщенным жизнью («словно жи-

вое»), вечно изменчивым («Блеск и движение, грохот и гром...»), величественным («Зыбь ты великая, зыбь ты морская...»). Как и в предшествующих «морских» текстах, здесь присутствуют мотивы «обаяния» водной стихии (ср.: «тайная прелесть») и «сна» (ср.: «забытье»). Однако мотив слияния души с морем трансформируется из данности в неосуществимую возможность:

> В этом волнении, в этом сиянье, Весь, как во сне, я потерян стою -О, как охотно бы в их обаянье Всю потопил бы я душу свою...

[5. T. 2. C. 135]

В данном случае нарушается родственная связь души и водной стихии. При сохранении внешнего контакта «я» и моря потопить «свою душу» лирический герой уже не в состоянии, хотя и желает этого.

Нередко особенности кризисного мироотношения лирического героя Тютчева середины 1860-х гг. объясняют биографическими событиями 1864 г., связанными со смертью Е.А. Денисьевой. Поэтическая рефлексия на тему смерти возлюбленной становится одной из центральных тем в стихотворениях 1865 г. Именно тогда написаны знаковые произведения: «Утихла биза... легче дышит...» [Там же. С. 128], «Весь день она лежала в забытьи...» [Там же. С. 129], «О, этот юг, о, эта Ницца...» [Там же. С. 131], «Есть и в моем страдальческом застое...» [Там же. С. 137], «15 июля 1865 г.» [Там же. С. 147], «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» [Там же. С. 1491.

Примечательно, что среди стихотворений, посвященных памяти Денисьевой, оказываются и три «морских» текста. Р.Г. Лейбов в монографии «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст» пишет о незамеченном цикле стихотворений, посвященных памяти Е.А. Денисьевой, идея которого возникла у поэта после ее смерти. По замыслу Тютчева, в этот микроцикл должны были войти четыре стихотворения в следующем порядке: «Утихла биза... Легче дышит...», «О, этот Юг, о, эта Ницца...», «Как хорошо ты, о море ночное...» и «Весь день она лежала в забытьи...» [13. С. 68–79]. Цикл так и не был опубликован, но сам факт авторского замысла представляется весьма значимым. Стихотворение «Как хорошо ты, о море ночное...» оказывается одним из текстов, адресованных Денисьевой после ее смерти, как и два других «морских» стихотворения 1865 г. В 1903 г. сыном поэта Ф.Ф. Тютчевым в подборке стихов, посвященных памяти Денисьевой, опубликовано стихотворение «23 ноября 1865 г.» [5. Т. 2. С. 502]. Биографический контекст другого стихотворения («Певучесть есть в морских волнах...») указывает Б.Н. Тарасов: «...оно написано сразу же после посещения могил Е.А. Денисьевой и ее малолетних детей <...>» [14. С. 14].

Следует согласиться с тем, что трагическое мироощущение Тютчева середины 1860-х гг. непосредственным образом связано с осознанием утраты, однако примечателен тот факт, что к кругу памятных текстов относятся три морских стихотворения, на первый взгляд никак не связанных с событием смерти возлюбленной. Во всех трех текстах осмысляется проблема взаимодействия души с морским пространством и сознается трагедия разобщения человека не только с морем, но и с природным миром. В лирике 1865 г. параллельно развиваются две взаимосвязанные темы: переживание отсутствия любимого человека приводит рефлектирующего героя к отторжению от природного пространства. Вместе с тем модификация мироотношения обусловлена сугубо внутренними душевными установками, тогда как природа продолжает восприниматься прекрасным гармоничным целым.

В стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...» воссоздается образ мира, объединенного общим звучанием, а проявление «человеческого» в этом мире связано с мотивом «разлада». Человеческая сущность получает в стихотворении парафрастическое определение — «мыслящий тростник», восходящее к «Мыслям» Блеза Паскаля.

Осмыслению характера воздействия философии Паскаля на формирование художественной картины мира Тютчева посвящена работа Б.Н. Тарасова, в которой исследователь отмечает общность мировоззрения русского поэта и французского мыслителя [14. С. 23]. Рассуждения о философских истоках тютчевской поэзии приводят исследователя к утверждению непосредственного влияния на нее трудов Паскаля и критике представлений о ее «шеллингианских» основах.

Если в романтической натурфилософии познание природы – путь к обретению высшей гармонии, то для Паскаля человек, будучи несоразмерен природе, не способен постичь ее тайны, а стремление к познанию мира – не более чем дерзкое проявление гордыни, поскольку «такие замыслы нельзя питать без гордыни или без способностей бесконечных, как природа» [15. С. 133]. В учении Паскаля отражены важные антропологические проблемы, значимые и для художественного мира Тютчева. В частности, крайне неустойчивым представляется онтологическое положение человека. находящегося между двумя безднами – бесконечно большим и бесконечно малым [Там же. С. 135]. Такое положение субъекта в мире Паскаль объясняет наличием в нем разумного сознания, отчуждающего его от природной сферы: «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает» [Там же. С. 136]. Способность мыслить – то, что выделяет человека из природного мира и составляет его главное достоинство: «Постараемся же мыслить как должно: вот основание морали», - заключает философ [Там же]. «Мыслить как должно», с точки зрения Паскаля, предполагает «мыслить о Боге», в котором соединяются все крайности и примиряются все противоречия бытия. Этот постулат заключает главное отличие системы Паскаля от романтической

натурфилософии. Если романтики стремились прозреть абсолют через познание мира, проявлений бесконечного в конечном, то философия Паскаля предполагает отречение от мира и от всего земного бытия в пользу Истины, заключенной лишь в Боге. Романтик, для которого мир прекрасен, одухотворен и разумен, стремится вступить с мирозданием в диалог, с точки зрения Паскаля, вселенная равнодушна к человеку, если не враждебна: «Вечное безмолвие этих бесконечных пространств меня пугает» [15. С. 136].

По-видимому, нельзя с точностью утверждать главенство той или иной философской системы по отношению к художественному миру Тютчева, однако очевидно, что творчество 1850–1860-х гг. демонстрирует отход от натурфилософских принципов. В этот период все более частотными становятся христианские мотивы в лирике поэта. Стихотворение «Певучесть есть в морских волнах...», проникнутое идеями Паскаля, яркое отражение указанной тенденции.

Проблема внутреннего состояния лирического героя в стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...» связана с отчуждением души как от морского пространства («Душа не то поет, что море...»), так и от мира в целом:

> И от земли до крайних звезд Все безответен и поныне Глас вопиющего в пустыне Души отчаянной протест?

> > [5. T. 2. C. 142]

Интересна история публикации приведенной (четвертой) строфы стихотворения. Она имеется в автографе и в первой публикации, но отсутствует в списках и печатных текстах начиная с 1868 г. [Там же. С. 509]. О возможных причинах редукции строфы А.И. Георгиевский пишет следующее: «Быть может, тогдашняя наша цензура была против третьего стиха в этой строфе, как заимствованного из Священного Писания, а также и против четвертого стиха, так как душе христианина не подобает впадать в отчаяние, ни протестовать против велений Неба, а может быть, и сам поэт нашел некоторую неясность и неопределенность в этой строфе, некоторое неудобство привести слова из Священного Писания не в том смысле, как они были сказаны, или нашел всю эту строфу чрезмерно мрачною по своему содержанию; но несомненно, она вполне соответствовала тогдашнему его настроению, в котором он готов был отчаянно протестовать против преждевременной смерти столь любимых им сушеств» [16. С. 508–509].

Пропуск четырех финальных стихов в публикациях и списках, продиктованный цензурным запретом или же волей самого автора, заставляет взглянуть на четвертую строфу стихотворения с особой точки зрения. Следует задаться вопросом, что в смысловом плане меняется в зависимости от наличия или отсутствия финального четверостишия.

Во-первых, необходимо осмыслить целесообразность употребления слова «протест», которое вызвало негативную реакцию И.С. Аксакова [16. С. 509] и, как отмечает Б.М. Козырев, словно бы сошло со страниц радикальной журналистики 60-х гг. [1. С. 87]. Появление в финале этого слова вызывает стилистический диссонанс, который, по мнению К.В. Пигарева, мог быть причиной отсутствия четвертой строфы в прижизненных изданиях стихотворения [16. С. 256]. Следует, однако, заметить, что приемом, состоящим в употреблении «чужеродного» слова, Тютчев нередко пользуется в других текстах (например, в послании «А.А. Фету»: «Иным достался от природы / Инстинкт пророчески-слепой...» [5. Т. 2. С. 117]). Появление слова «протест» в стихотворении «Певучесть есть в морских волнах...» оправдано художественной необходимостью. Оно приносит ощущение неблагозвучия, нарушает гармоническую стройность стихотворения, не согласуется стилистически с другими словами, точно так же как «душа» не может обрести согласие с окружающим миром. Условно говоря, этот «протест» души такой же «лишний», как и она сама. Теоретически можно было сгладить стилистический контраст финала, но фактически слово «протест» несет значительную семантическую нагрузку и именно оно в силу ультрасовременного звучания заостряет проблему существования человека в мире.

Существенные изменения претерпевает художественное пространство в финале стихотворения. В четвертой строфе изменяется ракурс восприятия мира, горизонтальную перспективу морского пейзажа сменяет вертикаль («от земли до крайних звезд»). Пространство обретает вертикальное измерение, и это во многом определено содержанием финала, в котором появляется библейский образ «гласа вопиющего в пустыне».

Важную особенность стихотворения «Певучесть есть в морских волнах...» составляет его насыщенность реминисценциями и прямыми цитатами. Эпиграф («Est in arundineis modulatio musica ripis») – цитата из произведения римского поэта Авзония [Там же. С. 508], образ «мыслящего тростинка» заимствован у Паскаля, «глас вопиющего в пустыне» – из Священного Писания. Впервые образ «гласа вопиющего в пустыне» появляется в Ветхом Завете, в книге пророка Исайи, где глас возвещает о грядущем пришествии господа [17. С. 711]. Примечательно, что образная структура тютчевского стихотворения согласуется с другими образами из кн. Исайи (ср.: «мыслящий тростник» и «Всякая плоть – трава, и вся красота ее как цвет полевой» [Там же]). В Евангелиях от Матфея, Марка и Иоанна «глас вопиющего в пустыне» соотносится с образом Иоанна Крестителя: «И проповедовал, говоря: идет за мною Сильнейший меня, у которого я не достоин наклонившись развязать ремень обуви Его. Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» [Там же. С. 38]. Христианский контекст в стихотворении между тем возникает в диалоге с «Мыслями» Паскаля. Утрачивая связь с природным миром, субъект переживает свою отчужденность от морского пространства, но в то же время появляется другой вектор устремления души. В ситуации отсутствия ответа от природного макрокосма лирическому субъекту открывается возможность богообщения (ср.: «Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно» [17. C. 711-712]).

Символическое значение в стихотворении обретает образ пустыни, имеющий в христианской традиции устоявшуюся семантику. В русской литературе, как и в христианской культуре, этот образ осмысляется как место испытания, аскезы, духовного поиска и т.д. Один из наиболее знаковых примеров – пушкинский «Пророк», в котором преображение становится итогом пути и испытаний. Примечательно, что в тютчевском стихотворении также намечена возможность преображения. В этом смысле ситуация «расставания с морем» - переходный этап, когда душа оказывается как бы «на перепутье». Символично движение души от морского мира к пространству пустыни, лишенному влаги, хотя подлинной «духовной жажды» лирический герой Тютчева не испытывает.

Примечательно, что образ «сохнущей души» возникает в ближайшем контексте – в стихотворении того же года «23 ноября 1865 г.»:

> Нет дня, чтобы душа не ныла, Не изнывала б о былом, Искала слов, не находила, И сохла, сохла с каждым днем, -

Как тот, кто жгучею тоскою Томился по краю родном И вдруг узнал бы, что волною Он схоронен на дне морском.

[5. T. 2. C. 152]

Композиционное деление на строфы обусловлено тематически: образ души, находящейся в недолжном дисгармоничном состоянии, в первой строфе соотносится с образом «того, кто» во второй. При этом лишенное конкретики употребление местоимения «он» («Он схоронен на дне морском») порождает смысловую двуплановость текста (непонятно, кто схоронен на дне морском: «край родной» или же сам субъект – «тот, кто...»). Стихотворение объединяет две противоположные ситуации и, таким образом, обретает способность к смысловым превращениям. В первом случае погребенным на дне оказывается родной край, и в силу этого он становится недоступным для лирического героя, который туда стремится. Во втором же случае сам субъект «схоронен на дне морском». С одной стороны, вторая возможность подготовлена контекстом стихотворения «Ты, волна моя морская...». Однако в этой ситуации неясно, почему «сохнет» душа, принадлежащая морскому пространству. Предположим, что на дне морском схоронен «родной край», а «тот кто» (душа) томится по нему в земном мире. Тогда мотивы иссушения и «жгучей» тоски получают более реалистичное толкование: душа сохнет, потому что морское пространство («родной край») для нее недостижимо. Такая интерпретация согласуется с

логикой развития отношений субъекта с морским миром в лирике Тютчева 1850–1860-х гг. от соединения к разобщению.

Образ «сохнущей души» получает осмысление еще в античной философии. М. Элиаде восстанавливает источники мифологических представлений, согласно которым души умерших испытывают жажду. Вода в контексте погребального обряда наделяется способностью «растворять» душу. связывать ее с растительным миром, возвращая ее в космический «круговорот превращений», в результате чего она может воплотиться заново. Таким образом, мотивы жажды и засыхания души объяснимы ее стремлением к реинкарнации [18. С. 192–193]. Более поздние представления о связи духовной сущности и воды воплощены в греческой философии, в которой лучшая участь души мыслится «не в повторном включении в космический круговорот, но в уходе из мира органических форм в эмпиреи, небесные области, вот почему столь фундаментальное значение стало придаваться солнечным атрибутам, сухости (ср.: по Гераклиту «сухая душа – мудрейшая и наилучшая»)» [Там же. С. 193]. По-видимому, сходные воззрения имплицитно присутствуют в тютчевском стихотворении, в котором душа не может вернуться в морское пространство, в природный круговорот, но в то же время утрата связи с водным миром открывает возможность иного, «внеприродного» ее существования.

Динамика развития мотива взаимодействия души с морским пространством (от соединения к разобщению) связана с изменениями мироощущения поэта в 1850–1860-е гг. Несомненно, переломным является 1864 г., когда переосмысляются предшествующие натурфилософские установки и лирический герой испытывает ощущение потерянности в мире. Лишенный изначальной связи с миром природы, ощущающий свою непричастность к гармоничному мироустройству, лирический субъект оказывается в ситуации духовного поиска, предполагающей потенциальную возможность приобщения к христианским ценностям.

Литература

- 1. *Козырев Б.М.* Письма о Тютчеве // Ф.И. Тютчев. Литературное наследство. Т. 97: в 2 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 70–131.
- 2. Козлик И.В. В поэтическом мире Ф.И. Тютчева / отв. ред. Н.Е. Крутикова. Ивано-Франковск : Плай; Коломыя: ВіК, 1997. 156 с. // Тютчевиана. Сайт рабочей группы по изучению творчества Ф.И. Тютчева. URL: http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/ publications/kozlik3.html
- 3. *Толстогузов П.Н.* Лирика Ф.И. Тютчева: Поэтика жанра. М. : Прометей МПГУ, 2003. С. 250–264.
- 4. Созина Е.К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева. URL: http://poetica1.narod.ru/statii s/tytchev1.htm
- 5. *Тюмчев Ф.И*. Полное собрание сочинений и писем : в 6 т. М. : Изд. центр «Классика», 2002-2004.
 - 6. *Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 240.
 - 7. *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. 344 с.
 - 8. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
 - 9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1882. Т. 4.

- 10. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. С. 575-622.
- 11. Афанасьева Э.М. Две любви венецианских дожей: К вопросу о венецианской теме в лирике А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Русистика Италии. 2017. С. 72-75.
 - 12. Топоров В.Н. Река // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 374.
- 13. Лейбов Р.Г. «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Tartu: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2000. 269 c.
- 14. Тарасов Б.Н. Земное и небесное в творчестве Ф.И. Тютчева: (Антиномии бытия и сознания в свете христианской онтологии Блеза Паскаля) // Ф.И. Тютчев и православие: сб. ст. М., 2005. С. 7-69.
 - 15. Паскаль Б. Мысли. М.: REFL-book, 1994. 528 с.
 - 16. Пигарев К.В. Ф.И. Тютчев и его время. М.: Современник, 1978. 333 с.
- 17. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское Общество, 1999. 1371 с.
 - 18. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Акад. проект, 2000. 223 с.

The Soul and the Sea: The Functioning of a Lyrical Situation in Fyodor Tyutchev's Poetry of the 1850s-1860s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 155-168. DOI: 10.17223/19986645/59/9

Anna L. Kalashnikova, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: anna.kalashnikova.42@gmail.com

Keywords: lyrics, Fyodor Tyutchey, motive, image of soul, creative world.

The article determines the connection of the soul and the sea as a lyrical situation in Tyutchev's poetry of the 1850s–1860s. This situation reflects the tendencies of the changes of the poet's attitude to the world. Poems of the 1850s ("You, my wave upon the ocean", "Peace") have a mythology-based motive of a merge of the soul and water. Water as an ambivalent element unites the beginning and the end, life and death and becomes an organic space for the soul. The merge of the soul and the womanly water element helps restore an important component of the meaning of the image of a wave in the poem "You, my wave upon the ocean", connected with "mermaid" motives (original signal words in this case are "wave", "soul", "ring", "secret charm"). It is possible to ascertain the formal similarity of the "mermaid" plot and the situation of the "burial of the soul" in the poem "You, my wave upon the ocean". The lyrical hero is admired by the beauty, fascinated by the murmur, attracted by the "secret charm" and gives the wave his soul. However, in Tyutchev's poem, the specified semantic complex fulfills the function of a symbolical aura of the final event, but does not motivate it. The dramatic form in which the motive of connection of soul and a wave is expressed ("In your depths not these I buried / But my heart") is interpreted not as the situation of a destruction of the soul, but as the statement of its "safety" in the marine world. The semantics of this lyrical situation changes significantly in Tyutchev's poetry of the 1860s when the merge of the soul and the sea turns to the impracticable possibility connected with the motive of a "dissonance" between the soul and the sea (in poems "Kak khorosho ty, o more nochnoe . . ." [How fine you are, the sea at night], "Pevuchest' est' v morskikh volnakh..." [There is melodiousness in marine waves], "November, 23rd, 1865"). In the poems of this period, images of a "drying" soul and a desert have a symbolical meaning. The latter has a fixed meaning in the Russian literature; it is connected with the Christian tradition: a desert is comprehended as a seat of test, deprivations, spiritual search, etc. One of the most indicative examples is Alexander Pushkin's poem "Prophet", in which transformation becomes a result of the way and the tests. In Tyutchev's poem, the possibility of transformation is also noted. In this sense, the poetic "parting with the sea" is a transitive stage at which the soul choose its way. The dynamics of the motive of the merge of the soul

and the marine space is connected with changes in the attitude of the poet in the 1850s–1860. Undoubtedly, 1864 is critical for Tyutchev: his previous nature-philosophical views are reinterpreted, and the lyrical hero feels the loss of harmony with the world. As a result, the lyrical hero appears in the situation of a spiritual search that assumes a potential possibility of sharing Christian values.

References

- 1. Kozyrev, B.M. (1988) Pis'ma o Tyutcheve [Letters about Tyutchev]. In: Makashin, S.A. et al. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 97. Book 2. Moscow: Nauka.
- 2. Kozlik, I.V. (1997) *V poeticheskom mire F.I. Tyutcheva* [In the poetic world of F.I. Tyutchev]. Ivano-Frankovsk: Play; Kolomyya: ViK. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/kozlik3.html
- 3. Tolstoguzov, P.N. (2003) *Lirika F.I. Tyutcheva: Poetika zhanra* [F.I. Tyutchev's lyrics: Poetics of the genre]. Moscow: Prometey MPGU. pp. 250–264.
- 4. Sozina, E.K. (2001) *Diskurs soznaniya v poeticheskom mire Tyutcheva* [Discourse of consciousness in Tyutchev's poetic world]. [Online] Available from: http://poetica1.narod.ru/statii s/tytchev1.htm
- 5. Tyutchev, F.I. (2002–2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 6 t.* [Complete Works and Letters: In 6 vols]. Moscow: Izd. tsentr "Klassika".
- 6. Averintsev, S.S. (1991) Voda [Water]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: entsikl.*: *v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
 - 7. Evzlin, M. (1993) Kosmogoniya i ritual [Cosmogony and Ritual]. Moscow: Radiks.
- 8. Eliade, M. (1999) Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Essays of comparative religious studies]. Moscow: Ladomir.
- 9. Dahl, V.I. (1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa.
- 10. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of the mythopoetic]. Moscow: Progress. pp. 575–622.
- 11. Afanas'eva, E.M. (2017) Dve lyubvi venetsianskikh dozhey: K voprosu o venetsianskoy teme v lirike A.S. Pushkina i F.I. Tyutcheva [Two Loves of the Venetian Doges: On the Venetian theme in the lyrics of A.S. Pushkin and of F.I. Tyutchev]. *Russkiy yazyk za rubezhom. Spetsial'nyy vypusk. Rusistika Italii.* pp. 72–75.
- 12. Toporov, V.N. (1992) Reka [River]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: entsikl.:* v 2 t. [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Sovetskava Entsiklopediya.
- 13. Leybov, R.G. (2000) "Liricheskiy fragment" Tyutcheva: zhanr i kontekst [The "lyrical fragment" of Tyutchev: Genre and context]. Tartu: Tartu Ulikooli Kirjastus.
- 14. Tarasov, B.N. (2005) Zemnoe i nebesnoe v tvorchestve F.I. Tyutcheva: (Antinomii bytiya i soznaniya v svete khristianskoy ontologii Bleza Paskalya) [The earthly and the heavenly in the works of F.I. Tyutchev: (Antinomies of Being and Consciousness in the Light of Blaise Pascal's Christian ontology)]. In: Alekseev, V.A. (ed.) *F.I. Tyutchev i pravoslavie* [F.I. Tyutchev and Orthodoxy]. Moscow: Izdatel'skiy dom "K edinstvu!".
 - 15. Pascal, B. (1994) *Mysli* [Thoughts]. Translated from French. Moscow: REFL-book.
- 16. Pigarev, K.V. (1978) F.I. Tyutchev i ego vremya [F.I. Tyutchev and his time]. Moscow: Sovremennik.
- 17. Russian Bible Society. (1999) *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Rossiyskoe Bibleyskoe Obshchestvo.
 - 18. Eliade, M. (2000) Aspekty mifa [Aspects of myth]. Moscow: Akad. proekt.

УДК 811.133.1

DOI: 10.17223/19986645/59/10

Е.Ю. Куликова, В.А. Лабко

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ И РЕАЛИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА: НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА-ХРОНИКИ Н.С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ» НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ¹

Исследуются особенности перевода лексических единиц, вербализующих концепты религиозного дискурса в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне», на английский и французский языки. Переводческие трансформации рассматриваются в аспекте двух основных стратегий: доместикации и форенизации. Выявляются основные приемы перевода, используемые для реализации каждой стратегии. Проведенный анализ показал, что в переводе на французский язык преобладает стратегия форенизации, а на английский — доместикации.

Ключевые слова: религиозный дискурс, прецедентный феномен, реалия, переводческая стратегия, доместикация, форенизация, переводческая трансформация, Н.С. Лесков.

В задачу перевода входит не только точное изложение содержания оригинального текста, но и воссоздание с помощью языковых средств его стилистических особенностей. Согласно А.В. Федорову перевод — это точное выражение средствами одного языка того, что уже выражено ранее средствами другого языка [1. С. 10]. Основа точного перевода, характеризующегося максимальной степенью эквивалентности, — понимание подлинника. Трудности при переводе выявляются в процессе поиска соответствий между элементами двух языков, а выбор обусловливается переводческой стратегией.

Вопрос о стратегии перевода, актуальный издавна, остается таковым и в настоящее время. По мнению Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, существуют две основные разновидности перевода: прямой, или буквальный (traduction littérale), и косвенный (traduction oblique). Прямой перевод возможен лишь в случаях структурного параллелизма между исходным и переводящим языком. При наличии лакун необходимо прибегать к косвенному переводу [2. Р. 31].

В свою очередь, Ю. Найда выделяет «динамическую» (dynamic) и «функциональную» (functional) эквивалентности. Он утверждает, что динамический эквивалент обеспечивает полную естественность выражения и является близким и понятным читателю в контексте его собственной культуры [3. Р. 159]. Для Ю. Найды точность перевода зависит от достижения эквивалентного эффекта в сознании представителей культуры языка пере-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

вода: «...реципиенты должны понимать переведенный текст настолько, насколько понимают исходный текст носители языка» [4. Р. 36]. Динамическая эквивалентность, согласно Ю. Найде, позволяет преодолевать лингвистические и культурные различия.

По утверждению Ф. Шлейермахера, читатель должен проникнуться духом языка оригинала, воспринять своеобразную манеру писателя мыслить и чувствовать. Трудность же заключается в том, что переводчик оперирует исключительно средствами языка перевода, объем которых не совпадает с объемом средств, имеющихся в языке писателя. В этой связи Ф. Шлейермахер предлагает две стратегии перевода — «приближающую» текст к читателю, т.е. натурализацию (einbürgernde), и, наоборот, «удаляющую» текст от него, или трансформацию (verwandelt) [5].

В дальнейшем в рамках так называемого «культурного поворота» в переводоведении идеи Шлейермахера были развиты американским исследователем Л. Венути, предложившим именовать эти стратегии доместикацией (domestication) и форенизацией (foreignization). Форенизация нацелена на максимальную передачу лингвокультурной специфики оригинала, она призвана вызвать у читателя непреходящее ощущение принадлежности текста к чужой культуре, а доместикация предусматривает замену всех «экзотизмов» лексемами, служащими для номинации реалий культуры переводящего языка [6].

В теории Л. Венути форенизация и доместикация связаны также с образом переводчика как интерпретатора авторского замысла. В зависимости от выбранной стратегии переводчик оказывается «видимым» (форенизация) или «невидимым» (доместикация). Как отмечает исследователь, в англоязычной культуре в течение продолжительного времени доминировала стратегия доместикации, создающая «иллюзию прозрачности» текста, маскирующая подлинную семантическую эквивалентность. На самом деле в этом случае происходит лишь частичное раскрытие оригинального смысла, при котором культурные различия максимально редуцированы и подчиняются особенностям восприятия, свойственным представителям англоязычных лингвокультур [Ibid. P. 21]. Напротив, форенизация подрывает авторитет культурных кодов, свойственных принимающей культуре, стремясь тем самым уменьшить этноцентричность перевода (ethnocentric violence of translation) [Ibid. P. 198].

Показателем того, какой стратегии придерживается переводчик, может служить использование им определенных переводческих трансформаций. Так, калькирование и транслитерация скорее присущи форенизации, а описательный или аннотированный перевод свидетельствует о предпочтении стратегии доместикации.

Лексемы, обладающие ярко выраженной национально-культурной спецификой, представляют собой неотъемлемую часть произведений художественной литературы. Реалии как «слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [7. С. 256], составляют одну из

наибольших трудностей при переводе, так как они являются общеупотребительными для одной лингвокультурной общности и могут вызывать вопросы и непонимание среди представителей другой лингвокультуры. Это могут быть слова и термины, которые подчеркивают национальноспецифические особенности культуры той или иной страны.

Реалия является прецедентной по отношению к иной лингвокультуре. В свою очередь, прецедентные феномены обладают этим свойством внутри отдельной культуры. Э.М. Аникина отмечает, что реалия обладает значимостью только в познавательном плане [8. С. 81–82], в то время как прецедентость связана с «эмоциональной и познавательной значимостью» [9. С. 216]. По мнению Л.В. Моисеенко, прецедентные феномены представляют собой фрагмент любого дискурса, который закреплен в сознании языковой личности и функционирует как культурный знак в соответствии с намерениями говорящего [10. С. 16]. Согласно классификации, предложенной И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и Д.В. Багаевой, выделяются следующие типы прецедентных феноменов: прецедентный текст. прецедентная ситуация, прецедентное высказывание, прецедентное имя [11. С. 83]. Таким образом, термины «реалия» и «прецедентный феномен» как единицы, обладающие ярко выраженной лингвокультурной спецификой, могут характеризовать единый объект в разных аспектах в зависимости от его способности выступать основанием для формирования культурных ассоциаций в сознании носителей определенного языка.

Особый интерес для исследования особенностей перевода культурноспецифичных лексических единиц представляют сочинения Н.С. Лескова, в которых сочетаются элементы разноплановых языковых пластов и стилистических регистров. В творчестве Н.С. Лескова в концентрированном виде представлена языковая игра, с помощью которой реализуется идейноэстетический замысел автора [12. Р. 225]. Ответ на вопрос о степени сложности перевода лесковской прозы содержится в названии статьи американского филолога У. Эджертона: «Почти неразрешимая проблема – перевод прозы Лескова» [13]. Американский исследователь творчества Лескова Дж. Мэтлок подчеркивает, что переводчику необходимо создать у читателя представление о языковом гении русского писателя, что возможно, только если переводчик подойдет к своему родному языку с той же разумной игривостью (controlled playfulness), с желанием искажать слова, неправильно употреблять их и даже изобретать при необходимости [14. Р. 35]. Рассуждая о переводе произведений Лескова на французский язык, Е. Эткинд определяет постановку проблемы следующим образом: «Лесков по-французски <...> оказывается литературно-нормализованным» [15. С. 414]. В этом исследователь видит особую опасность: «..."потеря смеха" - что может быть хуже при переводе такого автора, как Лесков?» [Там же. С. 415].

Роман-хроника «Соборяне» – яркий и самобытный образец лесковской прозы. Изначально произведение носило название «Чающие движения воды», что представляет собой аллюзию на Евангелие от Иоанна (Ин. 5: 1–16) и относится к сцене у купальни Вифезда, где немощные ожидали, когда

ангел начнет перемешивать воду, поскольку первый, кто войдет в нее, будет исцелен. Название «Соборяне», под которым роман известен сегодня, появилось лишь позже, в 1872 г.

В сюжете романа переплетаются несколько историй. Главные герои находятся в среде российского провинциального общества. Персонажи «Соборян» несколько схематичны, что объясняется созданием не столько индивидуальных образов, сколько типов русского национального характера: Савелий — мудрость, Захария — смирение и кротость, Ахилла — сила [16. С. 37]. В центре повествования — глубинные процессы разрушения общественной целостности, ослабление духовной связи между людьми. Предметом повествования является жизнь обитателей старгородской соборной поповки. Изображая картины жизни русской провинции, предстающей перед читателем и в исповеди Туберозова, и в комментариях повествователя, Н.С. Лесков выдвигает на передний план проблемы формирования общей нравственности [17. С. 238].

Необходимо отметить, что роман-хроника «Соборяне» является одним из немногих русских романов, где главными героями выступают священнослужители. М. Уинчелл отмечает, что за названием «Соборяне» стоит не только создание галереи образов духовенства, но и концепция, центральная для русского православия, – соборность [18. Р. 25]. А.С. Хомяков трактует соборность не просто как «идею собрания» буквального, но как выражение «единства в множестве». Человеческие коллективы складываются на почве общности духовной и нравственной [19. С. 281]. Таким образом, название «Соборяне» относится не только к главным героям, трем священнослужителям кафедрального собора, но и ко всем верующим, которые составляют духовную общность, мистическое тело Церкви — лексема «собор» имеет в русском языке два основных значения: «собрание» и «храм» [20. Р. 41].

Роман-хроника «Соборяне» насыщен элементами религиозного дискурса еще и потому, что его ключевой идеей выступает проецирование света евангельских истин на жизненный путь и поступки людей, непоколебимость веры, поиски пути спасения. При этом в языке романа сополагаются лексемы, свойственные не только различным стилистическим регистрам, но и эпохам. Савелий Туберозов, хорошо образованный священник середины XIX в., часто прибегает к использованию лексики, более распространенной в прошлом веке, чем в его собственном. Действительно, можно найти некоторые слова и выражения, которые уже устарели в светской прозе того времени. Х. МакЛин, биограф Лескова, охарактеризовал язык дневника Туберозова как немного книжный и устаревший, но энергичный и сильный, «приправленный» церковнославянизмами, цитатами из Священного Писания и литургических текстов [21. Р. 328]. Этот факт необходимо учитывать и при переводе. По мнению Дж. Мэтлока, переводчик должен стремиться воспроизвести стиль за счет использования лексических, грамматических и синтаксических средств [14. Р. 54].

Материалом настоящего исследования служат переводы романахроники «Соборяне» на французский и английский языки. На французском

языке роман в переводе А. Монго вышел в свет в 1937 г. в издательстве Gallimard. Особая заслуга переводчика состоит в творческом, зачастую неординарном подходе к передаче лексических единиц, обладающих лингвокультурной спецификой. Кроме того, А. Монго снабдил текст примечаниями, помогающими французским читателям понять суть незнакомых им явлений. Впервые на английский язык роман-хроника «Соборяне» был переведен И. Хапгуд в 1924 г., и, по замечанию Х. МакЛина, содержал большое количество ошибок и опущений [21. Р. 673]. Значительно позже, в 2010 г., в издательстве Slavica появилась новая версия романа-хроники на английском языке. Перевод был выполнен М. Уинчелл, специализирующейся на русской литературе. Перевод М. Уинчелл сопровождается сносками и подробными пояснениями. Кроме того, приводится перечень имен, встречающихся в романе, с примерами их уменьшительно-ласкательных и разговорных форм (pronunciation guide to personal names), что является подспорьем для читателей, не владеющих русским языком. Оба переводных текста романа открываются предисловием, при этом в английской версии оно носит гораздо более обширный характер. М. Уинчелл знакомит англоязычных читателей с биографией и творческим путем Н.С. Лескова, подробно останавливаясь на романе «Соборяне». Переводчица также поясняет ключевые понятия православного вероучения (храмовое устройство, литургия, богослужебные тексты и т.д.).

Оба переводчика признают сложность, а подчас и невозможность передачи лесковской сказовой манеры на иностранном языке. Как А. Монго, так и М. Уинчелл отмечают отличительные черты лесковского сказа, который особенно богат разговорными выражениями, диалектными единицами и каламбурами. М. Уинчелл называет произведения Н.С. Лескова «кошмаром для переводчика» (translator's nightmare) [18. Р. 35]. Сказ Н.С. Лескова полон элементами фольклора, выдержками из Библии, из молитвенных книг и из православной литургии, к которым часто прибегают в повседневной речи герои произведения. В иностранных языках отсутствуют лексемы для обозначения целого ряда предметов и явлений, которые составляли часть быта русского народа XIX в.

Примечания переводчиков разъясняют, в частности, значение национальных реалий, прецедентных текстов (произведений русских писателей и русских народных сказок) и прецедентных имен. Значительное количество примечаний касается православных праздников, святых, богослужебных предметов и облачения духовенства.

В составе прецедентных феноменов, встречающихся в романе, отмечены прецедентные высказывания и прецедентные имена. Прецедентные высказывания представлены цитатами и аллюзиями на тексты Священного Писания, молитв, духовных сочинений. Основными их источниками являются ветхозаветные книги, Псалтирь, Четвероевангелие, Деяния святых апостолов, литургические песнопения.

В случаях цитации переводчиками были подобраны эквиваленты:

Ветхозаветные книги

Жезл Ааронов расцвел [22. С. 21] (ср. На другой день [23. Р. 23]. вошел Моисей [и Аарон] в скинию откровения, и вот. жезл Ааронов, от дома Левиина, расивел, пустил почки, дал цвет и принес миндали (Чис. 17: 1-8)).

La verge d'Aaron fleurit

The rod of Aaron brought forth buds [24. P. 25].

Псалтирь

[22. С. 135] (ср. Бездна бездну [23. Р. 212]. призывает во гласе хлябий Твоих, вся высоты Твоя и волны Твоя на мне преидоша

Бездну на бездну призываешь Le gouffre appelle le gouffre You're calling deep un to deep [24. P. 204].

$(\Pi c. 41: 8)$). **Четвероевангелие**

«Сей дух, - говорит, - ничем же изымается, токмо молитвою и постом» [22. C. 132] (ср. Сей же род не исходит. токмо молитвою и постом (Mф. 17: 21)).

«Voyez-vous, m'a dit hier votre vieux <...> ce genre de démon ne peut être expulsé que par la prière et le jeûne» [23. P. 202].

«That spirit,» he said, «could in nowise be cast out save through prayer and fasting.» [24. P. 198].

Деяния святых апостолов

«Да, - сказал он, - сие бесспорно, что мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облекаемся» [22. С. 49] (ср. Christ, nous n'en avons pas Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся (Гал. 3:27)).

Oui, me dit-il, c'est incontestable; nous avons beau être baptisés dans le pour autant revetu le Christ [23. P. 69].

«Yes,» he said, «we cannot deny, that we are baptized into Christ und yet are not clothed with Christ» [24. P. 57].

Молитвословия

А что всего страннее, так это то, что один из солдатиков, запустив черту за пазуху свою руку, вытащил оттуда на шнурке старый медный крест с давленною надписью: cuivre portant gravée «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» [22. C. 213] (ср. молитва Честному Кресту soient dispersés» Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его).

Ce diable paraissait d'ailleurs But strangest of all was that assez bon chrétien, car un des when one of the soldiers soldats, s'aventurant à le fouiller, lui trouva sur la poitrine une vieille croix de l'inscription: «Que Dieu se lève, et que ses ennemis [23. P. 324].

thrust his hand inside the devil's shirt, he pulled out an old bronze cross on a string with the engraved inscription: «May God rise from the dead and His enemies scatter» [24. P. 344].

Церковные песнопения

Благослови венец благости твоея, Господи, а попу Савелию новый путь в губернию [22. С. 45] (ср. Тропарь индикта, глас 2 Благослови венец лета благости Твоея, Господи).

«Répandez, Seigneur, sur le cycle des mois la manne de vos bienfaits.» Et toi, pope Sabel, reprends le chemin du chef-lieu...[23. P. 62–63].

Bless this year of Thy mercy, O Lord; meanwhile, Priest Savely must make an other journey to the capital [24. P. 51].

Интересно, что в романе присутствуют составные цитаты, сочетающие в себе элементы нескольких священных текстов. Например, во фразе «воду прошед и египетского зла избежав, пою Богу моему дондеже есмь» [22. С. 57] сополагаются фрагменты книги Исход (15:2) и Псалтири (103:33). Во французском тексте такая цитата была переведена следующим образом: «J'ai marché à sec au milieu de la mer et échappé à la fureur des Egyptiens: ie célébrerai mon Dieu jusqu'à la fin de mes jours» [23. Р. 70]. В английском тексте она звучит как «Having walked through the waters as upon dry land and having escaped the plagues of Egypt, I shall sing praises unto my Lord so long as I shall draw breath» [24. P. 55].

Итак, при переводе прецедентных высказываний, относящихся к области религии, доминирует стратегия доместикации, выражающаяся в подборе эквивалента с утратой при этом стилистической окраски, присущей оригиналу за счет использования церковнославянских лексем.

Однако в ряде случаев переводчики склоняются скорее к стратегии форенизации. Так, в Библии Короля Иакова (King James Version, KJV) цитата «Благо мне, яко смирил мя еси» звучит как «It is good for me that I have been afflicted; That I may learn thy statutes» [Psalm 119: 71]. М. Уинчелл предпочла не использовать эквивалент, а перевести цитату с использованием архаичных лексических единиц:

Савелий нахмурился, вздохнул я прошептал: «Благо мне, poussa un soupir, murmura: яко смирил мя еси» и вслед за «Seigneur, vous avez bien тем неожиданно твердым голосом договорил... [22. C. 196; IIc. 118:71].

Sabel fronça le sourcil, fait de m'humilier» [23. P. 299].

Savely frowned, gave a sigh, an d whispered, «Blessed am I, for Thou hast made me submissive» and then he concluded in an unexpectedly firm voice [24. P. 313].

Во французском переводе ряда цитат из Священного Писания и богослужебных текстов используются латинские лексемы, что совершенно нехарактерно для английской версии. М. Уинчелл прибегает в подобных случаях либо к дословному переводу, либо к поиску эквивалента из текста Библии Короля Иакова:

Я как Пилат: еже писах писах [22. С. 152] (ср. Пилат отвечал: что я написал, то написал (Ин. 19:22)). «Ныне отпущаеши раба твоего» [22. С. 161] (ср. Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему. с миром (Лук. 2:29)).

Non, je suis comme Pilate: quod scripsi, scripsi [23. P. 237].

Nunc dimittis servum tuum... [23. P. 251].

No sir. I'm like Pontius Pilate: What I have written I have written [24. P. 232].

«Now lettest Thou Thy servant depart in peace» [24. P. 251].

Таким образом, стратегия форенизации реализуется за счет использования не иностранных языковых единиц, а архаизмов (английский перевод) или латинизмов (французский перевод). На ранненовоанглийском языке написана Библия Короля Иакова, а латынь являлась богослужебным языком в католицизме. Ланная стратегия отражает авторскую интенцию, но

отдаляет текст от современного западного читателя. Выражаясь в архаизации повествования, она позволяет сохранить семантическую структуру исходного текста, придав ему при этом несвойственную нейтральному регистру торжественность.

Некоторые прецедентные высказывания переданы в переводе посредством перифраза. Таково, например, восклицание «многая лета!», представляющее собой речевую формулу пожелания долгих лет жизни и благополучия за православным богослужением. В тексте романа оно встречается три раза и служит основой для авторской языковой игры:

...когда мы с причтом, окончив служение, проходили мимо бакалейной лавки братьев Лялиных, то один из поляков вышел со стаканом вина на крыльцо и, подражая голосом дьякону, возгласил: «Много ли это!» [22. С. 99].

Где теперь Чемерницкий и оный мой правитель? Какого они плана держатся? Сколь они умнее стали с тех пор, как разговаривали в храме и пели на крыльце «много ли это» вместо «многая лета»? Пойди ныне, лови! Сунься... Они тебя поймают [22. С. 58].

...хватить общим хором: «Многая, многая, мно-о-оогая лета, многая ле-еета!» [22. С. 174].

... quand, après l'office, nous passions en corps devant le magasin de comestibles de MM. Lialine frères, un de nos Polonais s'est montré sur le seuil, un verre à la main, et, donnant à sa voix des fron de psalmodier un burlesque requiem [23. P. 74].

Oue sont devenus Czemernicki et le fameux chef de cabinet? Quelle ligne de conduite ont-ils adoptée? Comme leur esprit a mûri depuis qu'ils devisaient il voix «Is this too much?» in place haute dans l'eglise et contrefaisaient nos chants sacrés sur le seuil des cabarets! N'essayez pas de les prendre en défaut, vous en seriez pour votre courte honte [23. P. 90]!

...se préparaient à reprendre en choeur les derniers mots de la supplication [23. P. 267].

But after the service, when the parish clergymen and I were walking past the Lyalin brothers' grocery, one of the Poles came out onto the front steps with a glass of wine and, intonations de diacre, il a eu le mimicking the deacon's voice. intoned, «Is this too much?» [24. P. 57].

> How much wiser have they become since the days when they talked in church and sang of «Many years» on the grocer's front steps? Go catch them now! Dive in head first—or they will catch you [24. P. 72].

...they all joined in to sing the refrain as soon as he uttered the final note «Many, many, ma-a-a-any years, many vee-ears!» [24. P. 276].

В каждом из приведенных примеров перевод на французский язык контекстно обусловлен. В первых двух случаях для передачи игры слов, построенной на созвучии фразовых единств «много ли это?» и «многая лета», используются словосочетания psalmodier un burlesque requiem – дословно «исполнить шутовской реквием» и contrefaire nos chants sacrés – дословно «уродовать наши священные песнопения», которые служат для перифрастического описания коммуникативной ситуации. В последнем примере переводчик прибегает к приему генерализации, заменяя конкретное прецедентное высказывание общим «последние слова песнопения». В английском тексте М. Уинчелл использует дословный перевод, сопровождаемый сноской, в которой она разъясняет механизм игры слов:

A pun on the refrain of the Prayer for a Long Life for the Czar, *Mnógaia liéta* (Many years), which the Pole transforms into *Mnógo* как «много ли это?» *li éto*? [24. P. 55].

Таким образом, при переводе игры слов, построенной на основе прецедентных высказываний, во французском тексте доминирует стратегия доместикации, в то время как в английском — форенизации. Сохранить игру слов и добиться того же эффекта, как и в тексте оригинала, иногда становится трудно или же совсем невозможно. С помощью стратегии форенизации в совокупности с аннотированным переводом М. Уинчелл постаралась сохранить сатирический эффект.

В романе присутствует значительное количество прецедентных имен, восходящих к Библии: Авель (фр. Abel, англ. Abel), Хам (фр. Cham, англ. Ham), Cappa (фр. Sarah, англ. Sarah), Аарон (фр. Aaron, англ. Aaron), Иона (фр. Jonas, англ. Jonah). Во французском и английском текстах используются их соответствующие эквиваленты. Эквиваленты подобраны также для передачи имен общехристианских святых: Святой Николай Угодник (фр. Saint Nicolas, англ. St. Nicholas), Арий (фр. Arius, англ. Arius), Федор Тирон (фр. Saint Théodore Tiron, англ. Theodore of Tyre). Имена православных святых в большинстве случаев переведены дословно: Иоанн Воин / Иоанн Воинственник (фр. Jean le Soldat / Jean le Guerrier, англ. Ioann the Warrior), мч. Вонифатий (фр. Saint Boniface martyr, англ. martyr Bonifaty). Итак, как во французском, так и в английском тексте для передачи прецедентных имен переводчики предпочитают стратегию доместикации, подбирая эквиваленты для прецедентных имен, за редким исключением. Так, имя св. Кирилла Белозерского транслитерируется в английском тексте -Kirill Belozersky (ср. во фр. Cyrille du Lac Blanc).

Реалии в романе представлены следующими тематическими группами: наименования священных санов; облачение духовенства; храм и храмовое устройство; церковная утварь.

При переводе наименований священных санов и церковных занятий переводчики использовали стратегию доместикации, состоящую в подборе частичного эквивалента: архиерей – фр. *Monseigneur*, англ. *archpriest*; причетник – фр. *chantre*, англ. *reader*; пономарь – фр. *sacristain*, англ. *sacristan*; владыка – фр. *évêque*, англ. *reverend bishop*.

Ряд наименований предметов одеяния церковнослужителей А. Монго передал посредством стратегии форенизации: камилавка — la~kamilavka, скуфья — la~skoufia, набедренник — le~nab'edrennik. В меньшей степени переводчик задействует стратегию доместикации. Так, для некоторых лексем, относящихся к данной тематической группе, были подобраны эквиваленты: стихарь — la~dalmatique, наперсный крест — la~croix~pectorale. При этом на французский язык термины «епитрахиль» и «орарь» переведены как l'etole.

В английском тексте превалирует стратегия доместикации. М. Уинчелл прибегает к (1) частичным эквивалентам из числа терминов, служащих для

обозначения одеяния католических и протестантских клириков: орарь – stole (дословно «стола»), риза – chasuble (дословно «казула»), скуфья – calotte (дословно «пилеолус»); (2) описательному переводу: набедренник – thigh shield, наперсный крест – pectoral cross; (3) лексемам, имеющим греческую этимологию: камилавка – kamelaukion. На этих примерах видно, что переводчики не ограничиваются выбором одной стратегии, тем не менее М. Уинчелл больше склоняется к доместикации, адаптируя реалии таким образом, чтобы они были ближе и понятнее англоговорящим читателям.

Большинство наименований лексических единиц, служащих для обозначения элементов храмового устройства и богослужебного цикла, переведено с использованием стратегии доместикации, реализуемой посредством подбора эквивалентов: часы — фр. les heures, англ. hours; всенощная — фр. les vêpres, англ. vespers service. В отдельных случаях используется перифраз: заутреня — фр. les saintes matines de Pâques, англ. holy matins. Отдельного внимания заслуживает перевод лексемы «притвор», служащей для обозначения внутреннего «вестибюля» храма. В английском тексте М. Уинчелл переводит «притвор» как narthex, используя частичный эквивалент. Во французском тексте была выбрана лексема le parvis, дословно «паперть», или «внешний притвор», располагаемый перед внутренним притвором храма. Здесь мы можем говорить о выборе переводчиками стратегии доместикации, что влечет за собой частичную потерю смысла оригинальной лексемы.

В особую группу выделяются термины православной аскетики. Остановимся на переводе лексемы «ревность». В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова имя существительное «ревность» имеет следующие значения: «страстная недоверчивость, мучительное сомнение в чьей-нибудь верности, в любви, в полной преданности» и «усердие, старание, рвение, горячая приверженность к чему-либо» [25]. В светском дискурсе лексема «ревность» употребляется исключительно с первым значением и имеет французский и английский эквиваленты jalousie и jealousy соответственно. В переводе романа используется лексема zèle во французском тексте и zeal в английском варианте, что дословно означает «рвение». Данный перевод удачно помогает сохранить и передать авторскую идею.

В качестве примера перевода наименований предметов, используемых в ходе богослужения, можно привести лексему «просфора». Просфора — богослужебный литургический хлеб. После литургии все использованные просфоры с особой молитвой и благоговением съедаются верующими. Остатки просфор допускается уносить домой, чтобы также с молитвой и благоговением их съесть натощак в тот день, когда христианин не может посетить храм. Во французском языке просфора обозначается терминами *la prosphore* или *le pain bénit*, второй из которых и предпочел переводчик. В английском тексте перевода во всех случаях используется лексикализованное сочетание *communion bread*.

Это можно пронаблюдать в следующем эпизоде:

Я говорю, скажи: «Наполни, Господи, пустоту мою» и вкуси петой просвирки, потому я, знаете, - обратилась она к гостям, - я и за себя и за него всегда одну часточку вынимаю, чтобы нам с ним на том свете в одной скинии быть, а он не хочет вкусить. Почему так?» [22. C. 85].

«Daignez, Seigneur, rendre plein mon vide.» Et tout de suite par là-dessus, avale un morceau de pain bénit... parce partake of this consecrated que vous savez, ajouta-t-elle à communion bread, because l'adresse de ses hotes, je fais toujours consacrer une parcelle à son intention et à la a little piece for myself and mienne, afin que dans l'autre monde nous sovons réunis sous une même tente» [23. P. 133].

«What's wrong, you silly? How come you're getting mad? I tell him, «Say "Fill my emptiness, O Lord" and you know,» she said, addressing her guests, «I always save for him, too, so that we'll be together in the next world, in Paradise, but he doesn't want to partake of it. Why is that?» [24. P. 115].

В другом случае А. Монго предпочел лексему *l'offrande*: Богородичная просфора [22. C. 243] – L'offrande de la Sainte Vierge [23. P. 262]. Одним из значений данной лексемы является «приношение». В свою очередь, русское «просфора» восходит к древнегреческому προσφορά, что также означает «приношение». Схематическим образом переводческую стратегию можно изобразить следующим образом:

Таким образом, для перевода имени существительного «просфора» А. Монго была выбрана семантически близкая лексема. Обращение к этимологии слова позволило переводчику подобрать семантически близкий эквивалент и эффективно применить стратегию доместикации.

В романе встречается и термин «воздух». В православной литургической традиции так называется один из тканых покровов для священных сосудов, используемый за Божественной литургией, также им накрывают лицо умершего священнослужителя. Во французском и английском текстах термин переведен описательно - le voile de brocart и the veil of brocade (дословно «парчовая вуаль»).

Заметим, что речь героев полна старославянских лексем, но не все они нашли отражение в тексте перевода. Так, в английском и французском переводах использован стилистически нейтральный эквивалент имени существительного «юдоль» (долина), используемого как поэтический и религиозный символ для обозначения тяготы жизненного пути, с его заботами и сложностями (ср. Пс. 83:7): vallée de larmes и vale of tears. Крик лекаря «Гряди, плешиве!» [22. С. 66] переведен на французский язык посредством перифразы: Attends un peu, tu vas voir [23. P. 75]. Английский текст оказывается ближе к оригиналу: *Here, Baldy! Here, Baldy!* [24. P. 85] и сопровождается комментарием переводчика:

Children taunted the bald prophet Elisha in a дети издевались над лысым пророком similar manner... [24. Р. 85]. Елисеем подобным образом...

В обоих случаях переводчики прибегают к доместикации, при этом А. Монго в значительно большей степени удаляется от оригинального смысла. М. Уинчелл, стремясь передать авторскую интенцию, вынуждена прибегнуть к введению поясняющих паратекстуальных элементов.

В тексте романа упоминается ряд церковных праздников, связанных с народными поверьями и обрядами. Например, День святых апостолов Петра и Павла, который также носит название Петров день. В народном календаре славян это день окончания «купальских празднований» и начала летних свадеб, прощание с весной, что потребовало добавления переводческого комментария: фр. «D'après une croyance populaire, voir lever le soleil le jour de la Saint-Pierre porte bonheur» и англ. «According to popular belief, watching the sun rise on the Feast of St. Peter (June 29, Old Style) will bring happiness» — Согласно распространенному мнению, увидеть восход солнца в Петров день — к счастью.

Отдельного внимания заслуживает перевод лексем, вербализующих в романе концепт «жизнь». Так, для перевода фрагмента прокимна «живота просише у тебе» А. Монго выбрал метод транслитерации, заключив лексему в кавычки («jivot»), а М. Уинчелл подобрала смысловой эквивалент: Не asked life [zhivót] of Thee, оставив оригинальную лексему в квадратных скобках. Оба переводчика дают примечания, в которых раскрывают понятие «живот», обозначающее «жизнь» в церковнославянском языке.

Просторечное выражение «житье-бытье» в романе-хронике «Соборяне» переводится на французский язык с использованием авторского неологизма *le train d'existence*, а в английском тексте перевода М. Уинчелл была использована нейтральная лексема *life*.

А вот сожаление Туберозова «Жизнь кончилась, и начинается житие» было передано следующим образом:

Ma vie est finie, c'est mon martyre qui commence [23. P. 250].

My mortal life is over, and now begins the life of a saint [24. P. 257].

Житие в духовной литературе является жанром, описывающим жизнь христиан, канонизированных Церковью («Жития святых»). Первые жития святых являются назидательными сказаниями о христианских мучениках. Мученик в христианстве — это человек, который принимает мучения и смерть за исповедание веры в Бога. Мученики составляют один из древнейших ликов святых. В православии отдельно почитаются священномученики, т.е. священнослужители, претерпевшие мучения за Христа [26. Р. 311]. Лексема *martyre* («мученичество») восходит к греческому mártys, что означает «свидетель» или «свидетельство». В свою очередь,

святость в христианстве рассматривается как наивысшая ступень духовного развития человека, стяжание им таких добродетелей, как кротость, целомудрие, смирение и любовь.

А. Монго использовал лексему *martyre*, чем подчеркивает страдания, которые верующие претерпевают в гонениях. М. Уинчелл использует лексикализованное сочетание *life of a saint*, тем самым акцентируя внимание на святости и добродетели.

Проведенный анализ показал, что при переводе на английский и французский язык в одних и тех же случаях применяются различные стратегии. Несмотря на сопоставимое количество сносок, поясняющих те или иные реалии лингвокультуры оригинала, в переводе А. Монго преобладает стратегия форенизации, выражающаяся в частом использовании приема транслитерации. М. Уинчелл, напротив, чаще прибегает к стратегии доместикации, стараясь при этом максимально отразить авторский замысел. Иногда для реализации стратегии форенизации переводчики прибегают не к средствам исходного языка, а используют архаизмы из лексического фонда языка перевода или латинизмы.

Нормы перевода могут меняться в зависимости от исторического периода и цели. Общественные и культурные тенденции в обществе того или иного времени влияют на выбор определенной стратегии. Невозможен перевод, построенный с использованием одной стратегии, так как это превратит его из творческого и сложного процесса в механический. Эффективность взаимодействия двух стратегий обусловливается сложностью и неоднозначностью художественного текста. В целом можно отметить, что оба перевода романа-хроники Н.С. Лескова «Соборяне» выполнены на высоком профессиональном уровне и дают возможность иностранному читателю ознакомиться с этим прекрасным образцом русской классической литературы.

Литература

- 1. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
- 2. *Vinay J.-P. et Darbelnet J.* Stylistique comparée du français et de l'anglais: Méthode de traduction. Paris : Didier, 1968. 331 p.
- 3. Nida E. Toward a Science of Translating. New York: Brill Academic Publishers, 1964. 321 p.
- 4. Waard J., Nida E. From one language to another: Functional equivalence in Bible translating. New York: Nelson, 1986. 361 p.
- 5. Schleiermacher F. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersezens, 1813. URL: http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf
 - 6. Venuti L. The Translator's Invisibility. New York: Routledge, 1995. 353 p.
- 7. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. 320 с.
- 8. *Аникина Э.М.* Прецедентные явления vs речевые стереотипы и реалии // Приволжский научный вестник. 2014. № 8 (36), ч. 1. Филологические науки. С. 78–83.
 - 9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- 10. *Моисеенко Л.В.* Лингвокогнитивные основы теории прецедентности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.52 с.

- 11. *Багаева Д.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. 1997. Серия 9: Филология. № 3. С. 62–85.
- 12. *Naydenova N*. Kontrdiskurs in Russian or sottisier à la russe: the story by Nikolai Leskov "Polunoschniki" // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2016. Vol. 61/1. P. 223–232. DOI: 10.1556/060.2016.61.1.14
- 13. Edgerton W. Translating Leskov: the almost insoluble problem // Leskoviana / dir. D. Caviaon, P. Cazzola. Bologna: Editrice CLUEB, 1982. P. 107–118.
- 14. *Matlock Jr*. Leskov into English: On translating Соборяне (Church folks). New York: Columbia University, 2013. 349 p.
- 15. Эткинд Э. Несколько замечаний по поводу перевода лесковской прозы на иностранные языки // Revue des Études Slaves. 1986. Vol. 58, № 3. P. 413–418.
- 16. Игнашов А.В. Автор и проблема жанра «Соборян» Н.С. Лескова // Святоотеческие традиции в русской литературе : материалы 1-й Всерос. интернет-конф. с междунар. участием. Омск, 2010. С. 34—42.
- 17. Фортунатов Н.М. История русской литературы последней трети XIX века: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. 283 с.
- 18. Winchell M. Translator's Introduction // The Cathedral Clergy: A Chronicle / N. Leskov. Bloomington, Indiana: Slavica, 2010. P. 9–36.
- 19. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Сочинения богословские / под ред. Ю. Самарина. Прага, 1867. 407 с.
- 20. Naydenova N. Holy Rus: (Re)construction of Russia's Civilizational Identity // Slavonica. 2016. Vol. 21:1-2. P. 37–48. DOI: 10.1080/13617427.2017.1319120.
- 21. *McLean H.* Nikolai Leskov: The Man and His Art. Cambridge & London: Harvard University Press, 1977. 673 p.
 - 22. Лесков Н.С. Соборяне // Собр. соч. : в 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 13-218.
 - 23. Leskov N. Gens d'Église. Paris : Gallimard, 1937. 336 p.
- 24. Leskov N. The Cathedral Clergy: A Chronicle. Bloomington, Indiana : Slavica, 2010. 353 p.
- 25. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. Т. 3. 1424 с.
- 26. *Naydenova N*. "Let the Little Children Come to Me": (Anti-)Religious Films for Young Spectators of the Soviet and Post-Soviet Period // Children's Literature in Education. 2017. Vol. 48, № 4. P. 308–325. DOI 10.1007/s10583-016-9284-4

Strategies of Rendering Cultural References and Realia of Religious Discourse: A Case Study of the Translations of *The Cathedral Clergy* by Nikolay Leskov into English and French

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 169–184. DOI: 10.17223/19986645/59/10

Elena Yu. Kulikova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kulis@mail.ru

Valeria A. Labko, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail lera.labko@gmail.com

Keywords: religious discourse, cultural reference, realia, translation strategy, domestication, foreignization, translation transformation, Nikolay Leskov.

The publication has been prepared with the support of the RUDN University Program 5-100

The article considers two basic strategies, domestication and foreignization, used to translate lexemes denoting cultural references and realia of religious discourse in the novel *The Cathedral Clergy* ("Soboryane") by N. Leskov. For the purpose of this research, realia

constitute lexemes, which may be unfamiliar to representatives of other cultures, while cultural references comprising texts, situations, enunciations and names are in fact intertextual elements recognized by the speakers of a certain language. Thus, realia and cultural references are the terms used to characterize the same object from different points of view.

The study is based on the corpus of lexical units used to denote elements of religious discourse taken from the novel and its translations into English and French.

The translation of intertextual elements from sacred texts is dominated by domestication. The translation of puns based on religious text elements is carried out in two different manners: foreignization prevails in the English text, while domestication dominates in the French one. As for the names, both translators, with rare exceptions, tend to choose domestication and use the equivalence method.

A comparative analysis has revealed that foreignization prevails in the French translation, while domestication is more typical for the English text. Besides, the same strategy may be implemented in different ways. Thus, foreignization is achieved mainly due to the use of transliterated or transcribed Russian lexemes, or Latin words, in the French text, while it is achieved as well through the use of archaisms in the English version.

The realia may be divided into the following thematic groups: clergy ranks, clergy apparel, church architecture, churchware. The lexemes denoting the ranks of the clergy are rendered through domestication. As for the clergy apparel, the French text is dominated by foreignization, and English by domestication. The lexical units used to denote the elements of church architecture are rendered mainly through domestication.

The analysis has demonstrated that domestication allows to render the original meaning only partially, while the translated text becomes as close as possible to the cultural background of the target language. In its turn, foreignization reduces ethnocentricity of the target language and undermines the authority of the cultural codes it conveys. The use of certain translation transformations also depends on the choice of a particular strategy. The study has revealed that, for example, the use of calques or transliteration is common for the foreignization strategy, while paraphrasing or annotated translation is typical for the strategy of domestication.

References

- 1. Fedorov, A.V. (1983) *Osnovy obshchey teorii perevoda: lingvisticheskie problemy* [Fundamentals of the general theory of translation: linguistic problems]. 4th ed. Moscow: Vysshaya shkola.
- 2. Vinay, J.P. & Darbelnet, J. (1968) Stylistique comparée du français et de l'anglais: Méthode de traduction. Paris: Didier.
- 3. Nida, E. (1964) *Toward a Science of Translating*. New York: Brill Academic Publishers.
- 4. Waard, J. & Nida, E. (1986) From one language to another: Functional equivalence in Bible translating. New York: Nelson.
- 5. Schleiermacher, F. (1813) *Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersezens*. [Online] Available from: http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf.
 - 6. Venuti, L. (1995) The Translator's Invisibility. New York: Routledge.
- 7. Nelyubin, L.L. (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory translation dictionary]. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka.
- 8. Anikina, E.M. (2014) Pretsedentnye yavleniya vs rechevye stereotipy i realii [Precedent phenomena vs speech stereotypes and realities]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik Privolzhsky Scientific Journal*. 8 (36):1. pp. 78–83.
- 9. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Izd-vo LKI.

- 10. Moiseenko, L.V. (2015) *Lingvokognitivnye osnovy teorii pretsedentnosti* [Linguocognitive foundations of the theory of precedence]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
- 11. Bagaeva, D.V. et al. (1997) Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinits i v kommunikatsii [Cognitive basis and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology.* 3. pp. 62–85.
- 12. Naydenova, N. (2016) Kontrdiskurs po-russki, ili sottisier à la russe: povest' N.S. Leskova "Polunoshchniki" [Counterdiscourse in Russian, or sottisier à la russe: N.S. Leskov's "At Midnight"]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 61/1. pp. 223–232. DOI: 10.1556/060.2016.61.1.14
- 13. Edgerton, W. (1982) Translating Leskov: the almost insoluble problem. In: Cavaion, D. & Cazzola, P. (eds) *Leskoviana*. Bologna: Editrice CLUEB.
- 14. Matlock, Jr. (2013) *Leskov into English: On translating Soboryane (Church Folks)*. New York: Columbia University.
- 15. Etkind, E. (1986) Neskol'ko zamechaniy po povodu perevoda leskovskoy prozy na inostrannye yazyki [Some remarks on the translation of Leskov's prose into foreign languages]. *Revue des Études Slaves*. 58 (3). pp. 413–418.
- 16. Ignashov, A.V. (2010) Avtor i problema zhanra "Soboryan" N.S. Leskova [The author and the problem of the genre in N.S. Leskov's "The Cathedral Clergy"]. *Svyatootecheskie traditsii v russkoy literature* [The patristic traditions in Russian literature]. Proceedings of the I All-Russian Online Conference with International Participation. Omsk: Variant-Omsk. pp. 34–42. (In Russian).
- 17. Fortunatov, N.M. (2016) *Istoriya russkoy literatury posledney treti XIX veka* [The history of Russian literature of the last third of the 19th century]. 3rd ed. Moscow: Yurayt.
- 18. Winchell, M. (2010) Translator's Introduction. In: Leskov, N. *The Cathedral Clergy: A Chronicle*. Translated from Russian by M. Winchell. Bloomington, Indiana: Slavica.
- 19. Khomyakov, A.S. (1867) *Polnoe sobranie sochineniy: v 4 t.* [Complete Works: In 4 vols]. Vol. 2. Prague: V tip. d-ra F. Skreyshovskogo.
- 20. Naydenova, N. (2016) Holy Rus: (Re)construction of Russia's Civilizational Identity. *Slavonica*. 21:1-2. pp. 37–48. DOI: 10.1080/13617427.2017.1319120
- 21. McLean, H. (1977) *Nikolai Leskov: The Man and His Art.* Cambridge & London: Harvard University Press.
- 22. Leskov, N.S. (1957) Soboryane [The Cathedral Clergy]. In: Bazanov, V.G. et al. (eds) Sobr. soch.: v 11 t. [Collected Works: In 11 vols]. Vol. 4. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit.
- 23. Leskov, N. (1937) *Gens d'Église*. Traduit du russe par Henri Mongault. Paris: Gallimard.
- 24. Leskov, N. (2010) *The Cathedral Clergy: A Chronicle*. Translated from Russian by M. Winchell. Bloomington, Indiana: Slavica.
- 25. Ushakov, D.N. (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka:* v 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Sov. entsikl.: OGIZ: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.
- 26. Naydenova, N. (2017) "Let the Little Children Come to Me": (Anti-)Religious Films for Young Spectators of the Soviet and Post-Soviet Period. *Children's Literature in Education*. 48 (4). pp. 308–325. DOI: 10.1007/s10583-016-9284-4

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/59/11

Е.Г. Новикова

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНИЧЕСТВО СТАТЬЯ ПЕРВАЯ¹

Взаимоотношения Ф.М. Достоевского и сибиряков впервые осмысляются в специальном аспекте сибирского областничества; впервые введена в научный оборот и проанализирована незаконченная статья Н.И. Наумова «Из воспоминаний детства (по поводу кончины Ф.М. Достоевского)»; впервые поставлен вопрос о влиянии идей Достоевского и петрашевцев на формирование идеологии сибирского областничества. В работе описана общая картина контактов Достоевского, петрашевцев и сибирских областников и показана специфика восприятия творчества Достоевского областниками.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», Г.Н. Потанин, «Воспоминания», Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов, С.Ф. Дуров, петрашевцы, сибирское областничество, Сибирь.

В томском архиве сибирского писателя Николая Ивановича Наумова хранятся черновые наброски его статьи под названием «Из воспоминаний детства (по поводу кончины Ф.М. Достоевского)» [1], предположительно датируемой 1881–1882 гг.; статья не только не закончена (на том же листе Наумов начинает писать другое произведение – рассказ «В карауле»), но ее текст перечеркнут писателем. Так произведение, посвященное сибирским писателем Достоевскому, уже в оформлении содержит загадку незаконченности и отказа от первоначального творческого замысла.

Датировка статьи 1881–1882 гг., очевидно, обусловлена ее заглавием «по поводу кончины Ф.М. Достоевского», свидетельствующим о том, что на ее создание Наумова подвигло известие о смерти великого русского писателя. Однако при этом в статье изначально были заложены существенные хронологические неточности. Текст начинается следующим утверждением автора: «Мне было 8 лет, когда я услышал в первый раз фамилию Ф.М. Достоевского. Отец мой, незначительный чиновник, служил в городе Омске Западной Сибири» [1]. И далее следуют его «воспоминания детства» об Омском остроге и каторжниках. Но Н.И. Наумов родился в 1838 г. (в Тобольске); в 1843 г. его отец Иван Николаевич, действительно служивший чиновником, был переведен в Омск, где семья прожила до 1846 г. В этом году И.Н. Наумов был переведен в Томск на место советника Томского губернского правления [2. С. 130], именно в 1846 г. Н.И. Наумову и исполнилось 8 лет. И очевидно, что в омский период жизни Наумовых (1843–1846 гг.) сибирский мальчик вряд ли мог «услышать в первый раз

 $^{^1}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020/18.

186 Е.Г. Новикова

фамилию Ф.М. Достоевского», который в эти годы, закончив в 1843 г. Инженерное училище, только начинал литературную деятельность (1846 г. – выход в свет его первого романа «Бедные люди»). Заключение Достоевского в Омском остроге – это 1850–1854 гг. (в это время Н.И. Наумов продолжает жить в Томске [2. С. 130]). Можно предположить, что осознание этих очевидных хронологических и историко-культурных несообразностей и заставило Наумова отказаться от первоначального замысла написать детские воспоминания о Достоевском в Омском остроге.

Этот незаконченный текст Наумова самым непосредственным образом соотносится с его опубликованными воспоминаниями. Воспоминания («автобиографию») Наумов создал по просьбе давнего друга, известного петербургского литературного критика А.М. Скабичевского, и первоначально они вошли в письмо к нему от 29 августа 1889 г. из Томска: «Ты просишь биографических сведений обо мне. Сообщу тебе их по возможности кратко. Родился я 16 мая 1838 года в городе Тобольске, как пишут в романах, от бедных, но благородных родителей» [3. С. 177].

Далее писатель следующим образом описывает омское детство: «Судьбе угодно было, чтобы с самого раннего детства я видел одни только печальные картины человеческих страданий. Дом наш в Омске выходил окнами на площадь перед крепостным валом. Летом обыкновенно с четырех утра на этой площади производили учение солдатам... и тут-то секли их и розгами, и палками, и шомполами от ружей. Далеко разносились крики истязаемых жертв. На этой же площади гоняли сквозь строй и солдат, и преступников. Я и теперь без содрогания не могу вспомнить этих сцен» [Там же. С. 178]. Текст об Омске в незаконченной статье о Достоевском, очевидно предшествующий письму к А.М. Скабичевскому по времени создания, представляет собой некий первоначальный вариант этих детских воспоминаний писателя, в одних фрагментах – более развернутый, в других – сокращенный: «Занимаемая нами квартира в одноэтажном деревянном доме выходила окнами на обширную площадь, оканчивающуюся небольшим земляным валом, каким окружена Омская крепость <...> Мимо дома ежедневно проходили небольшие партии так называемых крепостных арестантов, т.е. каторжных, содержащихся в остроге. С участием я привык уже видеть суровые заклейменные лица этих несчастных <...> И с детства бессознательно привык сочувствовать положению этих раздавленных жизнью людей. Летом, когда окна от квартиры были раскрыты, старик-отец всегда останавливал эти партии, и из них выходил какой-нибудь арестант, сопровожденный конвойным, подходил к окну, сняв шапку со своей до половины обритой головы, и принимал из рук отца подаяние. С каким любопытством и, вместе, страхом я всматривался из-за спины отца в эти бледные, жалкие, изможденные лица, нередко изуродованные клеймами, как чутко прислушивался к звуку их кандалов. Я знал, что вот это варнаки, прошедшие сквозь тысячи палок или, нередко, стеганные плетьми убийцы» [1].

По свидетельству Г.Н. Потанина, Наумов мог встречаться с Достоевским в Петербурге: «Милюков пригласил его (Наумова. – E.H.) на свои

вечера, которые были многолюдны и оживлялись иногда горячими диспутами, например, Антоновича с Достоевским» [4. С. 131]. Тем не менее именно представление о Достоевском как о каторжнике Омского острога стало для Наумова отправной точкой для создания воспоминаний о нем, пусть в данном случае неточных. Но в такой его изначальной творческой установке проявились сущностные особенности восприятия Достоевского сибирским областничеством, к которому Наумов был крайне близок.

Начиная с 1859 г. в Петербурге оформляется «сибирское землячество», основные участники которого (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.С. Щукин и др.) станут лидерами сибирского областничества [5]. Потанин и Ядринцев изменили судьбу Наумова, вызвав его из Сибири в Петербург. Ядринцев и Наумов были знакомы с детства, они вместе учились в Томской гимназии. Из «Воспоминаний» Потанина: «Выехав в Петербург, Ядринцев рассказал мне, что у него в Сибири есть друг <...> и что он уже напечатал один рассказ «У перевоза». Оба мы думали, что его нужно вызвать в столицу. Я написал письмо Наумову, служившему тогла в Томске, убеждая его бросить службу и поступить в университет. Письмо мое подействовало» [6. С. 116]. Благодаря этому Наумов приобщился к университетскому образованию и к столичной журналистике, в результате чего стал, по мнению Потанина, первым истинно сибирским писателем: «Рассказами Наумова начинается сибирская беллетристика, и мы горячо приветствуем это начало. Твердо надеемся, что пример Н.И. Наумова не останется без подражания и в среде его земляков найдутся продолжатели дела, которому он положил начало» [4. C. 236-237].

О творчестве Наумова как о «начале сибирской беллетристики» Потанин пишет в своей программной статье «Сибирские повести и рассказы» (1876), в которой ставит вопрос о сибирской литературе – и о литературе о Сибири. Эта работа Потанина демонстрирует ключевые ценностные подходы сибирского областничества к художественной литературе: ее темой должна быть Сибирь. В свою очередь, специфика незаконченного текста Наумова определялась тем, что в нем имя и образ Достоевского вписаны исключительно в сибирский контекст «тюрьмы и ссылки» [7], связанный в том числе и с личным жизненным опытом сибиряка. Именно так и только так воспринимали великого русского писателя сибирские областники, и для них это не была некая ошибка или некое заблуждение, но – принципиальная позиция.

Наиболее ярко это проявилось в творчестве Ядринцева, который называл себя «последователем Достоевского» и «собратом по духу и судьбе» [8. С. 58–59]. В круге сибирского областничества Ядринцев был одним из лучших журналистов и, бесспорно, ведущим литературным критиком. «Трудно переоценить значение Н.М. Ядринцева для развития литературы Сибири <...> Литература и искусство никогда не имели для Ядринцева самодовлеющего значения — они были тесно связаны с проблемами общественного развития Сибири», — подчеркивает Ю.С. Постнов в своей работе «Н.М. Ядринцев — литературовед и критик» [Там же. С. 7]. Показательны

188 Е.Г. Новикова

сами названия его литературно-критических статей: «Сибирь перед судом русской литературы», «Сибирь на похоронах Тургенева», «М.И. Орфанов и его пребывание в Сибири», «Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири», «Н.В. Гоголь и его областное значение»... Специальное обращение к творческому наследию Достоевского — дважды: в статьях «Преступники по изображению романтической и натуральной школы» (1872) и «Достоевский в Сибири» (1897).

Уже в начале петербургского литературного пути Ядринцев связывал с Достоевским особые надежды. Потанин в «Воспоминаниях» продолжает: «Наумов уже печатался и вращался в литературном кругу, а Ядринцев в этом отношении отстал от него <...> Несколько времени спустя Ядринцев сам надумал тему для статьи» [6. С. 117] – критический разбор книги И.И. Завалишина «Описание Западной Сибири» [9]. И, как вспоминает Потанин, первым журналом, в который Ядринцев отнес свою статью, стало «Время» братьев Ф.М. и М.М. Достоевских: «...мы были в восторге от этого бойкого пера и благословили его нести рукопись в редакцию. Он снес ее в журнал «Время»; но статью не приняли, сказали, что он на муху пошел с обухом, что книжка имеет ничтожное значение и жаль на нее тратить в журнале целый десяток страниц» [6. С. 118]. Коллизия эта достаточно показательна: с одной стороны, областники «благословляют» публикацию статьи, посвященной сибирской проблематике, в журнале, позицию которого они продолжают связывать с Сибирью; с другой стороны, редакция журнала посчитала, что книга о Сибири «имеет ничтожное значение»; Достоевский в это время в своих журналах «Время» и «Эпоха» уже ставил иные - почвеннические - задачи. Вероятно, этим отказом можно объяснить и то, что небольшие воспоминания Ядринцева о «литературном кружке Достоевских» [8. С. 31], вошедшие в его статью «Чокан Чингисович Валиханов» (1866), носят сугубо критический характер: «В Петербурге он (Валиханов. - E.H.) тоже не был особенно счастлив в своих знакомствах. Сойдясь с литературным кружком Достоевских, он не мог много заимствовать от него и сделаться серьезным тружеником науки. В этом кружке он познакомился с поэтом Всеволодом Крестовским <...> квазиобразованные писатели, подобные Вс. Крестовскому, потакали страстям молодого инородца, с которыми он сходился, ища в них цивилизованных людей, а находил людей, проводивших в поэтической форме разврат» [Там же]. На фоне известных взаимоотношений Чокана Валиханова с Лостоевским данное высказывание выглядит вполне субъективным.

Еще одним возможным объяснением этого достаточно резкого описания Ядринцевым редакции журналов Достоевских может быть то, что в центре его – не Достоевские и даже не Чокан Валиханов, но В.В. Крестовский, положение которого в редакции журналов братьев Достоевских – это «картина непростых и меняющихся взаимоотношений» [10. С. 109]. Именно в период расцвета «кружка Достоевских» 1862–1863 гг. он начинает писать свой самый известный роман «Петербургские трущобы» (1864–1866), отрывки из которого были опубликованы в том числе и в журнале

«Эпоха» за 1864 г. «Замысел «Петербургских трущоб» рождался и оформлялся при несомненном творческом взаимодействии автора с двумя близкими ему в этот период писателями: Достоевским и Помяловским», – указывает В.А. Викторович [10. С. 103].

Но мнение Ядринцева по поводу соотношения творчества Достоевского и В.В. Крестовского было иным, что проявилось в статье «Преступники по изображению романтической и натуральной школы», первой из двух его литературно-критических работ, связанных с Достоевским. Статья Ядринцева начинается размышлением о том, что «в последнее десятилетие в русской беллетристике и этнографии все чаще и чаще встречаются описания вообще мира преступников, а также исследования над отдельной личностью преступника» [8. С. 32]; обзор и анализ этой литературы определил общее содержание работы. Позиция автора задана в названии: с точки зрения Ядринцева, в русской литературе сформировано два прямо противоположных подхода к описанию мира «тюрьмы и ссылки», подход «романтический» и «натуральный» (реалистический). По этому основанию он и противопоставляет «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского и «Записки из Мертвого дома» Достоевского.

В романе В.В. Крестовского «что ни страница, то фальшь и недобросовестность в изображении преступников <...> Для усугубления эффекта являются невинные жертвы преступления, которые сводятся в могилу, тогда как преступники отправляются в Сибирь «с циническими песнями». Оставляя в стороне лубочную живопись, характеризующую это произведение, мы укажем только на заключающуюся в нем клевету на жизнь и человеческую природу <...> при всевозможной испорченности человека всегда можно найти в его характере черты вполне симпатичные, вполне человеческие» [Там же. С. 40].

Последнее утверждение для Ядринцева принципиально; истинный «реализм» в изображении преступников, с его точки зрения, «прежде всего требует верного и близкого изображения жизни» [Там же. С. 49]. Таким представлениям автора о глубоко реалистическом изображении личности преступника и преступного мира полностью отвечают «Записки из Мертвого дома», это произведение «выражает вполне человечный и сострадательный взгляд на положение преступника и по правдивости своей принадлежит к лучшим произведениям натуральной школы» [Там же. С. 42]. В качестве примера Ядринцев приводит описание Орлова, и выраженное в нем авторское отношение к преступнику близко сибирскому областнику: «Достоевский рассказывает, что когда он или кто другой начинал расспрашивать <...> преступника Орлова и подбираться к его совести, то тот смотрел на вопрошавшего как на дурака или маленького мальчика, над которым нельзя было не расхохотаться, и действительно он хохотал от души¹. В самом деле, как будто совесть человека есть таба-

¹ «Когда же понял, что я добираюсь до его совести и добиваюсь в нем хоть какогонибудь раскаяния, то взглянул на меня до того презрительно и высокомерно, как будто я

керка, которую носят в кармане и предлагают понюхать из неё всякому желающему» [8. С. 45].

Но высокую оценку в статье заслужили только «Записки из Мертвого дома». Роман «Преступление и наказание», наоборот, по мнению Ядринцева, «написан под влиянием иных чувств и воззрений; он характеризует одну злую сторону человеческого характера. одни отвратительные черты. на которые преимущественно и налег художник, поэтому произведение его вышло крайне ненатурально и фальшиво» [Там же. С. 42]; «искусственностью проникнут весь роман «Преступление и наказание» г. Достоевского» [Там же. С. 44]. Подобное восприятие романа Достоевского могло быть обусловлено полным несогласием Ядринцева с идеями и положениями современной ему русской религиозной философии: «"Моя религия" <...> Все русское общество уже увлечено этой философией <...> это не наша философия, начиная с Гоголя, кончая Достоевским» [Там же. С. 277]. Возможно, поэтому Ядринцев смог увидеть и прочитать здесь только «одну злую сторону человеческого характера, одни отвратительные черты» – ту позицию отношения к преступнику, против которой сибирский областник искренне протестовал.

Подход к Достоевскому только как к создателю «Записок из Мертвого дома» определяет и специально посвященную ему статью «Достоевский в Сибири». «Мертвый дом» – «самое великое и лучшее произведение Достоевского» [Там же. С. 65]. Статью отличает обильное цитирование фрагментов из «Мертвого дома», см.: [8. С. 60–62, 64–65; 11. Т. 4. С. 9–10, 22, 77, 231]; прием, следует отметить, для других работ Ядринцева совершенно нехарактерный. Более того, именно «Записки из Мертвого дома» воспринимаются как основа всего остального творчества писателя: «Впечатление, полученное в тюрьме и на каторге, до того было сильно, что Достоевский никогда не забывал этого мира несчастных и всегда обращался к нему в романах, поветях и «Дневнике писателя», и это были лучшие, наиболее прочувственные страницы» [8. С. 63]. Пожалуй, здесь сформулирована суть отношения сибирского областничества к творчеству Достоевского. Показательно, что эту позицию областников разделял современный сибирский ученый В.П. Владимирцев: «"Записки из Мертвого дома" можно по праву назвать книгой века. Если бы Достоевский оставил после себя лишь одни «Записки из Мертвого дома», он и тогда вошел бы в историю русской и мировой литературы» [12. С. 240]; это заставляет обратиться к вопросу о действительном значении «Записок из Мертвого дома» в творчестве Достоевского

Начинается статья Ядринцева, подобно незавершенному тексту Наумова, описанием Омска, Омского острога: «На окраине русской земли, в отдаленной и забытой Сибири, на границе Киргизской степи стоит неболь-

вдруг стал в его глазах каким-то маленьким, глупым мальчиком, с которым нельзя и рассуждать, как с большими. Даже что-то вроде жалости ко мне изобразилось в лице его. Через минуту он расхохотался надо мной самым простодушным смехом» [11. Т. 4. С. 48].

шой уездный город Омск <...> В нем находится старая упраздненная крепость с осыпавшимися валами <...> Здесь когда-то провел несколько лет тяжкой жизни Ф.М. Достоевский» [8. С. 58]. Ключевым ее моментом стало описание личной встречи Ядринцева с Достоевским в 1876 г.: «Когда я в 1876 году имел случай познакомиться с Федором Михайловичем Достоевским в Петербурге и сообщил, что я видел прежнюю его тюрьму, он, внезапно погруженный в воспоминания, спросил: «Ну, а где же теперь они-то, что сидели там?» (Он разумел каторжных.) Что мне было сказать? Прошло двадцать лет <...> «Да, ведь их не может существовать уже», – спохватился Федор Михайлович. Но я понял, что он внутренне был связан с их жизнью и судьбою» [Там же. С. 63]. Так проблематика «Достоевский в Сибири» постоянно уточняется как «Достоевский на каторге».

Пафос этой статьи сибирского критика — вновь пропаганда такого «реализма» в изображении преступников, в основе которого «человеколюбие, любовь и милосердие», поскольку «при глубоком наблюдении правда жизни ярче раскрывается» [Там же. С. 65]. Самым ярким примером этого опять стала позиция Достоевского: «Недаром Ф.М. Достоевский, испытавший знакомство со старым русским острогом, воскликнул в конце своих наблюдений: "Сколько в этих стенах погребено молодости! Сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, быть может, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего" » [7. С. 64]. Отношение Достоевского к преступнику, связанное с его почвенничеством, было для сибирского областника образцовым, что позволяет поставить специальный вопрос об определенном влиянии «Записок из Мертвого дома» на формирование позиции сибирского областничества.

С позицией Ядринцева об особом значении «Записок из Мертвого дома» Достоевского для современной России был полностью согласен Потанин. Более того, «Воспоминания» Потанина свидетельствуют о том, что петрашевцы вообще сыграли существенную роль в самом становлении сибирского областничества. Потанин был бесспорным духовным лидером областничества; не случайно во время следствия именно он взял на себя всю вину за сибирский «сепаратизм» и после суда был подвергнут процедуре гражданской казни [6. С. 205, 224–225; 13. С. 76–78]. Потанин вспоминает о том, что именно знакомство с петрашевцами, их рассказ о смертной казни и их политические взгляды привели к сущностной «метаморфозе» [6. С. 119] всего его мировоззрения в целом.

Достоевский был отправлен на каторгу вместе с С.Ф. Дуровым, с ним вместе он отбывал наказание и в Омском остроге. Они познакомились в кружке М.В. Буташевича-Петрашевского и, как вспоминает С.Д. Яновский,

¹ «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уже всё сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего» [11. Т. 4. С. 231].

E.Г. Новикова

«Федор Михайлович, разговаривая со мною о лицах, составляющих кружок Петрашевского, любил с особенным сочувствием отзываться о Дурове, называя его постоянно человеком очень умным и с убеждениями» [14. Т. 1. С. 248]. Достоевский и Дуров оказались связаны одной судьбой. Они рядом стояли на эшафоте и, вместе с А.Н. Плещеевым, были «во второй очерели» на казнь. Из письма Достоевского брату Михаилу, написанному вечером 22 декабря 1849 г.: «Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головой шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, след <овательно>, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты <...> Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними» [11. Т. 28₁. С. 161–162]. Воспоминание о последней встрече братьев перед отправкой в Сибирь: «Помнишь ли, как мы расстались с тобой, милый мой, дорогой, возлюбленный мой? Только что ты оставил меня, нас повели. Лурова, Ястжембского и меня, заковывать» [Там же. С. 167].

Когда в Тобольске петрашевцев встретили жены декабристов Ж.А. Муравьева, П.Е. Анненкова с дочерью О.И. Ивановой и Н.Д. Фонвизина, последняя назвала Дурова своим племянником и, благодаря этому, поддерживала постоянную связь с ним и с Достоевским в течение всего пребывания их в Омском остроге. Как полагают современные исследователи, «Наталья Дмитриевна была чуть ли не единственным человеком, который писал Достоевскому во время пребывания его на каторге» [15. С. 79], Достоевскому и Дурову, о чем свидетельствует, в частности, одно из писем к ней Достоевского: «Последний раз, как я писал Вам <...> Я читал все Ваши адрессы (так у Достоевского. – E.H.) в письме к C < eprew > Д < yposy > ивозьму их на всякий случай» [11. Т. 28₁. С. 175]. Первое время после освобождения из острога Достоевский и Дуров, вновь вместе, жили в доме К.И. Иванова и О.И. Ивановой, дочери П.Е. Анненковой. Об этом вспоминает писатель в письме к П.Е. Анненковой от 18 октября 1955 г. из Семипалатинска: «С самого приезда моего в Семипалатинск я не получал почти никаких известий о Константине Ивановиче и многоуважаемой Ольге Ивановне <...> Полтора года назад, когда я и Дуров вышли с каторги, мы проведи почти целый месяц в их доме» [Там же. С. 195–196].

Но после этого их пути разошлись: Достоевский был зачислен рядовым в первую роту Сибирского 7-го линейного батальона и отправлен в Семипалатинск; Дуров сначала, также рядовым, был направлен в линейный батальон в Петропавловске, но почти сразу же вернулся Омск. Из того же письма Достоевского П.Е. Анненковой: «Вы, вероятно, уже знаете, что Дуров по слабости здоровья выпущен из военной службы и поступил в гражданскую, в Омске» [Там же. С. 196].

Дуров прожил в Омске с 1855 по 1857 г., когда ему было разрешено покинуть Сибирь. В это время с ним и познакомился Потанин, и эта встреча полностью «перевернула взгляды» на жизнь молодого сибирского казака: «...тут я в первый раз узнал, что существует особая порода людей, которых в Сибири называют «политики». До свидания с Дуровым я обожал императора Николая I <...> Я увидел в нем человека, всем своим существом протестовавшим против николаевского режима <...> Дуров в один вечер совершил со мной метаморфозу: его речи были оглушительны, потому что происходили от человека, глубоко пострадавшего от николаевского режима. Мои взгляды совершенно перевернулись не только на Николая I, но и вообще на монархизм» [6. С. 119–120]. Рожденный и воспитанный в среде сибирского казачества, окончивший Сибирский кадетский корпус и прослуживший уже в чине хорунжего и командира казачьей сотни, «обожавший императора» Потанин был «оглушен речами» и рассказами петрашевца.

В частности, на Потанина большое впечатление произвела история Н.П. Григорьева, рассказанная Дуровым. Вот она – в передаче Потанина: «Он мне рассказал историю Григорьева, своего товарища по несчастью. Григорьев в числе петрашевцев был приговорен к расстрелянию. Он стоял с завязанными глазами перед взводом с направленными на него ружьями, и в это время завязка спала с его глаз. Он увидел, что солдаты, которые должны были покончить с ними, взяты из его роты, и между ними фельдфебель, которого он очень любил; любимый человек должен был отдать приказ палить. Приговор к смертной казни не был исполнен над петрашевцами. Григорьев, как и другие, объявленные главными виновниками, был отправлен в Сибирь на каторгу, но он был привезен туда помешанным. Картина, которую он увидел, когда спала с его глаз повязка, так на него подействовала, что он моментально сошел с ума. Когда ему было разрешено выехать в Россию, Дуров увиделся с ним в Омске; Григорьев прожил в квартире сутки или более. Дуров рассказывал мне, что Григорьев был помешан на мести Николаю» [Там же. С. 119].

Действительно, Григорьев был одним из трех петрашевцев, вместе с М.В. Петрашевским и Н.А. Момбелли, которые стояли перед солдатами с наведенными на них ружьями; из воспоминаний петрашевца Ф.Н. Львова (написанных под редакцией М.В. Петрашевского): «Петрашевского, Момбелли и Григорьева повели, привязали к столбам и завязали глаза» [16. С. 58].

«С завязанными глазами» – это исторически достаточно неясная ситуация: в некоторых источниках утверждается, что Петрашевский, стоя перед взводом солдат, снял с себя смертный колпак: однако мог ли он это сделать с привязанными к столбу руками. В этом смысле «Воспоминания» Потанина интересны тем, что в них «завязка спала с его глаз» сама, но это был не Петрашевский, а Григорьев (хотя, конечно, на них как на смертниках были не простые «завязки»). При этом история об увиденной Григорьевым перед собой собственной роте и любимом фельдфебеле, хотя бы отчасти, но подтверждается из другого источника. Молодой барон А.Е. Врангель, учившийся в это время в Александровском лицее, выпускниками которого были Петрашевский, Н.А. Спешнев и другие петрашевцы (и позже в Семипалатинске ставший близким другом Достоевского), вспоминает о дне их казни: «В это время вошёл мой дядя Владимир Ермолае-

вич Врангель, младший брат отца, служивший в конно-гренадерах, и объяснил мне, что <...> везут на Семёновский плац петрашевцев, приговорённых к смертной казни, и что он пришёл со своим эскадроном из Петергофа, так как один из офицеров эскадрона, Григорьев, замешанный в деле Петрашевского, также должен быть казнён» [17. С. 20]. В 1849 г. Григорьев был отправлен в Нерчинскую каторгу, где его психическое заболевание обострилось, в 1856 г. был выпущен на поселение, в 1857 г. – отправлен под надзор семьи в Нижнем Новгороде как неизлечимо больной человек. Поэтому рассказ о личной встрече Дурова и Григорьева в Омске, которая могла состояться в 1856—1857 гг., также вызывает определенные вопросы.

Тем не менее на фоне этих продолжающихся исторических изысканий важнее всего тот контекст, в который помещен рассказ о петрашевцах Дурове и Григорьеве в «Воспоминаниях» Потанина: «...сибирское движение, которым уже веяло в воздухе» [5. С. 119].

Насколько нам известно, история сохранила две личные встречи Потанина с самим Достоевским. Они достаточно разные, но, представляется, их объединяет один общий «азиатский» колорит и смысл. В этом контексте Сибирь Достоевского начинает уточняться не только как «тюрьма и ссылка», но и как «Азия» [18]. Собственно говоря, это уже было обозначено, так или иначе, у Наумова и Ядринцева: «...какая-нибудь одинокая нора байгуш киргиза» [1], «...на окраине русской земли, в отдаленной и забытой Сибири, на границе Киргизской степи стоит небольшой уездный город Омск» [8. С. 58]... Первая зафиксированная встреча Потанина с Достоевским состоялась в Семипалатинске в 1856 г., вторая – в Петербурге в 1860 г. «Воспоминания» Потанина: «В Семипалатинске я встретился с Достоевским, но только на минуту; я входил в двери, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец он, улыбаясь, сказал: «Десять тысяч китайских церемоний!» Вот и все, что я от него услышал» [6. С. 63]. Такая вот забавная ситуация, которую можно было бы назвать «гоголевской», но Достоевский в Сибири ее квалифицирует как «китайские церемонии». Гораздо позже, в 1873 г., «китайским церемониям» у него будет посвящено целое вступление к «Дневнику писателя» [19].

В 1860 г. «Валиханов выступает в Русском географическом обществе с лекцией о Кашгарии <...> Среди слушателей находились Достоевский и друзья Валиханова – Потанин и Ядринцев» [20. Т. 1. С. 293]. В 1858—1959 гг. Чокан Валиханов совершил свою знаменитую экспедицию в Кашгарию – великое и таинственное место Туркестана, о чем и был сделан доклад на заседании Русского географического общества. Достоевский в контексте научных исследований Сибири и Азии, особая роль Чокана Валиханова как посредника между Достоевским и областниками – это важные темы, которые требуют специального изучения.

В данной же статье была сделана попытка описать общую картину знакомства и контактов Достоевского, петрашевцев и сибирских областников,

была показана специфика восприятия творчества Достоевского областниками и поставлен вопрос о влиянии близких ему идей на формирование идеологии сибирского областничества. Личные встречи Потанина, Ядринцева и Наумова с Достоевским были немногочисленными, но труды областников свидетельствуют о том, что опыт смертной казни и каторги Достоевского, его почвенничество и политические взгляды петрашевцев сыграли существенную роль в формировании сибирского областничества.

Литература

- 1. *Томский* государственный университет. Научная библиотека. Отдел рукописей и книжных памятников. Архивный фонд. Вып. 7: Николай Иванович Наумов. Опись архива. Томск, 2008. № 14.
- 2. *Новикова Е.Г.* Томск в жизни Н.И. Наумова: эскизы без теней // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 128–146.
- 3. *Автобиография* Н.И. Наумова // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 177—180 / публ. и примеч. И.Г. Попова.
- 4. *Литературное* наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7.
- 5. *Дело* об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебренников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002.
- 6. Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6.
 - 7. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.
- 8. Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5.
 - 9. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири: в 3 т. М., 1862–1865.
- 10. Викторович В.А. Достоевский и Вс. Крестовский // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1991. Т. 9. С. 92–116.
 - 11. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
- 12. Владимириев В.П. Достоевский народный. Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура. Иркутск, 2007.
- 13. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин: Жизнь и деятельность. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947 (Академия наук Союза ССР. Научно-популярная серия).
- 14. Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. К.И. Тюнькина. М., 1990.
- 15. Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Φ .М. Достоевского. 1850–1854 / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск : Наука, 1985.
- 16. *Львов Ф.Н., Буташевич-Петрашевский М.В.* [Записка о деле петрашевцев] // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984.
- 17. *Врангель А.Е.*, бар. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг. СПб., 1912.
- 18. *Новикова Е.Г.* Г.Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство // Вестник Томского государственного университета: Гуманитарный специальный выпуск. 1998. Т. 266. С. 27–33.
- 19. *Алексеев П.В.* «Китайское» вступление к «Дневнику писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 98–112.
- 20. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского : в 3 т. СПб. : Академический проект, 1993.

196 Е.Г. Новикова

Fyodor Dostoevsky and Siberian Regionalism. Article One

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 185–197. DOI: 10.17223/19986645/59/11

Elena G. Novikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: F.M. Dostoevsky, *The House of the Dead*, G.N. Potanin, *Memoirs*, N.M. Yadrintsev, N.I. Naumov, S.F. Durov, the Petrashevtsy, Siberian regionalism (oblastnichestvo), Siberia.

In the article, the relations of Fyodor Dostoevsky and the Siberians are in focus in terms of Siberian regionalism (oblasthichestvo); the unfinished article "From Childhood Memories (On the Death of Fyodor Dostoevsky)" by Nikolay I. Naumov is first introduced into scientific discourse; the issue of the impact of Dostovesky's views and the Petrashevtsy ideas on the ideology of Siberian regionalism is addressed. The current article describes the contacts of Dostoevsky, the Petrashevtsy and the Siberians and reveals the peculiarity of Dostoevsky's creative work perception in this region.

The rough drafts of Naumov's article "From Childhood Memories (On the Death of Fyodor Dostoevsky)" are stored in the Tomsk archive of the Siberian writer; these materials show that Naumov primarily perceived Dostoevsky as a Siberian convict, a prisoner of Omsk prison. That is how Siberian regionalists perceived the famous Russian writer, and it was not a sort of a mistake, it was their position of principle.

This fact is particularly obvious in the creative work of N.M. Yadrintsev, one of the most distinguished journalists and, definitely, the leading literary critic in the Siberian region. His thoughts on Dostoevsky's creative works are found in his two literary criticism articles "Criminals Based on the Romantic and Naturalistic Schools" (1872) and "Dostoevsky in Siberia" (1897). The names of the articles are essential: Siberians were interested only in the "Siberian" Dostoevsky who illustrated the criminal world in prison and exile. In the article "Dostoevsky in Siberia", describing his meeting with Dostoevsky in 1876, Yadrintsev outlined only the writer's memories about exile, and, according to this article, exile is the only common theme for a Siberian man and Dostoevsky. Therefore, Yadrintsev considers Dostoevsky's The House of the Dead, in which the writer depicted the real world of Siberian exile (katorga), to be the best work of the writer. At the same time, he sharply criticized Crime and Punishment pointing out that the novel is false in terms of depicting a criminal and his inner world. It is significant that no other works of Dostoevsky are mentioned. The House of the Dead is the first Dostoevsky's work which is based on his concept of pochvennichestvo ('concept of the soil') shaped within the exile prison; this fact makes it possible to conclude about the impact of Dostoevsky's pochvennichestvo on Siberian regionalism.

G.N. Potanin, the spiritual leader of Siberian regionalism, fully agreed with Yadrintsev on the importance of *The House of the Dead* for the contemporary Russia. In addition, his *Memoirs* reveals the fact that the Petrashevtsy imprisoned in Siberia played a crucial role in shaping Siberian regionalism. Potanin claimed that it was acquaintance with M.V. Butashevich-Petrashevsky, Dostoevsky's friend within the circle, and S.F. Durov, the writer's companion in Omsk prison, and his short stories that changed his view on the life and political order of Russia. It was the beginning of Siberian regionalism. He was shocked by the tragic story of N.P. Grigor'ev who stood together with the other Petrashevtsy, M.V. Petrashevsky and N.A. Mombelly, as they were waiting for their death penalty enforcement surrounded by soldiers with their rifles on the ready, and went mad.

Personal meetings of Potanin, Yadrintsev and Naumov with Dostoevsky were few; however, the works of Siberian regionalists reveal the fact that Dostoevsky's exile and the Petrashevtsy' death penalty experiences, pochvennichestvo and the political views of the Petrashevtsy circle played a significant role in shaping Siberian regionalism.

References

- 1. Department of Manuscripts and Book Monuments of Tomsk State University Rresearch Library. Archive Fund. (2008) Issue 7: *Nikolay Ivanovich Naumov*. List 14. Tomsk. (In Russian).
- 2. Novikova, E.G. (1996) Tomsk v zhizni N.I. Naumova: eskizy bez teney [Tomsk in the life of N.I. Naumov: sketches without shadows]. In: Kol'chuzhkin, E. (ed.) *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley.
- 3. Popov, I.G. (ed.) (1963) Avtobiografiya, N.I. Naumova [Autobiography of N.I. Naumov]. Sibirskie ogni. 9. pp. 177–180.
- 4. Yanovskiy, N.N. (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
- 5. Serebrennikov, N.V. (2002) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [A case on the separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
- 6. Yanovskiy, N.N. (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
- 7. Yadrintsev, N.M. (1872) Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke [The Russian community in prison and exile]. St. Petersburg: Tip. A. Morigerovskogo.
- 8. Yanovskiy, N.N. (1980) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
- 9. Zavalishin, I.I. (1862–1865) *Opisanie Zapadnoy Sibiri: v 3 t.* [Description of Western Siberia: In 3 vols]. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i komp.
- 10. Viktorovich, V.A. (1991) Dostoevskiy i Vs. Krestovskiy [Dostoevsky and Vs. Krestovsky]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and research]. Vol. 9. Leningrad: Nauka.
- 11. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad: Nauka.
- 12. Vladimirtsev, V.P. (2007) *Dostoevskiy narodnyy. F.M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura* [The folk Dostoevsky. F.M. Dostoevsky and Russian ethnological culture]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- 13. Obruchev, V.A. (1947) *Grigoriy Nikolaevich Potanin: Zhizn' i deyatel'nost'* [Grigory N. Potanin: Life and work]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- 14. Yanovskiy, S.D. (1990) Vospominaniya o Dostoevskom [Memories of Dostoevsky]. In: Tyun'kin, K.I. (ed.) *F.M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [F.M. Dostoevsky in the memories of his contemporaries: In 2 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- 15. Gromyko, M.M. (1985) *Sibirskie znakomye i druz'ya F.M. Dostoevskogo. 1850–1854* [Siberian acquaintances and friends of F.M. Dostoevsky. 1850–4]. Novosibirsk: Nauka.
- 16. L'vov, F.N. & Butashevich-Petrashevskiy, M.V. (1984) [Zapiska o dele petrashevtsev] [[Note on the case of the Petrashevtsy]]. In: Volk, S.S. (ed.) *Pervye russkie sotsialisty: Vospominaniya uchastnikov kruzhkov petrashevtsev v Peterburge* [First Russian Socialists: Memories of members of the Petrashevtsy circles in Peterburg]. Leningrad: Lenizdat.
- 17. Vrangel', A.E. (1912) *Vospominaniya o F.M. Dostoevskom v Sibiri 1854–56 gg.* [Memories of F.M. Dostoevsky in Siberia, 1854–6]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina.
- 18. Novikova, E.G. (1998) G.N. Potanin in Tomsk: Philology, Siberia, East and Christianity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 266. pp. 27–33. (In Russian).
- 19. Alekseev, P.V. (2017) Chinese introduction to a Writer's Diary by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 49. pp. 98–112. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/7
- 20. Budanov, N.F. & Fridlender, G.M. (eds) (1993) *Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo: v 3 t.* [Chronicle of the life and work of F.M. Dostoevsky: in 3]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.

УДК 82(410.1)

DOI: 10.17223/19986645/59/12

И.А. Поплавская, И.В. Новицкая

ОБРАЗ ВЕНЕЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ ЖИВОПИСИ И ЛИТЕРАТУРЕ: НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «LEGENDS OF VENICE» ИЗ БИБЛИОТЕКИ СТРОГАНОВЫХ

Раскрывается формирование образа Венеции в английской живописи и литературе первой половины XIX в., её восприятие как особого городагосударства и государства как произведения искусства. Образ Венеции исследуется как исторически изменчивый конструкт. Выявлена связь между географическими особенностями города и образом жизни его жителей, между практикой национального и культурного строительства в Венецианской и Британской империях. Анализируется русская рецепция этого города, выстраивание историко-культурных связей по линии Венеция — Лондон — Петербург. Рассматривается личность владельца библиотеки как «русского европейца».

Ключевые слова: Венеция, английская живопись, английская литература, Строганов, библиотека, русско-западноевропейские культурные связи.

В фондах Научной библиотеки Томского университета в книжном собрании Григория Александровича Строганова (1770–1857), одного из известных представителей русского аристократического рода Строгановых, дипломата, члена Государственного совета, хранится интересное литературно-художественное издание на английском языке под названием «Legends of Venice» («Легенды Венеции»). Оно было выпущено в Лондоне в 1840 г. и включает в себя 10 глав, посвящённых описанию государственных церемоний Венеции, истории Венецианской республики, правлению дожей, известным венецианским художникам и композиторам, а также живописным и литературным произведениям английских авторов, местом действия в которых становится Венеция. Издателем и автором текста «Legends of Venice» является Thomas Roscoe (Томас Роско) (1791–1871), английский писатель и переводчик, автор известного сочинения «The tourist in Italy» («Турист в Италии») [1]. Каждая глава в этом альбоме проиллюстрирована черно-белыми гравюрами, выполненными с рисунков известного художника, предшественника прерафаэлитов в английской живописи John Rogers Herbert (Джона Роджерса Герберта) (1810-1890). Среди английских мастеров гравюры, представленных в этом издании, встречаются имена: Joulia Goodman (Джулия Гудмэн) (1812–1906), William Henry Mote (Уильям Генри Мотэ) (1803–1871), John Henry Robinson (Джон Генри Робертсон) (1796-1871), Joseph Edwards (Джозеф Эдвардс) (1789-1885), William Henry Egleton (Уильям Генри Эглтон). Они активно работали в этом жанре в 1830-1860-х гг.

В предисловии к книге были сформулированы её основные цели¹. В частности, Томас Роско пишет о том, что Венеция, её история и её общественные институты хорошо известны большинству английских читателей. Однако этого нельзя сказать о легендах и культурных традициях Венеции, о которых мы узнаем из материалов старинных хроник и архивов. Вместе с тем истории, связанные с жизнью известных людей Венеции, представляют благодатный материал для живописных иллюстраций. Вызывает сожаление тот факт, что современные художники практически не обращаются к историческим сюжетам из жизни Венеции, часто встречающимся в творчестве венецианских и других итальянских живописцев. Данное издание призвано восполнить этот пробел [2. С. III]. Как становится ясно из предисловия, автора интересуют формирование образа Венеции в современной английской живописи, интерес к визуальному осмыслению истории города, формирование мифа о Венеции в английской литературе XVII - первой половины XIX в., соотношение Венеции и Лондона в имагологическом аспекте. Основные аспекты нашего исследования связаны с изучением английского мифа о Венеции как исторически изменчивого конструкта [3. С. 15], с восприятием Венеции в английской культуре первой половины XIX в. как особого города-государства и Венецианского государства как произведения искусства. Государство как произведение искусства, с одной стороны, предполагает способность к самоучреждению и саморазвитию через установление собственных норм, форм политического правления, создание социальных символов, мифов, ритуалов, церемоний, благодаря чему оно «может посмотреть на свою институционализацию как на самосозидание, признать себя творящим институты» [4. С. 272]. При этом начиная с эпохи Ренессанса оно перестает пониматься как нечто основанное легендарными предками или Богом, но как произведение мастера, которым является государь, правитель [5. Р. 34; 6. С. 77]. С другой стороны, государство удваивает эти нормы, мифы, легенды через их воспроизведение в разных типах текста и прежде всего в художественных: словесном, живописном, музыкальном, пластическом, архитектурном [7]. Все, что раскрывается в этих текстах и через них, в социальном плане осознается как проявление воображаемого, которое представляет собой непрерывное творчество новых символов, форм, образов [4. С. 9].

Обратимся к более подробному рассмотрению книги «Legends of Venice». На виньетке на титульном листе этого издания изображено празднование государственной церемонии обручения Венеции с морем. Известно, что эта традиция приобрела окончательный вид в 1177 г. Исторически она была приурочена к победе городов северной Италии, входивших в Ломбардскую лигу, над императором Священной Римской империи Фридрихом Барбароссой (1112–1190), признанию им власти папы Александра III (1105–1181) и подписанию перемирия в Венеции в 1177 г.

¹ Все переводы в этом издании с английского языка на русский выполнены И.В. Новицкой.

Роско так описывает этот обряд: «Дож и его приближенные, прослушав мессу в церкви Сан-Николо, погружались на борт роскошного Буцентавра... <...> Скользя по каналам среди праздничных возгласов и триумфальной музыки, эта пышная процессия достигала берегов Лидо рядом с входом в гавань, и там царственный жених, бросая золотое кольцо на грудь своей суженой, обручался с ней, произнося краткое приветствие: «Этим кольцом мы обручаемся с тобой в знак нашей подлинной и верховной власти». <...> Из всех привилегий, которые были дарованы венецианцам, этот дар папы Александра III поддерживался с непреходящей гордостью. Адриатика сейчас вдова своего господина, но в течение более 600 лет каждый год праздник Вознесения становился свидетелем возобновления этого воображаемого брака» [2. С. IV].

Здесь обручение дожа с морем воспринимается как ежегодный ритуал нового рождения Венеции, насчитывающий свыше шести столетий и подчеркивающий её особый статус. На гравюре Джулии Гудмэн на фронтисписе церемониальная галера дожей «Буцентавр» метафорически соотносилась с самой Венецией как с большим кораблем, а образ города как плавучего «государства» вызывал ассоциации не только с семантикой движения, но и с освоением новых территорий, поиском путей спасения. В этом плане не случайно образ Венеции выступает как основа для создания сотериологических мифов в английской культуре, а её история становится частью истории человеческого спасения. Характерно, что метафора города как движущегося корабля обусловливает и самый принцип его изучения. Чтобы познать подвижный объект, нужно двигаться вместе с ним, осуществлять синхронное взаимодействие [8. С. 338]. Вместе с тем особое местоположение Венеции, основанное на союзе земли и воды, позволило ей «выйти за пределы обычной практики европейских государств. Городу пришлось изобрести новый образ жизни» [9. С. 12, 50]. Связь между географическими особенностями города и образом жизни его жителей в определенном смысле позволяет воспринимать историю Венеции в контексте эстетики и практики коллективного жизнестроительства, относиться к ней как к произведению искусства.

Упоминание в этом отрывке о «вдовстве» Адриатики отсылает к событиям 1797 г., когда войска Наполеона заняли северные области Италии и специальным декретом французского императора венецианские карнавалы были запрещены. Также важен и такой исторический факт, как захват города австрийцами в 1798 г. и образование в 1814 г. Ломбардско-Венецианского королевства в составе Австрийской империи во главе с Францем І. По образному выражению Альвизо Дзорци, потомка одного из древних венецианских родов и автора работ об истории Венеции, в это время «венецианцы от вечного карнавала перешли к столь же вечному посту» [10]. В сложившейся ситуации привлечение внимания к Венеции, к её истории и культуре, предпринятое в данном издании, имело, помимо эстетических, и определенные политические цели.

В книге представлено формирование городской мифологии Венеции, основанной на венецианских хрониках, исторических исследованиях и от-

ражённой в литературных произведениях и в живописных работах. Автор текста к этому изданию опирается на работу итальянского историка Марино Санудо Младшего (1466–1536) «Vite dei dogi» («Жизнь венецианских дожей»), созданную в 1490-х гг.; на сочинение историка Марка Антонио Коччо (Сабеллико) (1436–1506) «Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita» («История Венеции от основания города»), написанное в 1485–1486 гг.: на труд историка, поэта и дипломата Андреа Наваджеро (1483–1529) «Venetarum Historiae» («История Венеции»), описывающую жизнь Венецианской республики в период с 1487 по 1513 г. и после его смерти продолженную итальянским ученым и гуманистом Пьетро Бембо (1470–1547); на труд швейцарского историка и экономиста Жана Шарля де Сисмонди (1773–1842) «Histoire des républiques italiennes du moyen âge» («История итальянских республик в Средние века»), изданный в 16 томах в 1809–1818 гг.; на известное сочинение французского историка и литератора Пьера Дарю (1767–1829) «Histoire de la Republique de Venise» («История Венецианской республики») (1819) и др. Важно отметить, что указанные сочинения Сисмонди и Дарю также имеются в библиотеке Г.А. Строганова [11, 12].

Первая глава под названием «The Abduction of the Venetian Brides» («Похищение венецианских невест») посвящена истории возникновения венецианского карнавала. По одной из версий, похищение 2 февраля 944 г. венецианских невест пиратами из Истрии, а затем освобождение их женихами-венецианцами послужило поводом для ежегодного празднования карнавала, учрежденного в честь этого события. Автор текста пишет, что в тот момент, когда невесты, среди которых были и аристократки, и представительницы из низших сословий, собирались спуститься по ступеням галереи собора, группа мужчин, как внезапный вихрь, пронеслась сквозь толпу зрителей. На глазах оцепеневшей публики морские разбойники хватали прекрасных женщин и уносили на свои корабли. Потрясенные венецианцы отправились за ними в погоню. Вскоре корабль Пьетро Кандиано III, 21-го дожа Венеции, корабли сыновей благородных семейств Дандоло, Корнари, Фосколи, Конти, а также известных торговцев нагнали судна разбойников, на которых прекрасных женщин Венеции увозили к неверным, чтобы пополнить их гаремы. И первым, кто смог атаковать корабль предводителя морских разбойников Али Бея, был простолюдин Андреа Капелли. Под восторженные крики участников погони Андреа продемонстрировал голову главаря пиратов и свою спасенную юную невесту. Скорая кончина главаря предопределила и участь остальных разбойников, головы которых были выставлены на суднах венецианцев, а тела сброшены в море. Маленькие ворота, через которые участники погони возвратились, впоследствии получили название Porto delle Donzelle («Порт девицы») [2. С. 1–10].

Похищение и освобождение невест изображено на гравюре, выполненной Джозефом Эдвардсом. На ней представлены три вооруженных морских разбойника, которые похищают венецианских невест на ступенях церкви Санта Мария Формоза. На переднем плане, по-видимому, глава

пиратов, психологически достоверно представлены три женщины, находящиеся в руках разбойников и пытающиеся сопротивляться им. Рядом у воды находится небольшое судно, на которое должны доставить украденных невест.

Как известно, этот сюжет составляет главное содержание средневековых эпопей, романов, былинного эпоса и сказок. Ранее он встречался в «Илиаде» Гомера и в трагедии «Просительницы» Эсхила, на которые ссылается автор текста. Упоминает он и эпизод похищения сабинянок римлянами. По мнению О.М. Фрейденберг, в мифопоэтическом сознании данный сюжет воспроизводит космогонический образ мира, где отвоевание тождественно новому оживанию, равносильно возврату из смерти, переходящему в акт рождения и жизни [13. С. 237, 234, 233]. Данная легенда, связанная с семантикой плодородия и второго рождения, одновременно воспринимается и как основа этиологического мифа о возникновении венецианского карнавала, и как параллель к мифу о бракосочетании земли и воды, представленному в обряде обручения дожа и Адриатики. По мнению М.М. Бахтина, ядро карнавальной культуры «находится на границе искусства и самой жизни. В сущности, это - сама жизнь, но оформленная особым игровым образом. <...> Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» [14. С. 12]. В этой главе формируется миф о Венеции как сильном и богатом городе со своими политическими и культурными традициями, который каждой весной во время карнавала как будто рождается заново. Уже здесь содержится идея его бессмертия. Не случайно и сам карнавал воспринимается как «праздник становления, смен и обновлений», который «враждебен всякому увековечению, завершению и концу» и смотрит «в незавершимое будущее» [Там же. С. 15]. В этом смысле многочисленные пышные празднества, повторяющиеся ежегодно в течение нескольких столетий, позволяли жителям лагуны воспринимать Венецию как своего рода вечный город, подобный Риму, и осознавать свою жизнь в нем как особую форму искусства [9. С. 45].

Вторая глава посвящена истории дожа Марино Фальеро и называется «Магіпо Faliero, on reading the words aspersing his wife» («Марино Фальеро, говорящий об оскорблениях его жены»). В ней, опираясь на историка Марино Санудо Младшего, Томас Роско знакомит читателя с жизнью 55-го дожа Венеции, правившего республикой в течение семи месяцев в 1354—1355 гг., после чего, как известно, он был низложен и обезглавлен. Эта глава представляет особый интерес в том плане, что в ней дается одновременно историческая и художественная версия жизни и смерти Марино Фальеро (1274—1355). Согласно исторической версии дож попытался осуществить государственный переворот и монополизировать власть в республике. Другая версия — художественная, и связана она с исторической трагедией Байрона «Марино Фальеро, дож венецианский», опубликованной в 1821 г. В этой главе Томас Роско, в частности, пишет: «В завершение интересно будет познакомиться с отрывком из драмы лорда Байрона, с той

сценой, в которой жена дожа впервые узнает об его предательстве и ожидающей её благородного мужа трагической участи» [2. С.16]. И далее автор приводит фрагмент из акта 5, сцены 1, передающий диалог жены дожа Анджолины, которая говорит о военных заслугах Фальеро перед Венецианским государством, и главного обвинителя её мужа, председателя Совета Десяти, этого судебного комитета республики, Бенинтенде. Ср.:

Анджолина

Не будь его, где было б государство? Что было б рушить и спасать? И вы, Кем на смерть обречен освободитель, Стонали б на галерах мусульманских, Бряцали б цепью в гуннских рудниках! <...> Что ж, есть надежда?

Бенинтенде

Нет и быть не может.

Анджолина

Ну, если так, тогда умри, Фальеро! Умри, не дрогнув, старый друг отца!

(пер. Г. Шенгели) [15. С. 171].

Историзм этой «трагедии идей» [16. С. 62], «трагедии неудавшейся революции», по выражению А.А. Аникста, раскрывается прежде всего в содержании её конфликта. В социальном плане он передает столкновение правящей венецианской аристократии и народа, в политическом – противоречия между провозглашенными республиканскими принципами правления и фактической властью олигархов, при которых Венеция напоминает «семью, растерзанную распрей». Для её спасения заговорщики стремятся «выкорчевать дух патрицианства». Кроме того, этот конфликт получает психологическое наполнение, передавая желание дожа отомстить за оскорбление своей жены патрициям, которые были его друзьями и к сословию которых он принадлежал по рождению.

В трагедии Байрона раскрываются два облика Венеции. Один из них представлен в самом тексте, где она описывается как «пеннорожденный земновластный град», как видимый, слышимый и осязаемый город с его основными топосами. Среди них дворец дожей, мост Вздохов, церковь Иоанна-Павла, площадь Святого Марка, арсенал, Риальто. Вместе с тем Венеция изображается здесь одновременно в дневном и ночном облике, что передает её двойственную природу: праздничную и траурную, торжествующую и карающую, венчающую дожей и низлагающую их. И выразительным символом этой сущности города выступает в трагедии лестница Гигантов при дворце дожей. Председатель Совета Десяти, обращаясь к Фальеро, выносит ему приговор:

Как дож, в порфире и в тиаре, ты Прошествуешь на лестницу Гигантов,

Где ты и все князья венчались властью, И там, где дож берет венец впервые, С тебя венец впервые сдернут и – Отрубят голову

[15. C. 175].

Предстоящая казнь воспринимается Фальеро как проявление «веленья Рока», в котором венецианские патриции выступают лишь как «орудье Верховных сил». В экзистенциальном плане казнь становится для героя способом освобождения от навязанных ему социальных ролей и возвращения подлинного имени как победы личностного начала над государственным и как осознания своей особой роли в истории Венеции. Ср.:

Дож

Дож стал ничем, и я опять — Марино Фальеро наконец; приятно быть им, Хоть на минуту. Здесь я был увенчан И здесь же — Бог свидетель! — с облегченьем Снимаю этот роковой убор, Сияющую погремушку эту, Безвластия насмешливый венец

[Там же. С. 181].

Другой облик Венеции формируется в предисловии к трагедии. В нём Байрон раскрывает преимущественно эстетическое отношение к городу и к его истории. Он пишет: «Все в Венеции необычайно... <...> её внешний облик кажется сновидением, и история её похожа на поэму» [Там же. С. 53]. Создавая миф об этом доже, Байрон изображает его как мятежного человека, который восстаёт против социально близкого ему круга людей. Здесь просматриваются и определённые автобиографические черты, сближающие венецианского дожа и английского поэта XIX в., покинувшего свою страну и воспринимающего Венецию во многом как город изгнанников.

На гравюре Джона Генри Робертсона, иллюстрирующей эту главу, в центре изображен Марино Фальеро в торжественном одеянии и слева – его молодая жена, опирающаяся на его руку. Поднятая вверх правая рука дожа, сжатая в кулак, и сброшенная тиара психологически выразительно передают его негодование и готовность защитить честь жены, свою честь и попранные законы Венеции. Этому изображению соответствует эпизод из акта 2, сцены 1 трагедии Байрона. Ср.:

Дож

Разве Суд неба не назначил кровь за кровь? <...> Ничто – унизить князя Перед лицом народа? Уронить

Почтенье то, с каким взирают люди На юность женщин и мужскую старость? На вашу честь и наше благородство?

Анджолина

Бог нам велит прощать своих врагов.

Дож

А бог *своих* простил? Не проклял разве Он сатану?

Анджолина

Не нужно слов безумных! Господь равно простит и вас, и ваших Врагов.

Дож

Аминь! Прости им бог.

Анджолина

А вы?

Дож

И я, когда не небе встречусь. <...>

Анджолина

Но что же так волнует вас теперь?

Дож

Венеции поруганная слава, Где попраны закон и государь

[15. C. 95-96, 100].

Однако наибольшее влияние на восприятие европейцами Венеции оказала четвертая песнь «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона, в которой описываются её былое величие и чарующая меланхолия [17. С. 299] и в которой она предстает как «зрелище единственное в мире», «морей царица», «отчизна карнавала», «лицо Италии», «дитя морей», как вечное «празднество Земли», как «чудный град, рожденный из зыбей», «души кумир» и одновременно как «мираж в пустой дали». Ср.:

Но смолк напев Торкватовых октав, И песня гондольера отзвучала, Дворцы дряхлеют, меркнет жизнь, устав, И не тревожит лютня сон канала. Лишь красота Природы не увяла. Искусства гибли, царства отцвели, Но для веков отчизна карнавала Осталась, как мираж в пустой дали, Лицом Италии и празднеством Земли. <...> И пусть её величье оскудело, Но здесь возникли Пьер, и Шейлок, и Отелло...

< >

Но в чудный град, рожденный из зыбей, Воспетый Радклиф, Шиллером, Шекспиром,

Всецело веря их высоким лирам, Стремился я, хотя не знал его.

(пер. В. Левика) [18. С. 238, 242].

Отдельные строфы из поэмы Байрона неоднократно цитируются в данном издании и вписываются в сложившуюся традицию изображения образа Венеции в английской литературе. Венецианский текст в литературе Англии был представлен в таких известных произведениях, как «Венецианский купец» (1596) и «Отелло» (1604) Шекспира, комедия «Вольпоне» (1605) Бена Джонсона и записки о путешествии в Венецию (1611) современника Шекспира Томаса Кориата, трагедия «Спасенная Венеция» (1681) Томаса Отуэя, главный герой которой носит имя Пьер и которого упоминает Байрон в своей поэме, письма и дневники Мэри Уортли Монтегю 1740-х гг., «Мечтания, путевые мысли и происшествия» (1783) Уильяма Бекфорда, роман «Тайны Удольфского замка» (1794) Энн Радклиф, стихотворения Перси Биши Шелли, посвящённые Венеции, и роман Мэри Шелли «Последний человек» (1826). В эту же традицию вписывается и рассматриваемое нами издание.

Сравнение Венеции и Англии в данной книге основано прежде всего на сходстве географического ландшафта и общности исторических судеб. Венеция как островной город-государство, как «владычица морей» стала колониальной империей, достигшей своего расцвета с XIII по XV в. Не случайно к середине XV в. один из венецианских патрициев, Бернардо Джустиниани, мог горделиво заявить, что тремя самыми могущественными правителями мира были император, папа и дож [19. С. 47, 66]. Вместе с тем в английском восприятии Венеции фиксируется характерный временной сдвиг: прошлое величие Венеции соотносится с современным состоянием Британской империи, а её настоящее, связанное с утратой былой славы, становится прообразом Британии в будущем. Об этом говорит и Байрон в «Паломничестве Чайльд-Гарольда». В поэме противопоставляются Британия как «остров Свободы и Разума» и Венеция, оплакивающая ныне «свою тысячелетнюю свободу». Обращаясь к Англии, поэт пишет:

Морей царица! Как сестру иль брата, Дитя морей своим щитом укрой. Её закат настал, но далеко ли твой? [18. C. 241].

Как видим, здесь автор проводит прямые параллели между Венецией и Англией: обе они – державы, вся жизнь которых зависит от моря, вследствие чего они вынуждены подчинять стихию своей власти, чтобы стать царицами морей. При этом солнце славы одной уже скрылось за горизонтом, другую может постигнуть та же участь [20. С. 27].

Не случайно в нашем издании специальная глава посвящена жизнеописанию дожа Энрико Дандоло (1107/1108–1205), участника Четвертого крестового похода, в результате которого Венеция присоединила значитель-

ные колониальные территории и основательно укрепила своё экономическое положение. Томас Роско публикует в этой книге и пророчество Марино Фальеро о падении Светлейшей Республики и разорении её в будущем. Автор текста пишет: «Марино Фальеро предрекает падение Венеции через 1000 лет. Известно, что первый дож Венеции был избран в 697 г. Если, следуя этому предсказанию, мы прибавим один век к 1000 лет, что составляет одиннадцать веков, мы поймем суть предсказания следующим образом: «Твоя свобода не продлится после 1797 года» [2. С. 25]. О пророчестве Фальеро говорится и в трагедии Байрона:

Дож

Я *примирен* уверенностью твердой, Что день придёт – и дети их детей, И этот гордый град в лазури водной, И всё, на чем их власть и блеск держались, Все станет разореньем и проклятьем...

[15. C. 180].

Можно сказать, что в XIV–XV вв. в культуре Венеции формируется миф о ней как об особом городе-государстве, как о великой империи, подобной Римской, и одновременно рождается эсхатологический миф о её гибели. В этот же период зарождается и представление венецианцев о себе как об избранном народе [9. С. 48].

Начиная с XVI в., в культурном сознании европейцев формируется миф о Венеции как о мирном городе, городе искусств, в котором процветают живопись и музыка. Об этом свидетельствуют две главы, в которых говорится о венецианском художнике Джентиле Беллини (1429–1507) и венецианском композиторе Бенедетто Марчелло (1686-1739), чьё имя носит основанная ещё в 1915 г. Венецианская консерватория. В главе о Джентиле Беллини речь, в частности, идет о созданном им портрете турецкого султана Мехмеда II, который в настоящее время хранится в Национальной галерее в Лондоне. По мнению П.П. Муратова, этот художник изображал преимущественно парадную жизнь города. «Все знают, – пишет он, – что в венецианской живописи много любви к праздничной и красивой внешности жизни, к дорогому убранству, богатым тканям, пирам, процессиям, восточным нарядам, чернокожим слугам и златовласым женщинам» [21. С. 8]. В XV-XVI вв. это направление в венецианской живописи было представлено в творчестве ученика Джентиле Беллини Витторе Карпаччо (ок. 1465 – ок. 1526), в работах Тициана (1488/1490 – 1576) и Паоло Веронезе (1528-1588), а в XVIII в. - в городских пейзажах (ведутах) Антонио Каналетто (1697-1768). Известно, что картины Каналетто пользовались большим успехом у англичан, и позднее, живя в Англии в 1746-1755 гг., он запечатлел многочисленные виды «новой Венеции» – Лондона.

В главе, посвящённой Бенедетто Марчелло, автор цитирует стихи английского поэта Оливера Голдсмита (1728–1774). Это песня под названием

«Пыл упований людям дан». Ассоциации с самым известным произведением Марчелло – с его вокальным циклом из 50 псалмов, получившим название «Поэтико-гармоническое вдохновение», вызывает заключительная строфа из этого стихотворения:

Надежда светит для бедняг, Как огонек свечи, И чем черней полночный мрак, Тем яростней лучи

(пер. А. Парина) [22. С. 70].

В стихах Голдсмита образ надежды воспринимается как упование человека на Бога, на разумность Божественного мироустройства и как духовный свет, внутренне преображающий человека и воскрешающий его к новой жизни. В этом смысле и эпизод, связанный с биографией Марчелло, когда он с помощью звуков пытался воскресить свою умершую возлюбленную, воспринимается как параллельное развитие этого мотива в музыке, в словесном искусстве и в живописи, в частности в гравюре Уильяма Генри Мотэ, иллюстрирующей эту главу. В английской литературе музыкальному облику Венеции много место уделено в упоминавшихся выше произведениях Томаса Кориата и Уильяма Бекфорда, а также в романе Энн Радклиф «Тайны Удольфского замка». С этим обликом Венеции соотносятся и присущие ей театральность, маскарадность, ситуации переодевания, которые получили наиболее яркое воплощение в драматургических произведениях Шекспира и Бена Джонсона, а также в письмах Мэри Уортли Монтегю и в творчестве Байрона. Впоследствии они становятся одним из её культурных кодов.

В восприятии Венеции как исторически изменчивого конструкта значимым оказывается и представление о ней как городе преступников и авантюристов. В этом смысле особый интерес представляет глава «The Mistaken Hand» («Предательская рука»). В ней рассказывается реальная история замужней женщины, венецианки Лауры ди Гуарди, которая ночью должна была передать письмо влюбленному в неё кузену Витторио Корнари. Однако её муж, узнав об этом от служанки, в назначенный для встречи час убивает Корнари и, переодевшись в его плащ, получает из рук своей жены любовное письмо. После убийства он был вынужден покинуть Венецию, и дальнейшая его судьба неизвестна. Показательно, что автор текста «Legends of Venice» проводит параллель между историей Лауры ди Гуарди и «роковой ошибкой» Джейн Грей (1537–1554), некоронованной королевы Англии, которая правила страной в течение девяти дней, после чего была низложена сторонниками Марии Тюдор, заключена в тюрьму вместе со своим мужем, и, спустя семь месяцев, в 1554 г. оба они были казнены. В дальнейшем образ Джейн Грей получил отражение в духовной и светской литературе Англии, где она становится воплощением преданности протестантскому вероучению и символом супружеской верности 1.

¹ Истории Джейн Грей посвящена трагедия известного английского драматурга и поэта Николаса Роу «Джейн Грей», созданная в 1714 г.

В контексте семейной драмы Лауры ди Гуарди и трагедии Джейн Грей само название помещённой здесь гравюры Джозефа Эдвардса «Назначенный час» может быть прочитано как ожидание любовного свидания и одновременно как ожидание смерти одним из влюбленных. Амбивалентность ситуации встречи-расставания, возвышения-падения, жизни-смерти органично соотносится и с обликом самой Венеции, с её способностью к подобным трансформациям, восходящим к мифу о её рождении и гибели. В этом смысле интересна судьба другой знаменитой венецианки, Бьянки Капелло (1548–1587), о которой тоже рассказывается в данной книге. В возрасте 15 лет она, прихватив драгоценности своей семьи, бежит из Венеции с молодым флорентийцем Пьетро Бонавентури. Во Флоренции она становится дамой сердца герцога Тосканы Франческо І Медичи (1541-1587). После смерти жены Франческо тайно обвенчался с Бьянкой, она получила титул «Дочь святого Марка», что позволило провозгласить её великой герцогиней Тосканской и коронованной дочерью Венецианской республики.

Завершает книгу глава «Lady Viola and her Tutors» («Леди Виола и её наставники»), посвящённая восприятию Венеции как города влюбленных. В ней рассказывается история любви Франческо Морозини и Виолы Барбариго, принадлежащих к двум древним и знаменитым венецианским родам. Прекрасная леди Виола, обладая многочисленными талантами и добродетелями, была известна своими победами над претендентами на её руку и сердце, многих из которых она изводила капризами и насмешками. Франческо Морозини также не остался равнодушным к прелестям Виолы, однако сумел завоевать её любовь, реализуя советы своего наставника Оттавио Морелли. Умудрённый опытом наставник сумел убедить Франческо в том, что единственный верный способ завоевать ум и сердце прекрасной Виолы — показать внешнее равнодушие к её чарам и обаянию. Повинуясь указаниям своего наставника, молодой человек сумел заставить красавицу воспылать к нему страстью и признался ей в своём ответном чувстве [2. С. 51, 52].

Можно сказать, что в этом издании создается многоликий и исторически изменчивый образ Венеции, который получает воплощение в характерном интермедиальном тексте, предполагающем одновременно словесное и визуальное восприятие города. Вербально-визуальный нарратив способствует своеобразному «удвоению» образа Венеции, связанному с эстетизацией ее истории, с мифологизацией отдельных имен и событий, с восприятием её необычного географического ландшафта и образа жизни её жителей как особой формы искусства. В этой книге активно осваивается «новый язык», предполагающий возможность постоянного перевода изобразительного ряда в словесный и словесного в изобразительный [23. С. 203]. Вместе с тем интерес англичан к Венеции имел и более глубокие корни, относящиеся к практике национального и культурного строительства. В историческом плане к середине XVII в. мифическая Венеция сделалась для Англии образцом гармонии и целостности, тем более привлека-

тельным, что страна переживала гражданскую войну и цареубийство. В этом контексте Венеция рассматривалась как образец республиканской добродетели, где аристократы и горожане совместно осуществляли правление [9. С. 49]. Представление об идеальном государстве и идеальном правителе являлось важной составляющей имперского мифа в английской литературе XVII-XVIII вв. Оно отражает формирующееся чувство нашиональной идентичности на основе диалога между «английскостью», передающей превосходство английской нации в политической и культурной жизни страны, и «британскостью» как возможностью институционального и культурного объединения разных народов под властью просвещённой монархии [24. С. 54]. Также этот сложно организованный текст, основанный на многочисленных повторах отдельных образов и мотивов, раскрывает типологические особенности итальянской венецианы и её английской рецепции. Они представлены, в частности, такими часто встречающимися в текстах о Венеции в итальянской и английской культуре архетипами, как город, остров, мост, море, корабль, плавание.

В культурно-семиотическом аспекте Венецию можно охарактеризовать как эксцентрический город, в котором актуализируется антитеза «природное – искусственное». Город, рожденный из камня и воды, заключает в себе возможность двойной интерпретации: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как нарушение естественного порядка вещей – с другой [25. С. 10]. Эта земноводная природа Венеции, ее промежуточное положение среди стихий обусловило и такие её особенности, как культурное и торговое посредничество между Севером и Югом, Западом и Востоком и одновременное восприятие её как Востока, существующего внутри Европы. Венеция как город, расположенный на островах, и Англия как остров-государство в литературных текстах оказываются связаны с особой сновидческой эстетикой, позволяющей воспринимать их как характерные образы-видения, неотделимые от семантики отражения, зеркальности, трансформации, метаморфоз. Вместе с тем Венеция как город-лабиринт становится символом пути, через который нужно пройти, чтобы достичь высокой цели: всемирного владычества, создания выдающихся произведений искусства или добиться высочайшего личного успеха. Направленность к центру этого лабиринта воспринимается как метафора движения к некоему духовному ядру города, в котором примиряются противоположные стихии и начала и которое реконструируется в культурных и биографических мифах о нем. В этом смысле Венеция в культурном сознании англичан во многом воспринималась и как своего рода «двойник» Лондона. Примечательно и то, что один из районов Лондона, где пересекаются три канала: Grand Union Canal, Regent's Canal и Paddington Basin – был назван английским поэтом и драматургом Робертом Браунингом (1812–1889), проведшим много лет в Италии и умершим в Венеции, «Little Venice» («Маленькая Венеция»).

Книга «Легенды Венеции», как уже отмечалось, находится в библиотеке Г.А. Строганова, которая включает в себя свыше 24000 томов книг. Известно, что Г.А. Строганов по крайней мере дважды побывал в Англии. Назначенный послом в Испанию в 1805 г., он вначале посетил Англию. Цель поездки заключалась в том, чтобы способствовать восстановлению дружеских отношений между Англией и Испанией при посредничестве России для создания широкой антифранцузской коалиции. В ноябре 1805 г. Г.А. Строганов выехал из Лондона в Лиссабон, а оттуда — в Мадрид [26. С. 179]. Второй раз он побывал в Англии в 1838 г. в качестве официального представителя России на коронации королевы Виктории [27. С. 773].

Интерес Г.А. Строганова к этому изданию мог быть обусловлен несколькими причинами. Прежде всего, его как представителя характерного культурного типа «русского европейца» [28] и как читателя интересовали все новые литературно-художественные издания, выпущенные в Париже и Лондоне в конце XVIII – первой половине XIX в. Так, например, в его книжном собрании находятся эстампы, иллюстрирующие драматические произведения Шекспира, которые были напечатаны в Лондоне в 1791-1803 гг. Издателем данного собрания был известный английский художник и гравер John Boydell (Джон Бойделл) (1720–1804). Другим ценным иллюстрированным изданием на английском языке в библиотеке Строгановых является альбом под названием «The Shakspeare Gallery, containing the principal female characters in the plays of the great poet» («Галерея Шекспира, представляющая главные женские характеры в пьесах великого драматурга»). Его выпустил в Лондоне в 1836 г. гравер и издатель Charles Heath (Чарльз Хит) (1785–1848). В нем содержатся 45 черно-белых гравюр, изображающих главных героинь из драматургических произведений Шекспира [29].

Художник Джон Роджерс Герберт, с рисунков которого были сделаны все гравюры к данной книге, в 1834 г. по заказу королевской семьи создал портрет пятнадцатилетней принцессы Виктории. Личное знакомство Строганова с королевой Викторией могло вызвать интерес русского аристократа к творчеству художника, который приобрел известность во многом благодаря именно этому портрету. В имагологическом аспекте появление этого издания в собрании Строгановых позволяет раскрыть принципы создания образа Венеции в английской культуре первой половины XIX в., его влияние на русскую рецепцию этого города, на выстраивание историкокультурных связей по линии Венеция – Лондон – Петербург, на проблемы национального и культурного строительства в Италии, Англии, России [30. С. 2921. И если петербургский и венецианский тексты русской литературы. в чем-то перекликаясь, в чем-то решительно расходясь, все же взаимно дополняли друг друга [31. С. 13–14], то венецианский текст английской литературы и живописи, представленный в данном издании, выступал как своего рода текст-посредник для культурного сознания русской аристократии конца XVIII – первой половины XIX в. Он отражал разные этапы формирования и разное видение Венеции в итальянской, английской и русской литературе и живописи в XIX столетии. Русские путешественники и писатели этого периода отмечали как характерную особенность английского мира сосуществование в нем разных временных пластов: Средневековья,

сохранившегося в архитектуре, в торжественных ритуалах, церковных обрядах, провинциальной жизни, и века будущего, связанного с дальнейшем развитием принципов парламентаризма и техническим прогрессом [32. С. 22]. Этот преимущественно «временной» взгляд русского человека на «многослойную цивилизацию Англии» [33. С. 163] коррелирует в данном издании с образом Венеции как её своеобразным «двойником», как исторически изменчивым и в то же время «вечным» городом.

Литература

- 1. Roscoe T. The tourist in Italy: in 2 vol. London: R. Jennings and W. Chaplin, 1831.
- 2. Roscoe T. Legends of Venice. London: Longman, Orme, Brown, Green and Longmans, [1840], 52 p.
- 3. Возчиков Д.В. Образы Византии и Востока в венецианском нарративе XIV—XV веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 29 с.
- 4. *Касториадис К*. Воображаемое установление общества / пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. М. : Гнозис: Логос, 2003. 480 с.
- 5. Burckhardt J. The Civilization of the renaissance in Italy. New York: The Modern Library, 1954. 326 p.
- 6. Ямпольский М.Б. Ткач и визионер: Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 616 с.
- 7. Хольстрем И.Н. Эстетика события: венецианский текст. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2015. 163 с.
- 8. Хомук Н.В. Художественная онтология американской литературы XIX века: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 566 с.
- 9. $A\kappa po \check{u}\partial$ Π . Венеция. Прекрасный город / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Кротовской, Г. Шульги. М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2012. 496 с.
- 10. Дзорци А., Мортон П. Дворцы Венеции. М.: Слово/Slovo, 2005. 528 с. URL: http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupname?key=Sismondi%2c%20J%2e%2dC%2e%2dL%2e%20Simonde%20de%20%28J
- ean%2dCharles%2dLe%26%23x0301%3bonard%20Simonde%29%2c%201773%2d1842
- 11. Sismondi J.C.L. Simond de. Histoire des républiques italiennes du moyen âge : in 16 vol. Paris : H. Nicolle, 1809–1818.
 - 12. Daru P.A.N. Histoire de la Republique de Venise : in 7 v. Paris : F. Didot, 1819.
 - 13. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.
- 14. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
 - 15. Байрон Д.Г. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 4. 496 с.
 - 16. Дьяконова Н.Я. Байрон в годы изгнания. Л. : Худож. лит., 1974. 189 с.
- 17. Γ аррет M. Венеция: История города / пер. с англ. П. Щербатюк. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 352 с.
 - 18. Байрон Д.Г. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 2. 319 с.
 - 19. Бек К. История Венеции: [Пер. с фр.]. М.: Весь мир, 2002. 190 с.
- 20. *Трощий Е.А.* Город на берегу вечности: венецианский текст Дж. Байрона и И.А. Бродского // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 4. С. 27–31.
- 21. *Муратов П.П.* Образы Италии: Исторический путеводитель : в 3 т. М. : Изд-во В. Шевчук, 2016. 672 с.
- 22. Голдсмит О. Избранное: Стихи. Векфилдский священник. М.: Худож. лит., 1978. 302 с.
- 23. *Ямпольский М.Б.* Наблюдатель: Очерки истории видения. М. : Ad Marginem, 2000. 287 с.

- 24. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004. 169 с.
- 25. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 2.
- 26. *Саплин А.И*. Российский посол в Испании // Вопросы истории. 1987. № 3. C. 178–184.
 - 27. Дипломатический словарь : в 2 т. М. : Политиздат, 1950. Т. 2.
- 28. Тирген П. «Homo sum» «Europaeus sum» «Slavus sum»: К вопросу о культурном споре между просветительством, евроцентризмом и славянофильством в России и западнослявянских культурах // Евроазиатский межкультурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры: сб. ст. Томск, 2007. С. 8–35.
- 29. Поплавская И.А., Новицкая И.В. Наследие Шекспира в книжном собрании Строгановых Научной библиотеки Томского университета // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 134–151.
- 30. *Кросс Э.Г.* У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб. : Академический проект, 1996. 387 с.
- 31. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Изд-во Новосиб. унта, 1999. 392 с.
- 32. «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии. 1646—1945 / подгот. О.А. Казина, А.Н. Николюкин. М.: Рос. полит. энцикл., 2001. 648 с.
 - 33. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Академия, 1998. 432 с.

The Image of Venice in the British Paintings and Literature: A Case Study of the Book Legends of Venice in the Stroganovs' Library

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 198–215. DOI: 10.17223/19986645/59/12

Irina A. Poplavskaya, Irina V. Novitskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: poplavskaj@rambler.ru/irno2012@yandex.ru

Keywords: Venice, English paintings, English literature, Stroganov, library, Russian and West European cultural relations.

The article focuses on the study of a literary and artistic book edition titled *Legends of Venice* that is a part of the family library once owned by a Russian aristocrat and diplomat Grigoriy A. Stroganov (1770–1853). The library contains more than 24,000 volumes and is currently kept as a single whole in the Research Library of Tomsk State University.

Legends of Venice describes the history of the Republic of Venice, gives an account of Venetian state ceremonies and doges' ducal practices, narrates about famous Venetian painters and composers, also presents some paintings and literary works produced by English authors in which Venice is chosen as a venue. The publisher and author of the text is an English writer and translator Thomas Roscoe (1791–1871). The list of engravers who contributed their works to the edition includes such names as Joulia Goodman, William Henry Mote, John Henry Robinson, Joseph Edwards, William Henry Egleton.

The research deals primarily with the English myth about Venice as a historically changeable concept, with its perception as a special city-state and perception of the Venetian state as a work of art. The analysis of the image of Venice is closely tied with the development of soteriological myths in the British culture wherein Venice's history becomes part and parcel of the history of human salvation. Connection of the geographic features of the city with its residents' lifestyle is considered in the context of aesthetics and practices of community life development. The study also addresses the issue of formation of Venice's urban mythology that draws on Venetian chronicles, historical accounts, literary works and paintings. The primary literary sources which are devoted to Venice and thus render their materials to the present study are the drama by Lord Byron *Marino Faliero, Doge of Venice*, his poem "Childe Harold's Pilgrimage", poetry by Oliver Goldsmith.

The study shows that the myth of Venice as a great power, similar to the Roman Empire, is being formed in the Venetian culture throughout the 14th–15th centuries, with Venetians regarding themselves as the chosen ethnic group. In the 16th century, Europeans started to form their own concept of Venice as a city of arts in which painting and music flourish. Simultaneously, Venice is depicted as a city of criminals and adventurers, as well as lovers.

Russian perception of Venice is inferred based on an analysis of the library owner's cultural preferences, on regarding him as an individual of a special cultural type (a "Russian European") who was personally introduced to the British Queen Victoria. From the imagological standpoint, the appearance of this edition in the Stroganovs' library enables to distinguish principles of creating the image of Venice in the British culture of the first half of the 19th century, to identify the impact that this image had on the Russian perception of this city, on establishing the historical and cultural ties between Venice, London and St. Petersburg and on the issues of nation- and culture-building in Italy, Britain and Russia.

References

- 1. Roscoe, T. (1831) The tourist in Italy: in 2 vols. London: R. Jennings and W. Chaplin.
- 2. Roscoe, T. (1840) *Legends of Venice*. London: Longman, Orme, Brown, Green and Longmans.
- 3. Vozchikov, D.V. (2017) *Obrazy Vizantii i Vostoka v venetsianskom narrative XIV–XV vekov* [Images of Byzantium and the East in the Venetian Narrative of the 14th–15th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Yekaterinburg.
- 4. Castoriadis, C. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [The imaginary institution of society]. Translated from French by G. Volkova, S. Ofertas. Moscow: Gnozis: Logos.
- 5. Burckhardt, J. (1954) *The Civilization of the renaissance in Italy*. New York: The Modern Library.
- 6. Yampol'skiy, M.B. (2007) *Tkach i vizioner: Ocherki istorii reprezentatsii, ili O material'nom i ideal'nom v kul'ture* [A weaver and a visionary: Essays on the history of representation, or on the material and the ideal in culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 7. Khol'strem, I.N. (2015) *Estetika sobytiya: venetsianskiy tekst* [Aesthetics of the event: The Venetian text]. St. Petersburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy "Asterion".
- 8. Khomuk, N.V. (2018) *Khudozhestvennaya ontologiya amerikanskoy literatury XIX veka* [Literary ontology of American literature of the 19th century]. Tomsk: Tomsk State University.
- 9. Ackroyd, P. (2012) *Venetsiya. Prekrasnyy gorod* [Venice: Pure city]. Translated from English by V. Kulagina-Yartseva, N. Krotovskaya, G. Shul'ga. Moscow: Izd-vo Ol'gi Morozovoy.
- 10. Zorzi, A. & Morton, P. (2005) *Dvortsy Venetsii* [Venetian Palaces]. Translated from Italian. Moscow: Slovo/Slovo. [Online] Available from: http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupname?key=Sismondi%2c%20J%2e%2dC%2e%2dL%2e%2dSimonde%20de%20%28Jean%2dCharles%2dLe%26%23x0301%3bonard%20Simonde%29%2c%201773%2d1842.
- 11. Sismondi, J.C.L. (1809–1818) Simond de. Histoire des républiques italiennes du moyen âge: in 16 vol. Paris: H. Nicolle.
 - 12. Daru, P.A.N. (1819) Histoire de la Republique de Venise: in 7 v. Paris: F. Didot.
- 13. Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [The poetics of the plot and the genre]. Moscow: Labirint.
- 14. Bakhtin, M.M. (1990) Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [Works of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozh. lit.
- 15. Byron, G.G. (1981) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Translated from English. Vol. 4. Moscow: Pravda.

- 16. D'yakonova, N.Ya. (1974) *Bayron v gody izgnaniya* [Byron in the years of exile]. Leningrad: Khudozh. lit.
- 17. Garret, M. (2007) *Venetsiya: Istoriya goroda* [Venice: a Cultural History]. Translated from English by P. Shcherbatyuk. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard.
- 18. Byron, G.G. (1981) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Pravda.
- 19. Beck, Ch. (2002) *Istoriya Venetsii* [The History of Venice]. Translated from French by E.V. Morozova. Moscow: Ves' mir.
- 20. Troshchiy, E.A. (2011) Gorod na beregu vechnosti: venetsianskiy tekst Dzh. Bayrona i I.A. Brodskogo [A city on the shore of eternity: the Venetian text of G. Byron and I.A. Brodsky]. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy*. 4. pp. 27–31.
- 21. Muratov, P.P. (2016) *Obrazy Italii: Istoricheskiy putevoditel': v 3 t.* [Images of Italy: A Historical Guide: in 3 vols]. Moscow: Izd-vo V. Shevchuk.
- 22. Goldsmit, O. (1978) *Izbrannoe: Stikhi. Vekfildskiy svyashchennik* [Selected Works: Poems. The Vicar of Wakefield]. Moscow: Khudozh. lit.
- 23. Yampol'skiy, M.B. (2000) *Nablyudatel': Ocherki istorii videniya* [Observer: Essays on the history of vision]. Moscow: Ad Marginem.
- 24. Popova, M.K. (2004) *Natsional'naya identichnost' i ee otrazhenie v khudozhestvennom soznanii* [National identity and its reflection in creative consciousness]. Voronezh: Voronezh State University.
- 25. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: In 3 vols]. Vol. 2. Tallin: Aleksandra.
- 26. Saplin, A.I. (1987) Rossiyskiy posol v Ispanii [Russian Ambassador to Spain]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 178–184.
- 27. Vyshinskiy, A.Ya. et al. (eds) (1950) *Diplomaticheskiy slovar': v 2 t.* [A Diplomatic Dictionary: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
- 28. Tirgen, P. (2007) "Homo sum" "Europaeus sum" "Slavus sum": K voprosu o kul'turnom spore mezhdu prosvetitel'stvom, evrotsentrizmom i slavyanofil'stvom v Rossii i zapadnoslyavyanskikh kul'turakh ["Homo sum" "Europaeus sum" "Slavus sum": On the cultural dispute between the Enlightenment, Eurocentrism and Slavophilism in Russia and in West-Slavic cultures]. In: Lebedeva, O.B. (ed) Evroaziatskiy mezhkul'turnyy dialog: "Svoe" i "chuzhoe" v natsional'nom samosoznanii kul'tury [Eurasian intercultural dialogue: "Us" and "them" in the national identity of culture]. Tomsk: Tomsk State University.
- 29. Poplavskaya, I.A. & Novitskaya, I.V. (2018) Shakespeare's heritage in the Stroganovs' book collection in Tomsk University Research Library. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 134–151. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/62/10
- 30. Cross, A.G. (1996) *U Temzskikh beregov: Rossiyane v Britanii v XVIII veke* [By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth Century Britain]. Translated from English by N.L. Luzhetskaya. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
- 31. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- 32. Kazina, O.A. & Nikolyukin, A.N. (2001) "Ya bereg pokidal tumannyy Al'biona...": Russkie pisateli ob Anglii. 1646–1945 ["I left the coast of foggy Albion . . .": Russian writers about England. 1646–1945]. Moscow: Ros. polit. entsikl.
- 33. Gachev, G.D. (1998) *Natsional'nye obrazy mira: kurs lektsiy* [National images of the world: A course of lectures]. Moscow: Akademiya.

УДК 82.02/. 09

DOI: 10.17223/19986645/59/13

Т.Г. Прохорова

«НОВАЯ СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ» В РОМАНАХ М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК» И Е. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Исследуется феномен «новой сентиментальности», характер функционирования сентименталистского дискурса в романах М. Шишкина «Письмовник» (2010) и Е. Водолазкина «Авиатор» (2016). В ходе анализа доказано, что диалог с сентиментализмом в произведениях современных авторов осуществляется по закону отрицания отрицания. Выявлена его роль в организации художественной структуры анализируемых романов, в мироощущении героев, в авторской концепции, определяющей систему ценностей.

Ключевые слова: новая сентиментальность, чувствительность, сенсорность, эпистолярный роман, дневник, сентименталистский дискурс, М. Шишкин, Е. Водолазкин.

Термин «неосентиментализм» по отношению к современной русской липризнание прежде всего благодаря Н.Л. Лейдермана и М.Н. Эпштейна [1-3]. Первый обнаруживает истоки неосентиментализма уже в советской литературе 1930-х и 1960–1970-х гг., в произведениях А. Афиногенова, К. Паустовского, Р. В. Астафьева [2]. Как считает исследователь, в этот период неосентиментализм представлял хотя и маргинальную, но «живучую» линию литературного процесса. В 1980–1990-е гг. он, по словам Н.Л. Лейдермана, становится уже «заметной и сильной тенденцией» [Там же], которая обнаруживает себя в прозе Л. Улицкой, М. Палей, Н. Горлановой, Г. Щербаковой, С. Василенко, в драматургии Н. Коляды [Там же]. Н.Л. Лейдерман относит неосентиментализм к типу «нетрадиционных» структур диалогической природы, в которой «модель мира, воспринимаемая современным художественным сознанием как архаическая, противостоит тем моделям мира, которые доминируют в современном литературном процессе. В диалоге между ними, с одной стороны, отстаиваются те старомодные ценности, которые были открыты при посредничестве "старого" метода, а с другой – с горькой иронией констатируется несовместимость этих ценностей с современным представлением о действительности, о подлинной мере вещей» [Там же].

М.Н. Эпштейн выстраивает свою концепцию «новой сентиментальности», исходя из анализа постмодернистских произведений – поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» и творчества Тимура Кибирова [3. С. 431–447], Обнаружив в них приметы «неосентиментальной эстетики», ученый предложил новый вариант термина для определения подобного рода явлений – «транссентиментальность»:

«...Последняя треть XX века проходила под знаком "пост", тем самым завершая и отодвигая в прошлое такие явления и понятия Нового времени (Modernity), как "истина" и "объективность", "душа" и "субъективность" <...> "искренность" и "сентиментальность". На рубеже XX и XXI веков они возрождаются с приставкой "транс"» [3. С. 443].

По определению исследователя, «транссентиментальность – это сентиментальность после смерти сентиментальности, прошедшая через все круги карнавала, иронии и черного юмора, чтобы осознать собственную банальность – и принять ее как неизбежность, как источник нового лиризма» [Там же. С. 433].

В итоге Н.Л. Лейдерман и М.Н. Эпштейн приходят к сходным выводам: каждый из них ищет некую альтернативу постмодернизму и находит её в опыте сентиментализма, подразумевая при этом не повтор того, что уже было освоено культурой, а новый виток её развития. По словам М.Н. Эпштейна, «цитатность со всех сторон объемлет российскую жизнь, как её бесконечная литературность, повторяемость...», соответственно, направление нового витка заключается в «движении от бескавычнобезмятежного слова к закавыченно-ироническому и далее к раскавыченнодерзко-сентиментальному» [Там же. С. 447]. Размышлениями о возможных перспективах развития российской культуры завершается и статья Н.Л. Лейдермана. Ученый задается вопросом, какой будет в новом тысячелетии идея Космоса? Среди предполагаемых моделей он выдвигает и ту, которую можно определить как неосентименталистскую: «это будет Космос, знающий о своей хрупкости, необъективности и условности, Космос, не забывающий о соседстве с Хаосом, не отделяющий себя от Хаоса и ведущий с ним не прекращающийся ни на секунду философский диалог» [2].

Каждый из исследователей сознает, что в литературе XXI в. связь с эпохой сентиментализма по закону прямого наследования традиций невозможна, поэтому диалог с ним осуществляется по закону «отрицания отрицания» или по оксюморонному принципу, позволяющему сочетать несочетаемое. Но видоизменяясь, трансформируясь, «новая сентиментальность» все же сохраняет связь с «первоисточником». Сам по себе интерес к опыту сентиментализма воспринимается сегодня как важный симптом намечающихся в культуре перемен 1.

В названных работах М.Н. Эпштейна и Н.Л. Лейдермана верхняя хронологическая граница изучаемого материала охватывает 1980–1990-е гг.

¹ Одним из косвенных доказательств особого внимания современной культуры к сфере чувств, индивидуального личностного опыта служит активно развивающаяся в последнее время на Западе и в России новая область исторической науки, возникшая в конце ХХ в., – история эмоций, занимающаяся разработкой методологий исследования чувств в настоящем и прошлом (см.: [4–6]). В этом плане показательно название статьи Ильи Винницкого, в которой дается обзор этих исследований: «Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» [7]. Возможно, в нашей истории, действительно, наметился некий «эмоциональный поворот», который и определяет актуализацию сентименталистских тенденций в культуре.

Между тем проза нулевых и особенно 2010-х гг. представила новые яркие примеры, подтверждающие сделанный учеными прогноз. На наш взгляд, особенно показательны в этом плане романы Михаила Шишкина «Письмовник» (2010) и Евгения Водолазкина «Авиатор» (2015). Тенденция «новой сентиментальности» выражена в них даже более отчетливо, чем в тех произведениях, к которым апеллировали Н.Л. Лейдерман и М.Н. Эпштейн. Но прежде чем приступить к их анализу, необходимо напомнить важнейшие признаки сентиментализма классического, прояснить критерии, которыми мы будем руководствоваться в дальнейшем, уточнить задачи, которые предстоит решить.

1

М.М. Бахтин отмечал зыбкость и неопределенность границ сентиментализма, который, с одной стороны, «переходит и частично сливается с романтизмом <...>. С другой стороны <...> почти сливается с потоком реализма» [17. С. 304]. И все же ученый утверждал, что, «несмотря на эту зыбкость исторических границ, сентиментализм в своем ядре является совершенно определенным, четким и в высшей степени своеобразным явлением» [9. С. 304]. Современные исследователи часто ссылаются на слова Бахтина, в которых он четко и лаконично сформулировал суть его новаторства: сентиментализм принес с собой «переоценку масштабов», «возвеличение маленького, слабого, близкого», «жизненной детали, мелочи, подробности»; «исповедовал» разочарование в «большой Истории» и обратился к сфере частной, интимной жизни отдельного человека, придал ей «естественное измерение» [Там же]. В центре внимания сентименталистов оказался «внутренний человек и интимные связи между внутренними людьми», а на шкале ценностей главное место заняли «сочувствие, сострадание, жалость. Эмоциональное богатство» [Там же]. Сказанное позволяет говорить не только о сентименталистском направлении, но и о сентиментальности как некоем нравственноэстетическом качестве, которое может проявляться в произведениях разных эпох и разных художественных направлений. С.Г. Бочаров и Л.А. Гоготишвили, авторы комментария к работам Бахтина, подчеркивают, что сентиментализм существовал для него «главным образом не на фоне "борьбы литературных направлений и школ"... но в связи с "... такой проблемой... как "проблема тона в литературе" (ЭСТ, 345), "тональности слова, любого словесного образа (с. 116)"» [Там же. С. 614]. Слово в бахтинской филологии «существует не как нейтральное... а как... проникнутое тоном, смехом и слезами» [Там же]. Намечая план возможных исследований, ученый в своих заметках пишет: «Проследить элементы сентиментализма до наших дней» [Там же. С. 304]. Эта задача сохраняет свою актуальность и сегодня.

В числе ключевых понятий, имеющих принципиальное значение для сентиментализма, традиционно выделим чувствительность. В статье «Что нужно автору?» Н. Карамзин утверждал, что писателю, «если он хочет быть другом и любимцем души нашей», если «хочет писать для вечности»,

нужны не только талант, знания, разум и воображение, но прежде всего «доброе, нежное сердце», воодушевленное «желанием всеобщего блага», сочувствием «всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему» [10]. Однако следует учитывать, что понятие «чувствительность / чувствительный» уже в XVIII в. трансформировалось. Это было связано с разочарованием в возможности с его помощью изменить общество, «гармонизировать человеческие отношения». И если до «Сентиментального путешествия...» Л. Стерна корень слова «sentimental» соотносился со значениями «высоконравственный», «разумный» и «назидательный», то уже позже это прежде всего «способный к сочувствию» (см. об этом, в частности: [11. С. 138]). По словам М.В. Кожевникова, «"чувствительники" отошли от общественности в мир своего крошечного "я", в абстракцию "человечности", внутренней "свободы", в уединение, в природу...» [12].

В литературе XXI в. вновь ощущается стремление отойти «от общественности» «в абстракцию "человечности", внутренней "свободы"». И хотя «новая сентиментальность» вобрала в себя опыт, вынесенный из катастроф ХХ в., и опыт, усвоенный в эпоху постмодерна, тем не менее она попрежнему выражает способность к со-чувствию, отклик «на все горестное», осознание первостепенной ценности «внутренних связей между людьми». «Новая сентиментальность» диктует и определенную авторскую повествовательную стратегию. Современные исследователи обнаруживают её проявления в произведениях разной эстетической природы. Эпштейн видит присутствие «новой сентиментальности» в творчестве концептуалистов [2. C. 437– 447], Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий отмечают взаимодействие сентименталистского и натуралистического дискурсов в современной «женской» прозе и в драматургии Н. Коляды [1. С. 84], Г.Л. Нефагина считает возможным говорить о сентименталистском реализме, в котором сентименталистские принципы «проявляются» через генетическую память «чужого» стиля, в результате чего происходит «мутация» реалистической структуры. По мнению исследователя, это «не синтез, то есть равноправное взаимодействие разных стилевых начал с качественным их изменением и рождением какогото нового стиля, но расширение стилевого спектра "традиционной" прозы» [13. С. 93]. К числу таких произведений Г.Л. Нефагина относит, в частности, повести «Здравствуй, князь!» А. Варламова, «Усыпальница без праха. Записки сентиментального созерцателя» Л. Бежина, «Сонечка» Л. Улицкой.

В дальнейшем, обращаясь к произведениям М. Шишкина и Е. Водолазкина, нам предстоит выяснить характер взаимодействия сентименталистских и постмодернистских дискурсных стратегий, проследить, как мутируют «чувствительность» и «чувствительный герой», как проявляют себя элементы сентиментализма в пространственно-временной организации, в специфике композиционных и жанровых решений, как они выражаются через сквозные мотивы.

Романы М. Шишкина и Е. Водолазкина убеждают в правомерности выделения и такой черты сентименталистской поэтики, которую Бахтин определил как «возвеличение... жизненной детали, мелочи, подробности» [9. С. 304]. Напомним, что философская основа сентиментализма – сенсуализм, согласно которому «источником и основанием знания является чувственность, данные органов чувств, чувственный опыт» [14]. И хотя сенсуализм воспринимается сегодня лишь как этап в истории науки и культуры XVIII в., видимо, не случайно к его опыту философская мысль периодически возвращалась и в XIX, и в начале XX в. Согласно нашей гипотезе реабилитация сенсорности в прозе М. Шишкина и Е. Водолазкина есть выражение потребности в преодолении абсурда бытия с помощью чувственного опыта, стремления противопоставить симулятивности реальности «первичные ощущения».

На наш взгляд, об актуализации в последнее время характерного для сентиментализма субъективного подхода к миру и человеку свидетельствует и тот факт, что писатели все чаще проявляют интерес к формам эпистолярия, дневника, к различным видам я-повествования. Примерами тому могут служить и романы «Письмовник» и «Авиатор», ставшие заметными явлениями в литературе 2010-х гг. 1

2. Слово, «проникнутое тоном, смехом и слезами»

В произведениях М. Шишкина и Е. Водолазкина интимная жизнь, частное бытие противопоставлены большой Истории как истинное – мнимому, «ненастоящему». Точкой отсчета в них являются гуманистические ценности, эмоциональная культура. При воссоздании «малого мира» и в том и в другом романах важную роль играют первичные физиологические ощущения - обоняние, осязание, зрение, слух, вкус. Героиня «Письмовника» прямо называет себя человеком «всего, что можно потрогать. И понюхать» [15. С. 15–16]. Отсюда – укрупнение чувственных ощущений, подробностей, деталей, которые выполняют роль «кирпичиков» в строительстве романного мироздания. В «Письмовнике» и «Авиаторе» это в значительной степени связано с мотивом детства / детскости, играющим важную роль и в том и в другом романах, что позволяет вспомнить открытый сентименталистами тип «человека естественного». Однако в произведениях Шишкина и Водолазкина представлены новые версии «чувствительного героя». М. Эпштейн еще в 1990-е гг. писал о том, как изменится «чувствительность XXI века»: «...она не будет разделять мир на трогательное и ужасное, милое и отвратительное. Она вберет в себя множество противочувствий. <...> Можно будет чувствовать все и по-всякому, вживаться в чувственность каждого предмета и смешивать ее с чувствами от других предметов» [3. С. 432]. Стилистика «Письмовника» и «Авиатора» основана именно на таких «противочувствиях». Подобного рода «чувствительность» не исключает и литературной игры. Поскольку герои Шишкина и Водолазкина смотрят на мир сквозь призму культуры, тексты строятся на игре цитат, реминисценций, аллюзий.

¹ «Письмовник» и «Авиатор» вызвали большой интерес литературоведов и критиков (см.: [8, 16–21]), но интересующий нас аспект еще не становился предметом изучения.

Но эта игра не самоценна, в конечном итоге слово героев служит выражению гуманистического сознания, родственного авторскому.

2.1. Сентименталистский «ключ» к постмодернистскому роману: «Письмовник» М. Шишкина

«Письмовник» представляет собой переписку влюбленных, что уже предполагает обостренность чувств. Не случайно первое письмо героини содержит отсылку к программному произведению французского сентиментализма — лирико-философскому роману Ж.Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»:

«И что же это получается? Юлия-дурочка старается, шлет ему письма, а жестокосердный Сен-Пре отделывается короткими шутливыми посланиями, иногда в стихах, рифмуя селедок и шведок, амуницию и сублимацию, засранное очко и улыбку Джоконды (кстати, ты понял, чему она улыбается? – я, кажется, поняла), пупок и Бог» [15. С. 3].

Следует заметить, что основная тональность этого диалога с сентиментализмом грустно-ироническая. «Рифмование» «засранного очка и улыбки Джоконды», «пупка и Бога» оказывается возможным потому, что сентименталистский дискурс проявляется в данном случае через постмодернистский. Это влечет за собой сдвиг «архетипических моделей» со своих «привычных гнезд», что сказывается и на исходной сюжетной ситуации. Если драма героев сентименталистских романов зачастую обусловлена тем, что влюбленных разделяет социальная пропасть, то здесь причина их разлуки совершенно иная – это пространство (Володя уходит на войну, а Сашенька ждет его дома) и время (разлучившись, они перемещаются в разные временные измерения). Таким образом, сами законы природы мешают им соединиться. Герои существуют лишь в текстовом пространстве писем. Тем не менее их ценностные ориентиры вполне отчетливы и определены с самого начала. Об этом свидетельствует уже первое письмо Володи, в котором представлена почти сентименталистская (по её конечному выводу) «дидактическая ситуация»:

На медкомиссии военврач – огромный череп лыс, шишковат – внимательно посмотрел в глаза. Сказал:

– Ты всех презираешь. Знаешь, я ведь тоже был таким. Мне было столько же, сколько тебе, когда я проходил первую практику в больнице. И вот нам однажды привезли бомжа, которого сбила машина. Еще жил, но уж очень сильно его изувечило. Особенно и не старались. Видно, что никому старик не нужен и никто за ним не придет. Вонь, грязь, вши, гной. В общем, положили в сторонку, чтобы ничего не испачкал. Сам дойдет. А я должен был потом убрать, помыть и отправить тело в морг. Все ушли, оставили меня одного. Я вышел покурить и думаю – зачем мне все это надо? Кто мне этот старик? Зачем он нужен? Пока курил, тот дошел. И вот вытираю кровь, гной – кое-как, чтобы поскорее его отправить в морозилку. И тут подумал, что, может, он кому-то отец. Принес тазик с горячей водой,

стал его обмывать. Тело старое, заброшенное, жалкое. Никто его годами не гладил. И вот я мою его ноги, страшные скрюченные пальцы, а ногтей почти и нет — все съел грибок. Протираю губкой все его раны, шрамы — и тихо с ним разговариваю: ну что, отец, тяжелая у тебя получилась жизнь? Нелегко, когда тебя никто не любит. Да и как это в твоем-то возрасте жить на улице бездомной собакой? Но теперь-то все закончилось. Отдохни! Теперь все хорошо. Ничего не болит, никто не гонит. И вот так мыл его и разговаривал. Не знаю, помогло ли это ему в смерти, но мне это очень помогло жить [15. С. 10]

По словам М.М. Бахтина, сентименталистская дидактика «...становится конкретной, углубляющейся в самые детали быта, интимных отношений между людьми и внутренней жизни личности» [22. С. 208]. Н. Лейдерман и М. Липовецкий обнаруживают аналогичную тенденцию в женской прозе 1990-х, в том, как трактуется в ней тема маленького человека: «...эта литература окружает его состраданием и жалостью, но сам герой сентиментального натурализма еще не готов к самосознанию, он целиком замкнут в эмоционально-физиологической сфере» [1. С. 84]. В романе «Письмовник» другой тип героя и, соответственно, другая ситуация. Володя не замкнут в «эмоционально-физиологической сфере» и готов к самосознанию, тем не менее именно через приобщение к физиологической сфере он начинает сознавать ценность сострадания и жалости. Такие уроки человеколюбия помогают ему жить.

Шишкин прослеживает этапы «воспитания чувств», процесс самопознания личности. Но этот путь проходит герой эпохи постмодерна, в связи с этим примечательно, что Володя идет не от простого к сложному, а наоборот: он отправляется на войну, чтобы «научиться понимать простые вещи» [15. С. 13]. В результате герой осознает, что чем больше зла вокруг, тем важнее «сохранить в себе крупицы человечности» [Там же. С. 283]. Главным источником и основным критерием человечности для него является любовь. При этом характерно, что даже самые интимные переживания Володя выражает с помощью цитат, аллюзий, реминисценций. И все же постепенно постмодернистский цитатный дискурс подчиняется сентименталистскому — чувственному. Так, в одном из посланий Сашеньке Володя пишет:

Помню, читаю в Гамлете: «Распалась связь времен». Знаешь, о чем на самом деле писал Шекспир? О том, что эта связь восстановится, когда мы снова встретимся и я положу тебе голову на колени [Там же. С. 359].

Именно через такие «простые вещи», как любовь, герой заново открывает для себя ценности культуры, сознает, от чего зависит «связь времен». Эта мысль определяет и авторскую концепцию произведения, его сюжетно-композиционную структуру и сам характер повествования.

Для героев «Письмовника» реален лишь мир их чувств, лишь то, что напоминает им об их любви. К этой субъективной реальности применимы те характеристики, которые Бахтин дает идиллическому хронотопу. Обо-

значая черты идиллии, ученый называет, прежде всего, «органическую прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками. Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром... Другая особенность идиллии – строгая ограниченность ее только основными немногочисленными реальностями жизни. Они сближены между собой и равнодостойны (...)» [22. С. 374]. И третья особенность – «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма...» [Там же]. Горькая ирония романа Шишкина заключается в том, что единственным местом, где возможна идиллия, оказывается текст.

Идиллический мир воссоздается в воспоминаниях влюбленных о том единственном лете, когда они были вместе, он ограничен теми местами, где они были счастливы. Недаром мотив счастья пронизывает весь роман. Сашенька называет себя «жадной до счастья» [15. С. 12]. Володя даже среди ужасов войны способен чувствовать себя счастливым, потому что понимает: «...все это кругом – ненастоящее», а настоящее лишь то, что было тем летом на даче: «...это как я зашел помыть руки в ванную, а там увидел твою губку и так остро почувствовал, что она касалась твоей груди» [Там же]. Главный вывод, к которому он приходит, оказавшись на войне, заключается в том, что «мир – это не сон, и я – это не иллюзия. Я – существует, и нужно сделать его счастливым» [Там же. С. 303].

В романе у идиллического мира есть своя топография, свои дорогие героям «немногочисленные реальности жизни» [22. С. 374], о которых они рассказывают в своих письмах. Как говорит Саша, «для счастья нужны свидетели. По-настоящему можно чувствовать себя счастливым, только получив какое-то подтверждение» [15. С. 18]. Для влюбленных такими «свидетелями» становятся самые простые бытовые вещи: их зубные щетки, стоящие рядом в стакане, хранящие запах Володи подушка, рубашка, ботинки и т.п. Герои находят «свидетелей» счастья и в мире природы, в котором, как им кажется, все «рифмуется» с их любовью: «кареглазые коровы» и «козьи орешки на тропинке», «запруда», в которой «толстолобики бодаются с небом», и утренний след в росистой траве, ветер, который испытывал их и деревья «на парусность», и многое другое. «Эти рифмы связывают мир, сбивают его, как гвозди, загнанные по шляпки, чтобы он не рассыпался» [Там же. С. 12].

Но сюжет «Письмовника» связан с разрушением этой «текстовой идиллии». После известия о Володиной гибели жизнь Саши фактически тоже закончилась. Лишь возобновив переписку, начав отвечать на его старые письма, которые продолжали приходить и после трагического известия, она вновь обрела смысл существования. В результате хрупкий идиллический хронотоп вновь восстанавливается. Текст по-прежнему остается для героев единственной подлинной реальностью. В финале его границы, кажется, преодолеваются: влюбленные выходят за его пределы и отправляются к месту «общего схода», где «тела могут соприкасаться, и нет никакого зазора между душами» [Там же. С. 413]. Но этот «общий сход» ока-

зывается возможен лишь за пределами жизни. И все же примечательно, что мир вечности представлен через интимные детали и подробности, которые являются для героев знаками памяти сердца. Собираясь в последнее путешествие, Володя берет с собой самое «важное» – предметы, запахи, звуки, ощущения, напоминающие ему о детстве, о любви, т.е. то, что вновь связано с чувственным опытом: треск «прутиком по решетке», стрекотание кузнечиков – «будто кто-то заводит часики», «сладкий дух из кондитерской», «план парохода в разрезе», который в детстве висел у него над кроватью, «лист из гербария, на котором написано старательным детским почерком: "Подорожник, Plantago"», колючки репейника, которые он бросал в волосы Саше, «мамино кольцо, которое еще только кружится по подоконнику», «обрывок газеты, приставший к порезу от бритья» [15. С. 411, 412] - как напоминание об отчиме и многое другое, позволяющее сохранить родственную связь между «внутренними людьми». Эти «важные» вещи вновь побуждают вспомнить слова Бахтина о составляющих идиллического хронотопа: «...они сближены между собой и равнодостойны...» [22. С. 374]. В этом мире, кажется, сохраняется и присущее идиллическому хронотопу «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма...» [Там же]. Саша отправляется к месту «общего схода» вместе со своей дочкой-Снегурочкой. И хотя то, что она слепила её из снега, вновь напоминает, насколько эта идиллия хрупка и уязвима, но, пусть даже в таком - симулятивном – обличье, гармония восстанавливается, о чем свидетельствует и заключительный лиалог Саппи с лочкой:

- Послушай, я должна тебе что-то сказать. Там будет один человек, не удивляйся, он положит мне голову на колени.
 - Почему? Он тебя любит?
 - Да.
 - Я тоже тебя люблю. Очень-очень!

И положила мне голову на колени [15. С. 409].

Таким образом, хаосу большого мира вновь противопоставляется Космос мира малого.

2.2. «...Жизнь как тишина осенняя подробна»: Реабилитация сенсорности в романе Е. Водолазкина «Авиатор»

Е. Водолазкин в одном интервью сказал: «"Авиатор" – это роман о другой истории: истории чувств, фраз, запахов, звуков, которые по большому счету не менее важны, чем великие события. В каком-то смысле они определяют те события, которые входят в учебники, но при этом сами незаслуженно исчезают...» [23].

Эти слова можно истолковать в постмодернистском ключе: увидеть в них выражение принципа множественности истин, тотального плюрализма как следствия децентрализации, деконструкции. И хотя в романе Водолаз-

кина, действительно, выражены приметы постмодернистской эстетики, которые обнаруживают себя и в особенностях композиции, и в насыщенности текста литературной игрой, в том числе с жанровыми моделями массовой литературы, постмодернистский дискурс в «Авиаторе» подчинен неосентименталистскому. Доказательству этой мысли и будет посвящен дальнейший анализ.

Книга Водолазкина написана в форме дневника, точнее, каждодневных записок, которые ведет главный герой Иннокентий Платонов. Во второй части романа такие записи, по его просьбе, также начинают вести близкие ему люди – доктор Гейгер и жена Иннокентия Анастасия. Так возникает трижды субъективная форма повествования. В романе дается следующее обоснование значимости этой субъективности:

Жизнь, реальность – на уровне человеческой души, там корни всего плохого и хорошего. Все решается прикосновением к душе [24. С. 344].

В «Авиаторе» своеобразие повествовательной формы определяется особым типом героя: дневник начинает вести человек, выключенный из общего потока жизни. Сюжетная ситуация в романе Водолазкина словно иллюстрирует тезис Бахтина об «экстерриториальности» как черте «человека сентиментализма»: «вне мира сего, вне жизненной колеи» [9. С. 304]. На это указывает и имя героя — Иннокентий, что в переводе с латинского означает «невинный». Он выпал из своего времени и почти фантастическим образом оказался в другом.

Во время своего пребывания в 1920-е гг. в Соловецком концлагере Платонов стал одним из участников медицинского эксперимента по искусственному замораживанию живого человеческого организма. Он оказался единственным из всех подопытных, кому удалось выжить. Ровесник XX в., Иннокентий пробуждается в 1990-е гг. и практически ничего не помнит ни о себе, ни о своих близких, ни о своем времени. Фантастический сюжетный ход, который использует Е. Водолазкин, многократно отработан как в «высокой», так и в «массовой литературе». Но постмодернистский прием «чужой тары» служит здесь выражению отнюдь не симулятивного содержания¹.

¹ Михаил Визель начал интервью с Е. Водолазкиным с того, какие интертекстуальные пласты задействованы в его новом романе: «Когда я стал читать «'Авиатора'', у меня стали в голове "выщелкиваться" один за другим маркеры: этот сюжетный ход – герой мгновенно теряет и медленно восстанавливает память – из Эко, из "Волшебного пламени царицы Лоаны"; этот – "воскрешение" в иной эпохе – из "Когда спящий проснётся" Герберта Уэллса; накладывающиеся друг на друга дневники, в которых поразному излагаются одни и те же события, – "Лунный камень" Уилки Коллинза; а ключевой мотив "тогда было так, а теперь эдак, причем гораздо хуже" – вообще можно вывести из "Потока-богатыря" Алексея Толстого. В общем, постмодернистская конструкция, переполненная явными и скрытыми цитатами и аллюзиями. Это было сделано сознательно, или это моя читательская "гиперинтерпретация"?». На что писатель ответил: «У меня есть слабость: я люблю работать с жанровой литературой. По крайней

Роман строится на взаимодействии разных дискурсных стратегий: постмодернистской, реалистической и сентименталистской. С определенной долей условности можно сказать, что постмодернистский дискурс в основном проявляет себя в «современных» главах (герой оказался в мире масскульта, где реальность вытесняется подделками, трагедия заменяется фарсом), а реалистический — в главах о прошлом Платонова, в том числе — о Соловецком лагере, где автор следует принципам объективности, психологической достоверности. Сентименталистский дискурс, вступая во взаимодействие с тем и с другим, служит альтернативой и симулятивности реальности и натуралистическому реализму. С ним связаны ключевые ценностные ориентиры, авторская концепция времени, жанровая стратегия.

Платонов начинает вести дневник, чтобы восстановить связь между прошлым и настоящим. Примечательно, что его записи не имеют датировки, они обозначаются по дням недели, затем их заменяют имена героев, от лица которых они ведутся, а в конце и эти различия исчезают. В романе дается следующее объяснение подобной форме повествования:

...календарные даты принадлежат к линейному времени, а дни недели – к циклическому.

Линейное время – историческое, а циклическое замкнуто на себе. Вовсе и не время даже.

Можно сказать вечность [24. С. 229].

В результате история, излагаемая тремя героями, «никуда не стремится», но именно поэтому она и есть «самая надежная» [Там же].

Своеобразие мировосприятия Платонова связано с тремя ключевыми архетипическими образами — это Авиатор, Адам и Робинзон Крузо. Роль первого определяется заглавием произведения и его эпиграфом, в котором авиатором назван «тот, чей обзор достаточно широк» [Там же]. Это может быть и сам автор, и его герой, которому принадлежит данное определение. В качестве эпиграфа Водолазкин использует диалогический фрагмент из финального эпизода романа — разговор Платонова со священником, который происходит в самолете, незадолго до его крушения. Именно здесь герой объясняет смысл своих дневниковых записей, которые он продолжает вести даже после того, как понимает, что всем пассажирам грозит гибель. Иннокентий описывает «предметы, ощущения», людей, «надеясь спасти их от забвения» [Там же. С. 409]. Такое объяснение позволяет предположить, что «тот, чей обзор достаточно широк» — иносказательное обозначение Бога-творца, с той существенной поправкой, что речь идет о слове, зафиксированном на бумаге. Причем с его помощью герой даже не просто тво-

мере, начинать в одном из ее жанров, а затем – покидать его границы. Я беру исторический роман – и делаю неисторический. Беру жанр фантастики – и пишу то, что к фантастике не имеет ровно никакого отношения. Что до литературных прецедентов, то их множество... мне кажется, легче перечислить тех, у кого нет этого сюжета, чем тех, у кого он присутствует. Но я наполняю его совершенно другим содержанием» [23].

рит свой мир, но надеется его спасти. При этом субъективные ощущения и чувства обретают статус объективных, а потому именно они становятся в романе основой авторского миромоделирования. Как и в «Письмовнике», в «Авиаторе» как будто актуализируются идеи сенсуализма, согласно которым основным способом познания является субъективный опыт. Очевидно, это проликтовано глубоким разочарованием в больших проектах по переустройству мира, недоверием к опыту творцов истории. Не случайно, объясняя Гейгеру и Анастасии, какими должны быть их описания, Платонов подчеркивает, что они «должны касаться чего-то такого, что не занимает места в истории, но остается в сердце навсегда» [24. С. 336]. Из них, по его замыслу, подобно мозаике, должна сложиться наиболее объективная картина жизни. Её создание подчиняется закону обратной перспективы: в описаниях рассказывается не о больших событиях эпохи, будь то история или культура, а о тех вещах, «которые переживаются и вспоминаются одинаково», таких, например, как «шум дождя, ночной шелест листьев», словом. то. что объединяет, а не разъединяет людей. Платонов убежден, что этот частный опыт и есть «всему основа» [Там же. С. 348]. Он убедился в этом на собственном примере: «...его формировали не побои в лагере. Совсем другие вещи. Например, стрекотание кузнечиков в Сиверской. Запах вскипевшего самовара», потому что «и тот, и другой распространяют спокойствие и мир», в этом и заключается «их исторический смысл» [Там же]. Такие «фундаментальные события», как, к примеру, «питье чая на веранде», «способны определять совершенно разные времена, а значит – универсальны» [Там же. С. 365], в них заключается связующая нить вечности. Вот почему «Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа – никогда» [Там же. С. 381].

В вынесенном в эпиграф высказывании героя о том, что своими описаниями он надеется спасти вещи и людей от забвения, важен и глагол «надеяться». Не знание, не разум, не воля и целеполагание, а надежда становится импульсом к действию. Здесь вновь уместно вспомнить прогноз Н. Лейдермана о том, какой может стать в новую «культурную эпоху» идея Космоса: «...это будет Космос, знающий о своей хрупкости, необъективности и условности, Космос, не забывающий о соседстве с Хаосом, не отделяющий себя от Хаоса и ведущий с ним не прекращающийся ни на секунду философский диалог» [2].

Герой «Авиатора» оказывается одновременно в ситуации Адама (он сознает себя единственным человеком своего времени) и в ситуации Робинзона, который вынужден осваивать «новую землю», учиться жить в совершенно новых условиях. Обе эти архетипические ситуации объединяет детский дискурс. Установление связи прошлого с настоящим начинается у Платонова с воспоминаний детства. Он признается, что чувствует «себя Адамом. Или ребенком...» [24. С. 22]. Образ Робинзона тоже соотносится с воспоминаниями о доме, о милых сердцу подробностях, которые хранит детская память. Иннокентий вспоминает, как бабушка читала ему «Робинзона Крузо»:

Я слежу за бабушкиными губами. Перед тем, как перевернуть страницу, она подносит к губам палец. Иногда прихлебывает остывший чай, и тогда на "Робинзона Крузо" летят едва заметные брызги. Иногда – крошки от съеденного между главами сухаря. Выздоровев, я внимательно перелистываю прочитанное и вытряхиваю хлебные частицы, высохшие и сплющенные [24. С. 16].

Книга Дефо становится для Платонова способом обретения почвы под ногами. Как и герой его любимой книжки, Иннокентий чувствует себя «в другом времени – с прежним опытом, прежними привычками, ему нужно или их забыть, либо воссоздать весь утраченный мир, что очень непросто» [Там же. С. 42]. Вот почему преобразование Хаоса в Космос начинается именно с этой книги. Он просит медсестру почитать ему «Робинзона Крузо», которого помнит почти наизусть. В романе «Авиатор» упоминания о Робинзоне встречаются не менее 20 раз. Но мотив робинзонады у Водолазкина наполняется новым смыслом. Используя аналогичный сюжетный ход и близкую роману Дефо форму я-повествования, писатель интерпретирует образ Робинзона по-своему. Дефо создал тип «homo economicus», человека здравого смысла и сильной воли, свободного от сентиментальности, а герой Водолазкина называет его «бедным» [Там же. С. 290]. В романе «Авиатор» выражено состояние человека, которому приходится начинать жизнь с чистого листа. Платонов ищет нравственные ориентиры, те ценности, которые помогли бы ему выжить в новом мире. Это побуждает его обратиться к детству. Его дневник отражает поиск дороги «домой». Книга Дефо воспринимается героем как знак, указывающий ему путь, это то немногое, что связывает его с детством.

Но в романе «Авиатор» у «Робинзона» появляется сопутствующий мотив – «блудного сына» [Там же. С. 16, 316]. В своих размышлениях Платонов постоянно возвращается к теме суда совести. Не случайно образ Фемиды сопровождает его на протяжении всей жизни. Путь героя представлен как трудный процесс изживания вины, духовного очищения (он убил человека, написавшего донос на отца его возлюбленной). Отсюда значимость еще одного библейского подтекста – притчи о воскрешении Лазаря. В романе эта параллель обретает прямой, горько-иронический смысл: лаборатория на Соловках, где проводили опыты над людьми, обозначалась аббревиатурой ЛАЗАРЬ, т.е. «лаборатория по замораживанию и регенерации», поэтому подопытных здесь называли лазарями [Там же. С. 207]. В основе сюжета романа – в прямом смысле воскрешение «лазаря». Но более важен иносказательный смысл этого подтекста, выраженный через диалогическую связь не столько с библейской притчей о Лазаре четверодневном, сколько с романом Достоевского «Преступление и наказание»: речь идет о духовном воскрешении, которое предполагает раскаяние и прощение. Внутренние изменения, которые происходят в герое, наглядно проявляются в его отношении к доносчику Зарецкому. Вначале Платонов видел в нем недочеловека, «мокрицу», вызывающую лишь отвращение.

Неудивительно, что, решив его убить, он не испытывал мук совести. Однако постепенно в его глазах Зарецкий превращается в фигуру, вызывающую сострадание и жалость.

Мотив прощения охватывает в романе целый ряд «преступников»: помимо доносчика Зарецкого, это и кузен Иннокентия Сева, обрекший его на пребывание в лагере на Соловках, где он должен был погибнуть, и лагерный «людоед» гэлэушник Воронин, о котором говорится, что «нет таких злодеяний, каких бы он не совершил» [24. С. 354]. Никто из них не осознал своей вины. И все-таки Платонов прощает их. Раскаяние научило его милосердию, пониманию другого, состраданию. Он приходит к выводу, что «потеря всякого человека и всякой вещи является частью смерти. Которая есть потеря всего» [Там же. С. 313]. Поэтому на вопрос, что выше справедливости, он вначале отвечает — «милосердие», а потом дает новый ответ — «любовь» [Там же].

Романы «Письмовник» и «Авиатор» говорят с читателем на языке чувств. Их героями руководит «всесильный бог деталей, всесильный бог любви». Сентиментальность проявляется в этих произведениях в авторской концепции времени, в утверждении ценности частного существования, в типах героев, в сквозных мотивах, в повествовательной стратегии, в звучании романного слова. Вот почему, на наш взгляд, в данном случае можно говорить и о «новой сентиментальности», определяющей критерии оценок, и неосентименталистском дискурсе как доминанте повествовательной структуры, и о «новом сентиментализме» как эстетическом феномене. Все это позволяет воспринимать романы М. Шишкина и Е. Водолазкина как произведения, указывающие возможный вектор развития современной интеллектуальной прозы.

Литература

1. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература : в 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986–1900-е годы). М.: Эдиториал УРСС, 2001. 160 с.

- 2. *Лейдерман Н.* Траектории «экспериментирующей эпохи». URL: http://voplit.ru/eText/2002/2002-4/2002-4/2002-4.html#5 (дата обращения 17.03.2018).
- 3. Эпитейн М.Н. Постмодерн в русской литературе : учеб пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2005. 495 с.
- 4. Stearns P.N., Stearns CZ. Emotionology: Clarifying the His-tory of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90, № 4. P. 813–836.
- 5. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: НЛО, 2010. 512 с.
- 6. Rosenwein B.H. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context: International Journal for the History and Theory of Emotions. 2010. № 1. URL: https://www.passionsincontext.de/index.php/?id=557 (дата обращения: 05.03.2018).
- 7. Винницкий И. Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» // НЛО. 2012. № 117. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v35.html (дата обращения: 05.03.2018).
- 8. *Рогова Е.* Некоторые аспекты художественной целостности романа М. Шишкина «Письмовник» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). URL: http://journals.tsu.ru/philology/en/&journal_page=archive&id=1091 &article id=30748 (дата обращения: 10.03.2018).

- 9. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 304–305, 614.
- 10. *Карамзин Н*. Что нужно автору? URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin chto nujno.html (дата обращения: 09.03. 018).
- 11. *Пашкуров А.Н., Разживин А.И.* История русской литературы XVIII века : в 2 ч. М.: Флинта, 2017. Ч. 2. 525 с.
- 12. Кожевников М.В. Английская сентиментальная комедия в системе драматических жанров, Магнитогорск, 2001.
 - 13. *Нефагина Г.Л.* Русская проза конца XX века. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- 14. *Кузнецов М.Ф.* Сенсуализм // Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 490. URL: http://www.rfp.psu.ru/archive/3.2013/bochkareva.pdfhttp://ponjatija.ru/node/733 (дата обращения: 05.03.2018).
 - 15. Шишкин М. Письмовник. М.: АСТ: Астрель, 2010. 412 с.
- 16. Лашова С. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 20 с.
- 17. *Гримова О.* Роман М. Шишкина «Письмовник»: стратегии нелинейности. URL: http://gigabaza.ru/doc/25331.html (дата обращения: 01.03.2018).
- 18. *Прохорова Т.Г.* Система хронотопов в романе Михаила Шишкина «Письмовник»: к проблеме художественной целостности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика 2016. Т. 16, вып. 4. С. 447–451.
- 19. *Солдаткина Я.В.* Мотивы прозы А.П. Платонова в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 19–28. URL: http://rhema-journal.com/Rema-3-2016.pdf (дата обращения: 12.03. 2018).
- 20. *Бочкина М.В.* Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Vol. 22, № 3. С. 475–483. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/17087-17609-1-PB.pdf (дата обращения: 12.03.2018).
- 21. *Москвина Т.* Трагедия размороженного интеллигента. URL: http://argumenti.ru/culture/n550/461775 (дата обращения: 14.03.2018).
- 22. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/ Bahtin_M.M._Voprosy_literatury_i_estetiki_1975.pdf (дата обращения: 12.03.2018).
- 23. Визель М. Интервью с Евгением Водолазкиным. URL: https://godliteratury.ru/public-post/aviator-vodolazkin-intervyu (дата обращения: 12.03.2018).
 - 24. Водолазкин Е. Авиатор. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.

"New Sentimentality" in the Novels *Pismovnik* by Mikhail Shishkin and *The Aviator* by Eugene Vodolazkin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 216–232. DOI: 10.17223/19986645/59/13

Tatiana G. Prokhorova, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: tatprohororova@yandex.ru

Keywords: new sentimentality, sensitivity, sensuality, epistolary novel, diary, sentimentalist discourse, M. Shishkin, E. Vodolazkin.

The essay explores the phenomenon of "new sentimentality", the nature of functioning and forms of manifestation of sentimentalist discourse in the novels *Pismovnik* [Letter-Book] by Mikhail Shishkin and *The Aviator* by Eugene Vodolazkin. The essay consists of two paragraphs. The theoretical synopsis provides the background for the analysis of the mentioned works of the 2010s, which demonstrate one of the most promising trends in the development of the latest prose related to the experience of sentimentalism. Since a direct inheritance of sentimentalist traditions in the literature of the 21st century is impossible, the dialogue with it is carried out according to the law of negation of the negation or the

oxymoronic principle, which allows to combine the incongruous. But changing and transforming the "new sentimentality" still does not lose the connection with the "primary source".

In the course of the analysis it is proved that in Shishkin's and Vodolazkin's novels the dialogue with sentimentalism is manifested not only at the level of the characters' world perception but also at the level of the author's concept, which determines the system of values, the specifics of the genre and the form of the narrative, the nature of the leitmotivs and the peculiarities of the plot structure. In *Pismovnik*, the sentimental discourse interacts with the postmodern one, in *The Aviator* with the postmodern and realistic discourses. However, being integrated into a "foreign" system, it remains relatively independent and retains its aesthetics. "New sentimentality" in Shishkin's and Vodolazkin's novels is a form of rehabilitation of humanistic values, assertion of the significance of the "small" world, as opposed to the "big" one, counter to the postmodern world as text, the cruelty of reality and the simulative world of mass culture.

An important role in recreating the "small world" in *Pismovnik* and *The Aviator* is played by primary physiological sensations – sense of smell, touch, vision, hearing, taste. It is closely connected with the motive of childhood, which is very important in both novels and allows to recall the open sentimentalists' type of a "natural man". However, in the works of Shishkin and Vodolazkin, new versions of a "sensitive hero" is presented. He perceives the world through the prism of culture, so the texts are based on the game with quotes, remarks, allusions. But this game is not self-valuable: at the end of the analyzed novels the word of the characters serves as an expression of a humanistic consciousness related to the author.

The author of the article comes to the conclusion that in relation to the novels *Pismovnik* by Shishkin and *The Aviator* by Vodolazkin we can talk about "new sentimentality", which determines evaluation criteria, about neo-sentimentalist discourse as the dominant element of the narrative structure and about "new sentimentalism" as an aesthetic phenomenon. All this makes it possible to perceive these works as a symptomatic phenomenon indicating a possible vector of development of modern intellectual prose.

References

- 1. Leyderman, N. & Lipovetskiy, M. (2001) *Sovremennaya russkaya literatura:* v 3 kn. [Modern Russian literature: in 3 books]. Book 3. Moscow: Editorial URSS.
- 2. Leyderman, N. (2002) Traektorii "eksperimentiruyushchey epokhi" [Trajectories of the "Experimental Epoch"]. *Voprosy literatury*. 4. [Online] Available from: http://voplit.ru/eText/2002/2002-4/2002-4/2002-4.html#5. (Accessed 17.03.2018).
- 3. Epshteyn, M.N. (2005) *Postmodern v russkoy literature* [Postmodern in Russian literature]. Moscow: Vyssh. shk.
- 4. Stearns, P.N. & Stearns, C.Z. (1985) Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *The American Historical Review.* 90 (4). pp. 813–836.
- 5. Plamper, J., Schahadat, S. & Elie, M. (eds) (2010) *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoy istorii emotsiy* [In the Realm of Russian Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow: NLO.
- 6. Rosenwein, B.H. (2010) Problems and Methods in the History of Emotions. *Passions in Context: International Journal for the History and Theory of Emotions*. 1. [Online] Available from: https://www.passionsincontext.de/index.php/?id=557. (Accessed: 05.03.2018).
- 7. Vinnitskiy, I. (2012) Zagovor chuvstv, ili Russkaya istoriya na "emotsional'nom povorote" [Conspiracy of feelings, or Russian history at the "emotional turn"]. *NLO New Literary Observer*. 117. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v35.html. (Accessed: 05.03.2018).
- 8. Rogova, E. (2014) Some aspects of the artistic integrity of M. Shishkin's novel Pismovnik. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 5 (31). pp. 105–118. [Online] Available from:

- http://journals.tsu.ru/philology/en/&journal_page=archive&id=1091&article_id=30748. (Accessed: 10.03.2018). (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/31/8
- 9. Bakhtin, M.M. (1997) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: In 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 304–305, 614.
- 10. Karamzin, N. (1794) *Chto nuzhno avtoru?* [What does the author need?]. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_chto_nujno.html. (Accessed: 09.03.018).
- 11. Pashkurov, A.N. & Razzhivin, A.I. (2017) *Istoriya russkoy literatury XVIII veka: v 2 ch.* [The history of Russian literature of the 18th century: in 2 parts]. Pt. 2. Moscow: Flinta.
- 12. Kozhevnikov, M.V. (2001) *Angliyskaya sentimental'naya komediya v sisteme dramaticheskikh zhanrov* [English sentimental comedy in the system of dramatic genres]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
- 13. Nefagina, G.L. (2003) *Russkaya proza kontsa XX veka* [Russian prose of the end of the 20th century]. Moscow: Flinta: Nauka.
- 14. Kuznetsov, M.F. (2007) Sensualizm [Sensualism]. In: Kuznetsova, V.G. (ed.) *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow: INFRA-M. [Online] Available from: http://www.rfp.psu.ru/archive/ 3.2013/bochkareva.pdfhttp://ponjatija.ru/node/733. (Accessed: 05.03.2018).
 - 15. Shishkin, M. (2010) Pis'movnik [Letter-Book]. Moscow: AST: Astrel'.
- 16. Lashova, S. (2012) *Poetika Mikhaila Shishkina: sistema motivov i povestvovatel'nye strategii* [Poetics of Mikhail Shishkin: A system of motives and narrative strategies]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.
- 17. Grimova, O. (n.d.) *Roman M. Shishkina "Pis'movnik": strategii nelineynosti* [M. Shishkin's novel "Pismovnik": nonlinearity strategies]. [Online] Available from: http://gigabaza.ru/doc/25331.html. (Accessed: 01.03.2018).
- 18. Prokhorova, T.G. (2016) A System of Chronotopes in Mikhail Shishkin's Novel Pismovnik (Letter Book): on the Issue of Artistic Unity. *Izv. Saratov. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika News of Saratov University. New Series. Ser. Studies of Language and Literature. Journalism.* 16 (4). pp. 447–451. (In Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-447-451
- 19. Soldatkina, Ya.V. (2016) The motives of A.P. Platonov's prose in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin. *Rhema. Rema.* 3. pp. 19–28. (In Russian). [Online] Available from:http://rhema-journal.com/Rema-3-2016.pdf. (Accessed: 12.03. 2018).
- 20. Bochkina, M.V. (2017) Medieval concept of time reflection in E. Vodolazkin's novels "Laurus" and "The Aviator". *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism.* 22 (3). pp. 475–483. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-9220-2017-22-3-475-483
- 21. Moskvina, T. (2016) *Tragediya razmorozhennogo intelligenta* [Tragedy of an unfrozen intellectual]. [Online] Available from: http://argumenti.ru/culture/n550/461775. (Accessed: 14.03.2018).
- 22. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow: Khud. lit. [Online] Available from: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Bahtin_M.M._Voprosy_literatury_ i estetiki 1975.pdf. (Accessed: 12.03.2018).
- 23. Vizel', M. (2016) *Interv'yu s Evgeniem Vodolazkinym* [Interview with Eugene Vodolazkin]. [Online] Available from: https://godliteratury.ru/public-post/aviator-vodolazkin-intervyu. (Accessed: 12.03.2018).
- 24. Vodolazkin, E. (2016) *Aviator* [The Aviator]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/59/14

С.Ю. Суханова, П.А. Цыпилёва

РЕЦЕПЦИЯ НАСЛЕДИЯ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ В ПОЭЗИИ С. СТРАТАНОВСКОГО

Исследуется рецепция философского наследия Г. Сковороды в поэзии С. Стратановского. Цель статы — выявить причины обращения современного поэта к личности и творчеству философа XVIII в. В анализируемых поэтических текстах находят воплощение основные идеи философии Г. Сковороды, в сопоставлении с хасидизмом подчеркивается глубина и всеобъемлющий характер его философского учения, выстраивается полемический диалог С. Стратановского с Г. Сковородой о природе истины и возможности ее познания.

Ключевые слова: современная русская поэзия, рецепция, постмодернизм, Сергей Стратановский, Григорий Сковорода, славянская философия, символическая реальность, хасидизм.

В 1970-е гг. на квартире поэта Сергея Стратановского действовал религиозно-философский кружок, на раннем этапе существования которого участники изучали тексты Платона и христианство первых веков и Отцов Церкви и поэже — русскую религиозную философию. Семинар постепенно трансформировался из просветительского в проблемный, в 1976 г. состоялись две конференции: «Христианство и этика» и «Христианство и гуманизм», работа вылилась в активный межконфессиональный диалог, участниками которого были кришнаиты, баптисты, иудаисты, хасиды, с докладами о «диалектической теологии», К. Барте и П. Тиллихе, С. Къеркегоре, М. Хайдеггере выступала Татьяна Горичева, по замечанию С. Стратановского, «единственный профессиональный философ» в их среде [1].

В этом контексте важно рассмотреть стихотворение С. Стратановского «Бог» (1968–1972), в котором поэтом предлагается однозначная трактовка божественной сущности как имеющей власть над человеком пустоты («А Бог – не призрак золотой / Не зверь, не звездный жар / Он только голый шар / Бесполый и пустой» [2. С. 6]), а предназначение поэта и природа писательского таланта рассматриваются как предначертанная свыше необходимость и неизбежность. В более позднем стихотворении С. Стратановского «Диспут» (1979) поэт конструирует межконфессиональный диалог, создает пеструю мозаику философских и религиозных идей и представлений о сущности и форме божественного, выстраивает полилог, участниками которого выступают мистики, математик, колхозник, богословы, хасид, моралист, имморалист, гуманист, алкоголик, культуртрегер, скептик, просто верующий. Поэт конструирует на первый взгляд концептуально эклектичный текст, однако это не эклектика, а сознательное стал-

кивание контрастирующих позиций в условиях отсутствия возможности найти общий мировоззренческий знаменатель, или истину.

Мысль о невозможности достижения истины при одновременном желании ее поиска сформулирована в завершающих словах председательствующего: «Увы, нам истина не светит / Она пугливей, чем испуг / И как библейский скорбный ветер / Спор возвращается на круг» [2. С. 102]. Так, выраженная в более раннем стихотворении «Бог» мысль о предопределенности свыше судьбы поэта, позже намеченная в стихотворении «Диспут» интенция к поиску истины, а также рефлексия над образами странников (Григорий Сковорода и хасиды) формируют тему творческого пути поэта как паломничества. В трёх из анализируемых в статье стихотворениях присутствуют отсылки к личности либо текстам Григория Сковороды: «Григорию Сковороде / Господню Старчику...», «Диспут» (1979), «Диалог о грехе между старчиком Григорием Сковородой и обезьяной Пишек» (1979).

В стихотворении «Диалог о грехе между старчиком Григорием Сковородой и обезьяной Пишек» (февраль 1979 г.) иронически интерпретируется диалог Г. Сковороды «Благодарный Еродий», очевидны реминисценции и из других произведений философа («Разговор, называемый алфавит, или Букварь мира» и, возможно, из басни «Навоз и Алмаз»). Однако ирония не всеобъемлющая, ироническому остранению подвергаются не все мотивы, составляющие лирический сюжет. Сохраняется жанровая форма диалога, при этом переставляются персонажи и повествователь — сам философ в стихотворении Стратановского становится участником диалога, а Еродий появляется только в конце как божественный певец, поэт, запечатлевающий особую мудрость Сковороды: «И тебе сплетет венец / Божий птах Еродий» [Там же. С. 106].

В прямой речи персонажа Сковороды имитируется его способ философствования (притчевость, примеры, символизм, уподобление, вопрошание): «Говорил сосуд с мочой / Доброму сосуду: / Я сияю, золотой, / Уподоблен чуду. / Говорил Мельхиседек, / Старец иудейской, / Что подобен человек / Кому грязи мерзкой. / Говорил казак Петро, / Внук Мельхиседека, / Что тигриное нутро — / Бремя человека. / Дал творению Господь / Благости излишек. / Отчего ж преступна плоть, / Отвечай мне, Пишек» [Там же. С. 103]. Сковорода-персонаж излагает одно из основных положений учения философа — о двух натурах: видимой, плотской, и невидимой, бессмертной, божественной, в соответствии с которой и должен жить человек. В тексте Стратановского воспроизводится ключевая мысль наследия Г. Сковороды — о мудрости ложной и истинной.

Обезьяна в текстах Григория Сковороды соотносится с ложными мудрецами. Так, в «Дружеском разговоре о душевном мире» имена лжеученых, слепых подражателей, неспособных постичь сущность вещей, явля-

¹ О важности философа для современного поэтического сознания см. в статье С.Ю. Сухановой и П.А. Цыпилёвой: [3].

ются говорящими и происходят от соответствующих греческих и латинских слов: Навал — «плавающий», Сомнас — «сонный», Пификов — «обезьяна», «подражатель». Причем имя обезьяны диалога о Еродии — Пишек — связано с тем же греческим словом, π іθηкоς (обезьяна). Афинские мудрецы в «Алфавите» названы обезьянами: «А когда таких беседников (Сократа. — С.С., П.Ц.) не стало в Афинах, тогда источник, наповающий сад общества, и родник мудрости совсем стал затаскан и забит стадами свиными. Стада сии были сборища обезьян философских, которые, кроме казистой маски (разумей: философскую епанчу и бороду), ничего существенного от истинной мудрости не имели» [4. С. 428].

При устойчивом использовании образа обезьяны / мартышки у Г. Сковороды участники диалога в стихотворении С. Стратановского предстают как лжемудрец (обезьяна Пишек, носитель традиционного представления об образованности и учености) и истинный мудрец (Сковорода, которого традиционные ответы на волнующие его вопросы не устраивают).

В высказываниях Сковороды как персонажа утрируется и в определенном смысле упрощается его представление о природе человека. Так, философ считает, что в самом человеке есть необходимое для счастья и гармоничного существования начало, «господственная натура», «премилосердная мать наша блаженная натура», проблема заключается в том, чтобы отличить ее от «рабской, скотской натуры». Именно с этим связано требование самопознания и самосовершенствования, что составляет одну из важнейших тем произведений философа, и специально ей посвящены первые диалоги, написанные в конце 1760-х — начале 1770-х гг.: «Наркисс. Разглагол о том: узнай себя», «Симфония, нареченная книга Асхань, о познании самого себя».

Сниженное изображение афинского общества в текстах Г. Сковороды, оценка афинян как носителей ложной мудрости, греховность, неспособность видеть истину за вещественной оболочкой воспроизводятся у Стратановского («Вся материя больна», «Пьянство, сытость, блудострасть / Панствуют повсюду»). Грекам присуще вознесение красоты человеческого тела, воплощенной в произведениях искусства (скульптуре, в частности) и заслоняющей идею красоты внутренней, духовной («Чуден мраморный болван, / Обольститель греков» (С. Стратановский) – «У них то только одно было истиною, что ощупать можно. Глиняные душки – те их защитники», «Зевали они не мирскую машину, но одну только глинку на ней видели: глинку мерили, глинку считали, глинку существом называли, так как неискусный зритель взирает на картину, погрузив свой телесный взор в одну красочную грязь, но не свой ум в невещественный образ носящего краски рисунка» (Г. Сковорода) [Там же]). Определение афинян «стада свиные» у Стратановского получает форму «афинорожий», «еллины фривольные», «любят фалл / И похабны рожи», «греки-епикуры» – это характерное для поэзии С. Стратановского снижение и обезличивание.

Сниженная оценка афинян у реального Сковороды сопровождается мыслью о присутствии истинной мудрости в обществе, что воспроизводит-

ся и в словах Пишек Стратановского («В сих олимпянах играл / Божий пламень все же», «О, в навозе сей алмаз, / В черноте паскудной. / Разгреби — и прямо в глаз / Засияет, чудный») и совпадает со строками стихотворения С. Стратановского «Мочащийся пролетарий» (1971) — «Ты лежишь, чернорабочий / Безобразен, темен, груб / И в твоем духовном взоре / Цехи, трубы, человеки» [2. С. 24] и песней алкоголика из стихотворения «Диспут» (1979) — «Господь сказал мне тихо: встань / Иди и пей любую дрянь / С любыми бабами греши / Пока алмаз твоей души / В ладони Божьей» [Там же. С. 100].

В отличие от Сковороды-персонажа Стратановского, в сознании Г. Сковороды лжемудрец отделен от греческих и римских мыслителей. Так, в диалоге «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» Г. Сковорода иронически пишет о человеке, возомнившем себя ученым: «Во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны и вся древность суть одни только мотыльки, над поверхностью земли летающие, в сравнении нашего высокопарного орла, к неподвижным солнцам возлегающего и все на океане острова пересчитавшего» [4. С. 353]. Г. Сковорода неоднократно цитирует высказывания, приписываемые Сократу и Эпикуру. Так, к словам «Иной живет на то, чтоб есть, а я-де ем на то, чтоб жить» [5. С. 7], «приписываемым Сократу, Сковорода обращался неоднократно, тем самым подчеркивая близость собственного жизненного принципа с практической этикой Сократа...» [Там же. С. 418]. А в «Саду божественных песен» напрямую соотносит Эпикура и Христа: «Так живал афинейский, так живал и еврейский / Епикур - Христос» [4. С. 68], стремясь соединить в едином этическом учении античные и христианские представления, достичь концептуального философски-религиозного синкретизма, характерного и для современной поэзии¹.

Субъектная организация стихотворения С. Стратановского усложняет высказанное каждым из персонажей: обезьяна Пишек, хор с неба и Еродий

¹ О глубоком знании античного философско-литературного наследия свидетельствуют тексты Г. Сковороды. Например, в сочинении «Авторы, которых следует читать в первую очередь» философ перечисляет Цицерона, Теренция, Плавта, Непота, Вергилия, Горация, Овидия, Клавдиана, ссылается на Сенеку, Эпикура, упоминает Гомера и других античных авторов: «Самым лучшим мастером слова у самих латинян, или римлян, считался Туллий (Цицерон). Из его произведений особенно рекомендую тебе диалоги о дружбе и старости, а также книги об обязанностях, затем речи за Архия, Марцелла, Лигария, Дейотара, а также речи, написанные им против Катилины. Из них ты почерпнешь ту чистую и незапятнанную легкость и изящество латинской речи, которая составляет основу ясного и правильного стиля. Тому же будет способствовать и усердное чтение Теренция, Плавта, Непота и Цезаря, у которых отсутствует всякое излишество речи и напыщенность. Немного далее: выдели его (Персия) и произведения Вергилия, Горация, Овидия. Из их числа нельзя исключить и Клавдиана, красноречивейшего и приятнейшего поэта, из стихотворений которого ты, несомненно, извлечешь большую пользу для всех родов литературы и для всякого другого предмета. Поэтому не забудь хранить его в сердце, в глазах, а еще лучше в душе и памяти и, насколько возможно, следовать его примеру» [5. С. 345–346].

(персонажи диалога Г. Сковороды, плод его сознания) и Сковородаперсонаж стихотворения С. Стратановского являются двойниками реального философа в лирическом сюжете стихотворения, имитируя зеркала, создающие множественный образ видимой натуры. Г. Сковорода использует этот образ в «Диалоге, или Разглаголе о древнем мире», рассуждая о многоликости человеческой природы: «...вели поставить вокруг себя сотню зеркал. И увидишь, что один твой телесный болван владеет сотнею видов, зависящих от него. А как только отнять зеркала, вдруг все копии скрываются в своей исконности» [4. С. 301].

Стратановский намеренно, как нам кажется, приписывает Сковородеперсонажу оценки, присущие в работах Сковороды его предполагаемым оппонентам, поэтому Обезьяна Пишек называет его «носорогом школьным» и призывает не грозить сковородой «еллинам фривольным», тем самым в оценках, аксиологически Пишек и Сковорода меняются местами, поддерживая иронический модус диалога. Пафос диалога — трудность поиска истины: «Ах, мартышечка моя, / Дорогая Пишек, / Есть в проблемах бытия / Черных дыр излишек. / Не заткнет старик Сократ / Грецкими словами. / Ах, премудрость — страшный сад / С черными плодами» [2. С. 105].

Их дискуссию заключает Хор с неба, который утверждает бессмысленность разумного поиска истины иначе, чем сделав этот поиск своей жизнью и способом существования: «Празден разума вопрос / Чушь — дела земные / Перед тем, что спас Христос / Атомы больные. / Не ищи, Сковорода, / Мудрости сосуды, / Стань юродом навсегда, / Обличая уды. / Будь в немудрости мудрец, / Просияй в народе, / И тебе сплетет венец / Божий птах Еродий» [Там же. С. 105—106].

Мысль о тщетности поиска истины повторяется и в стихотворении С. Стратановского «Диспут» (1979), построенном по той же модели полилога, развязкой которого являются слова председательствующего: «Увы, нам истина не светит / Она пугливей, чем испут / И как библейский скорбный ветер / Спор возвращается на круг» [Там же. С. 102].

В «Диалоге...» С. Стратановского находят воплощение основные идеи философии Григория Сковороды: интериоризм — придание ценности «внутреннему» при абсолютном обесценивании «внешнего» («Говорил сосуд с мочой / Доброму сосуду: / Я сияю, золотой, / Уподоблен чуду»), преступность, греховность плоти («Ева оному виной. / Страшен мир двуполый. / Происходит грех земной / От прабабы голой», «подобен человек / Кому грязи мерзкой», «тигриное нутро — / Бремя человека»), «об отвержении светских мнений», «о чтении в меру» и «чтении в пользу душевную» («премудрость — страшный сад / С черными плодами»), об истинной мудрости («Будь в немудрости мудрец») и духовности, соотносимой с внутренним содержанием человека («Как черна сковорода / С белыми блинами, / Черен мир — но не беда, / Божья правда с нами»).

С. Стратановский, вновь обращаясь к образу Г. Сковороды, говорит о тех же смыслах, что и в «Диалоге...», но уже без иронии – в стихотворении «Григорию Сковороде...». Лирическим сюжетом этого стихотворения яв-

ляется вопрос, который остается без ответа, вернее, оставлен без ответа намеренно как знак бессмысленности поиска истины: «А если б встретились? / Ну, где-нибудь в корчме? / И спор затеяли? / Что? Поняли б друг друга?» [6]. В этом стихотворении намечен еще один аспект интерпретации наследия Г. Сковороды, отчасти объясняющий интерес к нему в поэзии второй половины XX в., — сопоставление с хасидизмом, к которому С. Стратановский обращается также в стихотворениях «Диспут» (1979) и «Хасидизм» (1982).

Мысль, объединяющая хасидизм и учение Γ. Сковороды, – ценность и духовность внутреннего содержания человека при преступности и греховности плоти: «...хасидизм показывает людям путь к богу, обитающему вместе с ними "посреди их нечистот", путь, который может начаться при любом искушении, даже при любом грехе <...> дает возможность проявиться божественному образу, искре Божией, горящей внутри всех существ» [7. С. 27]. Однако при общности взглядов С. Стратановский акцентирует отличие учения Г. Сковороды от хасидизма.

Стратановский обращается к религиозно-мистическому движению хасидов, возникшему в конце 30-х гг. XVIII в. в Подолии благодаря чудотворцу, каббалисту-целителю Исраэлю бен Элиэзеру (ок. 1700–1769), прозванному Баал-Шем-Тов. Целью жизни человека Баал-Шем-Тов называет служение Богу, состоящему в слиянии с ним путем познания самого себя как проявления Божества, открытия божественной тайны с помощью молитвы и мистического соблюдения заповедей. Преемником Баал-Шем-Това стал его ближайший ученик – Великий Маггид, детально разработавший теоретическое учение хасидизма, в основе которого лежит концепция рассеянных повсюду божественных «искр». «В соответствии с каббалистическим учением Лурии, высшей целью творения считается процесс «исправления» мира (тиккун), то есть извлечения этих «искр» из их земных «оболочек» (клиппот) и постепенное вознесение их к Первоисточнику, вплоть до установления полного единства между Творцом и творением» [Там же. С. 9]. Основными идеями учения хасидов XVIII в. служат следующие положения: 1) весь мир образовался из божества и есть его проявление; 2) зло – это форма проявления Бога в мире, самостоятельно зла не существует; 3) цель земного пути человека – обнаружение в себе божественной природы, божественных «искр»; 4) праведник (цадик) спасает самых великих грешников, благодаря единению с Богом служит посредником между миром и Богом, «каналом», через который изливается на землю Божья Милость [Там же. С. 8–9].

В стихотворении «Хасидизм» («Баал-шем-тов, твои ученики...», 1982) С. Стратановский описывает путь последователей Бешта и проявление божественного в земной жизни, ведущее к очищению мира («Уж виленский раввин строчил на них донос / И старцы хмурились в дремучей укоризне / Но сам Господь входил в зеленый гвалт берез / В вино сапожников, в живые буквы жизни» [2. С. 117]).

И хасиды, и Григорий Сковорода изображаются Стратановским странниками («Баал-шем-тов, твои ученики / по жалостной земле, / по плачущей

Волыни / В дырявых башмаках / шли от корчмы к корчме / Чтоб грубым корчмарям, / торгующим горилкой / И чтущим лунное талмуда серебро / Сказать об искорках / простой и легкой веры» («Хасидизм») [2. С. 117], «Григорию Сковороде / Господню старчику, / что странствовал в то время / От города к селу / и от корчмы к корчме» [6]), так как способ их существования – это поиск истины: «Тот, кто говорит о земных или религиозных вопросах так, словно они ему совершенно понятны, - еретик» [8. С. 21], при том, что и сама истина – вечный странник: «Что означают слова людей, что Истина шествует по всему миру? / Они означают, что она не стоит на месте, что она – вечный странник» [Там же. С. 22]. Однако истина Григория Сковороды отличается от истины хасидской, основанной на «простой и легкой вере». Вера в бога, его присутствие в повседневной жизни человека, разлитость повсюду божественных искр не подвергается хасидами сомнению, в то время как Григорий Сковорода, веря в истинную, божественную природу человека, разрабатывает сложное философское учение, обращаясь к опыту предшественников. Подход хасидов иной: «В хасидской литературе собрано множество историй о простых истинно верующих людях, не ломавших себе головы над Талмудом» [9. С. 75]. Кроме того, Григорий Сковорода признает существование в мире зла, хасиды изображают зло как обратную сторону добра, зло и добро для них имеют одну природу («Зло есть подножие добра» [8. С. 20]). Так, если хасидизм – это основанное на вере учение, религия, то учение Сковороды – сложная философская система, вобравшая в себя богатый опыт предшествующих эпох. Сковорода опирался на познание, достижения науки, был передовым мыслителем своего времени. Вопрос Стратановского «А если б встретились? / Ну, где-нибудь в корчме? / И спор затеяли? / Что? Поняли б друг друга?» [6] можно прочитать двояко: как вечный поиск истины и, следовательно, невозможность ответить либо как отрицание диалога между Сковородой и хасидами вследствие расхождения во взглядах.

Если Г. Сковорода провозглашает торжество духа над греховной плотью, дающее возможность познать в себе истинного человека и уразуметь Бога, однозначно описывает людские пороки и добродетели как противоположные категории («Может ли тлень стоять всегда, то есть вечно? Может ли недостойное честным быть, а тьма светом и зло добром?.. Все то идол, что видимое. Все то бесчестное, что тленное. Все то тьма и смерть, что преходящее...» [4. С. 138]), то в поэзии С. Стратановского синкретизм проявляется и во взгляде на строго разделяемые Сковородой категории (тело и душа, материальное и идеальное, грех и добродетель).

На более поздних этапах творчества С. Стратановского, в сборнике «Тьма дневная» (2000), возникает синкретичный образ душевного тела как места рождения боли, позже проникающей в тело физическое 1: «Из ду-

 $^{^{1}}$ Поэтические тексты С. Стратановского пронизаны двойственностью вещей и явлений, человека, городского пространства (подробнее об этом см. в статье П.А. Цыпилёвой: [10]).

шевного тела / во внешнее, в кожу одетое / В кровь его, в мясо, / в позвоночник его и кишечник / Боль перешла и терзает» [11. С. 143]. Вечная, истинная и божественная душа Сковороды у Стратановского оказывается источником скорби, тоски, смерти (сквозные мотивы сборника «Тьма дневная»), а Бог выступает главным носителем знания о душевной, переходящей в телесную боли: «Только Незримый и знает / отчего и зачем эта боль... / Что она? Знак? Наказанье? / Напоминанье о вечной / Мировой червоточине?» [Там же]. Истинное, божественное меняет свою природу и становится страшным для познания («С болью наедине / С Богом наедине / Страшно остаться мне / Зверю Его охот / Рыбе Его тенет» [Там же. С. 115]). Меняется не только взгляд на дар и судьбу поэта-пророка, но и предназначение поэзии: на смену морально-дидактической позиции субъекта высказывания, присущей текстам Сковороды, в текстах Стратановского приходит намеренное умножение концепций, неоднозначная их оценка лирическим сознанием, объективированным в персонажах (хор с неба, председательствующий), а также представление о жизни и творческом пути поэта как единственной возможности поиска истины, цена которого страдание, боль и смерть («...и вдруг, пораженный, упал / И увидел свет истинный...» [Там же. С. 159]).

Таким образом, обращение к личности и творчеству Григория Сковороды в поэзии С. Стратановского обусловлено синкретичностью представлений о мире как украинского философа, так и современного поэта. Поиск истины как образ жизни Григория Сковороды (и хасидов), вера в Бога, сущность и существование, скрытое за вещественной формой сакральное содержание, божественная и тварная природа предметов и явлений способствуют обращению к личности и наследию Григория Сковороды, а в сопоставлении с хасидизмом подчеркивается как глубина и всеобъемлющий характер философского учения украинского философа, так и равные основания претензий всех концепций на истину при одновременной их беспомощности в попытке ее достижения, т.е. неверие в возможность прорыва к трансцендентной реальности в ситуации гносеологического тупика.

Литература

- 1. Стратановский С. Семидесятые преодоление страха // Enthymema. XII. 2015. URL: https://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/download/4952/5014 (дата обращения: 25.06.2018).
 - 2. Стихи. СПб. : Ассоциация «Новая литература», 1993. 128 с.
- 3. *Суханова С.Ю., Цыпилёва П.А.* Философско-поэтическое переживание мира как элемент славянского художественного сознания: Сковорода и Драгомощенко // Русин. 2015. № 3 (41). С. 144–152.
 - 4. *Сковорода Г.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1973. Т. 1. 511 с.
 - 5. *Сковорода Г.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1973. Т. 2. 486 с.
- 6. *Стратановский С.* Арион. 2010. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/arion/2010/1/ss6.html (дата обращения: 27.06.2018).
- 7. *Бубер М.* Хасидские предания. Первые наставники / пер. ; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит. М. : Республика, 1997. 335 с.

- $8. \ \it Xacudcкaя \ \rm myдрость$ / сост. В.В. Лавский. М. : ИКЦ «МарТ» ; Ростов н/Д : Изд. центр «МарТ», 2007. 256 с.
 - 9. Лифинцева Т.П. Философия диалога Мартина Бубера. М., 1999. 133 с.
- 10. *Цыпилёва П.А.* Античные мифологемы и современный контекст: структурный принцип поэтики С. Стратановского // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: сб. материалов II (XVI) Междунар. конф. молодых учёных, Томск, 9—11 апреля 2015 г. Томск, 2015. Вып. 16. С. 300—304.
 - 11. Стратановский С. Тьма дневная. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 181 с.

Reception of Gregory Skovoroda's Heritage in Sergey Stratanovsky's Poetry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 233–242. DOI: 10.17223/19986645/59/14
Sofiya Vy, Sykhanova Polina 4. Tsyrihova Tomsk State University (Tomsk Pussian

Sofya Yu. Sukhanova, Polina A. Tsypilyova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: suhanova sofya@mail.ru / anilopa87@mail.ru

Keywords: modern Russian poetry, reception, postmodernism, Sergey Stratanovsky, Gregory Skovoroda, Slavic philosophy, symbolical reality, Hasidism.

The aim of the article is to identify the ideological, philosophical and axiological reasons for Sergey Stratanovsky's address to the personality and creativity of Gregory Skovoroda. The material for the article is Stratanovsky's poems "God" (1968–1972), "Dispute" (1979), "Dialogue between Gregory Skovoroda and the Pisa Monkey" (1979), "Hasidism" ("Baalshev-tov, your students . . . ", 1982) and "Gregory Skovoroda . . .". The article uses methods of interpreting the text with the involvement of external contexts (historical-philosophical, literary-aesthetic) and methods of immanent, comparative- historical and comparativetypological analysis. Stratanovsky's "God" presents an unequivocal interpretation of the divine essence as emptiness. In the later poem "Dispute", the poet departs from the unequivocal interpretation of the divine, constructs an interconfessional dialogue, confronts contrasting positions. In the poem "Dialogue between Gregory Skovoroda and the Pisa Monkey", Skovoroda's dialogue "Grateful Erodius" is interpreted ironically, reminiscences from other works of the philosopher are obvious. The main ideas of Skovoroda's philosophy are embodied in the poem: interiorism, the sinfulness of the flesh, "rejection of secular opinions", "reading in moderation" and "reading in favor of the soul", true wisdom and spirituality. In the poem "Gregory Skovoroda . . .", the heritage of the philosopher is compared with Hasidism, to which Stratanovsky also appeals in the poems "Dispute" and "Hasidism". If Hassidism is a faith-based teaching, religion, then Skovoroda's teaching is a complex philosophical system which absorbed the rich experience of the previous eras. The evolution of Stratanovsky's views on the nature of man, of God and of truth, is embodied in the collection The Darkness of the Day (2000). The true and the divine change nature and become scary for knowledge, the life and creative way of the poet are presented as the only way to search for truth, the price of which is suffering, pain and death. The appeal to the personality and creativity of Skovoroda in Stratanovsky's poetry is due to the syncretism of their ideas about the world. The search for truth as a way of life of Gregory Skovoroda (and Hasidim), faith in God, essence and existence, hidden behind the real form of sacral content, the divine and created nature of objects and phenomena contribute to the appeal to Skovoroda's personality and heritage. A comparison with Hasidism is emphasized as the depth and comprehensive nature of the philosophical doctrine of the Ukrainian philosopher. All concepts have an equal basis for truth claims, which means disbelief in the possibility of a breakthrough to a transcendental reality in a situation of epistemological impasse.

References

1. Stratanovskiy, S. (2015) Semidesyatye – preodolenie strakha [The Seventies: Overcoming fear]. *Enthymema*. XII. [Online] Available from: https://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/download/4952/5014. (Accessed: 25.06.2018).

- 2. Stratanovskiy, S. (1993) *Stikhi* [Poems]. St. Petersburg: Assotsiatsiya "Novaya literatura".
- 3. Sukhanova, S.Yu. & Tsypilyova, P.A. (2015) Philosophical and poetic experience of the world as part of the Slavic artistic consciousness: Skovoroda and Dragomoshchenko. *Rusin.* 3 (41), pp. 144–152. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/10
 - 4. Skovoroda, G. (1973) Sochineniya: v 2 t. [Works: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
 - 5. Skovoroda, G. (1973) Sochineniya: v 2 t. [Works: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
- 6. Stratanovskiy, S. (2010) *Arion*. 1. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/arion/2010/1/ss6.html. (Accessed: 27.06.2018).
- 7. Buber, M. (1997) *Khasidskie predaniya. Pervye nastavniki* [Tales of the Hasidim: The Early Masters]. Translated from English. Moscow: Respublika.
- 8. Lavskiy, V.V. (2007) *Khasidskaya mudrost'* [Hasidic wisdom]. Moscow: IKTs "MarT"; Rostov-on-Don: Izd. tsentr "MarT".
- 9. Lifintseva, T.P. (1999) *Filosofiya dialoga Martina Bubera* [Martin Buber's philosophy of dialogue]. Moscow: Institute pf Philosophy RAS.
- 10. Tsypilyova, P.A. (2015) [Ancient myths and the modern context: the structural principle of the poetics of S. Stratanovsky]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki* [Topical issues of literary studies and linguistics]. Proceedings of the II (XVI) International Conference. Tomsk. 9–11 April 2015. Is. 16. Tomsk: Tomsk State University. pp. 300–304. (In Russian).
- 11. Stratanovskiy, S. (2000) *T'ma dnevnaya* [The Darkness of the Day]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

УДК 82-291.1"653"

DOI: 10.17223/19986645/59/15

Н.Г. Юрина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МИСТЕРИИ В «БЕЛОЙ ЛИЛИИ» В.С. СОЛОВЬЁВА

Анализируется трансформация традиций средневековой мистерии в пьесе В.С. Соловьёва «Белая Лилия» (1878—1880; 1893). Автор статьи исходит из убеждения, что мистериальная составляющая произведения воплощалась его создателем серьёзно, без элемента пародии, с учётом катарсических возможностей жанра, несмотря на обозначение «мистерия-шутка». Исследуя логику осмысления и усвоения традиций средневековой мистерии Соловьёвым, сопоставляя характерные для неё сюжеты, организацию образной системы, ключевые мотивы, композицию, язык, художественные приёмы с текстом «Белой Лилии», автор приходит к выводу, что произведение содержит многие жанровые черты мистерии.

Ключевые слова: В.С. Соловьёв, драматургия, поэтика, мистерия-шутка, литературная традиция, юмор, образная система, композиция, тема, мотив.

Центральное место в драматургическом творчестве В.С. Соловьёва занимает мистерия-шутка «Белая Лилия, или Сон в ночь на Покрова». Особая значимость этого произведения для художественного наследии Соловьёва объясняется несколькими причинами. Во-первых, это его единственная многоактная драма, включающая три действия. Во-вторых, в «Белой Лилии» переплелись сокровенные авторские идеи, определившие суть его философской концепции, и поэтическая образность. В-третьих, текст традиционно воспринимается как парадоксальный, спорный по эстетическим достоинствам, в невыгодном свете представляющий его создателя, авторитетного религиозного мыслителя. Даже духовно близкие Соловьёву современники, считавшие себя его последователями, относились к «Белой Лилии» скептически. Для В.Л. Величко это произведение «мало понятное», с неясной жанровой принадлежностью: «комедия (?)» [1. С. 61]. Для Соловьёва-племянника «это очень странная пьеса», «шутки самые грубые, развязные и иногда циничные, крайняя нелепость и чепуха переплетаются в ней с... мистикой Софии» [2. С. 156]. С.Н. Булгаков характеризовал пьесу как «стихотворный фарс о Софии», «граничащий с мистической порнографией и вместе с тем включающий... вполне серьёзные... софийные стихотворения» [3. C. 81].

Важно и то, что первая редакция пьесы создавалась Соловьёвым в 1878—1880 гг., во время активных занятий «домашним» искусством, а её публикация состоялась только в 1893 г. Совершенно очевидно, что текст значительно дорабатывался: в окончательном варианте отсутствовал пролог, была иная система персонажей и сюжет, изменилось авторское жанро-

вое обозначение — вместо «мистерии в трёх действиях с прологом» в подзаголовке появляется «мистерия-шутка». Создавал вторую редакцию уже не юноша, а зрелый человек со сложившимся мировоззрением и определёнными взглядами на задачи литературы, поэтическим багажом, возросшим художественным мастерством и стремлением к жанровому экспериментаторству.

Соловьёв воспринимал театр через религиозно-теургическую модель. Именно с драматургией он связывал воплощение своей мечты о преображении человека и мира средствами искусства. Очевидно, поэтому для своей ключевой пьесы драматург выбрал жанр мистерии, который не только предполагал постановку проблемы взаимоотношения человека с высшими силами, но и прямо ставил дидактические цели. Жанр мистерии позволил Соловьёву, с одной стороны, реализовать риторический, пророческий темперамент, открыть человечеству некие сакральные истины, с другой – приблизить современное искусство к теургическому, воздействовать на читателя средствами театра, показать то, что мешает двигаться по пути самосовершенствования. На наш взгляд, в своей художественной практике Соловьёв соединил жанровые возможности западноевропейской и отечественной мистерии XVII столетия. На русской почве этот жанр определялся спецификой духовного театра, призванного объединять в деле всеобщего покаяния и спасения, построенного по законам православной литургии (анонимный «Диалог про страдания Христовы», «Царство натуры людской...», «Рождественская драма», «Успенская драма» Дмитрия Ростовского). В западноевропейском варианте он имел (особенно на позднем этапе развития) синтетическую природу: был близок трагедии своим катарсическим очищением, но не исключал возможностей комедии, развлекающей и вместе с тем разоблачающей при помощи смеха недостатки действительности и человеческие пороки (немецкая мистерия о сошествии Иисуса Христа в ад (1464), английская мистерия рождественского цикла «Вифлеемские пастухи», сцена с женой Ноя в цикле «Таунлей», французская «Мистерия о святом Мартине», включающая фарс «Мельник, чью душу в ад чёрт уволок»). Соловьёв совместил в своём тексте высокий смысл русской литургической мистерии с поэтикой поздних западноевропейских образцов этого жара.

Обратим внимание на то, что процесс проникновения «низкого плана» в религиозную мистерию в отечественной литературе начался ещё до Соло-

¹ Современные соловьёвоведы всё более настойчиво соотносят художественное творчество В.С. Соловьёва с традициями древнерусской литературы. См., например: *Черкасова Е.А.* Жанры средневековья в поэзии В.С. Соловьёва // Русский мир в духовном сознании народов России. Тюмень, 2008. С. 252–254; *Ее же.* Мистериальный сюжет в стихотворении В.С. Соловьёва «В тумане утреннем неверными шагами» // Соловьёвские исследования. 2012. № 3 (35). С. 81–92. Действительно, нельзя не учитывать, что в литературно-критических и публицистических работах Соловьёва явно выражен интерес к древней отечественной словесности, что как поэт он «оказался восприимчив к традиции жанров древнерусской литературы» [4. С. 143].

вьёва. Этому способствовали, в частности, романтики, оказавшие, определяющее влияние на художественное творчество автора «Белой Лилии» (мистерия «Ижорский» В.К. Кюхельбекера, 1826–1841; мистерия в трёх периодах» «Жизнь чиновника» И.С. Аксакова, 1843). Однако произведение Соловьёва отличалось от мистерий русских романтиков тем, что «высокий план» в нём не вписывался в явно вымышленный, сказочный контекст, а прорисовывался с той степенью серьёзности, которая была характерна для литургических образцов жанра, «низкий» же план расширялся и углублялся настолько, что проникал в мистический. Можно лишь предположить, что подобное художественное решение было вызвано в том числе биографическими обстоятельствами: Соловьёв переживал период разочарования в своём теургическом проекте. В письме к Д.Н. Цертелеву в июле 1879 г. он писал, что ощущает «самые противоположные настроения», представляет «живой пример единства противоречий» [5. Т. 2. С. 249]. Вполне логично, что в этот период сомнений он выставил на всеобщее обсуждение собственную философскую концепцию в «Белой Лилии», придав своим идеям художественную форму и поместив их в смеховое поле (способ защиты или самоирония?).

Вопрос о соотношении «серьёзного» и «шуточного» в драматургическом творчестве Соловьёва был поставлен ещё его современниками, а в соловьёвоведении утвердился начиная с работ З.Г. Минц и А.Ф. Лосева. Однако на практике две эти составляющие не всегда воспринимались как равноценные. Так, И.А. Аполлонская, анализируя «Белую Лилию»¹, определяла её жанр как мистерию и не придавала большого значения смеховой стихии. З.Г. Минц трактовала это произведение Соловьёва иначе: «В целом в пьесе явно преобладают тона иронические» [6. С. 51]. Исследователи драматургии Соловьёва 2000-х гг. изучали прежде всего смеховой компонент «Белой Лилии». И.Б. Роднянская уточнила жанровое обозначение пьесы: не «мистерия-шутка», но «мистерия-буфф» [7. С. 91], в которой господствует «юмор юродства» [Там же. С. 98], имея в виду, что смех вторгается здесь в повествование о вещах дорогих и даже священных для говорящего. Е.С. Шевченко обратила внимание на то, что творческая личность Соловьёва-драматурга сформировалась в среде «кружкового» искусства, атрибутами которого были игра, мистификация, театрализация быта и поведения. Неофициальная творческая среда, считает она, предопределила «присутствие черт балаганной народной комедии и поэзии нонсенса» [8. С. 16] в пьесах Соловьёва.

Показательно, что исследователи творчества В.С. Соловьёва единодушны в том, что грань между патетическим и смешным в поэзии была для него нечувствительной: он легко переходил от одного к другому. «...В серьёзном, – пишет И.Б. Роднянская, – у Соловьёва содержится очень часто

¹ В книге «Христианский театр» она рассматривала произведение как однозначно мистическую драму, предполагая в каждой шутке наличие высокого скрытого смысла (*Аполлонская* (*Стравинская*) И.А. Христианский театр. СПб., 1914. С. 57).

сакральная крупица смеха – поэзии – свободы» [7. С. 88]. «"Белая Лилия" В. Соловьёва, – вторит ей Е.С. Шевченко, – постоянно балансирует на грани серьёзного и смешного, мистериального и буффонного. В сюжете пьесы сквозь бытовое, комическое просвечивает вселенское, мистериальное, и наоборот – мистерия каждый раз грозит обернуться балаганом» [8. С. 14]. Следовательно, для Соловьёва была близка поэтика западноевропейской средневековой мистерии, которой свойственно смешение серьёзного и комического, сакрального и карнавального. В отечественной литературе периода Средневековья существовало особое отношение к комическому. Как отмечал М.П. Одесский, «специфика древнерусской модели комического детерминирована тем, что оппозиция "серьёзное / смешное" производна от базовой культурной оппозиции "Божественное / демоническое" ("норма / аномалия")... Бог, Божественное, эманация Божественного в мире – нормативная сфера, сфера абсолютно серьёзного... смех выступает как аномалия, как атрибут дьявола... дьявол лишён способности творчества, он "обезьянничает"... заимствуя формы существования путём имитации или творчества наоборот...» [9. С. 110–111]. Как следствие – серьёзному в древнерусской литературе соответствовали «действительные жанры» [Там же. С. 112], а смешному – их имитация и пародирование. Смешное не уничтожало серьёзное, но сосуществовало с ним. Впрочем, уже к XVII столетию смеховая стихия проникла во многие жанры русской литературы, в том числе в драматургию (интермедия). Комическое охватило и «низкие» и «высокие» персонажи, и «низкое» и «высокое» слово, и «низкую» и «высокую» тематику. В самые серьёзные пьесы (например, в «Стефанотокос») включались шутовские сценки для развлечения зрителей, утомлённых длинным нравоучительным спектаклем. Использование «низких» персонажей и языка создавало пародию: выстраивалась дополнительная сюжетная линия, дублирующая «высокую»; тема в пределах произведения получала двойную аранжировку.

Мы будем исходить из того, что «Белая Лилия» Соловьёва в соответствии с традицией древнерусской мистерии воплощала мистериальное содержание вполне серьёзно, с учётом катарсических возможностей жанра. Буффонная же (шуточная) составляющая пьесы восходила к поэтике поздней западноевропейской мистерии. Трансформация мистериальных традиций в драматургическом творчестве Соловьёва происходила во многом с учётом опыта отечественной романтической мистерии¹.

Мистериальное мировидение оказалось чрезвычайно близким Соловьёву именно к 1880-м гг., когда он обдумывал основные положения будущего трактата «Красота в природе». В Средневековье историческая эволюция понималась как осуществление воли Провидения. Для Соловьёва развитие

¹ См. об этом: *Юрина Н.Г.* Традиции романтической мистерии в творчестве В.С. Соловьева («Ижорский» и «Белая Лилия»). Православие и русская литература : сб. науч. ст. / отв. ред. Б.С. Кондратьев. Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 198–207.

природы также имело мистический смысл, трактовалось как последовательное движение от тьмы к просветлению, а жизнь человека - как странствие в поисках истины и высшей красоты. В первоначальном варианте «Белой Лилии» существование героев рассматривалось параллельно с дополнительным действом – борьбой за их души тёмных и светлых сил, что для жанра мистерии имело сюжетообразующее значение. В окончательном виде идею, систему персонажей, события определил «любовный» сюжет, прямо вытекающий из авторской философии любви («Смысл любви», 1892-1893), однако и после доработки мистериальный пласт, связанный с темой преобразующего воздействия высших сил на грешного человека, оставался существенным. И в начале 1890-х гг. жанр мистерии (в её духовной, литургической разновидности) оказался созвучным эстетической концепции Соловьёва. Он был убеждён, что под воздействием божественного вдохновения художник способен пересоздавать реальность, в которой существует. Следовательно, жизнь творца рассматривалась им в мистериальном контексте, а мистериальность трактовалась как определяющее качество истинного искусства. Конечно, мистериальный сюжет по сравнению со средневековой традицией существенно трансформировался у Соловьёва в соответствии с новой социокультурной ситуацией, авторскими философскими и эстетическими взглядами. Литургическая мистерия была связана с вопросом о пути человечества во Вселенной, Соловьёв поставил вопрос о судьбе самой Вселенной, о возможностях «восхождения» или, напротив, «вырождения» космоэволюционного процесса.

Религиозная (литургическая и полулитургическая) мистерия, один из жанров средневекового театра, определялась, как правило, сюжетом, взятым из Библии. Она показывала жизнь как некое онтологическое таинство, бесконечное движение к нравственным высотам, к новым уровням бытия благодаря осуществлению воли Провидения. Соловьёв отказался от библейского сюжета, связал основное действие «Белой Лилии» с очень важной для своей философской концепции идеей нисхождения Софии в мир и одухотворения ею человечества. Тем не менее дидактические задачи, соотносимые с целями и функциями средневековой мистерии (драматург должен был воспитывать зрителей, предлагая им идеальные образцы для подражания и показывая последствия дурных поступков на отрицательных примерах; вызвать сочувствие к невинно страдающим героям, вести к катарсису), ставились в пьесе сознательно и серьёзно. «Белая Лилия» стала для её создателя и своего рода откровением, и шутливым наставлением зрителей, и своеобразным вкладом в борьбу за одухотворение человека средствами искусства. Несмотря на значимость тематики (мистическое спасение человечества) и дидактическую установку. Соловьёв придал главной коллизии пьесы комедийный характер, чтобы глубже отразить в ней противоречия между уродством эмпирической жизни и высшим способом бытия. По его мнению, изобразить это было возможно, лишь показав недолжное комически, гиперболизировав несовершенства, противопоставив их идеалу. Об этом Соловьёв писал в посвящении к первому варианту пьесы: «Звучи же смех свободною волною, // Негодования не стоят наши дни. // Ты, муза бедная, над смутною стезёю // Явись хоть раз с улыбкой молодою // И злую жизнь насмешкою незлою // Хотя на миг один угомони» [10. С. 68].

Собственно мистерия начинает разворачиваться у Соловьёва уже в Прологе, оставшемся в черновиках и носящем эсхатологический характер. Русские литургические мистерии открывались именно прологом и аллегорическим антипрологом, в которых намечалось содержание предстоящего действия («Рождественская драма» Дмитрия Ростовского, 1702). Близкий приём использовал впоследствии и Соловьёв. Он вывел в Прологе «Белой Лилии» высшие силы – Бога (Геодемон), ангелов (лакеи Геодемона), демона (Китоврас, рождённый от тёмной ночи и хаоса). Большинство из них изображалось в сниженном, карикатурном виде: Геодемон - «в халате и в туфлях, на голове ночной колпак, а сверх него корона, в одной руке скипетр, а в другой – подушка» [Там же. С. 271], ангелы – «в синих и красных ливреях» [Там же. С. 269], с картонными крыльями. Внешнему виду героев соответствовала их авторская характеристика: Геодемон «весьма добродушен, иногда впадает в экстаз», ангелы «ленивы, надменны и глупы» [Там же]. Только «приказчик» Китоврас был лишён внешних комических черт, характеризовался сдержанно-положительно («распорядителен»), играл роль правдолюба, озвучивал идеи, которые разделял и сам автор: «По лицу земли // Лжи, убийства и разврата // Семена взошли» [Там же. С. 270]. Именно он объявлял о последнем дне бездуховного и безнравственного человечества. Когда Геодемон называет несколько имён «порядочных людей» - Мортамир, Халдей, Инструмент, Сорвал, Альконда, Теребинда, Галактея, Китоврас раскрывает безнравственную сущность их носителей и тем самым реализует традиционную функцию лица из пролога мистерии, дававшего характеристики основным действующим лицам. Тот факт, что из редакции 1893 г. Пролог был исключён, а функция характеристики главных персонажей и основного действия была передана столь же карикатурным, но всё-таки нейтральным лицам – Сокрушённому помещику, Скептику, Отчаянному поэту – объяснялся, видимо, причинами этического характера¹. Герои-резонёры заменили проложных персонажей, которые вводили проблему развращённости человечества, общего кризиса жизни и необходимости спасения. Все они находились в «пороговой» ситуации, утратили смысл жизни, потеряли веру как опору существования. В их монологах звучали основные мотивы мистерии: непонимание природы иной жизни, отсутствие нравственных ориентиров, тоска по красивому и должному.

¹ Анализируя «Исторические картинки» К.К. Случевского, Соловьёв отмечал, что писатель, берущийся за религиозные темы, «обязан принимать меры предосторожности и против невольных грехов со своей стороны»: «Самая лучшая и общедоступная из предупредительных мер состоит здесь в том, чтобы вовсе не браться за такие темы, если не имеешь особого призвания и подготовки к этому делу и не смотришь на него как на главную задачу своей жизни» [11. С. 593].

Сюжеты в средневековой мистерии были статичными (действия не отличались разнообразием, повторялись) и имели зеркальную композицию – изображались сходные, но контрастные по содержанию ситуации. На тех же принципах выстраивается и соловьёвская «Белая Лилия». Кавалер Мортемир (окончательное имя героя) слышит голос из «четвёртого измерения» и решает, по его совету, изменить свою жизнь и отправиться на поиски Белой Лилии. К нему присоединяются бросившие своих возлюбленных Халдей, Инструмент, Сорвал. Однако только Мортемир прозревает Белую Лилию в образе медведя, который встречается на их пути, и остаётся с ней. После смерти медведя Белая Лилия обретает свой истинный облик и уводит героя в «четвёртое измерение». Остальные соединяются с бывшими возлюбленными, увидев их другими глазами и испытав к ним истинную любовь. С одной стороны, в этом сюжете повторяются противоположно направленные эпизоды (встреча трёх пар возлюбленных, их разрыв и финальная сцена с примирением), с другой стороны, контрастно воспроизводятся любовные линии Мортемира – Белой Лилии и их последователей. По сравнению с первоначальным вариантом пьесы отредактированный сюжет был выстроен строже, в нём снимались некоторые двусмысленности в отношении религиозных предметов (самоубийство Мортамира на могиле медведя, колдовство Сатаны, о котором упоминала Белая Лилия, смерть возлюбленных от излишнего блаженства после соединения, благословление трёх пар на распространение по всей земле наслаждения любви). Авторская философская концепция Вечной Женственности воплотилась теперь более развёрнуто и точно. Мистериальный пласт сократился, на первый план выступил бытовой. Шуточные сцены стали прописываться гораздо тоньше.

Ключевыми в «Белой Лилии» становятся мотивы одухотворения и спасения человека любовью, преображения мира, перехода «отсюда» (из области повседневной действительности) «туда» (в мир истинных ценностей) и, наоборот, зова из иного мира. Эти мотивы, характерные для литургической мистерии, во многом определили и образную систему, и композицию произведения, и его поэтику. Из ключевых мотивов пьесы также важен мотив сна, восходящий и к романтической интерпретации мира и жизни, и к мистериальной их трактовке. Средневековый театр напоминал зрителю о том, что человек - игрушка высших сил, что его существование недолговечно: «Не бойся, честный внук Аврамов, // Лучши твой есть сон, нежели Адамов, // Спящу бо тому ребро отворися, // Жена родися; // Тебе же спящу отверзеся небо, // И восод готов ко небеси, се бо // Лествица с земли до небес досязает, // Ко Богу дерзает» («Успенская драма» Дмитрия Ростовского, конец XVII в.) [12]. Часто в средневековой драме беспрестанно меняющийся мир, идеальная жизнь показывались как ускользающие от человека (они - сон). В этой связи вещий сон становился необходимым компонентом для её поэтики: через сны предсказывалось будущее, открывались принципы истинной жизни, которая порой значительно отличалась от реальной. В «Страшном изображении второго пришествия», например,

показывалось сразу два таких сна — Навуходоносора и пророка Даниила, предсказывающего будущее. В соловьёвской пьесе мотив сна имел определяющее значение. Автор, утверждая идею торжества нетленной красоты, использовал подзаголовок: «Сон в ночь на Покрова». По народным поверьям, всякое прошение на Покров должно исполниться, а сны накануне этого праздника обязательно сбываются. Таким образом, Соловьёв придавал повествованию символический смысл: его «Белая Лилия» — это сонмечта о рождении из очищенной материи высшей духовной красоты.

Поэтика мистерии основывалась на убеждении, что ни одно явление мира не существует изолированно, но всегда находится в отношении противопоставления с другими явлениями и с самим собой. Так, уже в антипрологе «Рождественской драмы» Дмитрия Ростовского поочерёдно выступают Натура людская и Натура, Век золотой и Век железный, Любовь и Ненависть, Незлобие и Ярость, Жизнь и Смерть, в его же «Успенской драме» - Ангел с небом и Ангел с землёю и т.д. Для Соловьёва-писателя эта антиномичность мышления была характерна. Это обстоятельство, наряду с мистицизмом вообще, очевидно, должно было привлечь его внимание к мистерии. Определяющим для жанра в его классическом виде было выстраивание сюжета на основе семантических оппозиций: верх – низ, свет – тьма, красота – безобразие, внутреннее – внешнее, добро – зло, Бог – дьявол, Бог – человек. Мир как таковой делился на две части, каждый элемент одной имел антипод в другой. Все понятия приобретали и положительное и отрицательное значение, вступали в противоречие со своими антиподами. Строение мироздания проецировалось на сущность человека. Он рвался душой ввысь и был привязан к земле тяжестью плотской телесной оболочки, постоянно колебался от добра ко злу. Автор «Белой Лилии» также всё время подчёркивал единство земного и небесного, прекрасного и безобразного, глубоко духовного и ничтожного, нравственного и безнравственного в мироздании и человеческом характере. Его герои (особенно второстепенные) постоянно колеблются между двумя противоречивыми началами, что приводит к их внутренним изменениям. Путь главного героя, Мортемира, выглядит как более цельный. Но ведь и полоса его заблуждений была более широкой, а сами они – более глубокими. Кроме прожигания своей жизни в Петербурге, он был явно преступен в любовных отношениях. В черновом варианте второго действия он называл своих спутников «невинными щенятами» утверждал, что «...триста, 49 000 женщин // Любил зараз» [10. С. 282]. Голос из четвёртого измерения, который слышит только Мортемир, упрекает его в том, что он «забыл Бога», называет «извергом» [Там же. С. 227]. Очевидно, что перелом в его сознании должен был быть кардинальным, ведь теперь он оказался ведом по жизни не только любовью, но и убеждением в необходимости очиститься страданием: «Венец терновый // Нужно стяжать» [Там же. С. 246]. Все герои пьесы (и прежде всего Мортемир) выступают как странники, ищущие себя и своего места в жизни, состоят в близком родстве с мистериальным персонажем, заблудившимся в лабиринте мира. Как и в средневековой драме, статус героев в структуре действия пьесы часто выравнивается, а их судьба зависит не только от личных качеств и душевных порывов, но и от внешней Божественной субстанции, одинаково довлеющей над каждым. Так, во французском миракле «Чудо о Теофиле» Рютбёфа главный герой, продавший душу дьяволу, всё-таки получает покровительство Мадонны. У Соловьёва грешника Мортемира выводит к свету Белая Лилия-София.

Герой средневековой духовной драмы являлся фигурой условной, носителем определённой идеи, и именно в этом качестве он «нёс большую сюжетообразующую и семантическую нагрузку» [13. С. 137]. Персонажи пьесы Соловьёва также условны. Даже главный из них – Мортемир – однозначен: это искатель идеала, рыцарь и певец Вечной Женственности. Несмотря на двойственность его имени², это, безусловно, избранный, призванный совершить космическую миссию, соединить земное с вечным и повести за собой человечество. Именно ему адресован таинственный свиток из Тибета, символизирующий высшее знание. Конечно, герой несколько компрометируется ироническим обыгрыванием его «донжуанства». Вместе с тем этот его порок мог иметь для Соловьёва и серьёзное философское обоснование. В «Софии», произведении, созданном буквально за два года до начала работы над «Белой Лилией», рассуждая о характере любви, он писал: «...любовь, чтобы быть полной, должна быть двойной, также как <органический> союз по меньшей мере тройствен. Каждое существо связано любовью с двумя существами: одно оно любит восходящей любовью, а другое – любовью нисходящей. Но так как... совершенное существо единственно, то предметы нисходящей любви всегда более многочисленны, чем предметы любви восходящей. Высший предмет последней единствен – это София. Она находится в прямой связи с избранниками человечества (с необходимостью, мужчинами, ибо она женщина), которые любят её восходящей любовью и любимы ею любовью нисходящей. Они, в свою очередь, находятся в непосредственной связи с большим количеством индивидов (с необходимостью, женщин), которые любят их восходящей любовью, а они их любят любовью нисходящей; эти индивиды снова есть предмет восходящей любви для определённого количества индивидов-мужчин и так далее» [15]. В свете этих суждений образ Мортемира получает дополнительный ореол единственного избранника, «великого жреца человечества». Его любовные похождения становятся обоснованными идеей нисходящей любви. Впрочем, могла быть здесь и самоирония по поводу своих недавних, но уже пересмотренных идей.

Первоначально Мортемир очень неустойчив в решении поиска высшей любви: прощаясь с Галатеей, он, кажется, не прочь остаться: «В моей ду-

¹ И. Роднянская справедливо видит в нём «искателя Грааля, сосуда благодати в вечно-женственной его версии» [7. С. 100].

² О.А. Дашевская подчёркивает, что «морте» (с лат. «смерть») актуализирует два смысла: «победитель смерти» и представитель «земного, "мёртвого" мира» [14. С. 63]. Разрыв героя с прежним образом жизни указывает на первое значение, а комический ореол, сопровождающий его, – на второе.

ше, поблёкшей и усталой, // Ты новые огни привыкла возбуждать (Хочет обнять её.)» [10. С. 226]. Только голос из «четвёртого измерения» настраивает его решительно. Эта смеховая составляющая образа главного персонажа снижает впечатление от его высокопатетических монологов о любви, взятых из «серьёзной» лирики Соловьёва. Они обретают двусмысленное звучание и противоречиво характеризуют героя. Дискредитация образа Мортемира достигается и за счёт бытовых подробностей: он чрезмерно заботится о своём внешнем виде («Но где моя дорожная фуражка? // Здесь! И перчатки в ней» [Там же. С. 229]), выезжает на поиски Белой Лилии «в дорожном платье и с чемоданом в руках» [Там же. С. 224], не гнушается хорошей закуской и выпивкой (авторская ремарка: «изрядно выпив и закусив» [Там же. С. 246]), периодически принимает эффектные позы («в позе отчаяния стоит кавалер де Мортемир» [Там же. С. 249]). Всё это свидетельствуют о том, что герой сильно погружён в мир земного существования, его душе трудно оторваться от привычных вещей.

В соловьёвоведении нет единого мнения о природе образа Белой Лилии. Конечно, трудно оспорить тот факт, что сама идея Вечной Женственности, ключевая для философии Соловьёва, претерпевает в пьесе ироническое снижение¹. Она низведена до гротескного образа женщины, возникшей из тела медведя. Однако нельзя забывать, что Белая Лилия переживает и существенные обратные метаморфозы: снизойдя в земной мир в животном образе, она обретает свою истинную небесную сущность, переходит в «четвёртое измерение». Таким образом, идея восстанавливается в своих правах. Белая Лилия выполняет свою миссию — становится связующим звеном между вещественным и духовным мирами, способствует усовершенствованию человека и земного бытия.

По мнению И.Б. Роднянской, Белая Лилия — это воплощение одновременно и Софии, Премудрости Божьей, спасающей человечество, и падшей Души мира, которая сама нуждается в спасении. Это олицетворение и восходящей и нисходящей любви, так как кавалер де Мортемир одновременно и искатель высшего женского идеала, и создатель его силами земной любви [7. С. 99–100]². В тексте пьесы, действительно, нет пояснения природы Белой Лилии. Это воплощение и истинной любви, и Божественной силы, невидимой для людей, и «таинство натуры», и женская сущность с «небес-

¹ Ироничность по отношению к «вечной Подруге», так возмутившая в своё время современников философа, была объяснима отчасти культурным контекстом — «кружковое» искусство было сориентировано на развлекательность, нестандартность и эпатажность. Вместе с тем нельзя не учитывать, что пьеса была пародией на всё, показывала многообразие форм природной и человеческой жизни, ощутимо удалённых от идеала.

² На наш взгляд, в пьесе Соловьёва действительно актуален мифологический контекст, связанный с образом Пигмалиона, идеей мужского «оформляющего» начала мира, но он соотносится исключительно с линией Галактеи, последней земной возлюбленной Мортемира, которую он бросает непреображённой. Белая Лилия же перевоплощается не благодаря усилиям героя, который даже не вполне осознаёт её высокой сущности, а за пределом земной жизненной черты, на что Мортемир повлиять не мог.

ными чертами», и «царица», и цветок. Каждая из этих характеристик дополняет, но не проясняет её образ и не может быть определяющей. Конечно, связь Белой Лилии с Премудростью Божией, Душой Мира из философских трудов и Вечной Женственностью из поэмы «Три свидания» отрицать нельзя, но этот образ, на наш взгляд, имеет и другие значения. В контексте шуточной мистерии он – и символ несовершенства, непроницательности человечества, которое может воспринимать Небесное только в грубо материальном, земном облике (человек, по логике пьесы, сам имеет «медвежью» натуру), и общечеловеческая идея, которую каждый воспринимает в меру своего интеллекта и эстетического чувства. Интересно, что образ Премудрости Божьей встречается уже в русской драматургии начала XVIII в. и присутствует, например, в небольшой анонимной пьесе без заглавия, которую впервые опубликовал В.И. Резанов¹. Русские средневековые авторы, как правило, не выводили на сцену высшие сущности в собственном лице, зато в действии могли участвовать аллегорические фигуры неясной природы – «Всемогущая Сила», «Вражда» и др. Соловьёв также показал на сцене Вечную Женственность в её истинном виде лишь мнгновение, как дух, поднимающийся над могилой и сразу же переходящий в «четвёртое измерение».

Второстепенные персонажи обрисованы Соловьёвым в духе древних мистерий. В средневековой духовной драме всё имело особую семантическую нагрузку, в ней не было «фоновых» компонентов. Каждый из героев занимал своё место в художественном пространстве. Так, пастыри Борис, Авраам, Афоня из «Рождественской драмы» Дмитрия Ростовского равно значимы, абстрактные и аллегорические образы (Ангел, Вражда, Милость Божия и др.) наравне с конкретными участвуют в организации и продвижении действия. Всё, что воспроизводилось на сцене в пьесе Соловьёва, также имело высший смысл, который слагался из действий и речей всех актёров, общей композиции и отдельных эпизодов, деталей. Каждый из компонентов содержал частный оттенок идеи всей пьесы: истинная любовь даёт возможность одухотворения и спасения человечества. В традициях жанра часть действующих лиц в пьесе не названа даже именами собственными (Инструмент, Неплюй-на-стол, Скептик, Сокрушённый помещик, Отчаянный поэт). Их характеры схематичны, а действия и речи условны. Все они развивают свою «подтему» (каждый воплощает «животный» уровень сознания, человеческий порок - глупость, лень, обжорство и т.д.) и намеренно «смонтированы» из разных исторических эпох, культурных и национальных пластов. Три пары, идущие за Мортемиром, обозначают человечество, духовно несовершенное и греховное, но всё-таки стремящееся к идеалу, имеющее потенциал для внутреннего изменения. Все эти герои аллегоричны. Если Мортемир и Белая Лилия выступают связующими звеньями между конкретным и условным мирами, то они разрушают гра-

 $^{^{1}}$ См.: *Резанов В.И.* Из истории русской драмы: Школьные действа XVII–XVIIII веков и театр иезуитов. М., 1910. С. 249.

ницы между ними. Аллегорическое действие развивается параллельно с основным, оттеняет его высокий смысл. В список действующих лиц, в соответствии с традицией средневековой духовной драмы, наравне с людьми внесены Птицы, Растения, Солнце, Совы, Волк, Львы и Тигры, Медведь и даже Голос из «четвёртого измерения».

Самым противоречивым второстепенным персонажем является «служитель науки из наук» Неплюй-на-стол. Несмотря на то, что он, хранитель древнего пергамента, содержащего великую тайну, указывает на «иной» путь, разъясняет природу Белой Лилии, созывает попутчиков Мортемиру, именно Неплюй-на-стол то и дело прерывает поиски предложением отобедать и так и не достигает цели, умирая от «гнусной» болезни. Можно предположить, что это пародийное воплощение, с одной стороны, учёного, ведомого по жизни чистым разумом, а не сердцем, закрытого для высоких чувств (у него единственного из странников нет земной пары), с другой стороны, чисто буффонный персонаж, неспособный к просветлению, наслаждающийся своим земным несовершенством. Однако именно Неплюй-на-стол, человек с именем, подчёркивающим его гастрономический фанатизм, видит то, что другие герои пока не прозревают: пещеру, где скрывается Медведь, он называет дворцом, ему мерещатся огни, фрейлины и придворные Белой Лилии. Правда, после общего возмущения он признаёт, что «пошутил немного».

Соловьёв уже в первом варианте текста помещает своего героя в пространственно-временное поле мистерии: близость «четвёртого измерения», действие всей пьесы «в местах, не столь отдалённых», наконец, параллельность пространств (на земле и «на облаках») и условность времени (от древнейших времен, когда высшие силы определяют события на земле, до эпохи «четвёртого измерения, где времени уже нет). Рамки будущего повествования раскрываются предельно широко: местом действия становится весь мир, действующим героем – человечество. Эта особенность проявляется и в окончательном варианте произведения, хотя автор, казалось бы, теперь стремится к уточнению, большей конкретизации места действия. Воссоздаётся бытовая и отчасти историческая обстановка. Исходная точка отсчёта – Петербург XIX в. Даны отдельные детали исторической и бытовой обстановки. Очевидно, перед нами российская действительность и публика высшего света – землевладельцы (граф Многоблюдов, кавалер де Мортемир), служащие различных департаментов и министерств (Халдей, Скептик), военные (генерал Хлестаков, отставной драгун Инструмент). Узнаваемы отдельные черты эпохи: одежда мужчин и дам, предметы. Мортемир устраивает бал в своём Зимнем саду в Петербурге; его поведение во многом определяется его социальной принадлежностью, историческими обстоятельствами. Однако второе действие переносится в «неизвестный лес», третье происходит «близ южного Тибета» [10. С. 215]. И здесь уже детали становятся размытыми, лишёнными конкретики: «ночной костюм» Сорвала и посох Неплюя-на-стол, водка и бордо на столе у путешественников, пергамент, пещера, шпаги в руках Халдея и Инструмента, кинжал Мортемира. Даже упоминания о Калуге и Чукотке не вносят пространственно-временной ясности. Между сценами проходят недели. Завершается действо переходом героев в иное измерение. Несмотря на то, что Соловьёв в конечном счете отказывается от воспроизведения развёрнутых действий в «четвёртом измерении», что, кстати, было характерно и для русской литургической мистерии (в западноевропейской духовной драме всё действие могло разворачиваться в раю — французское «Действо об Адаме»), пространственная организация в его пьесе всё-таки сохраняет иерархическую структуру, направленную не только по горизонтали, но и по вертикали. Правда, в отличие от средневековых пьес, где сцена была трехъярусной — рай, мироздание, ад, у Соловьёва она всё-таки на порядок меньше! Но его герои также свободно двигаются по вертикали: сверху вниз и снизу вверх.

Несмотря на буффонные тона, которые определяют целые сцены «Белой Лилии», особенно в первом её варианте, произведение в целом имеет шуточный, юмористический характер (и это подчёркнуто в авторском жанровом обозначении). Природа соловьёвского смеха родственна романтическому юмору, сущность которого очень точно определил В.К. Кюхельбекер: «... Humour не есть просто насмешливость, не есть одно остроумие, не есть vis comica без всякой примести; Humour не выражается исключительно ни сатирою, ни ирониею; насмешник, остряк, комик холодны... сатирик-саркастик ограничивается чувством гнева, негодования. Юморист, напротив, доступен для всех возможных чувств, он играет ими... юморист забавляется чувствами и даже над чувствами... как добрый старик забавляется с детьми...» [16. С. 751]. Юмор Соловьёва не холоден, не сосредоточен на обличении. Это смех свободный и лёгкий, иногда увлекающийся, но никогда не вырывающийся из-под надзора автора, который ведёт свою игру. В поэзии Соловьёва «разнообразные оттенки комического... это отражение его художественного миропонимания и литературной позиции в целом» [17. С. 39]. В «Белой Лилии» смех порой доходит до буффонадного гиперболизирования и шутовского на разных уровнях (расстановка образов, характер взаимоотношений трёх пар возлюбленных, балаганные похороны и свадьбы, иронический комментарий метаморфоз, происходящих с героями, травестирование собственных идеалов (Вечная Женственность в образе Медведя), пропуск второго явления в третьем действии как отражение мгновенности преображений, частая немотивированность поступков, сцены неузнавания героев в их истинном виде, балаганность поз, утверждение гармонии посредством «галиматьи», двусмысленность финала и т. д.). Но именно смех такого рода был единственной возможностью драмы указать на противоречия между высшим бытием и уродливой реальной действительностью, на бездуховность человека,

¹ Отсутствует пространственное обозначение ада. Возможно, это можно объяснить скептическим отношением Соловьёва к «гнусному догмату» [7. С. 97] о вечности адских мук.

вполне довольного собой и положением вещей. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что поэтика буффонады и нонсенса использовалась автором прежде всего для изображения второстепенных персонажей, подчёркивала слабость благих намерений человечества на пути духовного обновления. Напротив, главный герой, Мортемир, несмотря на ироническую окрашенность этого образа, всё-таки завершает свою миссию: он показывает «сверхчеловеческий *путь*, которым шли, идут и будут идти многие, на благо всех» [18. С. 277]. Его шуточная трактовка была необходима, вопервых, в связи с убеждением Соловьёва в том, что человеческая природа всё-таки крайне далека от совершенства (идеальный герой мог бы невольно стать пародией на сокровенные христианские идеи): во-вторых, вследствие поэтики текста, в целом опирающейся на вариант поздней западноевропейской мистерии.

На языковом уровне для средневековой духовной драмы, в том числе русской, было характерно комическое многоязычие («высокая» часть языка содержала сакральный смысл. «низкая» (профанная речь (разговорная. диалектная, жаргонная) и «чужая» (тарабарский язык, основанный на звукоподражании) отражала обстоятельства действительности). Дмитрий Ростовский в «Рождественской драме» достигал комического эффекта, вводя иноземцев, говорящих на ломаном языке, с забавным акцентом, что подчёркивало низкую природу героев. «Низким» языком говорят у него и пастыри, пришедшие к вертепу: «здеся», «не замай спит», «чаю», «гето ты заблудил», «не фслухал» и т. д. Речь персонажей Соловьёва также сочетает «высокий» и «низкий» язык. Она непредсказуема, алогична, изобилует каламбурами, построенными на полисемии, омонимии или фонетическом подобии слов. Это отражает «галиматью» и «нелепицу» сознания, является способом характеристики персонажа: «Теребинда. Ха-ха-ха! Разве вы патагонец? Инструмент (отирая лицо платком). Сущий потогонец, как видите-с» [10. С. 220]. Для той же цели использовались буффонные приёмы, широко применяемые в средневековых интермедиях. В одном из «междуречий», опубликованных Н.С. Тихонравовым, Старику, желавшему постичь науки, в прямом смысле «острят» голову, так отвлечённое понятие «вострить разум» обыгрывается как конкретное. У Соловьёва близкой является сцена поглощения башмака возлюбленной, натуралистически иллюстрирующая слова Сорвала «моя любовь требует пищи». Использовал автор и приёмы иноязычных вкраплений, самохарактеристики героя, ситуации «неслышанья» персонажами друг друга, символизацию.

Таким образом, жанр средневековой мистерии был востребован в драматургическом творчестве В.С. Соловьёва. При реализации мистериального содержания автор «Белой Лилии» был ближе традициям русской литургической мистерии. Шуточная составляющая этого произведения восходила в большей степени к поэтике поздней западноевропейской мистерии. Вместе с тем и идейное содержание, и поэтика средневековой мистерии трансформировались в «Белой Лилии» в соответствии с эстетическими и художественными принципами эпохи, философскими и литературными

взглядами автора. Соловьёв выступил экспериментатором в области драматургии, переосмыслившим традиции старого жанра, считающегося на данном временном этапе малопродуктивным и неактуальным.

Литература

- 1. Величко В.Л. Владимир Соловьёв: Жизнь и творения // Книга о Владимире Соловьёве. М., 1991. С. 12–76.
- 2. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюции. М.: Республика, 1997. 431 с.
- 3. *Булгаков С.Н.* Владимир Соловьёв и Анна Шмидт // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 51-82.
- 4. *Юрина Н.Г.* Переосмысление традиций жанров древнерусской литературы в поэзии В.С. Соловьёва // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 135–145.
- 5. *Письма* Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. Э.Л. Радлова. СПб. : Общественная польза, 1909. Т. 2. 369 с.
- 6. *Минц* 3. Γ . Владимир Соловьёв поэт // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 5–56.
- 7. Poднянская U. «Белая Лилия» как образец мистерии-буфф // Вопросы литературы. 2002. № 3. С. 86–102.
- 8. *Шевченко Е.С.* Эстетика балагана в русской драматургии 1900-х 1930-х годов: автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. Самара, 2010. 40 с.
- 9. Одесский М.П. Поэтика русской драмы: вторая половина XVII первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004. 397 с.
 - 10. Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. 352 с.
- 11. Соловьев В.С. Разбор книги г. К. Случевского // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 583–605.
- 12. *Ростовский Д.* Успенская драма. URL: http://static.my-shop.ru/product/pdf/127/1260535.pdf (дата обращения: 01.03.2018).
- 13. $\it HOpuha~H.\Gamma$. История древнерусской литературы. Саранск : Изд-во Мордов. унта, 2010. 228 с.
- 14. Дашевская О.А. «Белая Лилия» Соловьёва как мистерия спасения: к вопросу об истоках «мистериального сюжета» в литературе первой половины XX века // Судьба жанра в литературном процессе / под ред. С.А. Ташлыкова. Иркутск, 2005. С. 62–74.
- 15. Соловьёв В.С. София. URL: http://mirosvet.narod.ru/sol/sof1.htm (дата обращения: 28.07.2016).
- 16. *Королёва Н.В.* Комментарий // Кюхельбекер В.К. Избр. произв. : в 2 т. / гл. ред. В.Н. Орлов. М. ; Л., 1967. Т. 2. С. 730–759.
- 17. *Юрина Н.Г.* Жанровый состав шуточной лирики В.С. Соловьёва // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 1, т. 1: Филология. С. 30–39.
- 18. *Соловьёв В.С.* Лермонтов // Соловьёв В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 274–291.

Transformation of the Traditions of the Medieval Mystery Play in Vladimir Solovyov's $\it The\ White\ Lily$

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 243–59. DOI: 10.17223/19986645/59/15

Natalya G. Yurina, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: makarova-ng@yandex.ru

Keywords: Vladimir Solovyov, dramatic art, poetics, mystery-joke, genre, literary tradition, humor, imagery, composition, theme, motive.

The article analyses the transformation of the traditions of the medieval mystery play in the play *The White Lily* by Vladimir Solovyov. The analysis of the text confirms that Solovyov presented the mystery component of the work in accordance with the tradition of the Russian liturgical mystery ("Christmas Drama" by Dmitry Rostovsky, etc.), quite seriously, without parodying, taking into account the catharsic possibilities of the genre, despite its designation as a "mystery-joke". The buffoon (comic) part of the play goes back to the poetics of the late West European mystery (the French *The Mystery of Saint Martin* with *The Farce of The Miller Whose Soul The Devil Carries To Hell*, etc.).

Traditions of the medieval mystery play are seen in *The White Lily* at the level of the plot, the organization of the figurative system, key motifs, composition, language, and artistic techniques.

In the original version of *The White Lily*, the characters' existence was considered through the prism of the struggle for their souls between the dark and light forces, which was a plot-forming feature for the mystery play as a genre. In the final form, the idea, the system of characters and individual turns of action were determined by the "love" line, but, even after the completion, the mysterious layer associated with the theme of the transforming influence of higher forces on the sinful person remained significant. Plots in the medieval mystery play had a static character, and a mirror-type composition: similar situations yet contrasted in content were depicted. Solovyov's play is also written by the same principles. The key motifs of the work are those of the spiritualization and salvation of man by love, the transformation of the world, the transition from the realm of everyday reality to the world of true values and vice versa, a call from another world. These motifs, characteristic of the liturgical mystery, largely determined the figurative system, the composition of the work and its poetics. The poetics of the mystery play was based on the belief that no single phenomenon of the world exists in isolation, but always in opposition to other phenomena and to oneself.

The structure of the universe was projected on the essence of man. Solovyov always emphasized the unity of the earthly and the heavenly, the beautiful and the ugly, the deeply spiritual and the insignificant, the moral and the immoral in the world and in the human character. The characters of the medieval spiritual drama were conventional figures, bearers of a certain idea, which can also be said about the characters in Solovyov's play.

At the linguistic level, the medieval mystery play, including the Russian one, was characterized by comic multilingualism. The speech of Solovyov's characters also combines "high" and "low" language. It is unpredictable, illogical, abounding with puns based on polysemy, homonymy or phonetic similarity of words. This reflects the "nonsense" and "grotesqueness" of consciousness and is a way to characterize the characters.

In general, we can say that *The White Lily* largely reflects the specific features of the medieval mystery play. At the same time, Solovyov's ideological and creative features were determined by the aesthetic and literary principles of the epoch, by the author's philosophical and literary views, by the desire to combine the high meaning of the Russian liturgical mystery play with the poetics of the late Western European examples of this genre.

References

- 1. Velichko, V.L. (1991) Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvoreniya [Vladimir Solovyov: Life and works]. In: Averina, B. & Bazanova, D. *Kniga o Vladimire Solov'eve* [A book about Vladimir Solovyov]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
- 2. Solov'ev, S.M. (1997) Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya [Vladimir Solovyov: Life and creative evolution]. Moscow: Respublika.
 - 3. Bulgakov, S.N. (1996) *Tikhie dumy* [Quiet thoughts]. Moscow: Respublika. pp. 51–82.
- 4. Yurina, N.G. (2014) Rethinking of old Russian literature genre traditions in the poetic works of V.S. Solovyov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 4 (30). pp. 135–145. (In Russian). DOI: 10.17223/1998645/30/10

- 5. Radlov, E.L. (1909) *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva* [Letters of Vladimir Solovyov]. Vol. 2. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
- 6. Mints, Z.G. (1974) Vladimir Solov'ev poet [Vladimir Solovyov, a poet]. In: Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sov. pisatel'.
- 7. Rodnyanskaya, I. (2002) "Belaya Liliya" kak obrazets misterii-buff ["The White Lily" as a model of a buff mystery play]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 86–102.
- 8. Shevchenko, E.S. (2010) *Estetika balagana v russkoy dramaturgii 1900-kh 1930-kh godov* [Aesthetics of the low farce in the Russian drama of the 1900s–1930s]. Abstract of Philology Dr. Diss. Samara.
- 9. Odesskiy, M.P. (2004) *Poetika russkoy dramy: vtoraya polovina XVIII pervaya tret' XVIII v.* [Poetics of Russian drama: the second half of the seventeenth century the first third of the eighteenth century]. Moscow: RSUH.
- 10. Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sov. pisatel'.
- 11. Solov'ev, V.S. (1991) *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo. pp. 583–605.
- 12. Rostovskiy, D. (2012) *Uspenskaya drama* [Assumption drama]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu. [Online] Available from: http://static.my-shop.ru/product/pdf/127/1260535.pdf. (Accessed: 01.03.2018).
- 13. Yurina, N.G. (2010) *Istoriya drevnerusskoy literatury* [The history of old Russian literature]. Saransk: Mordovia State University.
- 14. Dashevskaya, O.A. (2005) "Belaya Liliya" Solov'eva kak misteriya spaseniya: k voprosu ob istokakh "misterial'nogo syuzheta" v literature pervoy poloviny XX veka ["The White Lily" by Solovyov as a mystery of salvation: on the origins of the "mystery plot" in the literature of the first half of the twentieth century]. In: Tashlykov, S.A. (ed.) *Sud'ba zhanra v literaturnom protsesse* [Fate of the genre in the literary process]. Irkutsk: Irkutsk State University.
- 15. Solov'ev, V.S. (1876) *Sofiya* [Sofia]. [Online] Available from: http://mirosvet.narod.ru/sol/sof1.htm. (Accessed: 28.07.2016).
- 16. Koroleva, N.V. (1967) Kommentariy [Commentary]. In: Kyukhel'beker, V.K. *Izbr. proizv.*: v 2 t. [Selected works: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
- 17. Yurina, N.G. (2014) The genre structure of V.I. Solovyov's facetious lyrics. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 1 (1), pp. 30–39. (In Russian).
- 18. Solov'ev, V.S. (1990) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovremennik, pp. 274–291.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

DOI: 10.17223/19986645/59/16

Н.И. Наумов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА (ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

 $(nубликация Е.Г. Новиковой)^{1}$

Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Архивный фонд. Выпуск 7. Николай Иванович Наумов. Опись архива. Томск, 2008. № 14 (Ф. 2. Оп. 1. Д. 14). Документ № 14 — лист с двумя рукописными текстами Н. И. Наумова, указана предположительная датировка [1881–1882 гг.]: черновые наброски статьи под названием «Из воспоминаний детства (по поводу кончины Ф.М. Достоевского)», текст перечеркнут писателем; начало рассказа «В карауле». «Из воспоминаний детства (по поводу кончины Ф.М. Достоевского)» публикуется впервые.

Текст

 $(\pi.~14)$ Из воспоминаний детства (по поводу кончины $\Phi.М.$ Достоевского)

Мне было 8 лет 2 , когда я услышал в первый раз фамилию Ф.М. Достоевского.

Отец мой, незначительный чиновник³, служил в городе Омске Западной Сибири. Занимаемая нами квартира в одноэтажном деревянном доме выходила окнами на обширную площадь, оканчивающуюся небольшим земляным валом, каким окружена Омская крепость. Домик находился не более как в ста саженях от речки Иртыша, на противоположном берегу которого <*нрзб*> и на горизонте отчетливо вырисовывалось старинное деревянное здание таможни да какая-нибудь одинокая нора байгуш⁴ киргиза. Мимо дома ежедневно проходили небольшие партии так называемых крепостных арестантов, т. е. каторжных, содержащихся в остроге. С участием

 2 Николаю Ивановичу Наумову исполнилось 8 лет в 1846 г., годы жизни — 1838—1901.

⁴ Байгуш – нищий из кочевых инородцев, обнищавший киргиз.

 $^{^1}$ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\18.

 $^{^3}$ Отец Н.И. Наумова Иван Николаевич Наумов в 1843—1846 гг. служил в Омске прокурором.

я привык уже видеть суровые заклейменные лица этих несчастных, одеваемых летом в широкие шаровары и куртки, одна половина которых шилась из <нрзб> Зимою же на них обыкновенно были полушубки с огромными черными тузами на спине. И с детства бессознательно привык сочувствовать положению этих раздавленных жизнью людей. Летом, когда окна от квартиры были раскрыты, старик-отец всегда останавливал эти партии, и из них выходил какой-нибудь арестант, сопровожденный конвойным, подходил к окну, сняв шапку со своей до половины обритой головы, и принимал из рук отца подаяние. С каким любопытством и, вместе, страхом я всматривался из-за спины отца в эти бледные, жалкие, изможденные лица, нередко изуродованные клеймами, как чутко прислушивался к звуку их кандалов. Я знал, что вот это варнаки, прошедшие сквозь тысячи палок или, нередко, стеганные плетьми убийцы.

Naumov N.I. From Childhood Memories (On the death of Fyodor Dostoevsky)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 260–261. DOI: 10.17223/19986645/59/16

Elena G. Novikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/59/17

Рецензия на книгу: Демченков С.А. Последний из великих пророков (библейская профетическая традиция в «Житии» протопопа Аввакума). – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 256 с.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена протопоту Аввакуму — одной из самых ярких и загадочных фигур в истории Древней Руси. Оценки его личности и деятельности крайне противоречивы: пустозерского узника называют и величайшим на Руси еретиком и святым; и дерзким литературным новатором, и последовательным традиционалистом. Ключ к пониманию «мятежного протопопа» как человека и писателя дает главное его творение — автобиографическое «Житие». Изучение идейнофилософской и жанровой специфики этого

памятника в аспекте библейской профетической традиции позволяет сделать вывод, что перед нами не модернизированный агиографический текст, не «первая ласточка» русского реалистического романа и даже не духовное завещание, а... книга пророка, обнаруживающая последовательную ориентацию на ветхо- и новозаветные образцы и осмысляемая Аввакумом как самоотчет вестника Божия об исполнении и порученной ему свыше миссии.

Книга адресована литературоведам, историкам, философам, культурологам и религиоведам, а также всем, кого интересует личность протопопа Аввакума и самобытная русская культура XVII в.

Проблема жанра Жития Аввакума до сих пор остается одной из актуальных в медиевистике, хотя в настоящее время существует значительное количество работ, посвященных изучению жанровой специфики этого памятника. Исследователи рассматривали Житие и как сочинение, которое не вписывается в жанровую парадигму древнерусской литературы, так как содержит зачатки крупных повествовательных форм XIX–XX вв. [1, 2], и, напротив, как сочинение, написанное в традициях русской средневековой словесности. Полижанровый характер Жития позволяет трактовать его как автобиографию [3, 4], «исповедь-проповедь» [5], духовное завещание [6] и

Рецензия 263

как сочинение, принадлежащее к житийной традиции, получившей под пером Аввакума творческое развитие [7], и т.д.

Ценность рецензируемой работы в том, что в ней С.А. Демченков предлагает собственный опыт прочтения названного сочинения — в контексте библейской профетической традиции, формулируя свою позицию на основе детального анализа обширной библиографии, посвященной творчеству Аввакума. Основная, по мнению автора, целевая установка Жития заключается в том, что «свою жизнь и "Житие" Аввакум мыслил пророчеством "конца времен"» (с. 8), она предполагает рассмотрение широкого круга литературоведческих, культурологических и религиоведческих проблем, чем определяется структура данной монографии, состоящей из трех глав: первой — «Пророчество как откровение и как жанр» (с. 13–66), второй — «"Житие" протопопа Аввакума на перекрестье традиций» (с. 67–140), третьей — «Пророчество протопопа Аввакума» (с. 141–213).

В первой главе, выявляя истоки библейского профетизма, автор монографии обращается к вопросу о соотношении двух формально схожих, но нетождественных феноменов – пророчествования и шаманизма. Несмотря на их различие, с точки зрения исследователя, образ библейского проро-ка – результат трансформации образа мифологического героя-первопред-ка» (с. 23). В целом этапы трансформации образа пророка прослеживаются от XV в. до н. э., когда складываются сюжеты преданий о библейских патриархах и живы многие черты мифологического сознания, до финальной стадии, как в книгах Царств и в собственно пророческих творениях (с. 23–27).

Далее в первой главе рассматриваются особенности пророчества как жанра. Рассуждение начинается с весьма важного вопроса о соотношеписьменных vстной основы традиций. С.А. Демченков, пророчество – жанр, изначально зародившийся в русле устной традиции, но с момента зарождения тяготеющий к книжной, так как в нем чрезвычайно сильно личностное начало - особенность, определившая основные черты поэтики жанра (с. 33). К ним исследователь относит следующие: полижанровый характер (с доминантной ролью в его основе проповеди и видения); сочетание повышенной эмоциональности и субъективизма с установкой на достоверность; «раздвоение» авторского «я», т. е. фигура пророка включает два начала: собственно человеческое и пророческое (способность стать глашатаем Всевышнего); тенденция к раскрытию внутреннего мира автора-героя; тенденция к автобиографизму; наличие стандартного зачина и композиционных скреп-обращений; диалогизм (с. 48).

Во второй главе автор акцентирует внимание на функции жанров библейских книг как сакральных образцов, на которые ориентируются средневековые книжники при написании своих сочинений. Это одна из ключевых идей для понимания поэтики Жития протопопа Аввакума, вписывающегося, как уже отмечалось ранее, в парадигму традиционной древнерусской словесности, хотя в нем присутствуют и признаки «слома» поэтики Средневековья.

264 Рецензия

Еще одна важная идея для понимания поэтики Жития и его смысла в целом (непосредственно связанная с первой) – идея средневекового символизма, благодаря которому все явления и каждая вещь в мире воспринимаются человеком эпохи Средневековья как результат творения, несущий в себе отпечаток божественного совершенства. В свете названной идеи в монографии рассматривается конфликт между никонианами и поборниками «старой веры», делается вывод, что, с позиции последних, рациональная цель никоновских реформ – унификация богослужебной практики греческой и русской православных церквей (к чему, например, относится замена двоеперстного знамения троеперстным, написание имени «Иисус» с двумя «и», а не с одним и т.д.), по сути, «расподобление» сакральной символики. Как пишет исследователь, «в итоге, как представлялось ревнителям «старой веры», под личиной православия на Руси грозило установиться нечто худшее, чем язычество. Этим в значительной мере объясняется апокалиптической настрой вдохновителей раскола, "огнепальность" их устных и письменных выступлений, а также готовность большинства из них идти в своей борьбе за веру Христову до последней, смертной черты» (c. 100).

Идея Жития Аввакума как апокалиптического пророчества развивается в третьей главе монографии. В частности, исследователем показано, что Аввакум, подобно пророку Апокалипсиса, выступает с проповедью «конца времен», но в отличие от апокалиптиков он, как и древнееврейские «наби», надеется на благополучную развязку событий, возможную благодаря грандиозному искупительному акту, «который станет триумфальным завершением его пророческой миссии» (с. 164). Стоит отметить, что, анализируя Житие в контексте библейских профетий, С.А. Демченков выявляет в произведении Аввакума синтез жанровых черт ветхо- и новозаветных пророчеств.

В качестве других наиболее интересных наблюдений, сделанных исследователем в данной главе, можно указать на установленную им тройственную структуру образа автора Жития Аввакума, включающего план авторачеловека, героя-пророка, героя-человека (с. 173–176) (в предшествующих работах ученых, например А.Н. Робинсоном, говорилось о двойственной структуре авторского образа протопопа Аввакума в Житии). Эта «триада», по мнению А.С. Демченкова, прослеживается и в ветхозаветных пророчествах. Что весьма любопытно, он рассматривает три этих повествовательных плана в библейской книге пророка Аввакума, образ которого, безусловно, преломляется в Житии протопопа Аввакума [8]. Также определенный интерес представляет и анализ построения сюжета произведения Аввакума, имеющего, помимо биографического, явный символический план. Как показано в исследовании, этот сюжетный план формируется при помощи традиционных приемов агиографии, которые Аввакум использует иначе, чем его предшественники, решая в своем сочинении новые художественные задачи. Так, например, описывая собственную биографию, он, подобно авторам житий святых, соотносит события ключевых этапов своей жизни и земной жизни Христа (воплощение, крещение, распятие и воскресение). С точки зрения древнерусского книжника, сближение событий жизни простого человека (кем, собственно, был автор Жития) и сына Божьего было недопустимой дерзостью, но тем не менее протопоп Аввакум остается в рамках традиции, выстраивая свое повествование, по словам исследователя, без «излишней прямолинейности, лишь пунктирно намечая "параллели" (с жизнью Христа. — T.K.) в узловых точках своей биографии» (с. 204).

Безусловно, С.А. Демченкову удалось в монографии аргументированно доказать свою позицию и продемонстрировать жанровые черты библейских профетий, рассматривая разные уровни организации Жития Аввакума. Но, на наш взгляд, определение исследователем жанра Жития как апокалиптического пророчества несколько категорично. В отличие от библейских пророчеств, в Житии отражается весьма сложное мироощущение его автора: богатая палитра чувств Аввакума не прослеживается ни у одного из писателей русского Средневековья [9] (заметим, что «внутренний» мир библейских пророков также значительно уже и однозначнее, поскольку эти герои представляют собой в повествовании прежде всего «чистую» функцию). Именно богатство, неповторимость мироощущения Аввакума обусловливают широту и разнообразие содержательного и смыслового планов его сочинения, что в конечном счете и позволяет исследователям выявлять разные жанровые составляющие, уникальное сочетание которых характеризует Житие.

Монография А.С. Демченкова представляет собой опыт концептуального осмысления проблем, связанных с исследованием жанра пророчества, а кроме того, добавляет еще одну грань к пониманию авторской поэтики неисчерпаемого произведения Аввакума.

Литература

- 1. *Гусев В.Е.* К вопросу о жанре Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М. ; Л., 1958. Т. 15. С. 192–202.
 - 2. Кожинов В.В. Происхождение романа. М., 1963. С. 228.
- 3. Гудзий Н.К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934. С.7–59.
- 4. Zenkovsky S.A. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1956. Jrg. 1. H. 3. S. 286–289.
- 5. *Робинсон А.Н.* Исповедь-проповедь: о художественности «Жития» Аввакума // Историко-филологические исследования : сб. ст. к 75-летию акад. Н.И. Конрада. М., 1967. С. 358–370.
- 6. *Понырко Н.В.* Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. М. ; Л. 1985. Т. 39. С. 379–387.
- 7. Демкова Н.С. О жанровой ориентации автобиографических «Житий» протопопа Аввакума и инока Епифания // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 67–80.
- 8. *Климова М.Н.* Из агиографических комментариев к Житию протопопа Аввакума («чудо в Андроньевом монастыре» и Житие протопопа Аввакума) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 36–41.
 - 9. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 157.

266 Рецензия

Book Review: Demchenkov, S.A. (2018) Posledniy iz Velikikh Prorokov (Bibleyskaya Profeticheskaya Traditsiya v "Zhitii" Protopopa Avvakuma) [The Last of the Great Prophets (Biblical Prophetic Tradition in The Life of the Archpriest Avvakum, by Himself]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 59. 262–267. DOI: 10.17223/19986645/59/16

Tatiana I. Kovaleva, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tkvl@inbox.ru

This monograph is devoted to protopope Avvakum who was the one of the brightest and mysterious figures in the history of Old Russia. Assessments of his personality and activity are contradictory: the Pustozersk prisoner Avvakum is called the greatest heretic and a saint, a literary innovator and a consistent traditionalist. The key to the understanding of the "rebellious protopope" as a person and a writer is his main writing, that is *The Life of the Archpriest Avvakum, by Himself.* The investigation of the concept, philosophical and genre specifics of this monument in the aspect of the biblical prophetic tradition demonstrates that *The Life of the Archpriest Avvakum* is not a modernized hagiographic text, not the first Russian realistic novel and not a Spiritual Testament, but a prophet book that is written according to the model of the Old and the New Testaments. Avvakum interprets his own life as a self-report on the execution of the mission assigned to him by God.

The monograph is intended for literary scholars, historians, philosophers, culturologists, religion scholars and those interested in the figure of protopope Avvakum and the original Russian culture of the 17th century.

References

- 1. Gusev, V.E. (1958) K voprosu o zhanre Zhitiya protopopa Avvakuma [On the genre of "The Life of the Archpriest Avvakum"]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 15. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- 2. Kozhinov, V.V. (1963) *Proiskhozhdenie romana* [The origin of the novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
- 3. Gudziy, N.K. (1934) Protopop Avvakum kak pisatel' i kak kul'turno-istoricheskoe yavlenie [Protopope Avvakum as a writer and as a cultural-historical phenomenon]. In: Gudziy, N.K. (ed.) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* ["The Life of the Archpriest Avvakum, by Himself', and his other works]. Moscow: Academia.
- 4. Zenkovsky, S.A. (1956) Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie. *Die Welt der Slaven*. Wiesbaden, Jrg. 1. H. 3. pp. 286–289.
- 5. Robinson, A.N. (1967) Ispoved'-propoved': o khudozhestvennosti "Zhitiya" Avvakuma [Confession-preaching: on the artistry of "The Life of the Archpriest Avvakum"]. In: Khrapchenko, M.B. (ed.) *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: sb. st. k 75-letiyu akad. N.I. Konrada* [Historical and philological studies: collection of articles to the 75th anniversary of Academician N.I. Konrad]. Moscow: Nauka.
- 6. Ponyrko, N.V. (1985) Zhitie protopopa Avvakuma kak dukhovnoe zaveshchanie ["The Life of the Archpriest Avvakum" as a spiritual testament]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 39. Moscow; Leningrad: Nauka.
- 7. Demkova, N.S. (2008) O zhanrovoy orientatsii avtobiograficheskikh "Zhitiy" protopopa Avvakuma i inoka Epifaniya [On the genre of the autobiographical "Lives" of protopope Avvakum and the monk Epiphanius]. In: Pokrovskiy, N.N. & Silantiev, I.V. (eds) *Poetika russkoy literatury v istoriko-kul'turnom kontekste* [Poetics of Russian literature in a historical and cultural context]. Novosibirsk: Nauka.

- 8. Klimova, M.N. (2012) Iz agiograficheskikh kommentariev k Zhitiyu protopopa Avvakuma ("chudo v Andron'evom monastyre" i Zhitie protopopa Avvakuma) [From the hagiographic commentaries on "The Life of the Archpriest Avvakum" ("the miracle in the Androniev Monastery" and "The Life of the Archpriest Avvakum")]. Sibirskiy filologicheskiy zhurnal Siberian Journal of Philology. 2. pp. 36–41.
- 9. Likhachev, D.S. (1958) *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the literature of ancient Russia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРИНА Анна Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры германской филологии Московского государственного областного университета.

E-mail: Anna.averina@list.ru

БОДНАРУК Елена Владимировна – д-р филол. наук, зав. кафедрой немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

E-mail: bodnaruk@rambler.ru / e.bodnaruk@narfu.ru

ВЕНДИНА Татьяна Ивановна – д-р филол. наук, руководитель Центра ареальной лингвистики Институга славяноведения Российской академии наук (г. Москва). E-mail: vendit@rambler.ru

КАЛАШНИКОВА Анна Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории и теории литературы и фольклора Кемеровского государственного университета. E-mail: anna.kalashnikova.42@gmail.com

КОВАЛЕВА Татьяна Ивановна - канд. филол. наук, науч. сотр. сектора литературоведения Институга филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: tkvl@inbox.ru

КУЛИКОВА Елена Юрьевна - д-р филол. наук, вед. науч. сотр. сектора литературоведения Институга филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: kulis@mail.ru

ЛАБКО Валерия Александровна - аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: lera.labko@gmail.com

ЛАРИОНОВА Марина Владимировна - канд. филол. наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений. E-mail: larionova.m@list.ru.

МОЛОДЫЧЕНКО Евгений Николаевич - канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: e.molodychenko@gmail.com

МОРОЗОВ Евгений Александрович - канд. филол. наук, доцент кафедры романогерманской филологии и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

E-mail: buddenbroki@mail.ru

НОВИКОВА Елена Георгиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: elennov@mail.ru

НОВИЦКАЯ Ирина Владимировна – д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии Томского государственного университета.

E-mail: irno2012@yandex.ru

ПОПЛАВСКАЯ Ирина Анатольевна — д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: poplavskaj@rambler.ru

ПРОХОРОВА Татьяна Геннадьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: tatprohororova@yandex.ru

СЛИВЧИКОВА Юлия Владимировна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений

E-mail: aurora85@bk.ru.

СУХАНОВА Софья Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славянорусского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: suhanova sofya@mail.ru

УРАЗАЕВА Наиля Радифовна — канд. филол. наук, доцент кафедры романогерманской филологии и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

E-mail: nailja-urasaewa@yandex.ru

ЦЫПИЛЁВА Полина Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры романских языков Томского государственного университета.

E-mail: anilopa87@mail.ru

ЦЗИНЬ Тао – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (г. Москва).

E-mail: jintao-m@yandex.ru

ЧЕРНЮХ Богдан Васильевич — д-р филол. наук, зав. кафедрой классической филологии Львовского национального университета им. Ивана Франко (Украина).

E-mail: cherboh@gmail.com

ЮРИНА Наталья Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск).

E-mail: makarova-ng@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс — 44041 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несёт автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2019. № 59

Редактор Т.В. Зелева Редактор-переводчик В.В. Кашпур Оригинал-макет А.И. Лелоюр Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.06.2019 г. Формат $70\times100^{-1}/_{16}$. Печ. л. 17; усл. печ. л. 22,1. Цена свободная. Тираж 50 экз. Заказ № .

Дата выхода в свет 4 июля 2019 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49 http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru